

Джон
Пайпер

Жаждающие Бога

Размышления
христианского
гедониста

Перевод с английского

Предисловие

Спустя десять лет

Существует такое счастье и чудо,
которое делает вас серьезными.

К. С. Льюис. Последняя битва

Вы держите в руках книгу, в которой обстоятельным образом исследуется вопрос нашего счастья в Боге. Эта книга о счастье, потому что именно к этому нас призывает Творец в псалмах: «Утешайся Господом» (Пс. 36:4) И она написана как можно обстоятельнее, поскольку, по словам Джереми Тейлора, «Бог сурово накажет нас, если мы не будем счастливы».

В этой книге речь идет о личностях: *Иисусе Христе*, Который «вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест»; *святом Павле*, который «имел жало во плоти», но всегда радовался; *Джонатане Эдвардсе*, который глубоко наслаждался Божьим суверенитетом; *Клайве С. Льюисе*, который говорил, что Господь «видит наши желания не слишком сильными, а, напротив, слишком слабыми», и обо всех *миссионерах*, которые оставили все ради Христа, а в конце своей жизни говорили, что никогда не жертвовали собой.

С 1986 г., когда впервые была издана моя книга «Жаждающие Бога», минуло уже десять лет. Истина частично проверяется по тому, сохраняет ли она в течение длительного времени свое влияние в самых разнообразных ситуациях. А что можно сказать об этой книге? После первого издания я постарел на десять лет, и теперь мне уже пятьдесят. Моему браку уже двадцать семь лет, а моему служению в качестве пастора баптистской церкви «Вифлеем» — шестнадцать. Моему старшему сыну исполнилось двадцать три года, он женился. Карстен и Бенджамин больше уже не подростки, а Эйбрахам и Барнаби находятся в переходном возрасте. В 1986 г. у нас с Ноуэл не было ни одной дочери. Теперь у нас есть Талифа Рут, которую мы удочерили в декабре 1995 г., когда ей было девять недель.

Словом, жизнь изменилась. Однако я по-прежнему работаю над этой книгой, поскольку в ней заключается вся моя жизнь. Самым волнующим и драгоценным для моего разума и сердца я все еще считаю то, что *Бог более всего прославляется во мне, когда я нахожусь удовлетворение в Нем*. Это поддерживает меня уже полжизни и, не сомневаюсь, приведет в Отчий дом.

В новое издание я добавил главу «Страдание. Жертвоприношение христианского гедонизма». Причина этого кроется частично в биографических, а частично в библейских предпосылках. Я прожил самые трудные десять лет своей жизни. Мы поняли, что в середине супружеской жизни всем суждено пройти через серьезные испытания. Мы прошли через них. Однако мы не преуменьшаем значение тех тревог, которые пережили в течение этих лет. Мы не стыдились просить помощи, и Бог был благ к нам. На пороге шестого десятка собственной жизни и четвертого десятка супружеской жизни мы значительно окрепли, и наша любовь стала еще глубже.

Еще в одном «браке» моей жизни — служении в баптистской церкви «Вифлеем» — я страдал и радовался попеременно. Может ли такое духовное опустошение и такое счастье существовать в одной церкви, и в сердце одного человека одновременно? Думаю, что может. Апостол Павел, имея в виду реалии пасторского служения, сказал: «Нас огорчают, а мы *всегда радуемся*» (2 Кор. 6:10). Если у пасторов не будет радости, они не смогут заботиться о своей пастве (Евр. 13:17). Благодарю Господа за то, что Он оберегал меня в течение шестнадцати лет. Истина, изложенная в этой книге, — это Его богатство.

Библия учит, что нам предстоит страдать, чтобы Царство Божье распространялось в этом мире, и я не мог избежать этого. «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14:22). Но посредством наших страданий и другие люди могут войти в это царство. «Посему я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение» (2 Тим. 2:10). «Я... соделаюсь жертвою за жертву и служение веры вашей» (Флп. 2:17). «Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения и спасения» (2 Кор. 1:6). Сегодня, на пороге третьего тысячелетия, я, как никогда прежде, осознаю, что спасительный замысел Божий для этого мира восторжествует только через страдания, перенесенные в любви. Десятая глава была добавлена для того, чтобы горячо призвать всех христиан встать на голгофский путь,

по которому однажды прошел Иисус, «ради предлежавшей нам радости».

В течение десяти лет, прошедших с первого издания этой книги, я перепроверял написанное и проверял главные ее постулаты, прилагая к разнообразным аспектам жизни, служения и природы Бога. Чем дольше я занимался этим, тем сильнее убеждался в том, что эта книга приобретает все большее значение. Вы сами можете проверить это на примере природы Бога (*The Pleasures of God*, Multnomah, 1991), опасности и радости проповедования (*The Supremacy of God in Preaching*, Baker Book House, 1990), влияния и цены всемирного благовестия (*Let the Nations Be Glad*, Baker Book House, 1993), значения брака (*What's the Difference*, Crossway Books, 1990) и ежедневной битвы с неверием и грехом (*The Purifying Power of Living by Faith in FUTURE GRACE*, Multnomah, 1995). Чем больше я размышлял, служил и жил, тем больше вопросов, связанных с замыслом Божиим и нашей жизнью, включалось мною в эту книгу.

Старая, я все сильнее убеждаюсь в том, что отрывок из Книги Неемии чрезвычайно важен для ответа на вопрос, как мы живем и как умираем: «Радость пред Господом — подкрепление для вас» (Неем. 8:10). Когда мы стареем и теряем жизненные силы, нам нужно обращаться к пуританскому пастору Ричарду Бакстеру (умер в 1691 г.), чтобы удвоить наши усилия в поиске духовной радости. Прислушаемся к его молитве: «Да соделает живой Бог, удел и покой всех святых, наш плотский разум духовным, а каменное сердце плотным, дабы любовь к Нему и *радость в Нем были делом нашей жизни*»¹. Если радость в Боге становится делом нашей жизни (это я и называю христианским гедонизмом), тогда мы находим силы для служения любви до самого конца.

Пакер объясняет, как этот принцип действовал в жизни Бакстера: «Надежда на воскресение укрепляла его радость, а радость придавала сил, и поэтому, подобно Жану Кальвину до него и Джорджу Уайтфилду после него (два самых ярких примера), а возможно и самому апостолу Павлу... он, к крайнему удивлению, продолжал работать и сделал гораздо больше того, что можно было сделать за всю жизнь»².

Поиск радости в Боге не только подкрепляет нас, он также разрушает власть греха в нашей христианской жизни. Мэтью Генри, еще один пуританский пастор, писал: «Радость в Господе вооружает нас против атак наших духовных врагов и защищает

от тех удовольствий, при помощи которых искуситель заманивает нас в свои сети»³.

Защита «от тех удовольствий, при помощи которых искуситель заманивает нас в свои сети», — это дело всей нашей жизни. Я не знаю другого способа одержать победу над грехом, укоренившимся в нашем сердце, кроме как почувствовать отвращение к нему, поскольку только в Боге мы можем получить полное удовлетворение. Одна из причин популярности, которой пользуется эта книга спустя десять лет, заключается в том, что истина, изложенная в ней, не может измениться. Ведь подлинное удовлетворение не может быть где-то еще, кроме как в Боге. Человеческое сердце не может не быть источником злых желаний. Грех силен и убийственно притягателен. Перед нами стоит все тот же вопрос: из какого источника мы пьем? С кем мы пируем? Поэтому тема книги «Жаждающие Бога» по-прежнему актуальна: мы должны наслаждаться Богом.

Я в самом деле был счастлив, трудясь над этой книгой. И я благодарен многим людям.

Стив Холидей с самого начала был уверен в успехе этой книги. На протяжении всех этих лет он оставался моим верным другом и помощником в подготовке нового издания.

Едва ли не на все, что я сделал, оказал влияние Даныел Фуллер. Именно на его занятиях в 1968 г. были сделаны первые шаги в написании этой книги. Я был бы счастлив рассматривать свою книгу в качестве объяснения и практического применения принципов, изложенных в его труде «Unity of the Bible» (Zondervan, 1992). Даныел Фуллер по-прежнему остается моим другом и учителем.

Мой друг, помощник и соучастник в деле Христовом, Джон Блум, в 1995 г. помог мне в исправлении предыдущего издания. Его стремление к тому, чтобы владычество Бога проявлялось во всех сферах жизни, отражено на страницах этой книги и было драгоценным источником, из которого я и по сей день черпаю свои силы.

Кэрол Штейнбах спустя десять лет снова изъявила желание взяться за библейский и предметно-именной указатели и очень внимательно просмотрела всю книгу. Я не считаю нашу преданную дружбу чем-то само собой разумеющимся.

Восьмая глава обязана своим появлением моей жене Ноуэл. Первые семнадцать лет нашей супружеской жизни в точности совпали с периодом созревания этой книги. А последующие

десять лет в браке подтвердили все ее достоинства. Наш брак в самом деле можно назвать «матрицей христианского гедонизма». Тайна отражения в нашей жизни Христа и церкви — это неистощимый источник надежды на то, что наша радость в священной радости других людей будет объединять нас до конца жизни.

Та церковь, которую я люблю и которой служу, познакомилась с этой книгой через мои проповеди еще в 1983 г. Наше сотрудничество с пресвитерами и служителями церкви было неоценимым. Конечно же, с тех пор размер этой книги значительно увеличился. И все же эта книга нуждается в дополнительной главе, которая бы называлась «Сообщество христианского гедонизма». Пусть Святой Дух сам напишет ее на скрижалях наших сердец.

Наконец, мне хочется сказать несколько слов своему отцу. Посвящение к этой книге, написанное в 1986 г., остается неизменным и спустя десять лет. Мне припоминается, как много смеялась моя мать, иногда до слез. Она была очень счастливой женщиной. Но особенно она была рада, когда ты после двух-, трех- или даже четырехнедельного отсутствия приходил домой в понедельник. Утром в понедельник она вся светилась, ожидая твоего возвращения.

За обеденным столом тем вечером (на моей памяти, это было самое счастливое время) мы услышали о победе Евангелия. По мере своего взросления я видел все больше и больше ран. Но ты не говорил мне о многих из них, пока я не стал взрослым и не научился радоваться им. Какие веселые были те обеды по понедельникам! Как было хорошо, когда ты бывал дома!

*Джон Пайпер,
декабрь 1995 г.,
Миннеаполис, Миннесота*

Как я стал христианским гедонистом

Вы можете поставить мир с ног на голову, изменив всего лишь слово в вашем кредо. В древнем исповедании веры говорится:

Основное предназначение человека — прославлять Бога

И

вечно радоваться в Нем.

«И»? Как яичница с ветчиной? Иногда вы прославляете Бога *и* иногда радуетесь в Нем? Иногда вы получаете славу и иногда — радость? «И» — очень двусмысленное слово! Так как же два этих слова — «прославлять» и «радоваться» — соотносятся друг с другом?

Древние богословы, очевидно, вовсе не считали, что говорят в данном случае о двух разных вещах. Они сказали «основное предназначение», а не «основные предназначения». По их мнению, прославление Бога и радость в Нем были одним предназначением, а не двумя. Но как это может быть?

Именно об этом моя книга.

Не то чтобы меня слишком беспокоили намерения богословов XVII в. Но меня сильно беспокоит Божий замысел, изложенный в Писании. Что Бог говорит об основном предназначении человека? Как Бог учит нас воздавать Ему славу? Заповедует ли Он наслаждаться в Нем? И если заповедует, то каким образом поиск наслаждения в Боге соотносится со всем остальным? Именно со всем остальным! «Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию».

Главная цель этой книги — доказать, что во всей нашей жизни мы должны прославлять Бога так, как Он заповедал нам. На протяжении всей книги я буду стараться убедить вас, что

*основное предназначение человека — прославлять Бога
ЧЕРЕЗ
вечную радость в Нем.*

Как я стал христианским гедонистом

Пока я был в колледже, то имел смутное и распространенное убеждение, что если я делаю что-либо хорошее и благое только из-за того, что это приносит мне счастье, то я поступаю безнравственно.

Я понял, что суть нравственных поступков была принижена мною до уровня личного желания доставить удовольствие себе самому. В то время покупка мороженого в студенческом центре ради удовольствия вовсе не беспокоила меня, поскольку нравственные последствия подобного шага казались незначительными. Если бы я руководствовался желанием получить счастье или удовольствие в христианском служении или посещая церковь, то это, как я считал, было бы эгоистичным, прагматичным и корыстным.

Это действительно стало моей проблемой, поскольку я не мог сформулировать какую-либо иную, подходящую для меня побудительную причину. Я чувствовал огромное желание быть счастливым, но когда дело доходило до нравственного поступка, я убеждал себя, что свои побуждения лучше отставить в сторону.

Самое большое разочарование я испытывал в богослужении и поклонении. Я руководствовался туманным принципом, суть которого состояла в том, что чем важнее была моя деятельность, тем меньше во мне должно было быть своекорыстия. Это побуждало меня видеть в богослужении исключительно свои обязанности. Я присутствовал на богослужении по долгу, а не по сердцу.

Вот тут-то я и стал христианским гедонистом. В течение каких-то недель я пришел к убеждению, что пытаться служить Богу по какой-либо иной причине, кроме той, чтобы обрести в Нем наслаждение, — это небиблейская и даже самонадежная практика. (Не упускайте из виду эти слова: В НЕМ. Не в Его благах, а в Нем. Не в себе, а в Нем.) Попробую описать по порядку те озарения, которые привели меня к христианскому гедонизму. Со временем, надеюсь, станет ясно, что я подразумеваю под этой довольно странной фразой.

1. В течение первой четверти своей учебы в семинарии я познакомился как с доводом в пользу христианского гедонизма, так и с его главным представителем и популяризатором, Блезом Паскалем. Он писал:

Все люди ищут счастья. Все без исключения. Какие бы средства для достижения этого они ни использовали, все они стремятся к нему. То, что заставляет одних воевать за счастье, а других уклоняться от этого, — это одно и то же желание, связанное с различными мировоззрениями. Воля никогда не сделает лишь небольшой шаг к этой цели. Поиск счастья мотивированы все наши поступки, не исключая даже тех, кто совершает самоубийство⁴.

Это утверждение настолько соответствовало моим собственным желаниям и всему тому, что я видел в других людях, что я без колебаний принял его и уже никогда не находил повода сомневаться в нем. Более всего меня поразило то, что Паскаль не делал никакого нравственного суждения в отношении выявленного им факта. По его мнению, поиск собственного счастья не греховен; это некий элемент человеческой природы. Это закон человеческого сердца, точно так же как притяжение — закон природы.

Эта мысль имела для меня огромное значение, она открыла дверь для следующего озарения.

2. В колледже у меня возник интерес к работам К. С. Льюиса. Пока не стало слишком поздно, я купил его проповедь «Ценность славы». Первая страница этой проповеди оказала

на меня такое огромное влияние, какого не оказывала никакая другая книга. Проповедь начинается так:

Если вы спросите двадцать добропорядочных людей о самом высшем благе, девятнадцать из них ответят вам, что это бескорыстие. Если же вы спросили бы о том же самом великих христиан ушедшей эпохи, почти каждый из них ответил бы вам, что это любовь. Понимаете, что произошло? Негативное понятие заменило собой позитивное, и значение такой замены лежит не только в филологической области. В негативном идеале бескорыстия предполагается прежде всего не защита блага других, а отказ пользоваться благами самому, как будто бы наше воздержание более важно, чем счастье других. Я не вижу в этом христианской добродетели любви. Новый Завет достаточно говорит о самоотречении. Однако библейское самоотречение не замыкается на себе самом. Нам предлагают отречься от самих себя и взять крест, чтобы следовать за Христом; и почти каждое описание того, что мы в конечном счете обретаем, если сделаем это, содержит призыв возжелать.

Если в каком-либо уме затаилось убеждение, что дурно желать себе добра и искренне надеяться на удовлетворение, я отвечаю, что это убеждение вкралось туда из философии Канта и стоиков и не имеет ничего общего с христианской верой. Действительно, если мы рассмотрим откровенные обетования вознаграждения и поразительную суть вознаграждений, данных нам в Евангелии, станет ясно, что наш Господь называет наше желание слишком слабым, а не слишком сильным. Мы нерешительны и поэтому играем с алкоголем, сексом и амбициями, в то время как нам предлагается вечная радость. В этом мы подобны невежественному ребенку, продолжающему лепить в трущобах пирожки из грязи, потому что он не может представить себе поездку к морю, которую ему предлагают. Нам слишком трудно угодить⁵.

Это было написано черным по белому и полностью захватило меня: желать себе добра вовсе не дурно! На самом деле главная проблема людей заключается в том, что им очень сложно угодить. Они не ищут удовольствие с той решительностью и пылкостью, с какой должны делать это. Поэтому они довольствуются аппетитным пирогом из грязи, вместо безграничной радости.

В своей жизни я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь христианин, даже обладающий всеми достоинствами Льюиса, говорил, что мы не только ищем своего счастья (как сказал Паскаль), но и *должны* искать его. Наша ошибка не в силе нашего желания счастья, а в его слабости.

3. Третье открытие я нашел в проповеди Льюиса, но Паскаль выражает его яснее. Он говорит:

В человеке когда-то было истинное счастье, от которого сейчас остался лишь пустой знак, неясный след. Человек тщетно пытается наполнить этот знак тем, что его окружает, стремясь найти в отсутствующем ту помощь, которую он не получает в настоящем. Однако всего этого недостаточно, потому что бездонная пропасть может быть наполнена только безграничным и неизменным, то есть, собственно говоря, самим Богом⁶.

Оглядываясь сейчас назад, я понимаю это так отчетливо, что не знаю, как я мог когда-то упускать это из виду. Все предыдущие годы я пытался сдерживать глубокое желание счастья, так чтобы прославлять Бога, исходя из некоего «высшего», бескорыстного побуждения. Но теперь во мне стало пробуждаться понимание, что такая настойчивая и несомненная жажда счастья не должна подавляться. Ее нужно было насытить Богом! Все менее и менее странным для меня стало казаться то, что наше поклонение должно быть мотивировано исключительно счастьем, которое мы находим в Боге.

4. Следующее открытие я вновь обнаружил у Льюиса, на этот раз в его книге «Размышления над псалмами». Девятая глава этой книги имеет такое скромное название: «Слово о поклонении». Для меня оно воистину стало *словом* о поклонении — самым лучшим словом о сути поклонения, которое я когда-либо читал.

Льюис пишет, что в самом начале его христианского пути камнем преткновения для него было требование прославлять Бога, которое то и дело встречается в псалмах. Он не видел в этом какого-либо смысла; ему казалось, что Бог желает «нашего поклонения точно так же, как тщеславная женщина

комплиментов». Он развивает свою мысль, указывая на свою ошибку:

Самый очевидный факт о поклонении — будь то Богу или кому-нибудь другому — каким-то странным образом ускользал от моего внимания. Я вкладывал в поклонение смысл, присущий комплименту, одобрению или чествованию. И никогда не замечал, что всякая радость, всякое наслаждение произвольно перетекают в хвалу... Хвала разносится по миру — любовники превозносят своих любовниц, читатели — своих любимых поэтов, любители прогулок — сельскую местность, игроки — любимую игру...

Моя самая главная ошибка в отношении поклонения Богу покоилась на нелепом, если говорить о высшей ценности, отказе себе в том, что доставляет удовольствие и что мы действительно не можем не делать, — отказе во всем том, что мы ценим.

Думаю, нам доставляет наслаждение превозносить то, что нас радует, потому что хвала не просто выражает радость, но и дополняет, завершает ее; это ее заранее условленное завершение⁷.

Это стало кульминацией проявившегося во мне гедонизма. Прославление Бога — высшее и вечное призвание человечества — содержало в себе не отречение от всего того, что я желал, а скорее завершение этого. Мои ранние попытки добиться такого служения Богу, которое бы исключало всякий личный интерес, доказали их внутреннюю противоречивость. Богослужение — это в первую очередь прославление. А прославляем мы только то, что доставляет нам радость. Не бывает грустного прославления или несчастливой хвалы.

Тех, кто пытается прославлять что-то, не находя в этом никакого наслаждения, мы называем лицемерами. Тот факт, что хвала — это логическое завершение наслаждения и что высшее предназначение человека — до конца вкусить это наслаждение, был, возможно, самым освобождающим открытием, какое я когда-либо делал.

5. Затем я обратился к псалмам и обнаружил, что язык гедонизма пронизывает их буквально повсюду. Поиск наслаж-

дения был не только допустимым, но и прямо декларировался как заповедь: «Утешайся Господом, и Он исполнит желание сердца твоего» (Пс. 36:4).

Псалмопевец стремится к Богу: «Как лань жаждет к потокам воды, так жаждет душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие!» (Пс. 41:2,3). «Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» (Пс. 62:2). Мотив жажды имеет свой аналог, доставляющий наслаждение, когда псалмопевец говорит, что люди «насыщаются от тука дома Твоего, и из потока сладостей Твоих Ты напоешь их» (Пс. 35:9).

Мне открылось, что Божья благодать, представляющая собой настоящую основу для поклонения, это не то, к чему мы уважительно относимся на основании какого-либо равнодушного почтения. Нет, мы должны получать наслаждение от этой благодати: «Вкусите, и увидите, как благ Господь!» (Пс. 33:9). «Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим» (Пс. 118:103).

Льюис говорит, что Бог в псалмах предстает перед нами как «Тот, Кто удовлетворяет все». Его народ не стыдится возвеличивать Его за «огромную радость», которую он имеет в Нем (Пс. 42:4). Он — источник полной и безграничной радости: «Полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек» (Пс. 15:11).

Такова краткая история того, как я стал христианским гедонистом. Я размышлял об этом в течение порядка двадцати восьми лет, в результате чего возникла философия, которая затрагивает фактически все стороны моей жизни. Я верю, что она покоится на библейском основании, удовлетворяя наиболее глубочайшие желания моего сердца и прославляя Бога и Отца нашего Господа Иисуса Христа. Я написал эту книгу для того, чтобы вручить результаты моих поисков тем, кто выслушает меня.

У людей, слышащих мои объяснения сути христианского гедонизма, возникает множество возражений. Я все же надеюсь, что в этой книге будут даны ответы на самые серьезные вопросы. Возможно, правда, я смогу снять остроту дальнейшего противодействия, сделав несколько предварительных и разъяснительных замечаний.

Во-первых, в моем понимании выражения «христианский гедонизм» Бог не становится средством для получения мирских удовольствий. То наслаждение, к которому стремится христианский гедонизм, находится в Самом Боге. Он — завершение наших поисков, а не средство для достижения иных результатов. Наша глубочайшая радость находится в Нем, в нашем Господе, а не в золотых горах, встрече родственников или каком-либо благе небес. Христианский гедонизм не сводит Бога к некоей отмычке, открывающий сундук со золотом и серебром. Он, наоборот, стремится к преображению сердца, чтобы исполнились слова: «И будет Вседержитель твоим золотом и блестящим серебром у тебя» (Иов. 22:25).

Во-вторых, христианский гедонизм не творит ради удовольствия «божка». Он утверждает, что человек уже сотворил себе бога из всего того, в чем он нашел для себя удовольствие. Цель христианского гедонизма — найти наибольшее наслаждение только в Боге, избегая тем самым греха любостяжания, алчности, что приравнивается к идолопоклонству (Кол. 3:5).

В-третьих, христианский гедонизм не ставит нас выше Бога, когда мы стремимся к Нему из наших личных интересов. Пациент не выше своего доктора. Это будет разъяснено дополнительно в третьей главе.

В-четвертых, христианский гедонизм — это не «общая теория *нравственного оправдания*»*. Иными словами, я нигде не утверждаю, что действие правильно только потому, что приносит наслаждение. Моя задача не заключается в том, чтобы решать, что хорошо, а что нет, используя в качестве нравственного критерия радость. Я стремлюсь откровенно

признать поразительный, но в большинстве своем забытый факт, что важность радости — это нравственная обязанность во всяком истинном поклонении и добродетельном шаге. Я не утверждаю, что любовь к Богу потому благодетельна, что она несет с собой радость. Я лишь показываю, что Бог предписывает нам искать радость в любви к Богу: «Утешайся Господом» (Пс. 36:4). И я не говорю, что любовь к людям потому добродетельна, что приносит наслаждение. Я утверждаю, что Бог заповедует нам искать радость в любви к людям. Ибо написано: «Благотворитель ли, благотвори с радушием» (Рим. 12:8)⁹.

Мой подход к Библии основан не на теории гедонизма о нравственном оправдании. Наоборот, именно в Библии я нахожу божественное повеление искать наслаждение, т. е. оставить дешевые, неплодоносные, кратковременные, не приносящие удовлетворения, разрушающие личность и принижающие Бога удовольствия мира сего и продать все «с радостью» (Мф. 13:44), чтобы обрести Царство Небесное и тем самым войти «в радость нашего Господина» (Мф. 25:21,23). Если говорить коротко — я придерживаюсь христианского гедонизма не по каким-либо философским или теоретическим причинам, а потому что это заповедует Бог (хотя, разумеется, он не заповедует вам называться именно этим словом!).

В-пятых, я не утверждаю, что связь между любовью и счастьем подчиняется такому правилу: «Истинное счастье требует любви». Это излишнее упрощение, упускающее из виду главный и определяющий принцип. Отличительной чертой христианского гедонизма является не утверждение, что поиск наслаждения требует добродетели, а, наоборот, что добродетель состоит (преимущественно, но не только) в поиске наслаждения.

Причина, по которой я пришел к такому убеждению, заключается в том, что я предстаю здесь не в качестве философа-гедониста, а как библейский богослов и пастор, который должен находиться в согласии с божественными заповедями:

- «любить дела милосердия» (а не просто их делать, Мих. 6:8);
- «благодарить *срадушием*» (Рим. 12:8);
- принять «*с радостью*» расхищение имущества, находясь в страдании в узах (Евр. 10:34);
- *доброхотно* давать (2 Кор. 9:7);
- делать *нашу радость* радостью других (2 Кор. 2:3);
- пасти Божье стадо охотно и *с усердием* (1 Пет. 5:2);
- неусыпно печься о душах «*срадостью*» (Евр. 13:17).

Если вы будете долго размышлять об этих поразительных заповедях, вас ошеломит их нравственное применение. Христианский гедонизм старается очень серьезно подходить к божественным заповедям. Жизнь в результате этого резко меняется, так как поиск истинной добродетели включает в себя поиск радости, ибо радость — это существенный компонент всякой истинной добродетели. И это очень сильно отличается от того, когда говорят: «Все то хорошо, что приносит нам счастье».

В-шестых, христианский гедонизм не искажает историческую веру реформатских катехизисов. Именно за это «искажение» христианский гедонизм подвергся критике Ричардом Моу. В своей книге «Бог, дающий заповеди» он пишет:

Пайпер может изменить первый ответ в Вестминстерском кратком катехизисе и, вместо слов «прославлять Бога и вечно радоваться в Нем», поставить слова: «прославлять Бога через вечную радость в Нем», чтобы подогнать под свои гедонистские цели. Но как изменить первые слова Гейдельбергского катехизиса: «Мое единственное утешение в том, что плотью и духом, в жизни и смерти, я, раб Божий, не принадлежу самому себе, но истинному Спасителю нашему, Иисусу Христу»?¹⁰

Не стоит изменять начало Гейдельбергского катехизиса ради гедонистских целей не потому, что я не могу этого сделать, а потому, что я не хочу этого делать. Оно уже подстраивает весь катехизис под человеческое желание «утешения». Первый вопрос звучит так: «В чем ваше единственное *утешение* в жизни и смерти?» Критики христианского гедонизма

настойчиво вопрошают: «Разве создатели катехизиса четырехсотлетней давности написали все 129 вопросов только для того, чтобы объяснить один: „В чем ваше единственное утешение“?»

Весьма знаменательно также то внимание «счастью», которое очевидным образом уделяется во втором вопросе катехизиса, представляющем собой схему всего катехизиса. Он звучит так: «Что вам необходимо знать, чтобы *счастливо (seliglich)* жить и умереть в этом *утешении (Trost)*?» Тем самым всеобъемлющая тема «утешения» проясняется, по сути, как «счастье». Поэтому весь катехизис отвечает на этот вопрос: как жить и умереть *счастливо*.

Ответ на второй вопрос катехизиса звучит так: «Во-первых, как велики мои грехи и глубоко мое падение. Во-вторых, как спастись от грехов и падения. В-третьих, как благодарить Господа за мое спасение». В соответствии с этой схемой, все остальные вопросы катехизиса разделены на три части: «Часть первая. О человеческом несчастье» (вопросы 3—11), «Часть вторая. Об искуплении людей» (вопросы 12—85) и «Часть третья. О благодарении» (вопросы 86—129). Это означает, что *весь Гейдельбергский катехизис написан как ответ на вопрос: что я должен знать, чтобы жить счастливо?*

Меня озадачивает, когда кто-нибудь думает, что христианскому гедонизму нужно «изменить первый вопрос Гейдельбергского катехизиса». Но истина заключается в том, что весь Гейдельбергский катехизис построен по тому плану, которого придерживается и христианский гедонизм. Вот почему христианский гедонизм не искажает исторические реформатские катехизисы. Как Вестминстерский катехизис, так и Гейдельбергский катехизис с самого начала говорят о том, что человек получает наслаждение в Боге и что он ищет, как «жить и умереть счастливо». Поэтому у меня нет желания придумывать новое учение. Я счастлив, что Гейдельбергский катехизис был написан четыреста лет назад.

Определение христианского гедонизма

Свежий взгляд на мир (даже если ему уже несколько столетий) не приводит сам по себе к изложению простых определений. Нужна целая книга, чтобы люди начали хоть что-то понимать. Скорые и поверхностные суждения почти всегда будут неверными. Остерегайтесь строить догадки о том, что будет изложено на страницах этой книги! Предположение, что здесь мы имеем дело с еще одним продуктом современного преклонения человека перед своим «я», совершенно неправильно. Какие же открытия вас ждут впереди!

Для многих читателей термин «христианский гедонизм» кажется новым. Поэтому в свою книгу я включил Приложение 4, которое называется: «Почему христианский гедонизм?» Если этот термин выглядит странным или пугающим, вы можете сначала обратиться к этому приложению и только потом приступить к чтению основной части этой книги.

Я бы предпочел отложить изложение определения христианского гедонизма до конца книги, когда рассеются все возможные недопонимания. Писатель зачастую хочет, чтобы первые строки его книги люди читали в свете последних строк, и наоборот! Но, увы, нужно идти сначала. Поэтому я предлагаю читателю предварительное определение, надеясь, что оно будет воспринято с пониманием и одобрением в свете всей остальной книги.

Христианский гедонизм — это философия жизни, основанная на следующих пяти убеждениях:

1. Желание быть счастливым основано на всеобщем человеческом опыте; оно благое, а не греховное.

2. Мы никогда не должны отвергать или противиться желанию быть счастливым, словно бы это дурное побуждение. Вместо этого нам следует стремиться к усилению желания, подкрепляя его всем тем, что дает нам глубокое удовлетворение.

3. Глубокое, настоящее счастье можно получить только в Боге; не от Бога, а в Боге.

4. Счастье, которое мы обретаем в Боге, достигает своей кульминации, когда мы с любовью делимся им с другими людьми.

5. В той же мере, в какой мы стараемся отказаться от стремления к собственному счастью, мы теряем способность почитать Бога и любить людей. Или, если говорить в позитивном ключе, стремление к радости — необходимая часть нашего служения и нашей добродетели. Иными словами:

Основное предназначение человека — прославлять Бога

ЧЕРЕЗ

вечную радость в Нем.

Корень проблемы

Эта книга — в основном размышление над Писанием. Если я не смогу показать, что христианский гедонизм основан на учении Библии, я вряд ли заинтересую кого-нибудь, не говоря уж о том, чтобы убедить его в своей правоте. В мире есть тысячи выдуманных людьми философий жизни. Если христианский гедонизм — одна из них, не стоит обращать на него внимания. Ибо есть только одна скала — Слово Божье. Только одно действительно важно: прославлять Бога так, как Он Сам повелел это делать. Именно поэтому я — христианский гедонист. Именно поэтому я написал эту книгу.

Божье счастье

Основание для христианского гедонизма

Бог наш на небесах; творит все, что хочет.

Пс. 113:11

В моем мышлении произойти чудесные перемены в отношении учения о Божьем суверенитете... Это учение часто давало огромную радость, счастье и сладость. Абсолютный Божий суверенитет — это то, что я люблю в Боге.

Джонатан Эдварде

Пик Божьего счастья — это радость, которую Он приносит, в отражении Своего господства и в хвале Своего народа.

Джон Пайшер

Исходное основание христианского гедонизма находится в том факте, что Бог господствует в своих нежных чувствах:

Основное предназначение человека — прославлять Бога и вечно радоваться в Нем.

Причина, по которой это может выглядеть странным, заключается в том, что мы более привыкли размышлять о наших обязанностях, нежели о Божьем замысле. Задумываясь же о Божьем замысле, мы склонны изображать его так: мы — в центре Божьего благоволения. Мы, например, говорим, что Его замысел заключается в искуплении мира. Или в спасении грешников. Или в восстановлении творения. Или в чем-то еще.

Но Божий замысел спасения можно назвать предпоследним шагом, но никак не последним. Искупление, спасение и восстановление не являются окончательной целью Бога. Он совершает это ради чего-то большего, а именно ради наслаждения, которое Он получает, прославляя Себя. Настоящее основание христианского гедонизма зиждется не на Божьей преданности нам, а на верности Себе.

Если бы Бог не был безгранично предан стремлению сохранить и показать Свою славу, равно как и насладиться ею, у нас не было бы никакой надежды обрести в Нем счастье. Но если Он действительно использует всю Свою суверенную власть и безграничную мудрость для увеличения наслаждения Своей славой, у нас появляется основание для радости.

Я знаю, вначале это озадачивает. Поэтому я постараюсь разбить мою мысль на части, чтобы затем в конце данной главы сложить их опять вместе.

Божий суверенитет.

Основание для Божьего и нашего счастья

Бог обладает правом, силой и мудростью сделать то, что приносит Ему счастье.

Эти цели не могут не исполниться.

Поэтому Он не испытывает недостатка ни в чем. И Он никогда не унывает и не печалится.

Он всегда полон и переполнен энергии ради Своего народа, ищущего в Нем свое счастье.

«Бог наш на небесах; творит все, что хочет» (Пс. 113:11).
Суть этого отрывка заключается в следующем: у Бога есть право и власть делать все, что доставляет Ему радость. Именно это мы подразумеваем, когда говорим, что Бог суверенен.

Задумайтесь на секунду: если Бог суверенен и делает все, что хочет, ничто не помешает осуществлению Его планов.

Господь разрушает советы язычников, уничтожает замыслы народов. Совет же Господень стоит вовек; помышления сердца Его — в род и род (Пс. 32:10,11).

И если ничто не помешает осуществлению Его планов, Он должен быть счастливее всех сотворенных Им существ. Безграничное, божественное счастье — источник, от которого насыщается и желает еще более насытиться христианский гедонист.

Вообразите, что случилось бы, если Бог, управляющий всем миром, не был бы счастлив? Что если бы Бог ворчал, дулся и печалился, словно какой-то капризный великан на

небесах? А если бы Бог был расстроен, подавлен, мрачен, уныл, недоволен и удручен? Могли бы мы воскликнуть вместе с Давидом: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» (Пс. 62:1)?

Не думаю. Иначе мы бы все относились к Богу подобно маленьким детям, отцы которых расстроены, мрачны, унылы и недовольны. Им бы не понравились такие отцы. Они старались бы сделать все возможное, чтобы не побеспокоить их, или, по крайней мере, пытались бы своим усердием заслужить некоторое их благоволение.

Поэтому, если Бога нельзя назвать счастливым, у христианского гедонизма нет основания. Ибо цель христианского гедонизма — обретение счастья в Боге, радость в Нем, воодушевление от Его благоволения и наслаждение в общении с Ним. Однако дети не могут наслаждаться общением со своими отцами, если те несчастливы. Поэтому основание христианского гедонизма — счастье Божье.

В свою очередь, основанием счастья нашего Бога должна быть Его суверенность: «Бог наш на небесах; творит все, что хочет». Если Бог не суверенен, а сотворенный Им мир находится вне Его контроля, вновь и вновь нарушая Его первоначальный замысел, — Бог не может быть счастлив.

Наша радость покоится на Божьем обетовании, что Он в полной мере силен и мудр, чтобы направлять все для нашего блага, а Божья радость зиждется на том же самом суверенном контроле: Он творит все для Своей славы.

Итак, если все это в столь значительной степени зависит от суверенной власти Бога, нам следует удостовериться в надежности библейского основания для нее.

Библейское основание для суверенного счастья Бога¹¹

Господь говорит: «Мой совет состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю».

Поэтому Иов говорит: «Намерение Твое не может быть остановлено».

Его намерения простираются на все в мире, включая грех. Тем самым распятие Христа было Божьей волей, даже если это был самый большой грех, когда-либо совершенный.

«В полу бросается жребий, но все решение его — от Господа»¹².

А если Бог есть Бог, то невозможно расстроить Его план. Об этом говорит пророк Исайя:

Я Бог, и нет иного Бога, и нет подобного Мне. Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось, говорю: Мой совет состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю (Ис. 46:9,10).

Божий замысел не может расстроиться; нет ничего, что было бы подобно Богу. Если предположить, что Божий замысел может не достигнуть результата, это означает, что в мире существует сила, превосходящая силу Бога. Значит, кто-то может противиться Его руке, когда Он определяет что-либо. Но нет «никого, кто мог бы противиться руке Его», говорит Навуходоносор:

...Которого владычество — владычество вечное и Которого царство — в роды и роды. И все, живущие на земле, ничего не значат; по воле Своей Он действует как в небесном воинстве, так и у живущих на земле; и нет никого, кто мог бы противиться руке Его и сказать Ему: «что Ты сделал?» (Дан. 4:31,32).

Его суверенитет ограждает от беды

Вот что сказал Иов в своем окончательном исповедании, после того как Господь ответил ему из бури: «Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено» (Иов. 42:2). «Бог наш на небесах; творит все, что хочет».

В этом случае перед нами встает вопрос, можно ли считать зло и бедствия в этом мире также частью Божьего суверенного замысла. Иеремия, обозревая кровавую бойню в Иерусалиме после его разрушения, восклицает:

Истошились от слез глаза мои, волнуется во мне внутренность моя, изливается на землю печень моя от гибели дщери народа моего, когда дети и грудные младенцы умирают от голода среди городских улиц (Пл. 2:11).

Но когда он взирает на Бога, он не может не признать истину:

Кто это говорит: «и то бывает, чему Господь не повелел быть»? Не от уст ли Всевышнего происходит бедствие и благополучие? (Пл. 3:37,38).

«Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?»

Если Бог как суверенный Господь правит миром, то все зло этого мира не может не находиться под Его контролем: «Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы?» (Ам. 3:6).

Иов, Божий слуга, когда был поражен проказой, благочестиво сказал: «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» (Иов. 2:10). Он сказал это, несмотря на то что в Библии ясно написано: «И отошел сатана от лица Господня, и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его» (Иов. 2:7). Разве Иов был

прав, приписывая Богу то, что сделал сатана? Да, потому что сразу после слов Иова в Библии говорится: «Во всем этом не согрешил Иов устами своими» (Иов. 2:10).

Бог позволяет сатане причинять людям зло. Поэтому Иов прав, когда исповедует, что оно полностью вышло из руки Божьей. Если мы приписываем сатане (или грешному человеку) такую власть, которая разрушает Божий замысел, мы поступаем вопреки учению Библии.

Кто задумал убийство Христа?

Распятие Христа лучше всего подтверждает, что даже нравственное зло не выходит за рамки Божьего замысла. Кто в действительности станет отрицать, что Иуда, предав Христа, совершил злой поступок, с точки зрения нравственности?

Однако Петр говорит: «Сего [Иисуса], по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками незаконных, убили». Предательство — это грех. Но он был частью заранее определенного Божьего плана. Грех не расстраивает Его замысел и не противится Его руке.

Или же кто скажет, что презрение Ирода (Лк. 23:11), греховная выгода Пилата (Лк. 23:24), крики иудеев «Распни Его! Распни!» (Лк. 23:21) или, наконец, насмешки солдат-язычников (Лк. 23:36) не были греховными? Но Лука в Деяниях рассказывает нам о молитве святых:

Ибо по истине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой (Деян. 4:27,28).

Люди восстают против Всевышнего только для того, чтобы обнаружить, что их восстание неосознанно служит исполнению чудесных замыслов Божьих. Даже грех не может разрушить цели Всевышнего. Сам Он не совершает грех. Однако Он установил, что некоторые действия в мире будут грехов-

ными. Таким образом, действия Пилата и Ирода были предопределены в Божьем замысле.

Бог направляет куда хочет

Подобным же образом, доходя до конца Нового Завета и до конца истории, описанной в Откровении Иоанна, мы обнаруживаем, что Бог контролирует всех злых царей, ведущих войну. В своей книге Иоанн описывает блудницу, восседающую на звере с десятью рогами. Блудница — это Рим, наполненный кровью святых. Зверь — это антихрист, а десять рогов — это десять царей, которые «передадут силу и власть свою зверю... [и] будут вести брань с Агнцем» (Отк. 17:13,14).

Но разве эти злые цари находятся вне Божьего контроля? Разве они расстраивают Его замысел? Едва ли. Сами того не осознавая, они исполняют Его приказание. «Потому что Бог положил им на сердце исполнить волю Его, исполнить одну волю, и отдать царство их зверю, доколе не исполнятся слова Божий» (Отк. 17:17). Никто на земле не может избежать суверенного Божьего контроля: «Сердце царя в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его» (Прит. 21:1; ср.: Езд. 6:22).

Злые намерения людей не могут расстроить Божьи установления. В этом заключена суть истории падения и возвеличивания Иосифа в Египте. Братья Иосифа продали его в рабство. Жена Потифара оклеветала его, и это привело к тому, что его бросили в подземелье. Главный виночерпий фараона забыл о нем на два года. Где же был Бог, когда совершалось все это зло? Иосиф говорит об этом своим братьям: «Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей» (Быт. 50:20).

Непослушание и окаменелость сердца людей приводит не к разрушению Божьего плана, а, наоборот, к его реализации.

Задумайтесь о том, что говорит Павел об огрубелости сердца: «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне

сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников, и так весь Израиль спасется» (Рим. 11:25,26). Кто управляет тем ожесточением сердца, которое случилось в Израиле, так что оно имеет определенные границы, и кто, когда подойдет назначенное время, откроет путь для спасения «всему Израилю»?

Или давайте подумаем о непослушании, о котором говорит Павел в другом месте Послания к Римлянам. Он говорит язычникам о непослушании Израиля, когда тот отверг своего Мессию: «Так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы» (Рим. 11:31). Когда Павел говорит о том, что непослушание Израиля дает язычникам возможность обрести благословения Евангелия, какой замысел он имеет в виду?

Это может быть только Божий замысел. Ибо, разумеется, Израиль вовсе не рассматривал свое непослушание как способ благословения язычников; и вряд ли иудеи верили, что таким окольным путем можно самим обрести милость. В таком случае, разве не доказывают слова Павла в Рим. 11:31, что Бог контролирует непослушание Израиля, направляя его именно к тому, что Он заранее определил?

Не существует случайного стечения обстоятельств

Божий суверенитет над человеческими делами не допускает компромисса даже в реальности греха и зла, которые существуют в этом мире. Этот суверенитет не ограничен добрыми делами людей или радостными событиями, происходящими в природе. Ветер может успокаивать, а может и разрушать. Но в любом случае он — от Господа.

Я познал, что велик Господь, и Господь наш превыше всех богов. Господь творит все, что хочет, на небесах и на земле, на морях и во всех безднах. Возводит облака от края земли, творит молнии при дожде, изводит ветер из хранилищ Своих (Пс. 134:5-7).

В конечном счете, всякий должен прийти к единственно правильному заключению, что если на небесах есть Бог, то не существует случайного стечения обстоятельств, даже если это касается самых незначительных событий жизни. «В полу бросается жребий, но все решение его — от Господа» (Прит. 16:33). Ни одна птица «не упадет на землю без воли Отца вашего» (Мф. 10:29).

Борьба и решение Джонатана Эдвардса

Как Бог может быть счастлив и производить бедствия одновременно?

Подумаем о том, что Он способен смотреть на мир через две линзы.

Глядя через собирающую линзу, Он печалится и гневается из-за греха и боли.

Глядя через рассеивающую линзу, Он видит зло в его связи с извечными замыслами.

Реальность схожа с мозаикой.

Сами по себе части могут быть уродливыми, но собранное из них целое — прекрасно.

Многие из нас прошли через период глубокой борьбы с учением о Божьем суверенитете. Если мы соединим свое сердце с исповедуемыми нами доктринами, они могут стать причиной эмоциональных встрясок и бессонных ночей. Это намного лучше, чем на академическом уровне забавляться теми мыслями, которые никогда не касаются нашей личной жизни. Существует, по крайней мере, возможность понять, что вслед за встряской придет время покоя и уверенности.

Так произошло со многими из нас. Так произошло и с Джонатаном Эдвардсом. Эдварде был пастором и серьезным

богословом в Новой Англии в начале XVIII в. Он был руководителем первого Великого пробуждения. Его главные богословские труды по-прежнему бросают вызов величайшим умам наших дней. Благодаря экстраординарной комбинации логики и любви он стал писателем, который до глубины души трогает своего читателя. Вновь и вновь, когда я ослабеваю и чувствую сухость в своей жизни, я снимаю с полки собрание сочинений Эдвардса, чтобы испытать волнение от одной из его проповедей.

Он описывает ту борьбу с учением о Божьем суверенитете, которую испытал сам:

С детства у меня были тысячи возражений на учение о Божьем суверенитете... Эта доктрина предстала передо мной в каком-то жутком виде. Но хорошо помню то время, когда я пришел к убеждению в отношении Божьего суверенитета и более не сомневался...

Но я бы никогда не смог дать отчета в том, как или благодаря чему я пришел к такому убеждению, ничуть не предполагая ни тогда, ни спустя долгое время, что существовало некое экстраординарное действие Святого Духа; но только сейчас я увидел и мой разум понял всю справедливость и разумность этого учения. Мой разум успокоился в нем, и это положило конец всем недостаткам и возражениям.

С того дня и по сей день в моем разуме происходили чудесные перемены в отношении учения о Божьем суверенитете, так что у меня просто не доставало порой аргументов против него, в самом абсолютном смысле этого слова... Впоследствии у меня часто было не просто убеждение, а восхитительное убеждение. Учение очень часто предстало в весьма приятных, радостных и светлых тонах. Я с любовью приписываю Богу такое качество, как абсолютная суверенность. Однако мое первое убеждение не было таковым¹³.

Не стоит удивляться, что Джонатан Эдварде искренно и серьезно боролся с той проблемой, которая сейчас стоит перед нами. Как мы можем на основании Его суверенности утверждать, что Бог счастлив, если большинство из того, что Бог допускает в мире, противоречит Его собственным за-

поведям, изложенным в Писании? Как мы можем говорить, что Бог счастлив, когда в мире столько греха и несчастья?

Эдварде не претендовал на то, чтобы раскрыть эту тайну. Но он помогает нам найти способ избежать открытых противоречий, оставаясь верным учению Писания. Перефразируя Эдвардса, можно сказать следующее: божественный разум настолько сложен и безграничен, что у Бога есть способность смотреть на мир через две линзы. Он может смотреть через собирающую и через рассеивающую линзы.

Когда Бог взирает на неприятные события и бедствия через собирающую линзу, Он видит трагедию или грех такими, какие они есть по сути, и из-за этого Он печалится и гневается. «Ибо Я не хочу смерти умирающего, говорит Господь Бог; но обратитесь — и живите!» (Иез. 18:32).

Но когда Бог взирает на неприятные события и бедствия через рассеивающую линзу, Он видит трагедию или грех в их связи с тем, что предшествует им и что вытекает из них. Он видит их вместе со всеми связями и следствиями, которые формируют узор или мозаику, растянутую в вечность. Эта мозаика во всех своих частях — благих и злых — радуется Его¹⁴.

«Но Господу угодно было поразить Его»

Бог желал распятия Своего Сына.
Он ненавидел грех и боль (сквозь собирающую линзу).
Он радовался покрытию греха и побеждающему
смерть послушанию (сквозь рассеивающую линзу).
Поэтому оно сопровождалось грехом и болью.
Печальное само по себе, это событие не разрушает
Его замысел и не лишает Его глубочайшей радости.

Например, смерть Христа была волей и действием Бога-Отца. Исайя пишет: «Мы думали, что Он был поражаем,

наказуем и уничижен Богом. <...> Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению» (Ис. 53:4,10). Разумеется, когда Бог-Отец видел страдания Своего возлюбленного Сына, равно как и ту злость, которая пригвоздила Его к кресту, Он не радовался этому факту как таковому (рассматриваемому сквозь собирающую линзу). Грех сам по себе и страдания невинного ненавистны Богу.

Тем не менее, как написано в Евр. 2:10, Вождя нашего спасения Бог-Отец «совершил чрез страдания». Бог желал то, что ненавидел. Он ненавидел это, глядя именно через собирающую линзу, а не через рассеивающую линзу вечности. В контексте всеобщности вещей, Бог-Отец видит в смерти Сына Божьего возвышенный способ продемонстрировать Свою праведность (Рим. 3:25,26) и ввести Свой народ в славу (Евр. 2:10), чтобы ангелы не переставали прославлять Его (Отк. 5:9-13).

Поэтому, когда я говорю, что суверенитет Божий — это основание Его счастья, я вовсе не игнорирую и не умаляю гнев и печаль, которые Бог выказывает против зла. Но из этого гнева и печали я также не делаю вывода, что Бог — это разочарованный Бог, Который не может контролировать Свое творение. Он определил все от вечности и безошибочно создает из каждого события в мире возвышенную мозаику искупительной истории¹⁵. Созерцание этой мозаики (как со светлой, так и с темной стороны) наполняет Его сердце радостью.

И если сердце нашего Отца полно глубочайшего счастья, мы можем быть уверены, что когда мы ищем счастья в Нем, то, придя к Нему, не найдем Его «не в настроении». Он не будет разочарован, печален и раздражителен, не будет выказывать желание остаться в одиночестве. Напротив, мы найдем Отца, сердце Которого наполнено радостью до такой степени, что этого достаточно для всех жаждущих (т. е. христианских гедонистов).

Божье счастье заключено в Нем Самом

Бог применяет Свою суверенную власть для того, чтобы продемонстрировать величайший объект Своей радости — Свою СЛАВУ, красоту Своих многочисленных совершенств.

Все, что Он делает, Он делает для того, чтобы возвеличить достоинство Своей славы.

Он поступал бы несправедливо, если бы ценил что-либо больше самой высокой ценности, а именно больше Самого Себя.

Основанием для христианского гедонизма, как уже было показано ранее, служит тот факт, что Сам Бог превышает Своих чувств:

Основное предназначение Бога — Его прославление и вечная радость в Себе Самом.

До сих пор мы видели, что Бог абсолютно суверенен и поэтому может делать все, что хочет. Он не разочарованный Бог, но, напротив, глубоко счастливый Бог, получающий радость от всех Своих дел (Пс. 103:31), ибо Он видит их во взаимосвязи со всей искупительной историей.

Нерассмотренным остался вопрос о том, каким образом это непоколебимое счастье Бога есть в действительности счастье в Нем Самом. Мы уже поняли, что Бог обладает суверенной властью делать все, что Ему угодно. Однако мы не показали еще детальным образом, что же именно Ему угодно. Почему созерцание мозаики искупительной истории так радует Бога? Разве не будет для Бога идолопоклонством радоваться чему-либо вне Себя Самого?

Поэтому нам следует задать вопрос: что делает Бога счастливым; т. е. что можно сказать о той искупительной истории, которая радует Бога? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно понять, какую цель ставит перед Собой Бог, совершая все Свои дела. Если мы уясним это, то узнаем, что радует Его более всего. Мы узнаем, какое из Его чувств занимает главенствующее положение.

Бог наслаждается Своей славой

В Приложении 1 я кратко рассматриваю ключевые положения истории искупления для того, чтобы выявить главную цель Бога во всех Его действиях. Если последующие рассуждения в этой главе покажутся кому-нибудь не соответствующими учению Писания, я советую обратиться к дополнительному материалу в этом приложении.

Вывод, который я делаю в приложении, заключается в том, что среди всех Божьих чувств главенствующее положение занимает Его слава. Цель всех Его действий — сохранить и выявить эту славу. Но какой смысл мы вкладываем в свои слова, когда говорим, что среди всех Божьих чувств слава занимает главенствующее положение? Смысл заключается в следующем: Бог придает Своей славе наибольшее значение по сравнению со всеми остальными Его чувствами. Бог наслаждается Своей славой больше, чем всем остальным.

Весьма затруднительно дать определение славы. Слава подобна красоте. Какое бы определение вы дали красоте? На что-то нам легче указать, нежели пытаться определить. Но я постараюсь сделать это. Божья слава — это красота Его многочисленных совершенств. Она может относиться к тому яркому и необычайному сиянию, которое проявляется в видимой форме. Или же она может относиться к безгранично-совершенным нравственным качествам Его личности. В любом случае она указывает на реальность безгра-

ничного величия и достоинства. В определении славы нам помогает К. С. Льюис:

Природа никогда не учила меня, что существует Бог славы и безграничного величия. Я должен был узнать об этом из других источников. Однако природа придала слову «слава» смысл, понятный для меня. До сих пор не знаю, где бы еще я мог найти этот смысл. Не уверен, имело бы выражение «страх Господень» для меня какой-либо смысл кроме продиктованных простым благоразумием попыток спастись, если я бы никогда не увидел тех грозных ущелий и неприступных скал¹⁶.

Отсюда можно заключить, что главная цель Бога — сохранить и выявить Свое безграничное и необычайное величие и достоинство, т. е. Свою славу.

У Бога, разумеется, есть и другие цели в том, что Он делает. Однако нет ни одной из них, которая превалировала бы над вышеназванной. Все другие цели подчиняются этой главной цели. Например, непомерные страдания Бога были предназначены для того, чтобы возвеличить ценность Его славы. Он стремится выявить ее для того, чтобы противостоять всем тем, кто преуменьшает ее, и защитить ее от всякого презрения. Очевидно, что она занимает главенствующее положение среди всех остальных Божьих качеств. Он безгранично любит Свою славу.

Это можно сказать и иначе: Бог безгранично любит Себя. Или по-другому: Сам Бог превыше всех Своих качеств. Если мы даже на короткий отрезок времени задумаемся об этом, мы поймем всю справедливость этого факта. Бог был бы несправедливым (так же как несправедны все мы), если бы ценил что-либо больше того, что воистину представляет собой самую главную ценность. Но самая главная ценность — это Он Сам. Если бы Он не получал безграничного удовольствия от достоинства Своей собственной славы, Он был бы несправедливым. Ибо справедливость требует, чтобы мы получали от Других людей удовольствие пропорционально тому, насколько велика слава этих людей.

Бог восхищается славой Своего Сына

«Христос есть сияние славы и образ ипостаси Бога»¹⁷. Поэтому Отец безгранично восхищается Своим Сыном.

«Небеса проповедуют славу Божию»¹⁸. Поэтому Бог восхищается творением как расширением того изобилия, которое Он имеет ради Своего превосходства.

Подумав еще немного над мыслью, высказанной нами в предыдущем абзаце, мы вспомним, что она в точности соответствует нашей вере в божественность Сына Божьего. Когда дело касается именно этих аспектов нашего исповедания, мы останавливаемся перед дверью, ведущей в глубины неисчерпаемой тайны. Однако Писание открыло нам некоторые из этих сокрытых тайн. Оно учит нас, что Сын Божий есть воистину Бог: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). «В Нем обитает вся полнота Божества телесно» (Кол. 2:9).

Поэтому Отец, созерцая Своего Сына от вечности, видел в Нем Свой образ. Об этом написано в Послании к Евреям, когда говорится, что Сын — это «сияние славы и образ ипостаси Его» (Евр. 1:3). В другом месте то же самое утверждается о славе Христовой, которая «есть образ Бога невидимого» (2 Кор. 4:4).

Из этих отрывков видно, что от вечности Бог-Отец имел перед Собой образ Своей славы, совершенным образом отражающийся в личности Своего Сына. Поэтому одним из лучших способов, объясняющих Божье безграничное наслаждение Своей славой, может стать следующая мысль: Бог восхищается славой Своего Сына, Который совершеннейшим образом отражает эту славу (см.: Ин. 17:24—26).

Когда Христос пришел в наш мир, Бог-Отец сказал: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3:17). Когда Бог-Отец созерцает образ Своей славы в личности Своего собственного Сына, Он безгранично радуется этому. Через пророка Исаяю Он говорит: «Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к Которому благоволит душа Моя» (Ис. 42:1).

Внутри божественного триединства (Отец, Сын и Святой Дух) Бог от вечности занимает главенствующее положение над всеми Своими чувствами. Это касается самой Его природы, ибо Он от вечности родил и возлюбил Своего Сына. Поэтому Бог в высшей степени и вечно радуется тому общению, которое существует внутри Троицы¹⁹.

Бог наслаждается славой Своих дел

В творении Бог «публично проявил»²⁰ ту славу, которую Отец и Сын с радостью отдают друг другу! В этой полноте Божьей радости есть что-то, побуждающее эту радость выходить за свои пределы. Его славе присуще всеобъемлющее свойство. Она желает поделиться собой. Причина, по которой Бог сотворил мир, состояла не в слабости, словно бы Ему недоставало каких-то совершенств, которые могли бы быть дополнены творением. «Нельзя принять довод о пустоте или недостатке источника, который бы кто-то извне побуждал выходить за свои пределы»²¹.

Богу нравится созерцать Свою красоту, отражающуюся в Его собственных делах. Поэтому вечная радость триединого Бога избыточествует в делах творения и искупления. И поскольку первоначально Бог получал наслаждение от Своей собственной славы, то наслаждение, которое Он получает от Своих дел творения и искупления, есть не что иное, как наслаждение Своей славой. Вот почему Бог с момента сотворения этого мира вплоть до момента окончательного его завершения

совершает все ради сохранения и выявления Своей славы. Все Божьи дела — это просто изливание безграничного изобилия Его превосходства.

Бог — для нас или для Себя?

Бог творит все ради Себя Самого. «Ради Себя, ради Себя Самого делаю это... славы Моей не дам иному»²².

В том любовь, чтобы, добываясь прославления Своего имени в сердцах Своего народа, Он требовал именно то, что восполняет нашу радость.

Бог — единственный во всей вселенной, для Которого прославление Самого Себя — это наивысшая добродетель и деяние, выявляющее истинную любовь.

Теперь перед нами встают следующие вопросы: если Бог столь явно восхищается Своей славой, то как Он может быть Богом любви? Если Он делает все исключительно ради Себя Самого, как мы можем быть уверены в том, что Он сделает что-нибудь для нас? Разве апостол не говорит, что любовь «не ищет своего» (1 Кор. 13:5)?

Отсюда мы видим, каким образом учение о Божьем счастье поддерживает или же, напротив, разрушает философию христианского гедонизма. Если Бог настолько сконцентрирован на Самом Себе, что ни в коей мере не склонен любить Свои творения, то христианский гедонизм можно похоронить. Христианский гедонизм зависит от распростертых Божьих рук, Его готовности принять, спасти и насытить сердца всех тех, кто ищет в Нем свою радость. Но если Бог самолюбив и вне нашей досягаемости, тогда наши поиски своего счастья в Нем тщетны.

Бог — для нас или для Себя? Ответив с предельной точностью на этот вопрос, мы обнаружим непоколебимое основание для христианского гедонизма.

Бог руководит нашей хвалой напрасно или с любовью?

Библия изобилует заповедями прославлять Бога. Они даны нам по той причине, что хвала — это конечная цель всех Его деяний: «Он приидет прославиться во святых Своих и явиться дивным в день оный во всех веровавших» (2 Фес. 1:10). В Послании к Ефессянам об этой цели говорится три раза: Бог в любви predetermined «усыновить нас Себе... в похвалу славы благодати Своей» (Еф. 1:4-6); «в Нем мы и сделали наследниками, бывши предназначены к тому... дабы послужить к похвале славы Его» (Еф. 1:11,12); Святой Дух — это «залог наследия нашего, для искупления удела Его, в похвалу славы Его» (Еф. 1:14).

Различные способы, выбранные Господом для проявления Своей славы в творении и искуплении, достигают своей кульминации в хвале, возносимой Богу избранным Им народом. Бог управляет этим миром в Своей славе именно для того, чтобы получить обратно честь, восхищение, славу и прославление. Вершина Его счастья — это испытываемое Им наслаждение в тех отголосках Своего превосходства, которые слышны в славословии святых.

Однако я многократно встречался с такими ситуациями, когда эта истина становилась для людей камнем преткновения. Мы говорим им, что Бог превыше и важнее Своих чувств, Он совершает все для Своей славы, Он прославляет Себя и ищет славы человеческой. Однако люди не хотят слышать этого.

Почему? Думаю, есть, по крайней мере, два объяснения этого феномена. Во-первых, мы сами не любим людей, подобных тому образу, который мы приписываем Богу. Во-вторых, не быть таковыми учит нас и Библия. Попытаемся детально рассмотреть эти возражения, чтобы решить, подходят ли они к Богу.

Имеет ли Бог отношение к «секондхэндцам»?

Итак, первое возражение: мы сами не любим людей, которые в восторге от своего интеллекта, силы, мастерства, хорошего вида или здоровья. Нам не нравятся ученые-школяры, пытающиеся блеснуть необычайными познаниями в своей области и перечисляющие нам все свои труды. Нам не нравятся бизнесмены, которые рассказывают о том, как удачно они вложили свои деньги и как долго они находились на самой вершине продаж, играя на понижение или на повышение, и все благодаря своей проницательности. Мы не любим детей, которые ставят себя выше других детей (мое больше, мое быстрее, мое красивее!). И до тех пор пока мы не одни из них, мы не одобряем тех, кто не носит простую одежду, а одевается по последней моде, чтобы привлечь к себе наше внимание.

Почему мы не любим всего этого? Суть нашей неприязни, как мне представляется, заключается в том, что подобные люди скрывают свою подлинную жизнь. Они, по выражению Айана Ранда, «секондхэндцы». Они не живут той радостью, которая появляется в результате достижения чего-то, что они ценят ради него самого. Напротив, они живут, заимствуя комплименты у других людей. Одним глазом они смотрят на себя, а другим — на публику. Мы не восхищаемся такими людьми. Наоборот, мы восторгаемся теми, кто достаточно спокоен и сдержан, чтобы не нуждаться в прикрытии своих слабостей и не компенсировать свои недостатки комплиментами других людей.

Всякому здравомыслящему человеку понятно, что любое учение, относящее Бога к категории таких людей, неприемлемо для христиан. Учение же о том, что Бог стремится к тому, чтобы выказать Свою славу и получить хвалу от людей, многим кажется именно таким. Но так ли это в действительности?

Одно можно сказать точно: у Бога нет слабостей или недостатков. «Все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11:36). Бог «не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо *нужду*» Сам дая всему жизнь и дыхание и все» (Деян. 17:25). Все существующее обязано своим существованием Ему. Нельзя добавить к Нему то, что не имело бы уже своего происхождения от Него. Поэтому усердие, с которым Бог добивается Своей славы от людей, нельзя приписывать Его потребности в укреплении слабостей и восполнении каких-либо недостатков. Может показаться, что Он выглядит так же, как «секондхэндцы». Но Он не один из них. Это поверхностное сходство нужно объяснить по-другому.

*«Любовь не ищет своего» —
за исключением радости других*

Правила смирения, относящиеся к творению, нельзя прилагать тем же самым образом к Творцу.

Абсолютное отречение от Самого Себя стало бы для Бога идолопоклонством.

Утверждая Свою собственную славу, Он утверждает основание нашей радости.

Это и есть любовь.

Вторая причина, по которой учение о том, что Бог возвеличивает Свою славу и ищет человеческой славы, становится камнем преткновения для людей, заключается в следующем: Библия, дескать, не учит нас чему-либо подобному. Например, в Слове Божьем написано: «Любовь не ищет своего» (1 Кор. 13:5). Как Бог может любить и в то же самое время целиком отдать Себя «поиску Своей» славы, хвалы и радости? Может ли Бог быть полезен нам, если Он целиком предан Себе?

Я предлагаю следующий ответ: поскольку Бог в высшей степени великолепен и целиком самодостаточен, Он должен существовать и для Себя, если Он существует для нас. Правила смирения, относящиеся к творению, нельзя прилагать к Творцу. Если Бог отвернется от Себя — Источника вечной радости, — Он перестанет быть Богом. Он откажется от беспредельного достоинства Своей славы. Этим Он подчеркнет, что в мире есть что-то более ценное, чем Он Сам. И Он тем самым совершит идолопоклонство.

Такое положение не принесет нам ничего. Ведь куда мы пойдем, если наш Бог стал неправедным? Найдем ли мы во всей вселенной Скалу подлинной чистоты, если Бог перестанет ценить превыше всего абсолютную ценность? Кому мы воздадим наше поклонение, если Сам Бог откажется от провозглашения бесконечной красоты и безмерного достоинства?

Нет, мы не превращаем Божье возвеличивание Самого Себя в любовь, требуя, чтобы Он перестал быть Богом. Вместо этого, нам нужно понять главное: Бог — это любовь только потому, что Он упорно добивается, чтобы люди воздали славу Его имени.

*Радость несовершенна до тех пор,
пока она не проявлена*

Теперь мы коснемся следующего вопроса: что включает в себя любовь Бога к человеку с точки зрения Его безграничной силы, мудрости и красоты? Или по-другому: что Бог мог бы дать нам для наслаждения в качестве доказательства того, что Он — в высшей степени Бог любящий? Есть только один возможный ответ — Он мог бы дать нам только *Себя*. Если Он откажет нам в дружеском общении и удержит Себя от наших размышлений о Нем, то не важно, что Он может дать нам еще — Он не будет любящим Богом.

Мы уже на грани того открытия, которое когда-то изменило мою жизнь. Что все мы делаем, когда нам дают или показывают что-то прекрасное и непревзойденное? Мы *восхваляем* это! Мы осыпая похвалой новое дитя: «Ой, посмотрите на эту чудесную круглую головку! И на эти волосы! А ручки, разве они не прекрасны!» Мы превозносим возлюбленную: «Твои глаза как безоблачное небо! Твои волосы как шелк!» Мы радуемся, когда удачно сыграем в какой-нибудь карточной игре. Мы восхваляем октябрьские деревья, расположенные вдоль набережной Сен-Кру.

Но, как я уже упоминал, самое грандиозное открытие я сделал, прочитав «Слово о хвале» из книги К. С. Льюиса «Размышления над псалмами». Записанные там размышления, рожденные в борьбе с той мыслью, что Бог не только желает нашей хвалы, но и заповедует ее, можно привести вновь, в более полной форме:

Однако самый очевидный факт о поклонении — будь то Богу или кому-либо другому — каким-то странным образом ускользал от моего внимания. Я вкладывал в поклонение смысл, присущий комплименту, одобрению или чествованию. И никогда не замечал, что всякая радость, всякое наслаждение произвольно перетекает в хвалу до тех пор, пока (а иногда — даже если) сознательный стыд или боязнь надоесть кому-нибудь не начнет оказывать свое сдерживающее воздействие. Хвала разносится по миру: любовники превозносят своих любовниц, читатели — своих любимых поэтов, любители прогулок — сельскую местность, игроки — любимую игру. Хвалят погоду, вина, блюда, актеров, машины, лошадей, колледжи, страны, исторических персонажей, детей, цветы, горы, редкие марки, редких жуков. Иногда даже хвалят политиков и ученых. Но я не раз замечал, что самые смиренные и в то же самое время самые уравновешенные и восприимчивые умы полны хвалы, тогда как от чудачков, неудачников и недовольных жизнью людей хвалы не добьешься...

И еще я не замечал, что люди, произвольно хвалящие ценное ими, так же произвольно побуждают и нас присоединиться

к их хвале: «Разве она не привлекательна? Разве это не было прекрасным? Считаете ли вы это возвышенным?» Псалмопевец, призывая всех людей восхвалять Бога, делает то, что делают все люди, говоря о ценимом ими. Моя самая главная ошибка в отношении поклонения Богу покоилась на нелепом, если говорить о высшей ценности, отказе себе в том, что доставляет удовольствие и что мы действительно не можем не делать, отказе во всем том, что мы ценим.

Думаю, нам доставляет наслаждение превозносить то, что нас радует, потому что хвала не просто выражает радость, но и дополняет, завершает ее; это есть ее заранее условленное завершение. Возлюбленные, продолжающие говорить друг другу о том, как они прекрасны, без сомнения, дарят друг другу комплименты. Радость несовершенна до тех пор, пока она не проявлена²³.

Вот решение! Мы хвалим ценимое нами по той причине, что радость несовершенна до тех пор, пока она не проявлена в хвале. Если бы нам не позволили говорить и прославлять то, что мы ценим, любим и почитаем, наша радость была бы неполной. Поэтому если Божья любовь к нам настолько велика, что переполняет нас радостью, Он должен не только отдавать Себя нам, но и добиваться от нас хвалы. И вовсе не потому, что Он нуждается в укреплении Своих слабостей или восполнении каких-либо недостатков. Нет, Он добивается от нас хвалы по той единственной причине, что любит нас и стремится к тому, чтобы наша радость была полной. Такую радость мы можем найти, только познавая и прославляя Его, величайшего из всех на свете. Если Он воистину для нас, Он должен быть для Себя!

Во всей вселенной только Бог, ожидающий Своей хвалы, воистину проявляет любовь. Прославление Самого Себя — это наивысшая добродетель для Него. Когда Он творит все «ради возвеличивания Своей славы», Он бережет для нас и предлагает нам то единственное во всем мире, что может удовлетворить наши желания. Бог для нас! И основание для такой любви — Бог был, есть и всегда будет для Себя.

Вывод

Счастье *Бога* в Боге — это основание для *нашего* счастья в Боге.

Если Бог не будет сохранять и с радостью выявлять Свою славу, исчезнет основание для нашей радости.

Стремление Бога получить от нас хвалу и наш поиск наслаждения в Нем находятся в совершенной гармонии.

Ибо Бог тогда воистину прославляется в нас, когда мы в высшей степени удовлетворяемся в Нем.

Бог абсолютно суверенен. «Бог наш на небесах; творит все, что хочет» (Пс. 113:11). Поэтому Он не обманывается. Он радуется во всех Своих трудах, рассматривая их как элементы величественной мозаики искупительной истории. Его счастье непоколебимо.

Его счастье — это наслаждение в Себе Самом. Еще не сотворив ничего, Он уже наслаждался образом славы в личности Своего Сына. Его радость «стала публичной» в делах творения и искупления. Эти дела радуют Бога, потому что они отражают Его славу. Он совершает все для того, чтобы сохранить и выявить эту славу. И это радует Его.

Все Божьи деяния достигают своей кульминации в том прославлении, которое выражает Его искупленный народ. Апогей Его счастья — это наслаждение, которое Он получает в хвале святых в качестве отражения Своего превосходства. Такая хвала — это цель и завершение нашей радости в Боге. Поэтому стремление Бога получить от нас хвалу и наше стремление получить наслаждение в Нем — это одно и то же стремление. Таково истинное благовестие. Таково основание для христианского гедонизма!

Обращение

Созидание христианского гедонизма

Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.

Мф. 7:21

Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое найдет человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет и покупает поле то.

Мф. 13:44

«Тесны врата»

Если бы каждый человек должен был войти в небесное Царство, мы бы не говорили об обращении. Но не всем предназначено войти туда. «Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:14).

В конце первой главы мы установили, что стремление Бога получить от нас хвалу и наше стремление получить наслаждение в Нем — это одно и то же стремление. Божий поиск прославления и наш поиск удовлетворения достигают своей цели в том, что наше наслаждение в Боге перетекает в хвалу Ему. Эта хвала для Бога — словно сладкий отзвук Его собственного величия в сердцах Божьего народа. Для нас же хвала представляет собой вершину удовлетворения, которое мы получаем от живого общения с Богом.

Бог благостью и милосердием и с тем же рвением, которое Он проявляет ради Своей славы, добивается и нас.

Но кто эти «мы»?

«Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу»²⁴.

Чтобы относиться к этой группе, должно обратиться к Христу.

В этом и заключается созидание христианского гедонизма.

Следствие этого открытия ошеломляет: та всемогущая сила, благодаря которой Бог добивается Своей славы, также побуждает Его удовлетворять сердца тех, кто ищет в Нем истинную радость. Благая весть Библии заключается в том, что у Бога есть желание удовлетворять сердца тех, кто надеется на Него. И, наоборот, именно тем, что делает нас счастливыми, Бог наслаждается всем сердцем и всей душой.

И заключу с ними вечный завет, по которому Я не отвращусь от них, чтобы благотворить им... И буду радоваться о них, благотворя им... от всего сердца Моего и от всей души Моей (Иер. 32:40,41).

Всем Своим сердцем и всей Своей душой Бог соединяет нас в стремлении к вечной радости, потому что достижение этой радости в Нем способствует славе Его бесконечного величия. Все те, кто рассчитывает только на Бога, обнаруживают, что Бог силой Своего всемогущества ведет их к бесконечной радости в Своей собственной славе.

Ради Себя, ради Себя Самого делаю это, — ибо какое было бы нареkanie на имя Мое! славы Моей не дам иному (Ис. 48:11).

Да, это так. Всемогущая Радость добивается блага для тех, кто рассчитывает только на Бога! «Благоволит Господь... к уповающим на милость Его» (Пс. 146:11). Но благоволит не к каждому человеку.

«Притом знаем, что *любящим Бога*, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28) — содействует не каждому, ибо Иисус разделяет людей на овец и козлов (Мф. 25:32), на мудрых и глупых (Мф. 25:2), а апостол учит, что есть люди спасающиеся и есть погибающие (1 Кор. 1:18). Разница между ними заключается в том, что одна группа людей испытала обращение, тогда как другая не испытала.

Поэтому цель этой главы — указать на необходимость и важность обращения. Такое обращение, как я считаю, и есть основа для созидания христианского гедонизма.

Почему бы не сказать просто: «Веруй»?

Кто-нибудь спросит: «Если наша цель — обращение, почему бы нам просто не использовать ясную библейскую заповедь: „Веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься ты“? Для чего отягощать эту заповедь терминологией христианского гедонизма?»

Мой ответ можно разделить на две части. Во-первых, мы окружены людьми неверующими, которые, тем не менее, убеждены, что они *верят* в Христа. Пьяницы на улицах уверяют нас, что они христиане. Неженатые мужчина и женщина, живущие вместе, говорят то же самое. Старики, которые не посещали богослужения в течении сорока лет, все еще уверены, что они верующие. В мире — бесчисленное количество необращенных людей, полагающих, что они настоящие христиане.

Бесполезно и тщетно говорить таким людям, что они должны верить в Господа Иисуса Христа. Моя ответственность как проповедника Благой вести и учителя в церкви состоит не в том, чтобы беречь и повторять из раза в раз сокровенные библейские формулы. Моя задача — пронзать сердце библейской истиной.

Это подводит нас ко второй части моего ответа. В Библии помимо «Веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься ты» есть и другие ясные заповеди. Цель христианского гедонизма и заключается в том, чтобы привлечь наше внимание к таким заповедям.

Возможно ли сегодня такое, чтобы ясной библейской заповедью было не «Веруй в Господа», а «Наслаждайся в Господе»? И можно ли взбодрить успокоившиеся сердца словами: «Пока вы не возродитесь в христианский гедонизм, вы не увидите Царство Небесное»?

*Шесть ключевых моментов,
кратко указывающих на наши нужды
и Божью помощь²⁵*

Почему так важно обращение и что делает его столь необходимым? И что сделал Бог, чтобы удовлетворить наши отчаянные нужды? И что должны сделать мы сами, чтобы разделить те блага, которые Он приобрел для нас. Это очень серьезные вопросы. Я попытаюсь дать краткий ответ на них, изложив по порядку шесть библейских истин.

Насколько мы не пали?

1. Бог сотворил нас для Своей славы.
2. Поэтому наша обязанность — жить ради прославления Его имени.

1. Бог сотворил нас для Своей славы

Веди сыновей Моих издалека и дочерей Моих от концов земли, каждого, кто называется Моим именем, кого Я сотворил для славы Моей, образовал и устроил (Ис. 43:6,7).

Подлинное понимание всего того, что происходит в жизни, начинается с Бога. Никто не поймет важности и необходимости обращения, если он не знает, для чего Бог нас сотворил. Он сотворил нас «по образу Своему», поэтому мы несем в этот мир Его славу. Мы подобны призме, преломляющей свет Божьей славы во все аспекты жизни. В том, почему Бог желает делить с нами сияние Своей славы, есть великая тайна. Назовите это благодатью, милостью или любовью — все равно это остается невыразимым чудом. Когда-то нас не было. Потом мы стали существовать — ради славы Божьей.

2. Поэтому наша обязанность — жить ради прославления Его имени

Итак, едите ли, пьете ли, или (иное) что делаете, все делайте в славу Божию (1 Кор. 10:31).

Если Бог сотворил нас для Своей славы, то очевидно, что мы должны жить ради прославления Его имени. Наши обязанности — это следствие Его замысла.

Что означает прославлять Бога?

Прославлять Бога не означает делать Его более славным. Это означает признавать Его славу, ценить ее превыше всего на свете и раскрывать ее. Это подразумевает искреннюю благодарность: «Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня» (Пс. 49:23). Подразумевает это и доверие: Авраам «пребыл тверд в вере, воздав славу Богу» (Рим. 4:20).

Прославление Бога — это обязанность не только тех, кто слышал проповедуемое Евангелие, но и тех людей, у кого есть свидетельство природы и своей собственной совести:

Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познавши Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили... (Рим. 1:20,21).

Бог не осудит того, кто не смог исполнить свои обязанности, так как он ничего не знал об этих обязанностях. Но даже не зная Библии, все люди имеют возможность познать, что мы были сотворены Богом и, значит, полностью зависимы от Него. Поэтому все люди обязаны всем своим сердцем воздать Ему благодарность и довериться Ему. В глубине своей души все мы знаем главное: мы обязаны прославлять своего Создателя, благодаря Его за все, что имеем, доверяя Ему во всем, в чем нуждаемся, и покоряясь Ему во всем, что Он открыл нам.

Насколько безнадежно наше положение

3. Мы все утратили способность прославлять Бога.
4. Все мы подвергнуты вечному осуждению.

3. Мы все утратили способность прославлять Бога

Потому что все согрешили и лишены славы Божией (Рим. 3:23).

Что значит «лишиться» славы Божьей? Это не означает, что мы должны были иметь такую же славу, какую имеет Бог, но лишились ее вследствие нашего грехопадения. Мы должны лишиться ее в этом смысле! Лучшее объяснение Рим. 3:23 — это Рим. 1:23, где сказано, что не прославившие и не возблагодарившие Бога «обезумели и славу нетленного Бога изменили в образ» (Рим. 1:22,23). Именно так мы «лишились» славы Божьей: мы променяли ее на что-то менее ценное. Все грехи рождаются в нежелании ставить славу Божью превыше всего на свете. В этом суть греха.

Согрешили мы все. «Нет праведного ни одного» (Рим. 3:10). Никто из нас не доверился Богу так, как это необходимо. Никто из нас не был благодарен Богу в той степени, в какой мы должны были быть благодарны Ему. Никто из нас не покорился Ему в согласии с Его мудростью и правом. Мы изменяли и бесчестили Его славу раз за разом. Мы доверяли себе самим. Мы нечестиво воспользовались Его дарами. Мы свернули с того пути, который Он нам предписал в Своих заповедях, и решили, что лучше знаем, как нам следует жить.

Всеми этими действиями мы выказали свое неприятие Его славы. Весь ужас греха заключается не в том вреде, который он наносит нам или другим людям (хотя вред этот велик!). Злоба греха обязана своим происхождением презрению к

Богу. Когда Давид совершил прелюбодеяние с Вирсавией и даже убил ее мужа, что сказал ему Бог через пророка Нафана? Он не напомнил царю Давиду о том, что брак нерушим и жизнь священна. Он сказал: «Ты пренебрег Меня» (2 Цар. 12:10).

Но это еще не все, что можно сказать о нашем состоянии. Мы не только избираем грех — мы грешны. Библия называет наши сердца слепыми (2 Кор. 4:4), каменными (Иез. 11:19; 36:26), мертвыми (Еф. 2:1,5) и неспособными подчиниться закону Божьему (Рим. 8:7,8). По природе мы — «чада гнева» (Еф. 2:3).

4. Все мы подвергнуты вечному осуждению

Ибо возмездие за грех — смерть (Рим. 6:23).

Которые подвергнутся наказанию, вечной гибели, от лица Господа и от славы могущества Его (2 Фес. 1:9).

Презируя славу Божью, проявляя неблагодарность, неверие и непослушание, мы приговариваемся к изгнанию от вечного наслаждения этой славой в вечное страдание в аду.

Слово «ад» (геенна) встречается в Новом Завете двенадцать раз. Одиннадцать раз это слово употребляет Иисус. Ад — это не миф, выдуманный мрачными и разгневанными проповедниками. Это торжественное предупреждение Сына Божьего, умершего ради того, чтобы освободить грешников от проклятия ада. Мы с риском для своей жизни игнорируем учение об аде.

Ад — это место мучений. Это не просто отсутствие удовлетворения. Это не аннигиляция²⁶. Иисус раз за разом описывает его как место, где горит огонь. «Кто скажет: „безумный“, подлежит геенне огненной» (Мф. 5:22). «Лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мф. 18:9). «Лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает, и огонь не угасает» (Мк. 9:47,48). Он неоднократно

предупреждает, что «там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8:12; 22:13; 24:51; 25:30).

Но это не только место мучений. Это место вечных мучений. Ад не временен, вопреки утверждениям многих популярных писателей наших дней²⁷. Иисус завершает Свою притчу о последних днях следующими словами: «Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: „идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его..." <...> И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25:41,46). «Проклятие» точно так же вечно, как вечна и «жизнь».

Еще одним свидетельством в поддержку того, что ад вечен, можно считать учение Иисуса о том, что существует грех, который не может быть прощен в веке грядущем. «Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12:32). Если ад временен и когда-нибудь грешники оттуда будут освобождены, они тем самым получат прощение. Однако Иисус говорит, что есть такой грех, который никогда не простится.

Иоанн подводит итог ужасающим реалиям бесконечных мучений: «И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью» (Отк. 14:11).

Поэтому ад справедлив. Некоторые люди возражают, указывая на то, что вечное наказание несоразмерно со значимостью совершенного греха. Но это неправда, потому что значимость греха безгранична. Джонатан Эдварде объясняет это следующим образом:

Злодеяние того, кто презирает и не уважает другого человека, до некоторой степени пропорционально отвержению, словно он был обязан в большей или меньшей степени подчиняться ему. И поэтому если существует Тот, Кого мы безгранично обязаны любить и почитать и Кому мы должны подчиняться, то невыполнение этих обязательств приводит к неисправимой ошибке.

Наша обязанность любить, почитать и подчиняться любому существу пропорциональна его красоте, значимости и авто-

ритету... Но именно Бог безгранично прекрасен, потому что Он имеет безграничное величие и беспредельную красоту...

Поэтому грех против Бога, будучи нарушением беспредельных обязательств, должен быть злодеянием, имеющим беспредельное отвержение, и тем самым заслуживающим безграничного наказания... Вечность наказания безбожников делает это наказание безграничным... и тем самым пропорциональным тому отвержению, в котором они виновны²⁸.

Когда человек предстанет перед Богом в день суда, Бог не будет использовать какое-либо место из Писания, чтобы указать нам на нашу вину и правомерность нашего осуждения. Он задаст всего только три вопроса: 1) разве не было ясно из света природы, что все, чем вы обладаете, — дар и что вся ваша жизнь зависима от вашего Создателя? 2) Разве чувство справедливости²⁹, коренящееся в вашем сердце, не признавало других людей виновными, когда им недоставало благодарности, которую они должны были воздать в ответ на совершенные вами добрые поступки? 3) Была ли ваша жизнь наполнена благодарностью и доверием по отношению ко Мне соразмерно Моему великодушию и Моей власти? Это все, о чем Он спросит нас.

*Что сделал Бог для того,
чтобы спасти нас от Своего гнева?*

5. «Иисус Христос пришел в мир спасти грешников».

**5. Тем не менее, по Своей великой милости,
Бог послал Своего Сына, Иисуса Христа,
спасти грешников, отдав Свою жизнь за них на кресте
и телесно воскреснув из мертвых**

Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый (1 Тим. 1:15).

Который [Иисус] предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего (Рим. 4:25).

Несмотря на пугающую весть о том, что мы подпали под Божье проклятие и что Он обязан, исходя из Своей праведности, защищать достоинство Своей славы, изливая на наш грех вечный гнев, у нас есть прекрасная весть Евангелия. Об этой вести нам не сообщает природа. Ее нужно рассказывать ближнему, проповедовать в церквях и распространять среди других народов.

Благая весть заключается в том, что Сам Бог, не осуждая более всю человеческую расу, установил средство для удовлетворения требований Его справедливости. Ад — это один путь расплаты с грешниками и сохранения Божьей праведности. Но есть и другой путь. Своей премудростью Бог, возлюбив нас, определил путь для нашего избавления от Божьего гнева, не идя на компромисс со Своей справедливостью.

И что же это за премудрость?

Смерть Сына Божьего за грешников! «Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор. 1:23,24).

Смерть Христа — это премудрость Божья, посредством которой Бог по Своей любви спасает грешников от гнева, сохраняет и демонстрирует, тем не менее, Свою праведность. Вот эти слова Павла, возможно, самые важные во всей Библии:

Которого [Христа] Бог предложил в жертву умиловления³⁰ в Крови Его чрез веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса (Рим. 3:25,26).

Здесь нет никакого «либо-либо». Бог всецело праведен. И в то же время оправдывает нечестивого. Он оправдывает ви-

новного, но, совершая это, Он все же остается невиновным. Вот самая потрясающая весть во всем мире!

Ибо незнавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом (2 Кор. 5:21).

Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти (Рим. 8:3).

Он грехи наши Сам вознес Телом Своим на древо (1 Пет. 2:24).

Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных (1 Пет. 3:18).

Ибо, если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения (Рим. 6:5).

Если самая пугающая весть в мире заключается в том, что мы подпали под Божье проклятие и Он обязан, исходя из Своей праведности, защищать достоинство Своей славы, изливая на наш грех вечный гнев, то самая лучшая весть во всем мире (Евангелие!) состоит в том, что Бог определил путь спасения, который также защищает достоинство Его славы. Он отдал Своего Сына на смерть ради грешников, чтобы поразить смерть Его воскресением.

Что мы должны сделать для спасения?

6. Отвернуться от греха и довериться Спасителю.

6. Блага смерти Христа принадлежат тем, кто раскаивается и доверяет Ему

Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши (Деян. 3:19).

Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой (Деян. 16:31).

Никто не спасается от Божьего гнева просто потому, что Христос умер за грешников. Чтобы спастись, нам нужно выполнить одно условие. Далее я постараюсь доказать, что обращение и есть то условие, которое в этом параграфе обобщено в виде покаяния и веры. Это обращение есть не что иное, как созидание христианского гедонизма.

Что такое обращение?

Слово «обращение»³¹ используется только однажды, в Деян. 15:3. Павел и Варнава «проходили Финикию и Самарию, рассказывая об обращении язычников, и производили радость великую во всех братиях». Обращение включало в себя покаяние и веру, на что указывают другие места из Книги Деяния святых Апостолов.

Например, в одном месте апостолы отвечают Петру на его свидетельство об обращении язычников следующим образом: «Видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь» (Деян. 11:18). А Павел и Варнава, рассказывая об обращении язычников, говорят, как «Бог... отверз дверь веры язычникам» (Деян. 14:27).

Поэтому обращение — это покаяние (отвращение от греха и неверия) и вера (спасительное доверие только Христу). Покаяние и вера — это две стороны одной медали. Повернешь решкой — отказ от плодов неверия. Повернешь орлом — следование за Иисусом и доверие Его обетованиям. Возможностей для обладания одним без другого не больше, чем возможностей идти одновременно по двум дорогам или служить двум господам.

Это означает, что спасительная вера в Христа всегда сопровождается глубоким изменением сердца. Обращение — это не просто согласие с истинностью христианского учения. Ведь даже *дьявол* согласен с этим (Иак. 2:19). Спасительная вера намного превосходит простое согласие по своей глубине и проникновенности.

Обращение — это дар Божий

Природная окаменелость наших сердец делает нас неспособными отвернуться от греха и довериться Спасителю.

Поэтому обращение включает в себя чудо нового рождения, которое предшествует вере и покаянию.

Однако же вера и покаяние — целиком *наши* деяния. Мы обязаны совершить их.

Посредством чуда нового рождения Бог, одной благодатью, дарует нам ту способность, или склонность, в которой мы нуждаемся.

За покаянием и верой мы видим что-то необычайное, когда в Книге Деяний находим намеки на то, что обращение — это дар Божий. «Дал Бог покаяние в жизнь» (Деян. 11:18). «Его [Христа] возвысил Бог десницею Своею... дабы дать Израилю покаяние» (Деян. 5:31). «Бог... отверз дверь веры язычникам» (Деян. 14:27). «Господь отверз сердце ее [Лидии] внимать тому, что говорил Павел» (Деян. 16:14).

Мы никогда полностью не оценим всю глубину и необычность обращения до тех пор, пока открыто не признаем тот факт, что оно — чудо. Обращение — дар Божий. Вспомним опять, что мы не только грешим. Мы — грешники. Библия называет наше сердце слепым (2 Кор. 4:4), каменным (Иез. 11:19; 36:26), мертвым (Еф. 2:1,5) и неспособным подчиняться закону Божьему (Рим. 8:7,8). По *природе* мы — «чада гнева» (Еф. 2:3). Поэтому когда мы слышим Евангельскую весть, мы не в состоянии ответить на ее призыв до тех пор, пока Бог не совершит в нас чудо возрождения³².

Вера — наше деяние, но ее возможность обуславливается Божьим деянием

Покаяние и вера — наши деяния. Но мы не покаемся и не поверим до тех пор, пока Бог не совершит Свою работу и не пересилит наши каменные и непокорные сердца. Такая божественная работа и называется *возрождением*. Наша же работа называется *обращением*^{3*}.

Обращение действительно включает в себя акт воли, посредством которого мы отрекаемся от греха и покоряемся господству Христа, возлагая на Него наши надежды и упования. За этот акт ответственны мы сами. Если мы не обратимся, мы будем осуждены. Однако Библия ясно учит нас, что по причине окаменелости наших сердец и преднамеренной слепоты мы не в состоянии обратиться к Богу³⁴.

Прежде всего, мы должны испытать на себе возрождающую деятельность Святого Духа. Писание уже давно предвозвестило, что сам Бог совершит эту работу, дабы создать Себе верный народ:

И обрежет Господь, Бог твой, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа, Бога твоего, от всего сердца твоего и от всей души твоей, дабы жить тебе (Втор. 30:6).

И дам им сердце, чтобы знать Меня, что Я — Господь, и они будут Моим народом, а Я буду их Богом; ибо они обратятся ко Мне всем сердцем своим (Иер. 24:7).

И дам им сердце единое, и дух новый вложу в них, и возьму из плоти их сердце каменное, и дам сердце плотяное, чтобы они ходили по заповедям Моим и соблюдали уставы Мои, и выполняли их; и будут Моим народом, а Я буду их Богом (Иез. 11:19,20).

И дам вам сердце новое и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное. Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять (Иез. 36:26,27).

Эти величайшие ветхозаветные обетования описывают то, как Бог меняет каменное сердце на сердце плотяное, побуждая людей «познавать», «любить» и «подчиняться» Себе. Без такого духовного изменения сердца люди не познают, не любят и не будут послушны Богу. Именно такую предварительную работу Бога мы называем возрождением.

Мы «призваны» к тому, к чему Иисус призвал Лазаря: от смерти к жизни

По учению Нового Завета, Бог обладает действенной волей, создавая для Себя людей посредством «призвания»³⁵ их из тьмы и делая их способными верить Евангельской вести и ходить в свете. Иоанн ясно говорит, что возрождение предшествует вере, становясь ее причиной:

Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден (1 Ин. 5:1).

Глагол здесь стоит в таком времени, что намерение Иоанна нельзя понять никак иначе. «Всякий, кто продолжает верить [действие, происходящее в настоящем продолженном времени], что Иисус есть Христос, от Бога рожден [действие завершённое, свершившееся, имеющее ожидаемые результаты]». Вера — это свидетельство нового рождения, а не его причина. На это постоянно указывается во всем Первом послании Иоанна (ср.: 1 Ин. 2:29; 3:9; 4:2,3; 4:7).

Поскольку вера и покаяние возможны лишь по причине возрождающей деятельности Бога, они также называются дарами Божьими:

И нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, — благодатию вы спасены... <...> Ибо благодатию вы спасены чрез веру, и сие³⁶ не от вас, Божий дар (Еф. 2:5,8).

Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять

противников, *не даст ли им Бог покаяния* к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю (2 Тим. 2:24—26).

Обращение — это условие спасения и чудо Божье

Новое рождение *ничем не* обусловлено. Никакое человеческое деяние не становится причиной для нового рождения. Новое рождение сверхъестественно.

Окончательное спасение от будущего осуждения обусловлено. Оно не осуществится без нашей настойчивости в вере.

Сверхъестественное деяние Божье, совершенное в новом рождении, и самое важное человеческое деяние, связанное с настойчивостью в вере, показывают нам, насколько значительно то изменение, в котором мы нуждаемся для своего спасения.

Размышления о природе и источнике обращения выявляют два основополагающих момента. Первый из них — это тот смысл, который мы вкладываем в утверждение, что обращение — это условие спасения. Путаница в этом вопросе возникает вследствие неспособности с точностью определить сущность спасения.

Если «спасение» отнести к новому рождению, обращение *не будет* условием этого. Вначале идет новое рождение, которое делает возможным покаяние и веру обращения. Без нового рождения мы мертвы, а мертвый человек не может соответствовать условиям. Возрождение — это полностью не обусловленное деяние. Человек обязан своему возрождению исключительно свободному Божьему дару. «Помилование за-

висит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим. 9:16)³⁷. Вся похвала принадлежит не нам, а Богу.

Но если «спасение» отнести к нашему будущему освобождению от гнева Божьего на последнем суде и вхождению в жизнь вечную, то, безо всяких сомнений, обращение — это условие спасения. Когда мы восклицаем: «Что я должен делать, чтобы спастись?», мы спрашиваем о том, как наши грехи могут быть прощены и как мы можем иметь общение с Богом и избежать будущего гнева. Ответ всегда тот же: «Удовлетвори условию. Обратись!»

Это подводит нас ко второму основополагающему моменту нашей дискуссии. Обращение — это и *есть* человеческое решение. И даже гораздо больше! Вера, выражающаяся в раскаянии (или раскаяние верой), основывается на необычайном чуде, совершенном суверенным Господом. Она выражает дыхание нового творения во Христе.

Спасительная вера сложна сама по себе. Она включает в себя много аспектов. «Веруй в Господа Иисуса» — это такая заповедь, куда можно включить сотню различных понятий. До тех пор пока мы не поймем этого, набор условий для спасения, который нам предлагает Новый Завет, будет приводить нас в совершенное недоумение. Давайте рассмотрим следующий список.

Что я должен делать, чтобы спастись? Вот возможные ответы:

«Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой» (Деян. 16:31).

Мы должны принять Христа: «Тем, которые приняли Его... дал власть быть чадами Божиими» (Ин. 1:12).

«Покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши» (Деян. 3:19).

Будь послушен Христу: Он «сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (Евр. 5:9). Поэтому

«не верующий в Сына* не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3:36).

Иисус сам по-разному отвечал на этот вопрос. Например, Он говорит, что подобие детям — это условие спасения: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

Еще одно условие — отвержение самого себя: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк. 8:34,35).

В другом месте Иисус ставит условием спасения любовь к Нему, которая бы превосходила все на свете: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10:37). Похожая мысль выражена и у Павла: «Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема» (1 Кор. 16:22).

Наконец, условием спасения ставится наша свобода от обладания чем-либо: «Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14:33).

Вот некоторые из тех условий, которым мы, по учению Нового Завета, должны соответствовать, чтобы получить окончательное спасение. Мы должны поверить в Иисуса, принять Его, отвратиться от греха, быть послушным Ему, смирить себя, подобно малым детям, и любить Его больше всех наших родственников, собственности и даже самой жизни. Вот что значит обратиться к Христу. И только так мы достигнем вечной жизни.

Но что объединяет все эти условия в одно целое?³⁸ И что помогает устоять и не сделать их средством, с помощью которого спасение можно заработать делами? Сам собой напра-

шивается ответ на этот вопрос. Это необычайная реальность спасительной веры, заключающейся в доверии Божьему прощению, Христовым обетованиям и силе Святого Духа, а не самим себе.

Но что мы можем сказать о спасительной вере, объединяющей и изменяющей столь многое в нашей жизни?

Созидание христианского гедонизма

Обращение — это то, что происходит с сердцем, когда Христос становится для нас сокровищницей святой радости.

Спасительная вера — это искреннее убеждение в том, что Христос надежен и желателен нам более всего на свете.

Новизна христианского обращения состоит в новой духовной любви к славе Христовой.

На поставленный выше вопрос Иисус отвечает в небольшой притче:

Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое нашел человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет и покупает поле то (Мф. 13:44).

В этой притче рассказывается о том, как человек обращается к Христу и входит в Царство Небесное³⁹. Человек находит сокровище и от радости продает все свое состояние для того, чтобы обрести это сокровище. Царство Небесное — это жилище Царя. Желание быть там не имеет ничего общего с желанием обладать подлинными небесными сокровищами. Стремление быть в общении с Царем — вот главная мотивация для поисков Царства Небесного. Сокровище на поле — это то общение с Богом, которое мы имеем во Христе.

* В английском переводе Библии — «не послушный Сыну». — *Примеч. пер.*

Из этой притчи я делаю вывод: для того чтобы войти в Царство Небесное, нам нужно пережить настоящее обращение. И происходит это, когда Христос становится для нас сокровищем святой радости.

Созидание новой любви

Каким образом обретение этой радости соотносится со спасительной верой? Обычно отвечают, что радость — это плод веры. В определенном смысле это правда. «Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира *в вере*» (Рим. 15:13). Именно «в вере» мы исполняемся радостью. Уверенность в Божьих обетованиях превозмогает все беспокойства, наполняя нас миром и радостью. Павел даже называет ее «радостью в вере» (Флп. 1:25).

Но можно и по-другому рассмотреть взаимосвязь между радостью и верой. Автор Послания к Евреям пишет: «А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает» (Евр. 11:6). Другими словами, вера, угодная Богу, означает уверенность в том, что Бог воздаст приходящим к Нему с верой. Разумеется, это не означает, что нашей мотивацией должны стать какие-то материальные блага. Награда, о которой тут идет речь, включает в себя славу Самого Бога и наше совершенное общение с Христом (Евр. 2:10; 3:6; 10:34; 11:26; 12:22-24; 13:5). Мы продаем все для того, чтобы приобрести Самого Христа в качестве сокровища.

Поэтому вера, угодная Богу, означает уверенность в том, что приходя к Нему, мы обретаем то Сокровище, которое удовлетворяет все наши нужды. Мы находим вечное наслаждение для своих сердец. Но понимаете ли вы, что подразумевается под этим? *До того*, как мы поверили, с нашими сердцами что-то произошло. Здесь подразумевается, что до самого акта веры в нас была сотворена новая любовь. Любовь к славе Божьей и красоте Христовой. Вот так появилась радость!

Когда-то у нас не было радости в Боге, и мы смутно представляли Христа как некую историческую личность. Мы наслаждались пищей, дружбой, продуктивностью нашего дела, инвестициями, отдыхом, любимыми увлечениями, играми, чтением, покупками, сексом, спортом, искусством, телевидением, путешествиями... — всем чем угодно, но не Богом. Он казался нам идеей, возможно, даже хорошей идеей, и предметом для дискуссий. Однако Он не был сокровищем, сутью нашей радости.

Затем произошло что-то невообразимое. Словно бы слепой открыл глаза во время утреннего рассвета. Вначале — ошеломленное молчание перед невыразимой красотой святости. Затем — шок и ужас от осознания, что раньше мы действительно любили тьму. Потом — непоколебимая радость от того, что в этом и состоит наша цель. Поиски закончились. Мы бы отдали все за возможность вечно жить в присутствии этой радости.

И наконец, — вера, уверенность в том, что Христос открыл мне, грешнику, путь для вечной жизни в Его славном присутствии. Это уверенность в том, что если я прихожу к Богу через Христа, Он исполняет желание моего сердца, заключающееся в участии в Его святости и лицезрении Его славы.

Однако уверенности предшествует жажда. Решению предшествует наслаждение. Доверию предшествует поиск сокровища.

Мы идем к Христу, если любим свет

Разве не этому учит Иоанн?

Верующий в Него не судится, а не верующий уже осужден, потому что не уверовал во имя едиnorodного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличались дела его, потому что они злы (Ин. 3:18-20).

Причина, по которой люди не идут к свету, заключается в том, что они не любят свет. Любовь к свету возникает не тогда, когда мы идем к нему. Наоборот, мы идем к свету, потому что любим его. В противном случае, мы бы не прославляли свет своим приходом. Может ли быть какая-либо иная мотивация верить в Христа, помимо любви к Его величию? Разумеется, мы можем быть движимы желанием избежать ада, приобрести материальные блага или восстановить былую любовь. Но разве мы прославляем свет, когда единственной причиной прихода к свету становится наше желание обрести то, что мы любим во тьме?

Разве это спасающая вера?

*Христос умер для того,
чтобы исполнить желание нашего сердца —
дать нам Бога*

Спасительная вера — это крик нового творения во Христе. Признак же нового творения — новая любовь. То, что раньше казалось неприятным или скучным, теперь это предмет страстного желания. Сам Христос стал сокровищницей святой радости. Древо веры живо только в том человеке, который страстно желает главного дара Христа, приобретенного Им Своей смертью. Этот дар не здоровье, не процветание, не популярность, а Сам Бог!⁴⁰

«Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши» (1 Пет. 3:18). «Через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе» (Еф. 2:18). «Через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой... хвалимся надеждою славы Божией. <...> ...Хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 5:2,11).

Новая страсть к наслаждению в Божьем присутствии

Пробуждение непреодолимой жажды по Христу со-
зидает христианский гедонизм.

Стремление к радости в Боге не только невинно, но
и существенно для всякого христианина.

Начало такого стремления — это начало христиан-
ской жизни.

Стремление к радости в Боге — это не одна из возможных альтернатив. Это не некая «добавка», которую может впоследствии получить человек, поверивший в Христа. Пока вы не обнаружили в себе это стремление, ваша «вера» не может угодить Богу. У вас нет спасительной веры.

Спасительная вера — это уверенность в том, что если вы продадите все ваше состояние и откажетесь от своих греховных удовольствий, то сокрытое сокровище святой радости удовлетворит ваши глубочайшие желания. Спасительная вера — это искреннее убеждение в том, что Христос не только надежен, но и желателен. Эта вера — непоколебимая уверенность в том, что Христос не придет к нам без Своих обетований, которых мы должны жаждать более всего на свете.

«Радость веры» можно определить в следующих трех уровнях. Первый уровень: у нас есть новая духовная любовь, сотворенная в нас Духом Святым ради Божьей славы. Эта любовь — семя и корень радости. Первый уровень тем самым становится как бы зародышем для «радости веры». На втором уровне вера, будучи уже ростком, или стволом, становится способной принять то, что Бог предоставляет нам во Христе. В середине этого ствола — наша радость в Боге. Для живой, подлинной веры, берущей свое начало от Источника радости,

невозможно не разделять эту радость. Третий уровень — это плод ежедневной радости, о чем говорит апостол Павел: «Бог же надежды да исполнит вас всякой *радости* и мира *в вере*» (Рим. 15:13). Мир и радость, берущие свое начало *от* веры, проистекают в полноту жизни.

При обращении мы находим сокрытое сокровище Царства Божьего. Мы все ставим на карту. И год за годом в жизненных перипетиях мы вновь и вновь подтверждаем ценность этого сокровища, открывая в его глубинах новые богатства, о которых мы никогда раньше не знали. Именно так возрастает радость веры. Когда Христос призывает нас к новому послушанию, лишаящему нас некоторых временных удовольствий, мы, вспоминая о непреходящей ценности пути, которым мы следуем за Ним, и веры в Его достоинства, проверенные на опыте, отказываемся от земных удовольствий. Каков результат? Больше радости! Больше веры! Наша вера становится более крепкой. Тем самым мы возражаем от радости в радость, от веры в веру.

За покаянием, в котором мы отказываемся от греха, и верой, которой мы принимаем Христа, лежит новая любовь, новое желание, новая страсть к наслаждению в Божьем присутствии. Основа обращения и созидание христианского гедонизма состоят именно в этом.

Поклонение

Торжество христианского гедонизма

Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе: Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

Ин. 4:23,24

Искать души

Иногда те, кто пребывает в духовном сне, должны пережить потрясение. Если вы хотите, чтобы они услышали то, что вы им говорите, вам, возможно, даже придется шокировать их чем-нибудь. Иисус особенно хорошо это делает. Так, когда Он хочет научить нас правильному поклонению, Он вступает в разговор с блудницей.

— Пойди, позови мужа твоего, — сказал Он самаритянке.

— У меня нет мужа, — ответила женщина.

— Правду ты сказала, что у тебя нет мужа, — продолжил Иисус, — ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе.

Женщина испытала потрясение. Да и мы потрясены. Иисус же просто сидит у колодца, скрестив руки, и с укором смотрит на женщину. Он собирается обучать нас правильному поклонению.

Во-первых, мы замечаем, что поклонение относится к реальной жизни. Поклонение — это не мифический антракт посреди реальной недели. Учение о богослужении окружают прелюбодейание, жажда и расовый конфликт.

Иисус сильно устал от путешествия. Его томит жажда и зной. Тогда Он решает: «И все же даже сейчас Я буду искать поклонников Моему Отцу — вот эту самаритянку, впавшую в прелюбодейание. Я покажу Моим ученикам, каким образом Отец, не выходя за рамки реальной жизни, добивается поклонения Себе, когда возможностей добиться успеха практически

нет. Она самаритянка. Она женщина. Она проститутка. И все же Я покажу им, каким образом нужно приобретать истинных поклонников на белой ниве проституток-самаритянок».

Изумление усиливается

Вернемся к началу истории. «Надлежало же Ему [Иисусу] проходить чрез Самарию», чтобы попасть в Галилею. «Итак приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь... там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя; было около шестого часа» (Ин. 4:4—6).

Самаритяне — это остаток Северного израильского царства. Они начали вступать в смешанные браки после того, как их правители и знать были уведены в плен в 722 г. до н. э. Затем они построили себе отдельное место для поклонения на горе Гаризим. Они отвергали весь Ветхий Завет, за исключением пяти первых книг Моисея, которые, впрочем, сильно исказили ради своих целей. Уже веками они враждовали с иудеями, и Иисус, будучи иудеем, не был исключением.

Иисус пришел во враждебную Ему среду, сел у колодца и попросил дать Ему воды. Женщину удивило уже то, что Иисус посмел заговорить с ней: «Как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки?»

Вместо того чтобы прямо ответить ей, Иисус еще больше удивляет ее. «Если бы ты знала дар Божий, и кто говорит тебе: „дай Мне пить“, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую». Поражает то, что не она, а Он попросил ее дать воды. У Него была «живая вода», которую Он называет «даром Божьим».

Однако женщина по-прежнему не понимает Его. Она говорит: «Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок: откуда же у Тебя вода живая?». Она все еще далека от истинного понимания слов Иисуса.

Тогда Иисус поражает ее еще больше. «Всякий, пьющий воду сию, возрадет опять; а кто будет пить воду, которую Я

дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную». Нас удивляет не то, что Он может дать ей воды, не имея даже ведра. Поражает то, что Его вода навсегда утоляет жажду. Более того, когда мы пьем эту воду, наши души становятся источником. Его вода воистину чудесна: она проникает в изнуренную душу и становится источником жизни.

Но что все это означает?

Вода, которая становится источником

«Учение мудрого — источник жизни» — говорится в Книге Притчей (Прит. 13:14). Поэтому возможно, что под источником жизни Иисус подразумевал Свое учение. Когда жаждущие люди пьют из этого источника, они восстанавливают свои силы и потом дают эту влагу другим людям. Ведь Иисус сказал: «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин. 6:63).

Однако более близкую параллель, в которой показывается, как душа становится источником, можно обнаружить в следующей главе Евангелия от Иоанна. «В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей; кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него» (Ин. 7:37-39).

Дух Святой — это та вода, которую дает Иисус. Присутствие в вашей жизни Божьего Духа утоляет жажду души и делает вас источником, в котором и другие люди могут найти жизнь.

Тем не менее оба эти значения могут быть истинными. И учение Иисуса, и Святой Дух удовлетворяют желания нашей Души и делают нас источником жизни для других людей. Слово и Дух неразрывно связаны между собой.

Например, Иисус говорит: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит

вам все, что Я говорил вам» (Ин. 14:26). Работа Божьего Духа заключается в том, чтобы разъяснять Слово Христово и удовлетворять наши души.

Вода, которую Иисус предложил самаритянской блуднице, была Словом истины и силой Духа. Когда мы приходим к Иисусу за водой, мы получаем истину — не сухую, безжизненную или бессильную. Нет, она пропитана Духом Божиим, который дает жизнь всему. Слово обетования и сила Духа — вот та живая вода, которая была предложена самаритянской блуднице.

Через раны — к сердцу

Тем не менее женщина опять упускает из виду самое важное. Она не может подняться выше своих природных чувств. «Господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходиться сюда черпать». Нужно остерегаться того, чтобы разувериться в людях слишком быстро. Иисус смотрит на женщину взглядом, в котором заключено ее спасение. Его цель — сделать из нее ту, которая будет поклоняться Богу «в духе и истине».

Поэтому Он обращает внимание на то, что в высшей степени затрагивает и уязвляет ее: «Пойди, позови мужа твоего». Самый быстрый путь к сердцу — через раны.

Почему Иисус снял покровы с ее личной жизни именно таким образом? Ответ прост: «Всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его» (Ин. 3:20). Когда мы скрываем свой грех, мы не можем увидеть свет Христа.

Грех подобен духовной проказе. Он умерщвляет наши духовные чувства. Согрешая, мы разрываем наши души на кусочки и даже не замечаем этого. Поэтому Иисус обнажает духовную проказу женщины. «У тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе».

Пойманное в капкан животное отгрызает себе лапу

Рассмотрим обычную ответную реакцию человека, который пытается избежать осуждения. Женщина должна признать, что Иисус обладает экстраординарной проницательностью: «Господи! вижу, что Ты пророк» (Ин. 4:19). Однако вместо того, чтобы пойти в том направлении, которое Он указал ей, она пытается начать богословский спор: «Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы, иудеи, говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме. Какова твоя позиция в этом вопросе?»

Пойманное в капкан животное, чтобы освободиться, отгрызет себе ногу. Пойманная в ловушку грешница искалечит свой собственный разум и нарушит все правила логики. «Так как мы разговариваем сейчас о моем прелюбодеянии, то какова твоя позиция по вопросу о том, где должны поклоняться люди?» Именно так загнанные в угол грешники уклоняются от прямого ответа и впадают в лицемерную болтовню.

Однако от лучшего Охотника за душами не так легко ускользнуть. Он не настаивает на том, чтобы она приняла Его точку зрения. Он следует за ней в заросли. Разве стал бы Он ходить вокруг да около, ожидая, пока она задаст вопрос о поклонении? Он уже никогда не вернется к вопросу о прелюбодеянии. Это был резкий толчок по запечатанной двери ее сердца. Теперь же, войдя внутрь, Он готов обсудить вопрос о поклонении.

Как и кому поклоняться

Она подняла серьезный вопрос: где люди должны поклоняться Богу. Иисус отвечает ей следующим образом: «Спор об этом не идет ни в какое сравнение с вопросом о том, как и кому вы поклоняетесь».

Во-первых, Он привлекает ее внимание к вопросу «как». «Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу» (Ин. 4:21). Иными словами, не нужно увязать во второстепенных вопросах. Можно тщетно поклоняться Богу и на вашем месте, и на нашем. Разве Бог не говорит: «Этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня» (Ис. 29:13)? Вопрос, следовательно, заключается не в том, *где*, а в том, *как*.

Во-вторых, Он приковывает ее внимание к вопросу «кому». «Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев» (Ин. 4:22). Он произносит очень резкие слова. Однако, когда на кону жизнь и смерть, вопрос следует ставить ребром. Это все равно что сказать человеку, имеющему легочное заболевание, чтобы он бросил курить.

Самаритяне отвергали весь Ветхий Завет, за исключением первых пяти книг Моисея в их собственной редакции. Их знание Бога было недостаточным. Поэтому Иисус говорит ей, что самаритянское поклонение не отвечает Божьим требованиям. Ведь весьма немаловажно знать, кому ты поклоняешься!

Важно здесь не то, где ты поклоняешься, но *как* и *кому*. Богослужение должно быть наполнено жизнью и исходить из глубины сердца; способ поклонения должен покоиться на подлинном ощущении Бога. Должен быть дух и должна быть истина. Поэтому Иисус говорит: «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине» (Ин. 4:23). Два слова — дух и истина — соотносятся с тем, *как* и *кому* мы поклоняемся.

Поклонение в духе противоположно поклонению исключительно внешним образом. Оно противостоит любому поверхностному формализму и традиционализму. Поклонение же в истине противопоставляется поклонению, основанному на неправильном понимании Бога. В богослужении должны участвовать как наше сердце, так и наш разум. Мы почитаем Бога и нашими чувствами, и нашими мыслями.

Истина, не разбавленная чувствами, грозит превратиться в сухую ортодоксию. В церкви полно (или, по крайней мере, достаточно много) притворных поклонников. С другой стороны, чувства, лишённые истины, выливаются в бессодержательную сумбурную речь. Поклонение, основанное исключительно на чувствах, развивает у людей легкомысленное отношение к Богу, так что они отказываются от серьезной и строгой дисциплины. Истинное же поклонение заключается в совокупности сильных чувств и здоровом, глубоком учении. Живая любовь к Богу, укорененная в истине, — вот сущность библейского поклонения.

Топливо, печь и жар

Возможно, нам удастся связать все это вместе в следующей картине: топливо для поклонения — это истина Божья, печь поклонения — это дух человека, а жар поклонения — это наполненные энергией и жизнью такие духовные проявления, как почтение, раскаяние, доверие, внимание и радость.

Но в этой картине что-то упущено. У нас есть топливо, печь и жар. Однако нет самого *огня*. Топливо истины, находящееся в печи нашего духа, не вызовет жар поклонения. Должно быть пламя и огонь. Должен быть Святой Дух.

Слова Иисуса: «Истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине» некоторые комментаторы относят к Святому Духу. Я, наоборот, отношу их к нашему духу. Но не исключено, что два эти толкования не так уж и далеки от того, что хотел сказать Иисус. Знаменательно, что в Ин. 3:6 Иисус связывает Святой Дух с нашим духом.

Он говорит: «Рожденное от Духа есть дух». Другими словами, до тех пор пока Святой Дух не пробудит наш дух пламенем жизни, последний настолько безжизнен и невосприимчив, что даже не считается духом. Только то, что рождено от Духа, есть дух. Поэтому, когда Иисус говорит, что истинные поклонники поклоняются Отцу «в духе», Он подразумевает

следующее: истинное поклонение исходит только от такого духа, который стал живым и восприимчивым благодаря пробуждающей деятельности Духа Божьего.

Теперь мы можем довершить нашу картину. Топливо поклонения — это истинное представление о Божьем величии. Огонь, благодаря которому печь раскаляется докрасна, — это пробуждение от Святого Духа. Печь, которую пламень истины наполняет жизнью и жаром, — это наш обновленный дух. Наконец, проистекающий из всего этого жар нашей любви — это действенное поклонение, выражающееся в исповеданиях веры, желаниях, восклицаниях, слезах, песнях, склоненных головах, вознесенных руках и послушной жизни.

От пищи — к вере

Возвратимся ненадолго к истории, происшедшей в Самарии. Ученики ушли в город за пищей. Иисус остался у колодца вместе с женщиной. Возвратившись, ученики предложили Иисусу перекусить. Но Он поступил с ними так же, как поступил с женщиной, — перешел от вопросов пищи к вопросам веры. «У Меня есть пища, которой вы не знаете» (Ин. 4:32). Иисус питался все то время, пока они отсутствовали. Чем же Он питался? «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4:34). В чем же заключается дело Божье? Отец ищет людей, которые будут поклоняться Ему в духе и истине.

Разговор между Иисусом и самаритянкой, жившей в прелюбодеянии, представляет собой дело Божье, в котором Он создает подлинного верующего. Вслед за этим разговором Иисус относит Свои Слова к ученикам и к нам. «Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве» (Ин. 4:35). Он говорит: «В Самарии поспела жатва прелюбодеек. Одну из них Я сделал истинной верующей. Именно для этого Отец и послал Меня. Те-

перь Я посылаю вас. Бог ищет людей, которые будут поклоняться Ему в духе и истине. Теперь к жатве поспел город Сихарь. Если вы любите Божью славу, будьте готовы к жатве».

В оставшихся стихах главы о поклонении Иисус преподает нам урок. Что в действительности означает фраза «поклоняться в духе и истине»? Каков ответ человеческого духа, пробужденного Святым Духом? Какая связь между истиной и подобным опытом? Наше намерение заключается в том, чтобы подумать о природе поклонения, вначале сердцем, а затем и разумом. В заключение мы кратко рассмотрим внешние формы богослужения.

Дело сердца

Почти каждый человек согласится с тем, что в библейский образ богослужения входит некое внешнее действие. На иврите слово «богослужение» означает «поклоняться, склоняться». Богослужение — это поклонение, вознесение рук, моление, пение, чтение Писания, проповедование, совершение обрядов принятия пищи, очищения, посвящения и т. д.

Изумление вызывает то, что все это можно совершать тщетно. Эти обряды могут стать бесцельными, бесполезными и бессодержательными. Именно об этом предупреждает Иисус, когда укоряет фарисеев словами пророка Исайи (Ис. 29:13):

Люди сии... чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно поклоняются Мне* (Мф. 15:8,9).

Во-первых, обратим наше внимание на существующую параллель между словами «чтут Меня» и «поклоняются мне». Это указывает на то, что богослужение в своей основе — это почитание Бога. Разумеется, это не означает, что Он приобретает

* В русской синодальной Библии — «тщетно чтут Меня». Дальнейшие рассуждения автора основываются на сравнении этих вариантов. — *Примеч. пер.*

честь и славу, только когда мы поклоняемся Ему. Нет, в поклонении мы всего лишь исповедуем присущую Ему славу, осмысливаем ее достоинство и прославляем Его так, чтобы это наилучшим образом соответствовало Его сущности.

Слава и величие пред лицом Его, сила и великолепие во святилище Его. Воздайте Господу, племена народов, воздайте Господу славу и честь. Воздайте Господу славу имени Его (Пс. 95:6-8).

Первое, что мы извлекаем из слов Иисуса: поклонение — это способ, которым мы с радостью возвращаем Богу сияние Его славы.

Я употребляю фразу «с радостью» по той причине, что даже горы и деревья возвращают Богу сияние Его славы: «Хвалите Господа от земли... горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры» (Пс. 148:7,9). Однако природа возвращает Богу сияние Его славы несознательно. Горы и холмы не поклоняются Богу по своему желанию. Из всех земных творений только один человек обладает способностью к сознательному прославлению Бога.

Если, поклоняясь Богу, мы не прославляем Его с радостью, нам придется прославить Его справедливость, когда Он осудит нас. «И гнев человеческий обратится во славу Тебе» (Пс. 75:11). Однако такое несознательное возвращение Богу сияния Его славы *не может* считаться поклонением. Вот почему необходимо определять подлинное богослужение не только как способ возвращения Богу сияния Его славы, но и как способ, которым мы пользуемся *с радостью*.

Фразу «с радостью» можно неверно истолковать. Это возможно по той причине, что поклонение временами включает в себя раскаяние и сокрушение сердца, которые обычно не ассоциируются у нас с радостью. Однако я не хочу отказываться от своих слов. Ибо если мы, например, скажем, что поклонение — это «добровольное» возвращение Богу сияния Его славы, то мы окажемся на грани самого ложного представления о поклонении, а именно что поклоняться можно и по принуждению, когда сердце в действительности не желает

прославлять Бога, или же, как сказал Иисус, когда оно «далеко отстоит от Бога». Кроме того, как мне представляется, в подлинном библейском раскаянии присутствует, по меньшей мере, семя радости, которое проистекает от пробужденной надежды на то, что Бог оживляет сердца сокрушенных (Ис. 57:15).

Что значит поклоняться Богу тщетно

Эти размышления подводят нас ко второму аспекту: оказывается, мы можем «служить» Богу тщетно. «Люди сии... чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мф. 15:8). Поклонение тщетно и бесполезно, когда оно не исходит из сердца. Именно это подразумевает Иисус, когда говорит самаритянке: «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. 4:23). Что же чувствует наш дух и что происходит в нашем сердце, когда мы поклоняемся Богу не тщетно?

Нетщетное поклонение — это действие, основанное не просто на силе воли. Все внешние действия в поклонении совершаются посредством воли, что отнюдь не делает их подлинными. У нас может быть желание поклоняться по разным причинам. И при этом наше сердце не будет подлинно вовлечено в этот процесс (или же, как говорит Иисус, оно может «отстоять далеко»). Когда в поклонении участвует сердце, это означает, что в действие приводятся и чувства, и эмоции, и привязанности нашего сердца⁴¹. Там, где чувства к Богу выхолащены, богослужение мертво, оно превращается в спектакль.

Чувства, в результате которых богослужение становится подлинным

Поговорим теперь о деталях. Какие у нас должны быть чувства, чтобы внешние действия в богослужении стали

подлинными? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим некоторые псалмы и гимны из Ветхого Завета, которые были вдохновлены Самим Богом. Совокупность различных и взаимодействующих друг с другом чувств могут овладеть сердцем в любое время. Поэтому перечисленные ниже псалмы ни в коей мере не ограничивают возможность иных удовольствий, которые возникают в чьем-либо сердце.

Возможно, что первым ответом сердца на величественную святость Бога будет ошеломленное молчание. «Остановитесь и познайте, что Я Бог» (Пс. 45:11). «Господь — во святом храме Своём: да молчит вся земля пред лицом Его!» (Авв. 2:20).

Когда мы молчим, у нас возникает чувство благоговения, почтения и изумления при виде совершеннейшего Божьего величия. «Да боится Господа вся земля; да трепещут пред Ним все, живущие во вселенной» (Пс. 32:8).

Поскольку все мы грешники, в нашем почтении присутствует благоговейный страх перед Божьей праведной властью. «Господа Саваофа — Его чтите свято, и Он — страх ваш, и Он — трепет ваш!» (Ис. 8:13). «Поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем» (Пс. 5:8).

Однако этот страх не имеет ничего общего с парализующим испугом, полным негодования против Божьей суверенной власти. Нет, благоговейный страх находит облегчение в раскаянии и печали, возникающей вследствие осознания нашей неправедности. «Жертва Богу дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50:19). «Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, — Святый имя Его: Я живу на высоте небес и во святилище, и также с сокрушенными и смиренными духом, чтоб оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных» (Ис. 57:15).

Вместе с чувством искреннего опустошения и раскаяния возникает жажда по Богу. «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому» (Пс. 41:2,3). «Кто мне на небе? и с Тобою

ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек» (Пс. 72:25,26). «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» (Пс. 62:2).

Бог не остается безответным на желания раскаивающейся души. Он приходит к нам и снимает с нас бремя греха, наполняя наше сердце радостью и благодарностью. «Ты обратил сетование мое в ликование, снял с меня вретисе и препоясал меня веселием, да славит Тебя душа моя и да не умолкает. Господи, Боже мой! буду славить Тебя вечно» (Пс. 29:12,13).

Однако наша радость возникает не только когда мы, исполненные благодарности, обращаем свой взор в прошлое. Она возникает и тогда, когда мы, полные надежд, взираем в будущее.

«Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога; ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего» (Пс. 41:6). «Надеюсь на Господа, надеется душа моя; на слово Его уповаю» (Пс. 129:5).

В итоге, сердце стремится не к какому-либо Божьему благому дару, но к Самому Богу. Видеть Его, знать Его и находиться в Его присутствии — вот настоящее торжество для души. За этим уже нет никаких поисков и стремлений. Нет слов, чтобы описать это состояние. Мы называем это удовольствием, радостью, наслаждением. Однако эти понятия недостаточно полно раскрывают всю глубину невыразимого состояния, в котором окажется наша душа в будущем.

«Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его» (Пс. 26:4). «Полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек» (Пс. 15:11). «Утешайся Господом...» (Пс. 36:4).

В нашем сердце есть чувства, благодаря которым можно избежать тщетного поклонения. Богослужение — это способ радостного возвращения Богу сияния Его славы. Это не просто

самовольный акт, посредством которого мы совершаем некие внешние действия. Мы не поклоняемся в истине, если наше сердце не участвует в этом. Участие нашего сердца делает наши чувства и эмоции живыми. *Там же, где чувства к Богу выхолощены, богослужение мертво, оно превращается в спектакль.*

Истинное поклонение должно сочетаться с внутренними чувствами, которые отражают Божью славу. Если это не так, тогда слово «лицемерие» теряет свой смысл. Однако лицемерие все же существует — когда внешние факторы (пение, молитвы, отдача себя, цитирование) знаменуют те сердечные мотивы, которых на самом деле не существует. «Этот народ приближается ко Мне устами своими... сердце же его далеко отстоит от Меня» (Ис. 29:13).

Поклонение как действительная цель

Итак, что подразумевается под торжеством поклонения? На удивление, под этим подразумевается то, что поклонение — это цель сама по себе. Наше торжество поклонения — это не средство для чего-нибудь другого. Если оживление наших сердечных чувств — это именно то, что делает внешние действия подлинным богослужением, тогда оно не может совершаться для какой-либо иной цели. Чувства предназначены не для этого. Нельзя иметь подлинные сердечные чувства в качестве средства для достижения чего-либо другого.

Например, в 1974 г. мой зять позвонил мне из другого города и сообщил о смерти моей матери. Я помню его взволнованный голос: «Джонни, дружище, это Боб. У меня плохие новости... Твои родители попали в тяжелую автокатастрофу. Твоя мама не выжила. У твоего же отца еще есть шансы».

Можно быть уверенным в одном. Когда я слышу подобные новости, я не сажусь и не спрашиваю себя: «Что мне даст моя печаль?» Когда я отдаю ребенка жене и направляюсь в спальню, чтобы побыть один, я не говорю себе: «Чего я достигну,

если буду рыдать в течение последующих тридцати минут?» Когда дело касается сознательной мотивации, чувство печали становится подлинной целью.

Но это чувство возникает спонтанно. Оно не совершается для чего-либо еще. Его нельзя сознательно желать. Его нельзя выбрать. Оно возникает из глубины сердца, из места, куда не проникает сознание и воля. Вне всякого сомнения, оно несет с собой много побочных последствий, большинство из которых благи сами по себе. Но они совсем некстати, когда я опускаюсь на постель и начинаю плакать. Мое сердце переполняется чувствами. И именно в этом, по сути, и заключена цель.

Печаль не единственный пример такого рода. Если после кораблекрушения мы окажемся на плоту, построенном из обломков корабля, и на протяжении трех дней будем плыть без воды, то, когда вдруг на горизонте появится полоска земли, мы не скажем себе: «Какова причина того, что я чувствую желание добраться до этой земли? Что должно побудить меня почувствовать надежду?» Даже если острое желание придаст нам сил и мы достигнем земли, мы сделаем это *не* из-за того, что желаем, надеемся или стремимся к ней.

Острое желание возникает из глубины сердца по той причине, что мы безгранично ценим воду (и жизнь!), которую можно достать, только находясь на твердой почве. Это желание нельзя запланировать и совершить (как, например, купить билет на самолет) с целью получить то, что мы желаем. Оно возникает спонтанно. Оно не похоже на решение, сделанное с какой-либо целью. Подлинное сердечное чувство — это цель сама по себе.

Или возьмем для примера страх. Если мы разбиваем лагерь в районе «пограничных вод» в штате Миннесота, ночью нас может разбудить храп, доносящийся извне. Мы выходим из палатки и при лунном свете замечаем силуэт огромного медведя, который расположился едва ли не рядом с нашей палаткой. Оказавшись в такой ситуации, мы не говорим себе: «Какую цель будет иметь мой страх?» Мы не рассуждаем о той

пользе, которую может принести страх, когда он вырабатывает в нас излишек адреналина, и не решаем, что, должно быть, очень полезно иметь чувство страха. Он просто есть и все!

Когда вы в первый раз стоите на краю Большого каньона и при заходе солнца любуетесь тем, как постепенно темнота захватывает один геологический уровень за другим, вы не говорите: «Какую цель имеет мое благоговение и изумление перед этой красотой?»

Когда в рождественское утро маленький ребенок открывает свой первый подарок и обнаруживает там «самую любимую» ракету, о которой он мечтал в течение последних нескольких месяцев, он не говорит себе: «Какую цель имеет мое счастье и чувство благодарности?» Мы называем человека неблагодарным, когда его слова признательности сказаны по необходимости, по долгу, а не исходят спонтанно из самого сердца.

Когда шестилетний ребенок первый раз приходит в школу и его тут же начинают дразнить некоторые второклашки, он, когда к нему на помощь приходит его брат из четвертого класса, не «решает» чувствовать себе уверенно. Он просто чувствует это.

Все подлинные чувства имеют цель в самих себе. Они не мотивированы нашим сознанием как средством для достижения какой-то цели. Это, разумеется, не означает, что мы не можем или не должны стремиться к тому, чтобы иметь те или иные чувства. Нет, мы должны и мы можем стремиться к этому. Мы можем оказаться в ситуации, когда наши чувства будут очень легко разжечь. Мы даже можем высоко ценить некоторые плоды этих чувств, равно как и сами чувства. Однако, когда проявляются подлинные, неподдельные эмоции, все подсчеты и предположения исчезают. Мы перемещаемся (возможно, только на краткое мгновение) туда, куда не может проникнуть рассудок, — в область чувств, и находимся там, не привлекая туда ни логику, ни жизненный опыт.

Именно это делает наше поклонение не тщетным. Оно подлинно, когда чувства к Богу, возникающие в нашем сердце, становятся целью сами по себе. В нашем поклонении Бог — это та страшная новость, сказанная по телефону. Бог — это островок на горизонте. Он — медведь, заходящее солнце, «самая любимая» ракета, мама, которая подарила ее, и большой сильный брат из четвертого класса.

Если Божьи реалии открываются нам в Его Слове и в мире, а мы не чувствуем в своем сердце печаль, острое желание, надежду, страх, благоговение, радость, благодарность или же уверенность, то мы, покоряясь долгу, можем петь, молиться или цитировать Писание, но это все равно не будет настоящим поклонением. Мы не можем чтить Бога, если наши «сердца далеко отстоят от Него».

Поклонение — это радостное возвращение Богу сияния Его славы. И это нельзя сделать просто по долгу. Возвратить Богу Его славу и честь можно лишь спонтанным чувством, возникшим в глубине сердца.

*Ты должен поцеловать меня,
но не потому что должен*

Рассмотрим аналогию с юбилеем свадьбы. Мой юбилей — 21 декабря. Предположим, что в этот день я прихожу домой с букетом красивых красных роз для моей жены Ноуэл. Она встречает меня у двери, я протягиваю ей букет, и она говорит: «О Джонни, они прекрасны. Спасибо тебе». После этого она крепко обнимает меня. Теперь предположите, что я поднимаю руку и сухо произношу: «Не стоит благодарности. Это мой долг».

Что произойдет тогда? Разве долг — это не благородство? Разве мы не чтим тех, кто, сознавая свой долг, служит другим людям? Нет, не всегда это так. Долг вовсе не так замечателен, если к нему не приложено сердце. Розы, подаренные в качестве покорности долгу, несут в себе противоречие. Если мной

не движет спонтанное чувство любви к жене как к личности, своими розами я ни в коей мере не оказываю ей честь. В действительности они умаляют ее ценность как личности. Они — лишь неубедительное оправдание моей невысокой оценки ее; это лишь попытка зажечь во мне хоть какое-то чувство любви. Все, что я могу в себе зажечь, — это подсчитанное до мелочей проявление супружеского долга.

Вот как об этом пишет Эдуард Джон Карнелл:

Предположим, что муж спрашивает жену, должен ли он поцеловать ее на ночь. Она отвечает: «Ты должен, но не потому что должен». Под этим она подразумевает следующее: «Пока тобой движет не спонтанное чувство любви ко мне, твое предположение лишено какой-либо нравственной ценности»⁴².

В действительности же, многие из нас не способны понять, что наш долг по отношению к Богу никогда не может быть сведен к простому внешнему действию. Да, конечно же, мы должны поклоняться Ему. «Но не потому что должны». Как же тогда? Так, как это делает Шелдон Ванаукен, герой Льюиса: «Как вы знаете, долг каждого христианина — быть таким счастливым, каким он только может быть»⁴³. Когда мы поклоняемся Богу, потому что мы должны это делать, наш долг не заключается просто во внешнем действии, например в совершении литургии. Наш долг заключен в действии внутреннем, в заповедях: «Утешайся Господом» (Пс. 36:4) и «Веселитесь о Господе и радуйтесь» (Пс. 31:11).

Такое поклонение действительно можно назвать подлинным по той причине, что именно оно отдает Богу честь. Бессодержательное исполнение ритуалов не прославляет Бога. Если я приглашаю свою жену отметить юбилей нашей свадьбы в ресторане и она спрашивает меня: «Зачем нам идти туда?», я, если хочу оказать ей честь, должен ответить так: «Потому что ничто не сделает меня более счастливым сегодня вечером, чем быть вместе с тобой».

«Это мой долг» — такой ответ бесчестит ее.

«Мне доставляет это радость» — вот что читает ее.

Видите? Вот торжество христианского гедонизма. Как мы можем почтить Бога в поклонении? Сказав: «Это мой долг», или же сказав: «Потому что это доставляет мне радость»?

Поклонение — это радостное возвращение Богу сияния Его славы. Теперь мы понимаем, что зеркало, которое преломляет лучи Его славы и возвращает их назад в поклонении, — это сердце, исполненное радости. Эту мысль можно выразить и так:

Основное предназначение человека — прославлять Бога

ЧЕРЕЗ

вечную радость в Нем.

Отдавай Богу осторожно

Теперь понятно, почему очень важно, чтобы наше поклонение Богу было самоцелью. Поклонение — это самоцель по той причине, что оно — главное предназначение, ради которого мы были сотворены.

Также понятно, почему когда мы говорим, что наши чувства должны быть целью сами по себе, в этом нет идолопоклонства или человекоцентричности. В наших чувствах ничто не сфокусировано на человеке, поскольку в центре нашего поклонения — *Бог*. Мы смотрим не на себя, а на Него. И лишь после этого в нашем сердце возникают многочисленные и разнообразные переживания, которые мы изливаем перед Богом в поклонении⁴⁴.

В наших чувствах, когда они — цель сами по себе, нет также и идолопоклонства. Ведь их предназначение — прославлять Бога, а не нас самих. Кто вообразит, что прославляет себя, а не Большой каньон, когда часами стоит в безмолвном благоговении на краю обрыва? Кто станет обвинять меня в том, что я отдаю славу себе, а не жене, когда говорю ей: «Я с Удовольствием проведу с тобой этот вечер»? Кто рождественским утром будет винить в эгоцентризме маленького ребенка, когда он, оставив свою новую ракету, бежит к маме, обнимает

и благодарит ее, так как он буквально переполнен радостной признательностью?

Кто-то возразит, что, когда радость при поклонении Богу мы делаем самоцелью, Бог для нас становится средством осуществления наших целей, а не Его. И поэтому появляется ощущение, что мы возносим себя над Богом. Но давайте попытаемся ответить на вопрос, что прославляет Бога больше — т. е. что яснее возвращает Богу сияние Его славы, — 1) поклонение, которое достигает своей кульминации в том, что мы радуемся, видя Божью славу; или 2) поклонение, которое достигает своей кульминации в возвышенных попытках освободиться от чувства восторга для того, чтобы внести свою лепту в Божий замысел?

Здесь пролегает тонкая грань различия. Мы восстаем против вседостаточности Божьей славы, если полагаем, что можем стать средством для осуществления *Ego* замысла, не стремясь при этом иметь радость в Нем и не пытаюсь через это осуществить *свое* предназначение. Христианский гедонизм, говоря о радости поклонения как о самоцели, не ставит человека выше Бога. Именно тогда, когда мы признаем наше плачевное, безнадежное состояние, если с нами нет Его, мы подлинно чтим Его. Пациент не выше доктора только потому, что желает, чтобы тот вылечил его. Ребенок не выше своего отца, когда хочет поиграть с ним в какую-нибудь забавную игру.

Наоборот, именно тот, кто отваживается прийти к Богу и отдать что-то, вместо того чтобы получить что-то, возвышает себя над Ним. Претендуя на самоотречение, он воображает себя благодетелем Бога, забывая, что весь мир и так уже принадлежит Богу (Пс. 50:12)!

Итак, только гедонист рассматривает поклонение Богу как акт настоящего смирения, поскольку только он приходит к Нему с пустыми руками. Христианский гедонист отдает Богу дань уважения в признании (и, конечно же, в чувстве!), что только Он может удовлетворить наше желание быть счастли-

вым. Поклонение — это самоцель, поскольку мы прославляем Бога тем, что вечно радуемся в Нем.

Три стадии поклонения

Меня могут понять неправильно. Может сложиться впечатление, что мы не можем поклоняться Богу по-настоящему, пока нас не переполнят чувства радости, наслаждения, надежды, благодарности, изумления, благоговения и смиренного почтения. Но я не думаю, что все это непременно подразумевается в том, что я сказал выше.

Я различаю три стадии, ведущие к идеальному поклонению. Мы можем пройти через все эти стадии за час. И если они действительно ведут нас к обретению радости в Боге, то Он желает, чтобы мы прошли через все эти стадии. Назову эти стадии в обратном порядке:

1. Последняя стадия — это когда мы чувствуем независимую ни от чего радость, видя многочисленные Божьи качества: радость в благодарности, изумлении, надежде и восхищении. «Как туком и елеем насыщается душа моя, и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои» (Пс. 62:6). На этой стадии мы получаем удовлетворение от Божьего величия. Мы переполнены радостью в общении с Ним. Это и есть торжество христианского гедонизма.

2. Средняя стадия — когда мы только вкушаем радость, но зачастую не ощущаем ее полностью. Мы скорее стремимся к ней и желаем обрести ее. Вкусив однажды блаженство торжества, мы воскрешаем в памяти Божью благодать. Но нам кажется, что она далека от нас. Мы убеждаем себя не грустить, поскольку уверены, что вновь будем славить Господа (Пс. 41:6). И все же наши сердца еще не так пылки.

Даже если на этой стадии мы и уступаем образцу решительности, сердце все равно чувствует восхищение и надежду и мы по-прежнему чтим Бога. Так, мы воздаем должное воде, те-⁴ «УЩей из горного источника, не только когда, отведав ее,

восклицаем «ах», но и когда, лишь взбираясь на гору, уже не утолимо жаждем ее.

Названные мною две стадии не так сильно различаются в истинном верующем, поскольку любое удовлетворение в этой жизни все еще смешано с острым желанием получить удовлетворение, а всякое истинное желание уже отвело воду жизни, несущую удовлетворение для нашей души. Дейвид Брейнерд выражает этот парадокс так:

Недавно Богу было угодно изнурять мою душу едва ли не каждую минуту, так что я был вынужден довольствоваться болью. Когда я подлинно наслаждаюсь Богом, я чувствую, как ненасытно желаю быть рядом с Ним и как неутолимо мое стремление к святости⁴⁵.

3. Низшая стадия, где начинается настоящее поклонение и где оно зачастую возвращается в период мрака. На этой стадии мы видим, что душа еще бесплодна; в ней просыпается лишь незначительное желание. И все же, несмотря на едва различимую любовь, ей уже дарована благодать покаянной печали. «Когда кипело сердце мое и терзалась внутренность моя, тогда я был невежда, и не разумел; как скот был я пред Тобою» (Пс. 72:21,22).

Карнелл указывает на ту же самую стадию, когда говорит следующее:

Мы знаем, что честность бывает двух видов: она обнаруживается посредством либо спонтанного проявления добра, либо спонтанной печалью, когда добро сделать не удастся. В первом случае мы видим непосредственное исполнение, во втором — косвенное⁴⁶.

Поклонение — это радостное возвращение Богу сияния Его славы. Вот идеал. Ибо Бог прославляется гораздо больше тогда, когда мы радуемся в Его величии, нежели когда мы так равнодушны к этому, что с трудом что-либо чувствуем, и желаем только то, что можем пожелать. Но все же Он прославляется и едва различимыми проблесками предвкушаемой радости. Ведь эти проблески рождают в нас печаль, которую мы

чувствуем, когда наши сердца вялы и едва горят. Даже когда к нам приходит осознание своей вины, наши чувства значительно отличаются от бесчувственности животных; ведь Божья слава по-прежнему сияет. Если бы мы не желали так настойчиво быть с Богом, разве чувствовали бы мы себя печальными от того, что не вкушаем в полной мере радость от общения с Ним?

Тем не менее, если мы хотим действительно прославить Бога, даже печаль должна быть в каком-то смысле самоцелью — это не значит, что мы не должны стремиться к чему-то лучшему; нет, она должна быть подлинной и спонтанной. Преднамеренной печалью нельзя отразить даже ту славу, которой нам недостает. Как говорит Карнелл, «косвенное исполнение лишено всякого достоинства, когда оно — продукт нашего сознательного стремления. Как бы мы ни старались осознанно сожалеть о чем-то, мы никогда не сможем подлинно сожалеть об этом. Человеческими усилиями нельзя вызвать печаль»⁴⁷.

Нравственный враг поклонения

Из этих размышлений о природе поклонения можно сделать следующий вывод: протест против гедонизма негативно повлиял на дух поклонения многих церквей и отдельных верующих. Широко распространившееся убеждение, что высокие нравственные поступки должны быть лишены собственных интересов, — вот подлинный враг настоящего поклонения. Говорят, что служение Богу — это наивысшее нравственное деяние, которое может совершить человек. Поэтому, заключают многие люди, единственное основание и побуждение для служения Богу — это представление о нравственности как о долге, лишенном всякого интереса. Однако когда поклонение сводится просто к долгу, безо всякой личной заинтересованности, оно перестает быть поклонением. Ибо настоящее поклонение — это праздник, торжество.

Я не оказываю никакого почтения ни Богу, ни своей жене, когда мы отмечаем лучшие дни в наших взаимоотношениях лишь из чувства долга. Они получают славу, когда я нахожу в них удовольствие! Поэтому, для того чтобы чтить Бога в поклонении, мы не должны стремиться к Нему безо всякого интереса, боясь обрести в этом поклонении радость и тем самым разрушить нравственную ценность действия. Вместо этого, мы должны стремиться к Нему «гедонистически» — так, как лань стремится к потокам воды; стремиться именно для того, чтобы обрести радость в познании Его. Поклонение — это не что иное, как послушание заповеди Господней: «Радуйтесь в Господе!»

Ложная добродетель гасит дух поклонения. Человек, обладающий смутным представлением о том, что достоинство как раз и заключается в преодолении личной заинтересованности и что поэтому искать удовольствия — порочно, едва ли способен служить Богу. Ибо поклонение — это самое гедонистическое занятие в нашей жизни. Его нельзя разрушать даже малейшей мыслью о беспристрастности и незаинтересованности. Самое главное препятствие в поклонении — это не наше стремление к обретению радости, а наша готовность довольствоваться столь незначительными наслаждениями.

Пророк Иеремия описывает эту ситуацию таким образом:

Переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги?
а Мой народ променял славу свою на то, что не помогает. По-
дивитесь сему, небеса, и содрогнитесь и ужаснитесь, говорит
Господь. Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды
живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые
не могут держать воды (Иер. 2:11-13).

Небеса сотрясаются и приходят в смятение, когда люди так быстро теряют свою веру в удовольствие, довольствуясь лишь разбитыми водоемами.

Мы слишком легко получаем удовольствие

Одним из самых поразительных моментов на моем пути к христианскому гедонизму была проповедь, которую прочитал К. С. Льюис в 1941 г. Он сказал:

Если в каком-либо уме затаилось убеждение, что дурно желать себе добра и искренне надеяться на удовлетворение, я отвечаю, что это убеждение вкралось туда из философии Канта и стойков и не имеет ничего общего с христианской верой. Действительно, если мы рассмотрим откровенные обетования вознаграждения и поразительную суть вознаграждений, данных нам в Евангелии, станет ясно, что наш Господь называет наше желание слишком слабым, а не слишком сильным. Мы нерешительны и поэтому играем с алкоголем, сексом и амбициями, в то время как нам предлагается вечная радость. В этом мы подобны невежественному ребенку, продолжающему лепить в трущобах пирожки из грязи, потому что он не может представить себе поездку к морю, которую ему предлагают. Нам слишком трудно угодить⁴⁸.

Вот оно! Враг истинного поклонения — слабость нашего желания получить удовольствие. Мы довольствуемся домом, семьей, новыми друзьями, работой, телевизором, микроволновой печью, редкими выходными, проведенными вне дома, отпуском и, возможно, новым компьютером. Нам стали так привычны эти преходящие, временные удовольствия, что наши способности радоваться стали неэффективными. Поэтому неэффективно и наше поклонение Богу. Очень много людей едва ли могут вообразить себе, что означает этот «отпуск на море» — поклонение живому Богу.

Неэффективность дарвиновской души

Пытаясь долгое время утолить жажду из разбитого водоема, многие люди едва не потеряли возможность радоваться в Господе. Они ничем не отличаются от Чарльза Дарвина.

В конце жизни он написал автобиографию, где выразил сожаление по поводу одного момента:

Вплоть до тридцати с небольшим лет разнообразная поэзия... доставляла мне несравненное удовольствие. Еще будучи школьником, я зачитывался Шекспиром... а еще раньше картины и музыка возбуждали во мне живой интерес. Но теперь, по прошествии многих лет, мне не стерпеть и одной строчки в стихе. Я пытался читать Шекспира и нашел его так нетерпимо нудным, что это вызвало у меня отвращение к его поэзии. У меня также пропал вкус к картинам и музыке... У меня остался кое-какой вкус к прекрасным пейзажам. Однако и они не вызывают во мне той изысканной радости, какую я имел когда-то... Мой разум, судя по всему, стал напоминать машину по оттачиванию общих законов из огромного набора фактов. Но я не могу понять, почему это стало причиной притупления лишь той определенной части мозга, от которой зависят все наши возвышенные вкусы... Их потеря означает для меня потерю счастья. Кроме того, это может негативно сказаться на интеллекте и, вероятнее всего, на нравственном облике, ибо потеря вкуса ослабляет и эмоциональную часть нашей природы⁴⁹.

Богослужения по всей земле несут на себе отпечаток этого процесса. Для многих христианство — это оттачивание общих доктринальных законов из набора библейских фактов. Детское изумление и благоговение в нас умерли. Величественные пейзажи, чудесная поэзия и проникновенная музыка Божьего величия — все это стало для нас сухим.

Ирония заключается в том, что мы сами способствуем тому, чтобы у людей появлялась сухость. Мы говорим им, что они не должны стремиться получить удовольствие, особенно в поклонении⁵⁰. Мы тысячами разных способов намекаем им, что добродетель действия убывает прямо пропорционально нашему наслаждению этим действием. Мы убеждаем людей, что очень плохо стремиться к обретению радости в каком-либо действии. Эта идея наполняет христианскую атмосферу словно газ.

Иммануил Кант против гл. 6 Послания к Евреям

Льюис полагал, что виновником этой неразберихи следует считать Иммануила Канта (умер в 1804 г.). Так же полагала и атеистка Айан Рэнд. Ее поразительный анализ кантовской этики, если и не исторически точный, дал, по меньшей мере, хорошее представление о том, каким образом воплощение этой этики в жизнь парализовало церковь:

Кант говорил, что действие может быть нравственным, только когда оно делается без воли делающего, из одного чувства долга, и если при этом из него не извлекается какая-либо выгода, будь она материальной или духовной. Выгода разрушает нравственную ценность действия. (Поэтому, если кто-нибудь не желает быть злым, он не может быть добрым; и, наоборот, только тогда он может быть добрым, когда желает быть злым.)⁵¹

Айан Рэнд ставит знак равенства между этой идеей и христианством и без промедления отвергает его. Но это и не христианство! Ее трагедия, как и трагедия всей церкви, заключается в том, что эта идея стала превалировать в христианстве — идея о том, что стремление к обретению радости не несет в себе высшую степень нравственности, если вообще не аморально.

О, если бы Айан Рэнд поняла, что говорит ее современница, христианка Флэннери О'Коннор:

Не могу себе представить, чтобы самоотречение сочеталось с послушанием или даже что оно добро само по себе. Вы всякий раз отказываетесь от меньшего добра ради большего. Сущность греха противоположна этому... Усилие ради послушания... — это усилие не для того, чтобы подчиниться, а для того, чтобы принять, и принять страстно. Или, другими словами, принять с радостью. Представьте себе, как я стискиваю зубы, выставляя напоказ радость, — но в полном вооружении, ведь это очень опасная затея⁵².

Аминь!

Каждое воскресное утро Евр. 11:6 вступает в смертельную схватку с философией Иммануила Канта. «А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и *ищущим Его воздает*» (Евр. 11:6). Нельзя угодить Богу, если вы приходите к Нему не за вознаграждением. Поэтому поклонение, угодное Богу, не может совершаться без гедонистического стремления к Господу. Он Сам — то величайшее вознаграждение, которое мы получаем. В Его присутствии мы обретаем полноту радости и в Его деснице — вечные наслаждения. Поклонение — это торжество христианского гедонизма.

Занятие для разума

Бог ищет тех людей, которые поклоняются Ему «в духе и истине» (Ин. 4:23). Ранее я сделал акцент на слове «дух». Теперь, как я считаю, следует восстановить баланс, сказав, что истинное поклонение всегда сочетает в себе поклонение сердцем и разумом, эмоциями и мыслями, чувствами и размышлениями, прославлением и богословием.

«Истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине» (Ин. 4:23). Истинное поклонение не основано лишь на чувствах, без здравого библейского учения. Только те чувства прославляют Бога, которые имеют в своем основании камень библейской истины.

А иначе, как мы будем истолковывать слова апостола: «Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению» (Рим. 10:2)? И что можно заключить из молитвы Христа: «Освяти их истиною Твоею: слово Твое есть истина» (Ин. 17:17)? И разве эти Его слова не важны: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32)? Свобода, когда мы служим Богу, возможна в качестве плода истины. Те религиозные чувства, которые не проникнуты верным пониманием Бога, не могут быть названы ни святыми, ни истинно свободными, как бы сильны они ни были.

Поэтому пасторское свидетельство Джонатана Эдвардса мне всегда казалось по-настоящему библейским. Он был самым выдающимся защитником Великого пробуждения, которое произошло в Новой Англии в 40-х гг. XVIII столетия. Успехи этого пробуждения вызывали ожесточенную критику из-за того, что оно сопровождалось явной эмоциональной неводержанностью.

Чарлз Чонси, пастор Первой церкви Бостона, энергично противостоял этому пробуждению. Он указывал на все его крайности: «Обмороки и падения на землю... пронзительные крики и вопли; дрожь, схожая с конвульсиями, и возбуждение, беспорядки и волнения»⁵³.

Эдварде не оправдывал крайности. Тем не менее он искренне защищал глубокие и неподдельные чувства, основанные на истине Писания. Он доказывал свою правоту следующими тщательно подобранными словами:

В соответствии со своими обязанностями, мне следует пробуждать чувства своих слушателей так энергично, как только это возможно, стараясь добиться того, чтобы на людей влияла только истина; их же чувства, затронутые моими словами, должны находиться в согласии с тем, что на них влияет⁵⁴.

Эдварде был полностью убежден, что сильные чувства в поклонении имеют очень важное значение, ибо:

Духовное так грандиозно, что, исходя из природы сердца и его важности, не может быть ничего подходящего для него, пока оно не станет живым и действенным. Ни в чем не требуется так энергично проявлять наши наклонности и нигде равнодушие так не мерзко, как в делах религии⁵⁵.

Только тот пыл в богослужении ценил Эдварде, который исходил от света. В 1744 г. он проповедовал во время обряда рукоположения, используя для своей проповеди отрывок об Иоанне Крестителе: «Он был светильник, горящий и светящийся» (Ин. 5:35). В сердце должен быть огонь, а в разуме — свет, причем любой огонь должен подтверждаться светом!

Если у служителя есть свет без огня и он развлекает своих слушателей научными рассуждениями, без силы благочестия, духовного усердия, рвения ради Бога и без учета блага людей, он может доставить удовольствие слуху и наполнить головы людей бесполезными понятиями. Но он, скорее всего, не сможет удовлетворить их духовные нужды. С другой же стороны, если им движет страстная и неумеренная ревность и неистовый пыл, без света, он, скорее всего, воспламенит в людях огонь нечестия и только разожжет их порочные страсти и склонности. Однако он не сделает их лучше и не поведет, не торопясь, дорогой, ведущей на небеса; наоборот, он погонит их по иному пути⁵⁶.

Страстное стремление к Богу, имеющее свое основание в истине Писания и сформированное им, — вот основа для библейского поклонения.

Поэтому христианский гедонизм энергично противостоит всем попыткам вбить клин между глубокой мыслью и сильными чувствами. Он отвергает популярную идею о том, что основательные размышления гасят пылкие эмоции. И он противостоит тем, кто говорит, что сильные чувства развиваются, только когда отсутствует ясно выраженная доктрина.

В противоположность этому, христианский гедонист, вместе с Эдвардсом, убежден, что только те чувства возвеличивают Божье достоинство, которые исходят из правильного понимания Его славы. И если торжество поклонения случается на земле нечасто, — это результат голода по Слову Божьему (Ам. 8:11,12).

Форма поклонения

Теперь нам ясно, что форма поклонения должна включать в себя два момента: источник для того, чтобы разум постиг истину Божьей реальности, и источник для того, чтобы сердце могло отзываться на величие этой истины. Иными словами, нам нужны те формы, которые зажигают чувства библейской истиной и которые выражают их с библейской ревностью.

Разумеется, правильные формы поклонения включают оба этих момента. Хорошие проповеди, гимны и молитвы вдохновляют богослужение. И они дают максимальную пользу, когда становятся гедонистическими и, следовательно, богочентричными.

Рассмотрим, например, проповедование. Джон Бродус был поразительно точен, когда более ста лет назад написал следующее:

Служитель может законным образом звать как к желанию обрести счастье, так и к его негативному двойнику — боязни оказаться несчастливym. Те философы [Кант?], которые настаивают на том, что мы должны поступать правильно только из-за того, что это правильно, вообще не философы, так как они либо невежественны в отношении человеческой природы [и я бы добавил — Писания], либо просто потакают фантастическим спекуляциям⁵⁷.

Или возьмем гимны. Насколько они гедонистичны! Гимны — это глас влюбленных, а влюбленные менее всего задумываются об обязанностях; они стремятся только к одному — к Богу.

О Иисус, Ты — радость любящих сердец,
Ты — источник жизни, свет для людей.
После лучшего блаженства, которое дает земля,
Мы, оставшись пустыми, поворачиваемся вновь к Тебе.

Бернар Клервоский

О Иисус, бесценное сокровище,
Источник чистейшего удовольствия,
Мой самый лучший друг.
Долго мое сердце томилось,
Пока едва не ослабело,
Жажда Тебя.
Я — Твой, о незапятнанный Агнец.
Не позволю ничему скрыть Тебя,
Не буду просить никого, кроме Тебя.

Джоан Франк

О Иисус, я отдыхаю,
Чувствуя радость от того, Кто Ты есть.
Я узнаю великолепие
Твоего любящего сердца.
Ты заповедал мне взирать на Тебя,
И Твоя красота наполняет мою душу,
Ибо Своей преобразующей силой
Ты восстановил меня.

Жан-София Пиго

И что лучше всего подходит для церковных молитв, как не эти вдохновленные (гедонистические!) молитвы псалмопевцев:

Ты исполнил сердце мое веселием с того времени, как у них хлеб и вино умножились (Пс. 4:8).

И возрадуются все уповающие на Тебя, вечно будут ликовать, и Ты будешь покровительствовать им; и будут хвалиться Тобою любящие имя Твое (Пс. 5:12).

Буду радоваться и торжествовать о Тебе, петь имени Твоему, Всевышний (Пс. 9:3).

А я в правде буду взирать на лице Твое; пробудившись, буду насыщаться образом Твоим (Пс. 16:15).

Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце (Пс. 39:9).

Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови, внутри меня. <...> Возврати мне радость спасения Твоего, и Духом владычественным утверди меня (Пс. 50:12,14).

Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной, чтобы видеть силу Твою и славу Твою, как я видел Тебя во святилище. Ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь. Уста мои восхвалят Тебя (Пс. 62:2—4).

Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек (Пс. 72:25,26).

Когда народ Божий — и особенно те, кто ведет их к поклонению, — молятся в этом духе — богочентрично и гедонистически, — тогда форма одновременно и выражает подлинное богослужение, и вдохновляет его.

Но так или иначе форма — это не главное. Видим ли мы величие Христа — вот основной вопрос. Богослужение совершается, когда Бог, «повелевший из тьмы воссиять свету», озаряет и наши сердца, «дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2 Кор. 4:6).

Нам нужно увидеть и почувствовать несравнимую ни с чем величественность Сына Божьего. Она несравнима потому, что в Нем идеально сочетаются безграничная слава и величайшее смирение, безграничное величие и трансцендентная покорность, глубочайшее почтение к Богу и соравенство с Богом, безграничное достоинство блаженства и величайшее терпение в страдании от зла, высочайшее превосходство и безмерное послушание, божественная вседостаточность и детское доверие⁵⁸.

Ирония нашего человеческого состояния заключается в том, что Бог дал нам возможность лицезреть в Иисусе Христе Его славу, но мы Его величественному дворцу, находящемуся на вершине горы, предпочли убогую полутемную пещеру. Мы довольствуемся тем, что лепим из грязи пирожки, так как совершенно не можем вообразить себе каникулы на море.

Увещание и описание одной жизненной ситуации

Я завершаю эту главу увещанием и описанием одной жизненной ситуации. Не допускайте, чтобы ваше поклонение превратилось в исполнение простых обязанностей. Не позволяйте детскому благоговению и изумлению питаться небиблейскими представлениями о добродетели. Не позволяйте умереть величественным пейзажам, поэзии и музыке ваших отношений с Богом. У вас есть способность радоваться, и эту

радость вы вряд ли сможете себе представить. Ваши способности даны вам для того, чтобы вы наслаждались Богом. Он Сам может пробудить их, вне зависимости от того, сколько времени они находились в сонном состоянии. Просите Его о том, чтобы Он пробудил их. Откройте глаза, чтобы увидеть Его славу. Она — вокруг вас. «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18:2).

Однажды ночью я летел из Чикаго в Миннеаполис, и в самолете почти не было пассажиров. Пилот объявил, что над озером Мичиган и в штате Висконсин началась гроза. Поэтому он, чтобы не попасть в тряску, отклонится немного к западу. Я сидел и пристально вглядывался в совершеннейшую тьму. Внезапно все небо озарилось светом, и углубление в белых облаках начало стремительно снижаться и вскоре исчезло. Мгновение спустя все небо от края до края прорезал гигантский белый туннель света и быстро исчез. Вскоре молнии начали бить едва ли не каждую секунду, а из облаков и отдаленных снежных вершин гор стали вырываться вулканы света. Сидя в самолете, я едва верил своим глазам. «О Господь, если это только искры от острия Твоего меча, каков же будет день Твоего явления!» Мне вспомнились слова Христа:

Как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой (Лк. 17:24).

Даже сейчас, когда я вспоминаю это зрелище, слово «слава» для меня наполнено чувством. Я благодарю Бога за то, что Он вновь и вновь пробуждает мое сердце, дабы оно жаждало Его, познавало Его, устремлялось на торжество христианского гедонизма и служило Царю славы. Пиршественный зал Его дворца огромен.

И Дух и невеста говорят: прииди!.. Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром (Отк. 22:17).

Любовь

Труд христианского гедонизма

В каком-то смысле самый благожелательный, великодушный человек в мире ищет для себя радости в том, что творит добро другим, поскольку он видит свое счастье в их благе. Его душа так велика, что как бы принимает их в себя. Поэтому когда они счастливы, он чувствует это; он становится заодно с ними и счастлив в их счастье. Свободная благожелательность и доброта заключены в этом счастье.

Джонатан Эдварде

Доброхотно дающего любит Бог.

Апостол Павел

До сих пор я говорил о том, что лишенная всякого интереса благотворительность по отношению к Богу не что иное, как зло. Если вы приходите к Богу из чувства долга, принося Ему вознаграждение от вашего общения, а не жаждая этого вознаграждения от Него, вы тем самым прославляете себя, а не Его — вашего благотворителя, словно бы Он нуждается в ваших жертвованиях. Это и есть зло.

Единственный способ, с помощью которого мы действительно прославляем вседостаточного Бога в нашем поклонении, заключается в том, что мы должны прийти к Нему с такими словами: «Полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек» (Пс. 15:11). До сих пор эта мысль была главной. Мы можем назвать ее вертикалью христианского гедонизма. На вертикальной оси жизни, между человеком и Богом, поиск удовольствия не просто терпим. Это обязанность, ибо написано: «Радуйтесь... в Господе!» (Флп. 4:4). Основное предназначение человека — прославлять Бога через вечную радость в Нем.

А как насчет горизонтали христианского гедонизма? Каковы должны быть наши взаимоотношения с другими людьми? Разве лишенная всякого интереса благотворительность — это идеал в общении между людьми? Или же, напротив, стремление к удовольствию не только допустимо, но и обязательно, когда речь заходит о любви, угодной Богу?

В этой главе дается такой ответ: стремление к удовольствию — основной мотив в каждом добром деле. Иными словами, если вы преследуете цель отказаться от стремления

к полному и постоянному удовольствию, вам не удастся по-любить людей или угодить Богу.

Ищет ли любовь своего?

То, что я сказал, нужно сначала объяснить, а затем защитить. Я умоляю вас проявить терпение и быть открытыми. В этой главе я пойду против течения. Однажды, когда я проповедовал об этом, один профессор философии написал мне письмо, в котором содержались следующие критические высказывания в мой адрес:

Разве не в том заключается противостояние морали, что мы должны делать добро, так как оно — добро? <...> Я полагаю, что нам следует совершать добро и быть добродетельными, исходя из самого добра и самой добродетели. Божье благословение и чувство счастья — результат этого, но никак не повод, чтобы делать это.

Другой известный писатель говорит:

В случае с христианином, счастье никогда не может быть целью его поисков. Это всегда непредсказуемый сюрприз в его жизни, как следствие служения Богу.

Я считаю, что подобные высказывания противоречат Писанию и сущности любви и, в конце концов (вовсе ненамеренно), бесчестят Бога.

Без сомнения, на ум сразу приходят библейские отрывки, которые на первый взгляд противоречат моим словам. Взять хотя бы знаменитую гл. 13 Первого послания к Коринфянам — «гимн любви». Павел пишет: «Любовь... не ищет своего» (1 Кор. 13:5). Ранее в этой главе он увещевает церковь: «Никто не ищи своего, но каждый пользы другого. <...> ...Так как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись» (1 Кор. 10:24,33). В другом месте он говорит: «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать: каждый из нас должен угождать

ближнему, во благо, к назиданию. Ибо и Христос не Себе угождал, но как написано: „злословия злословящих Тебя пали на Меня"» (Рим. 15:1-3).

Когда люди вырывают подобные отрывки из текста и не размышляют над ними, создается впечатление, что сущность христианской нравственности заключается в следующем: когда творишь добро другим людям, стремись освободиться от собственных интересов. Тем не менее есть вполне веские причины полагать, что подобное впечатление ошибочно. Ведь в данном случае не учитывается контекст всего отрывка, не говоря уже о других отрывках Нового Завета.

Рассмотрим для начала контекст гл. 13 Первого послания к Коринфянам. В ст. 5 написано, что любовь не ищет своего. Но разве это означает, что наслаждаться любовью ошибочно в абсолютном смысле слова? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте вначале рассмотрим более широкий библейский контекст.

Должны ли мы радоваться, когда творим милость?

Пророк Михей говорит, что Бог заповедует нам быть не только милостивыми, но и «любить дела милосердия». Он пишет: «О, человек! сказано тебе, что — добро, и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих. 6:8). Другими словами, Бог заповедует не просто творить дела милосердия, но *любить и хотеть* быть милосердным. Если вы любите быть милосердным, то что может удержать вас от удовлетворения вашего желания творить дела милосердия? Когда вы творите дела любви, что может удержать вас от стремления к обретению радости и счастья, если эта радость — составная часть милосердия? Разве послушание заповеди «любить дела милосердия» означает, что вам теперь не следует подчиняться учению, которое гласит, что «любовь не ищет своего» (1 Кор. 13:5)?

Нет, вовсе не так. Ближайший контекст этого отрывка дает нам основание полагать, что учение Павла в 1 Кор. 13:5 не прещает стремиться к обретению радости в любви. Джона-тан Эдварде совершенно прав, когда говорит о заблуждении, которому противостоит 1 Кор. 13:5:

Заблуждение заключается не в степени, до которой простирается любовь [человека] к обретению собственного счастья, а в поиске счастья там, где его нет, а также в ограничении своей любви. Есть такие люди, которые, хотя и любят быть счастливыми, не основывают свое счастье на собственном ограниченном благе или на том благе, которое ограничено только ими. Они ищут своего счастья в общем благе — в благе для других... Поэтому когда говорят, что любовь не ищет своего, следует относить это к собственному благу — благу, которое ограничено самим собой⁵⁹.

*Допускает ли Павел,
что мы не будем стремиться извлечь пользу?*

Сказанное выше подтверждается словами Павла, когда он стремится побудить нас к подлинной любви: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13:3). Если такая любовь не осмеливается задерживать свой взгляд на том, что служит к ее собственной пользе, не странно ли звучат слова Павла, которыми он предупреждает нас: отсутствие любви лишает нас «пользы»? Однако в действительности он говорит: «Если у вас нет настоящей любви, ничто не принесет вам настоящую пользу».

Без сомнения, могут сказать, что польза — это плод истинной любви. Однако чтобы любовь была подлинной, она не должна мотивироваться извлечением пользы. Словом, вполне оправданно, когда Бог вознаграждает нас за проявление любви, но никак недопустимо, чтобы мы стремились к любви, руководствуясь обещанием награды. Если это так, то почему в ст. 3 Павел увещевает нас, что, не любя, мы теряем

свою награду? Если желание обрести «пользу» в любви разрушает нравственную ценность любви, то совсем нецелесообразно учить кого-то, что следует любить, чтобы не потерять «награду».

Оправдывая Павла за недостаточностью улик, не следует ли сказать, что можно руководствоваться как дурным (отсюда утверждение: «Любовь не ищет своего»), так и хорошим (отсюда увещевание: «Если я не имею любви, нет мне в том никакой пользы»)? По словам Эдвардса, мы должны руководствоваться подлинной «выгодой» — счастьем, приобретаемом в самом акте любви, или в благе, которое достигается в этом акте.

Может ли лишенная всякого интереса любовь радоваться в истине?

Как указывает Эдварде, есть еще один ключ к правильному пониманию намерения Павла: «[Любовь] не радуется неправде, а сорадуется истине» (1 Кор. 13:6). Любовь — это не голый выбор или простое действие. Она включает в себя определенные чувства. Она не просто совершает истинные поступки. И она не просто избирает благо. Она радуется истине. Поэтому приведенный нами отрывок из Мих. 6:8 — вовсе не надуманная параллель. Мы должны «любить дела милосердия»!

Если же любовь радуется в том, что она избирает, она не может быть лишена всякого интереса. Она не может быть равнодушна к своей собственной радости! Радоваться, совершая какое-то действие, — значит получать в нем наслаждение. Именно такое наслаждение можно назвать «пользой». Да, мы можем приобрести большую пользу, чем ту, которую получаем в этом действии; можно даже сказать, что подобное наслаждение — это первый плод непреходящей, вечной радости. Однако сейчас мы можем, по меньшей мере, сказать, что намерение Павла не состояло в том, чтобы запретить нам руководствоваться предвкушаемой радостью, когда мы совершаем акт

любви, под предлогом, что нравственной ценности любви при этом наносится вред. Если бы это было так, то дурной человек, ненавидящий саму картину любви, совершал бы подлинный акт любви, поскольку в нем он не находил бы ничего радостного. Добрый человек, с другой стороны, наслаждающийся видом любви, не мог бы любить по-настоящему, поскольку он при этом якобы извлекал свое из любви, разрушая тем самым ее нравственную ценность.

Итак, слова Павла, что любовь «не ищет своего» (1 Кор. 13:5) никак не противопоставляются утверждению: *стремление к обретению счастья — это главный мотив в каждом добром деле*. В действительности, контекст этого отрывка поддерживает нашу мысль. Писание говорит, что любовь «сорадуется истине» (1 Кор. 13:6). Оно же подразумевает, что мы должны быть бдительными в любви, чтобы не потерять «награду». Награду радости, как в этой жизни, так и в грядущей, получает тот, кто любит.

Если таково намерение Павла в 1 Кор. 13:5, то же самое можно сказать и о его высказываниях в 1 Кор. 10:24,33. В этих стихах представлены лишь специфические обстоятельства, которые подчиняются основному принципу, изложенному в 1 Кор. 13:5. Когда апостол убеждает нас искать не своей пользы, но пользы других, чтобы они обрели спасение, он вовсе не запрещает нам *радоваться* их спасению.

В самом деле, тем, кого Павел обратил в результате своей проповеди, он пишет: «Ибо вы — слава наша и радость» (1 Фес. 2:20). В другом месте он признается: «*Желание* моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение» (Рим. 10:1).

Это не похоже на лишнюю всякого интереса благожелательность. Спасение других людей было радостью и страстным желанием его сердца. Когда он лишал себя отдыха ради этого, он был подлинно христианским гедонистом, а не стоиком, исполненным сознания долга. Поэтому главный урок из 1 Кор. 10:24,33 заключается в том, что нам не следует считать наше личное успокоение большей радостью, нежели

та радость, которую мы получаем, видя, как наши усилия способствуют чьему-либо спасению.

Именно на это обстоятельство также указывается в Послании к Римлянам, где Павел говорит: «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать: каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию» (Рим. 15:1—3). Здесь мы опять видим практическое приложение принципа «любовь не ищет своего». Говоря это, апостол не подразумевает, что мы, когда наставляем наших ближних, не должны стремиться к обретению радости. Его намерение заключается в том, чтобы мы позволили нашей радости стать свободной от сковывающих ее уз личных удовольствий, делающих нас равнодушными к благу других людей. Любовь не ищет своей *собственной, ограниченной* радости. Наоборот, она обретает радость, когда стремится к благу других — к их спасению и наставлению в вере⁶⁰.

Такая любовь и есть любовь по образу Божьему. Он любит потому, что в любви Он находит удовольствие. Он не стремится скрыть от Себя награду за любовь, чтобы Его действию не был нанесен ущерб от предвкушаемой радости, для которой это действие — первопричина.

Я — Господь, творящий милость, суд и правду на земле; *ибо только это благоугодно Мне*,* говорит Господь (Иер. 9:24).

Любовь — это больше, чем дела

Перейдем теперь от защиты к нападению. Действительно, существуют библейские отрывки, которые на первый взгляд запутывают, а не разъясняют суть дела. Однако есть много таких библейских мест, которые напрямую указывают на истинность учения христианского гедонизма. Обратимся к Первому посланию к Коринфянам: «И если я раздам все имение

* В английском переводе Библии — «ибо только в этом я нахожу отраду». — *Примеч. пер.*

мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13:3). Изумительный отрывок! Ведь сам Иисус говорит: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Могли Павел иметь в виду, что, жертвуя своей жизнью ради другого человека, можно совершить это действие без любви?

Одно можно сказать точно: любовь нельзя поставить наравне с жертвой! Ее нельзя сравнить с любым действием! Это замечание — хорошее противоядие общераспространенному учению, согласно которому любовь — это не чувства, а действия. В этом популярном учении заключено двойное благо: 1) простые сердечные чувства никогда не смогут заменить подлинных дел любви (Иак. 2:16; 1 Ин. 3:18); 2) не следует прекращать попыток совершить акт любви, даже если в этом акте человек не чувствует радости, которую он хотел бы иметь. Однако было бы легкомысленно и даже неправильно поддерживать это учение, говоря, что любовь — это лишь дела, а не чувства (см. эпилог, «Причину четвертую», где обсуждается вопрос, как подчиняться, когда ты не ощущаешь в этом радости).

Само определение любви, данное в Первом послании к Коринфянам, опровергает такую выхолощенную идею любви. Так, апостол Павел говорит, что «любовь не завидует...не раздражается...асорадуется истине...всего надеется» (1 Кор. 13:4—7). Все это *чувства*. Если в вас появляются такие чувства, как зависть или раздражение, — вы не любите. И если у вас нет радости в истине и надежде — вы все еще не любите. Иными словами, любовь больше, чем просто чувства. Но она и не меньше, чем чувства.

Это замечание помогает нам понять поразительное утверждение о том, что можно отдать свое тело на сожжение и все равно не иметь любви. Очевидно, что действие не может быть охарактеризовано как любовь до тех пор, пока оно не имеет в себе верных побуждений. Но может ли стать таким побуждением сама готовность умереть? Вы бы ответили на этот вопрос утвердительно, если бы сущность любви заключалась в

отказе от всякого собственного интереса. Кто-то мог бы сказать, что самопожертвованию как акту явно выраженной любви наносится непоправимый ущерб, когда к нему примешивается намерение получить вознаграждение после смерти или оставить после себя на земле добрую память.

Однако это только часть ответа, а не весь ответ. В нем не проводится разграничение между тем, какая награда после смерти соответствует стремлению совершить какой-либо иной акт, кроме любви. Не учитываются в нем и те чувства, которые должны сопровождать внешнее «действие» любви для того, чтобы она была подлинной любовью.

Чтобы ответить на эти вопросы, мы, в свою очередь, должны задать себе другой вопрос. Что общего любовь к человеку имеет с нашей любовью к Богу и Его благодати по отношению к нам? Может ли быть так, что причина, по которой человек отдает свое тело на сожжение, но при этом не имеет любви, в том, что это действие не имеет какой-либо связи с подлинной любовью к Богу? Может ли быть так, что выдвинутая Павлом концепция горизонтальной любви между людьми подлинна только в том случае, если она представляет собой продолжение вертикальной любви к Богу? В самом деле, было бы странно, если бы апостол, сказавший: «Все, что не по вере, грех» (Рим. 14:23), определял бы подлинную сущность любви вне всякой связи с Богом.

Любовь — это переполнение радостью в Боге

Во Втором послании к Коринфянам нам дается понять, что Павел видел подлинную любовь только в ее связи с Богом:

Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквям Македонским; ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью, и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия; ибо они доброхотны по силам и сверх сил — я свидетель: они весьма убедительно просили нас принять дар и участие их в служении святым (2 Кор. 8:1-4).

Павел желал, чтобы коринфяне узнали о той благодати, которая пребывает среди македонских верующих. Причина этого желания заключалась в том, что он надеялся на повторение того же самого у них в городе. Он путешествовал по церквям и собирал пожертвования для святых в Иерусалиме, испытывающих временные затруднения (Рим. 15:26; 1 Кор. 16:1—4). В гл. 8 и 9 Второго послания к Коринфянам он призывает их быть более щедрыми. Заметим главное: апостол пишет им, что пожертвования — это испытание их *любви*. «Говорю это не в виде повеления, но усердием других испытываю искренность *и вашей любви*» (2 Кор. 8:8).

Смысл этого стиха очевиден (особенно по слову «и»): искренность македонских верующих — это пример любви, которому коринфяне «также» должны подражать. Подробно рассказывая о непритворной любви македонян, Павел стремится побудить коринфян *к такой же* подлинной любви. Поэтому в данном стихе мы наблюдаем картину испытания делом, с помощью которого мы можем понять, на что в реальной жизни похожа любовь, сущность которой изложена в гл. 13 Первого послания к Коринфянам. Македонские христиане отдали святым в Иерусалиме свое имущество (сравните с 1 Кор. 13:3: «...если я раздам все имение мое...»). Однако *в нашем случае* это истинная любовь, тогда как в случае, о котором говорит Павел в Первом послании к Коринфянам, — нет. Почему же щедрость македонян стала подлинным актом любви?

Природу настоящей любви можно разложить на четыре составные части.

Во-первых, любовь — это работа божественной *благодати*. «Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквям Македонским» (2 Кор. 8:1). Щедрость верующих из Македонии исходила не из человеческого желания. Несмотря на то что они давали «доброхотно», их готовность жертвовать была Божьим даром, работой в них благодати.

То же самое взаимодействие Божьей суверенной благодати и человеческой готовности как ее непосредственного результата можно увидеть в другом месте этой же главы:

Благодарение Богу, *вложившему в сердце Титово такое усердие к вам*; ибо, хотя и я просил его... он... пошел к вам *добровольно* (2 Кор. 8:16,17).

Бог вложил в сердце Тита усердие, и поэтому он пошел к ним добровольно. Готовность и желание — дары Божьи. Они — работа божественной благодати.

Во-вторых, исполнившись Божьей благодатью, македоняне почувствовали радость. «Они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью, и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия» (2 Кор. 8:2). Их радость, заметим, не была обусловлена тем, что Бог дал им финансовое процветание. Наоборот, они пребывали в глубокой нищете! Но именно в такой нищете они находили радость. Поэтому их радость была радостью в Боге.

В-третьих, их радость в Божьей благодати преизбыточествовала в богатстве их радушия по отношению к другим людям. «Изобильная радость и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия»*. Тем самым гостеприимство, выражаемое в горизонтальной плоскости по отношению к людям, было обусловлено изобильной радостью в Божьей благодати.

В-четвертых, македонские верующие умоляли Павла о возможности пожертвовать свои скудные средства для святых в Иерусалиме. «Ибо они доброхотны... сверх сил... они весьма убедительно просили нас принять дар и участие их в служении святым» (2 Кор. 8:3,4). Иными словами, их изобильная радость в Боге была жертвенной радостью. Они *хотели* пожертвовать, и это было их радостью!

* Так в английском переводе Библии. На основании этой фразы Построены дальнейшие рассуждения автора. — *Примеч. пер.*

Исходя из всего вышесказанного, мы можем дать такое определение любви, в котором принимается во внимание сам Бог и которое включает в себя чувства, сопутствующие внешнему проявлению любви. Итак, *любовь — это переполнение радостью в Боге, которая охотно отзывается на нужды других людей.*

Павел поставил македонян в пример не просто потому, что они жертвовали ради нужд своих ближних. Он делает акцент на том, что они делали это *с любовью* (вспомните Мих. 6:8!). Они были преисполнены РАДОСТЬЮ! Они «убедительно просили» Павла принять их пожертвования. Они нашли удовольствие в том, чтобы быть каналом Божьей благодати — каналом от своей нищеты до нищеты святых в Иерусалиме. Это просто удивительно!

Вот почему человек может отдать свое тело на сожжение и все равно не иметь любви. Любовь — это переполнение радостью *в Боге*. Это не обязанность ради обязанности или привилегия ради привилегии. Это не решительный отказ от своего блага исключительно ради блага другого человека. Любовь — это прежде всего глубокое чувство удовлетворения полнотой Божьей благодати. Только пережив это, мы можем ощутить двойное удовлетворение, делясь божественной благодатью с другим человеком.

Мы можем быть уверены, что когда жившие в нищете македоняне умоляли Павла взять их деньги для таких же нищих христиан, именно это они и хотели сделать. Они не просто должны были это сделать. Нет, на самом деле они жаждали этого. Помощь святым, жившим в Иерусалиме, была их радостью — продолжением той радости, которую они уже имели в Боге. Разумеется, какое бы удовольствие или утешение они ни получали, отдавая свои сбережения, они «отрекались от себя». Однако радость от распространения Божьей благодати другим людям намного ценнее любых сокровищ. Македонские верующие раскрыли труд христианского гедонизма: любовь — переполнение радостью в Боге, которая охотно отзывается на нужды других людей.

Бог любит доброхотно дающего

В гл. 9 Второго послания к Коринфянам мы обнаруживаем подтверждение того, что мы на верном пути. Павел по-прежнему побуждает коринфских верующих быть щедрыми. Он пишет:

При сем (скажу): кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет. Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо *доброхотно дающего любит Бог* (2 Кор. 9:6,7).

Здесь, как мне представляется, говорится о том, что Богу не угодно такое великодушие, которое проявляется безо всякой радости. Когда люди не находят удовольствия (говоря Словами Павла, «охоты») в служении своим ближним, Богу не угодно такое служение. Он любит доброхотно дающих, доброхотно служащих. Как понимать слово «доброхотно»? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вспомнить, что побуждало македонян быть щедрыми? Их побудительным мотивом было переполнение радостью в благодати Божьей. Поэтому Бог любит тех, кто, жертвуя свои сбережения, радуется в Нем, и эта радость переполняется «охотой» быть щедрым по отношению к другим людям.

Постепенно, как мне кажется, становится очевидным, почему часть общей темы этой главы посвящена мотивации наших поступков. Если мы пытаемся отказаться от стремления обрести постоянную и совершенную радость, мы не можем по-настоящему любить людей или угождать Богу. Если любовь — это переполнение радостью в Боге, которая охотно отзывается на нужды других людей, то отказ от стремления к такой радости — это отказ от стремления к любви. И если Бог любит доброхотно дающего, то отказ от стремления к этому ставит вас в такое положение, когда вы не угодны Богу. Если мы равнодушны к тому, чтобы делать добрые дела с охотой, мы равнодушны к тому, что угодно Богу. Ибо Бог любит доброхотно дающего.

Вот почему так важно быть христианским гедонистом не только на вертикальном уровне, т. е. по отношению к Богу, но и на горизонтальном уровне, т. е. по отношению к другим людям. Если любовь — это переполнение радостью в Боге, которая охотно отзывается на нужды других людей, и если Бог любит доброхотно дающих, то подобная радость — это христианская обязанность, а отказ от стремления к ней — грех.

Любовь радуется в радости Возлюбленного

Рассмотрим напоследок отрывок, который лучше всего выявляет смысл любви. Во 2 Кор. 1:23 — 2:4 Павел пишет о несостоявшемся визите к коринфским верующим и о печальном письме, которое он отослал им. Он объясняет состояние своего сердца в этих событиях.

Бога призываю во свидетеля на душу мою, что, шадя вас, я доселе не приходил в Коринф, не потому, будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем *радости вашей*: ибо верою вы тверды. Итак я рассудил сам в себе не приходиться к вам опять с огорчением. Ибо, если я огорчаю вас, то *кто обрадует меня*, как не тот, кто огорчен мною? Это самое и писал я вам, дабы пришед не иметь огорчения от тех, о которых мне *надлежало радоваться*; ибо я во всех вас уверен, что *моя радость есть радость и для всех вас*. От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали *любовь, какую я в избытке имею* к вам (2 Кор. 1:23 - 2:4).

Отметим, каким образом стремление Павла к радости, как своей, так и коринфян, соотносится с любовью. В ст. 2 он поясняет, почему не предпринял еще одно огорчительное путешествие в Коринф. «Ибо, если я огорчаю вас, то *кто обрадует меня*, как не тот, кто огорчен мною?» (2 Кор. 2:2). Другими словами, Павел стремится сохранить радость в своем сердце: «Если я огорчаю вас, то и сам перестаю радоваться». Это происходит оттого, что его радость тесно связана с их радостью.

Из 1:24 очевидно, что радость, о которой идет речь, — это радость веры. Это радость познания и покоя в Божьей благодати. Именно такая радость побуждала македонян к щедрости (2 Кор. 8:1—3). Когда радость переполняла сердца верующих, Павел тоже чувствовал радость. И он без лишней скромности называет им главную причину, по которой он не хотел лишаться их радости: его радость в таком случае тоже иссякнет. Таково учение христианского гедонизма.

В ст. 3 он объясняет коринфянам, почему послал им огорчительное письмо. «Это самое и писал я вам, дабы пришед не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться; ибо я во всех вас уверен, что *моя радость есть радость и для всех вас*» (2 Кор. 2:3). Мы видим ту же самую мотивацию. Он говорит им, что не хочет огорчаться. Радость, а не горе — вот его желание. Павел действительно поступает как христианский гедонист. Тем не менее, по сравнению со ст. 2, он идет дальше. Он объясняет, почему хочет радоваться, а не печалиться: его радость — и в этом он уверен — также и их радость. «Ибо я во всех вас уверен, что *моя радость есть радость и для всех вас*» (2 Кор. 2:3).

Тем самым ст. 3 — это обратное утверждение предыдущего стиха. В ст. 2 подчеркивается, что их радость есть и его радость: когда коринфяне радуются, Павел тоже радуется в их радости. Ст. 3 являет противоположную картину. Его радость есть и их радость: когда он радуется, коринфяне также радуются в его радости.

В ст. 4 проводится явная параллель с любовью. Павел объясняет коринфянам, для чего он пишет им: «...чтобы вы познали *любовь, какую я в избытке имею* к вам» (2 Кор. 2:4). Что же тогда представляет собой любовь? Мы любим друг друга, когда ваша радость становится моей радостью, а моя радость — вашей. Я люблю не просто потому, что ищу вашей радости. Нет, я люблю потому, что ищу ее как *свою* радость.

Представим, как я говорю одному из своих сыновей: «Будь Добр к своему брату. Помогай ему прибираться комнату. Делай

так, чтобы он был счастлив, а не печалился». Что если он действительно поможет своему брату прибраться в комнате, но все это время будет ходить с надутыми губами, показывая, какой он несчастный человек? Можно ли его похвалить за проделанную работу? Едва ли. Его ошибка заключается в том, что счастье брата не стало его собственным счастьем. Когда он помогал своему брату, он стремился стать счастливым в счастье брата. Он не поступал так, как должен поступать христианский гедонист. Его труд — это труд не любви, а законничества, поскольку он помогал брату исключительно из соображения долга, чтобы избежать наказания.

*Любовь радуется,
чтобы вызвать радость в других людях,
а затем созерцать ее*

Теперь рассмотрим взаимосвязь двух типов любви, представленных, соответственно, в гл. 8 и гл. 2 Второго послания к Коринфянам. В гл. 8 говорится, что любовь — это переполнение радостью в Боге, она охотно отзывается на нужды других людей. Она возникает в Божьей благодати, которая с радостью заполняет пустое пространство. Любовь имеет ту же природу, что и благодать, поскольку и она с радостью наполняет нужды людей.

В гл. 2 мы видим, что любовь существует между людьми, когда они находят свою радость в радости других людей. Противоречит ли это гл. 8, где написано, что любовь исходит от Бога и переполняет других? Все выглядит так, словно в гл. 2 радость возникает из радости других людей, а не от Бога. Как же в таком случае взаимосвязаны эти два типа любви?

Мне кажется, что любовь не только получает удовольствие, когда пробуждает в опустошенных сердцах радость (2 Кор. 8), но и когда видит ее в переполненных ею сердцах (2 Кор. 2). Эти два вида радости не вступают в противоречие друг с другом. Бог радуется, даруя покаяние (2 Тим. 2:25). Он

радуется и тогда, когда грешник раскаивается (Лк. 15:7). Поэтому, когда наши сердца наполнены радостью в благодати Божьей, мы не только желаем стать причиной радости других людей, но и хотим созерцать ее в них.

Поэтому нет никакого противоречия, когда мы говорим, что любовь — это одновременно переполнение радостью в Боге, которая охотно отзывается на нужды других людей, и радость в их радости. Если любовь — это *труд* христианского гедонизма и если мы радуемся, находя удовольствие в радости других людей, то любовь также и *свободный досуг* христианского гедонизма, во время которого мы наслаждаемся тем, что созерцаем в ближнем порожденную нами радость⁶¹.

Любовь плачет

Слова, которые Павел произносит в гл. 2 Второго послания к Коринфянам, подводят нас к новому вопросу. Апостол говорит коринфянам: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами...» (2 Кор. 2:4). Было ли его сердце наполнено любовью? Выше я в весьма сильных выражениях подчеркивал, что любовь — это переполнение радостью. Поэтому кто-то мог бы подумать, что в этом случае любящее сердце не должно испытывать печали и страдания, а лицу нет нужды покрываться слезами. Но это совсем не так.

Удовлетворенность, о которой говорится в христианском гедонизме, не имеет ничего общего с буддистским душевным спокойствием, при котором человек остается равнодушным к несчастьям других людей. В действительности мы говорим о сильно неудовлетворенной удовлетворенности. Она постоянно стремится к укоренению в Божьей благодати. Даже та мера удовлетворенности, которую дает Господь, содержит в себе ненасытное желание передать себя другим (2 Кор. 8:4; 1 Ин. 1:4). Всякий раз, когда христианская радость осознает нужды людей, она проявляется как неудовлетворенная

удовлетворенность. С той целью, чтобы ответить на эти нужды и дать радость веры другому человеку, она распространяется любовью. Но поскольку между осознанием чужой нужды и нашей окончательной радостью в радости таких людей часто проходит некоторое время, этот промежуток заполняет собой плач. Слезы сострадания — это слезы радости, задержанные во времени вследствие передачи этой радости от нас к другим людям.

Любовь принимает во внимание награду любви

Еще одно печальное событие происходит, когда Павел высказывает свою приверженность христианскому гедонизму. В гл. 20 Книги Деяния святых Апостолов описывается, как он в последний раз собирается с пресвитерами Эфесской церкви. После того как апостол сказал им прощальные слова, поднялся «немалый плач» и все пресвитеры обнимали его (Деян. 20:37). Однако эти слезы только подчеркивали сильные чувства к Павлу, научившему их радости служения.

Павел говорит им: «Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и *памятовать* слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20:35). Последним наставлением, которое Павел дал собравшимся на берегу Милита, была пастырская обязанность христианского гедонизма: «Блаженнее давать, нежели принимать».

Большинство людей не видят в этих словах гедонистический оттенок, поскольку всерьез не размышляют над словом «памятайте».

Павел, произнося эти слова, указывает на *необходимость*: 1) помогать слабым; 2) вспоминать слова Иисуса, что блаженнее давать, нежели принимать. Почему обе эти обязанности необходимы? Почему нельзя только помогать слабым? Почему также нужно вспоминать, что отдавать — это благословение?

Большинство современных христиан полагают, что, хотя отдавать — благословение, мы вовсе не должны «вспоминать» это. Популярная христианская мудрость гласит, что, отдавая, мы в *результате* нашего действия получаем благословение. Однако если поступок мотивируется благословением, то вы разрушаете нравственную ценность вашего действия и превращаетесь в торгаша. Слово «памятовать» в Деян. 20:35 — камень преткновения для подобной мудрости. Почему Павел велел пресвитерам церкви *вспоминать* о награде за служение, если такое действие якобы превращает служение в торгашество?

Ответ христианских гедонистов таков: нам, чтобы *не* стать торгашами и корыстолюбцами, необходимо принимать во внимание подлинную награду за служение. Льюис пишет об этом очень ясно:

Нам не нужно волноваться, когда неверующие попрекают нас за то, что обещание вознаграждения делает христианскую жизнь корыстной. Ведь существуют разные виды вознаграждения. Так, есть награда, которая не имеет естественной связи с тем, что вы делаете, чтобы заслужить⁶² ее. Она абсолютно чужда желаниям, которые сопровождают ваше действие. Деньги — это не естественное вознаграждение за любовь. Вот почему человека, который женится на женщине только из-за денег, мы называем корыстным. Однако брак — это подобающая награда для того, кто любит. И поэтому нет ничего корыстного в том, если человек хочет получить такую награду. Генерал, который храбро сражается только для того, чтобы стать аристократом, без сомнения, корыстный человек. Однако нет никакой корысти, когда он сражается, чтобы победить. Как брак — подобающая награда за любовь, так и победа — это подлинная награда за битву. Настоящее вознаграждение — это не просто прибавка к действию. Нет, оно само — действие в своем завершении⁶³.

Мне непонятно, как можно принимать в качестве несомненной истины слово «памятовать» в Деян. 20:35 и по-прежнему полагать, что нельзя добиваться награды радости в служении. Напротив, Павел утверждает, что нам необходимо

беречь радость, которая ждет нас в будущем. Это последнее и, возможно, самое важное наставление, которое он дает пресвитерам из Эфеса перед своим отплытием в Иерусалим. «ПОМНИТЕ! Блаженнее давать, нежели принимать».

Любовь получает удовольствие от служения

Павел не единственный апостол, который увещевает пресвитеров помнить о блаженстве служения и стремиться к нему. Так, Петр пишет:

Пастырей ваших умоляю я, сопастырь... пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия (1 Пет. 5:1,2).

Иными словами, «Бог любит доброхотных пасторов». Заметьте, как гедонистично звучат подобные увещевания. Петр не советует пасторам просто выполнять их работу, и будь что будет. Непокосимая, проявленная во время неспокойного времени, — это благо. Она важна. Но это не все, к чему призываются пасторы. Им заповедано наслаждаться своей работой.

Петр осуждает только два побуждения. Первое — это «принуждение». Нельзя делать свое дело под принуждением. Это означает, что побуждение должно с радостью исходить изнутри, а не под давлением снаружи. Родительский напор, ожидания общины, боязнь ошибиться или Божье осуждение — все это, если становится побудительным мотивом, не способствует успеху пасторского служения. Должна быть внутренняя готовность. Мы должны *хотеть* служить. Служение должно стать нашей радостью. Радость в служении — это долг. Это легкое и простое бремя.

Петр осуждает еще один вид побуждения — жажду денег. Он пишет: «Не для гнусной корысти, но из усердия». Если нас побуждают деньги, тогда наша радость исходит не от служе-

ния как такового, а от вещей, которые можно купить на заработную плату. Именно такое служение К. Льюис называет корыстью. Наше «усердие» в служении должно исходить не от внешнего вознаграждения деньгами, а от внутренней награды, когда мы видим, как становимся инструментом Божьей благодати для других людей.

Иоанн дает нам хороший пример подобной радости. Он говорит: «Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине» (3 Ин. 4). Когда такая награда побуждает к радостному усердию в служении, *Христос* получает подобающую Ему честь (поскольку Он — та истина, в которой ходят люди), а *люди* получают любовь (поскольку большей пользы, чем следовать за Христом, они получить не могут).

Тем самым Петр увещевает нас стремиться к обретению радости в служении. И это не дело выбора. Это не просто результат, которого не ждали. Это обязанность. Не прислушиваться к тому, что говорит апостол, — значит, быть равнодушным к воле Божьей. А это уже грех.

Филипс Брукс, пастор епископальной церкви в Бостоне, сто лет назад правильно понял слова Петра:

Полагаю, что для успеха проповедования существенным должно быть то, чтобы проповедник мог всецело наслаждаться своей работой. Разумеется, наслаждаться в действии, а не только в идее. Ни один человек, для которого мелочи его работы выглядят отталкивающими, не может на протяжении долгого времени выполнять ее хорошо, как бы он ни был преисполнен ее духом. Преодолевая все свое отвращение, он может сделать один сильный рывок в эту сторону. Однако он не может продолжать работать из года в год, изо дня в день. Поэтому, если вы чувствуете подлинную радость в том, что делаете как пастор, — в усердии при написании книг, в страсти при проповедовании, находясь за кафедрой, руководя людьми или общаясь с молодежью, — считайте эту радость не просто допустимым наслаждением, а существенным элементом вашей силы. Чем больше вы наслаждаетесь этим, тем лучше вы будете выполнять это.

Таково истинное проповедование. Его высшая радость покоится в цели, которая ставится перед ней — прославление Господа и спасение людей. Никакая другая радость не может сравниться с ней. Если вы не чувствуете радость в служении, оно мертво. Наряду же с этой высшей радостью, словно бы в унисон с ней, самые способные Божьи служители всегда осознавали наличие иной радости, принадлежащей действию как таковому. Когда мы читаем жизнеописания наиболее влиятельных проповедников прошлого или встречаем людей, которые сильны в проповеди Слова Божьего сегодня, мы поражаемся, с какой безусловностью и глубиной они радуются самому факту своего служения⁶⁴.

Любовь не сразу добывается своего

Можем ли мы теперь сказать, что препятствовать тому, чтобы с помощью пасторской заботы или как-то иначе любить людей, — то же самое, что препятствовать подлинному богослужению, описанному нами в гл. 3? Да, конечно же. Исполнению первой (вертикальной) заповеди и второй (горизонтальной) заповеди мешает одно и то же. И мешают этому не наши попытки удовлетворить себя, а то, что мы слишком легко успокаиваемся на достигнутом. Нас легко удовлетворить. Мы не доверяем Христу, когда Он говорит, что помощь другим, а не материальное утешение, доставляет большее блаженство, ощущение большей радости и приносит удовольствие, которое длится значительно дольше. И поэтому желание быть довольным (желание, которое должно побудить нас вести простую жизнь и трудиться ради любви) безо всякого процветания и комфорта удовлетворяет само себя.

Послание, которое нужно выкрикивать на всех биржах и во всех финансовых центрах, звучит так: мирской человек, ты еще недостаточно гедонистичен!

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе

сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут (Мф. 6:19,20).

Избавьтесь от того, чтобы быть довольными менее чем пятью процентами всего удовольствия, которое съедается молью инфляции и телесным разложением. Инвестируйте в высококачественные, высокоприбыльные, заверенные Богом ценные бумаги небес. Посвятить свою жизнь материальному комфорту и возбуждению — это то же самое, что выбрасывать деньги на ветер. И наоборот, жизнь, инвестированная в труд любви, приносит невиданные и никогда не заканчивающиеся дивиденды радости.

Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается, и где моль не съедает (Лк. 12:33).

В этом отрывке видна доброта. Придите к Христу, Чье присутствие наполняет радостью и наслаждением навечно. Присоединитесь к нам в труде христианского гедонизма. Ибо Сам Господь говорит: блаженнее любить, чем жить в роскоши!

Любовь страдает ради радости

Любовь дорогого стоит. Она всегда сопровождается самоотречением. За нее часто страдают. Тем не менее христианский гедонизм утверждает, что награда превзойдет все временные муки. Необыкновенная, чудесная радость охватывает нас только в результате предшествовавших ей страданий. Душа не испытает восторга, если прежде не прольются слезы.

Цена радости в любви хорошо иллюстрируется в Послании к Евреям (гл. 10—12). Далее будут рассмотрены три примера из этих глав.

• Евр. 10:32-35

Вспомните прежние дни ваши, когда вы, бывши просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений

и скорбей служа зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии; ибо вы и моим узам сострадали, и расхищение имени вашего приняли с *радостью*, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее. Итак не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние (Евр. 10:32—35).

Основываясь на незначительном опыте своих страданий, я не имею права сказать, что такое вообще возможно — принять с радостью расхищение вашего имени. Однако авторитет христианского гедонизма относится не ко мне, а к Библии. Я не могу от своего имени сказать: «Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь» (1 Пет. 4:13). Однако Петр и другие апостолы пострадали за Евангелие и «пошли из синедриона, *радуясь*, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Деян. 5:41).

Христиане, о которых говорится в Послании к Евреям, также заработали право поучать нас в том, что касается дорогой цены любви. По-видимому, ситуация была таковой: сразу после их обращения к Христу некоторые из них были заключены в тюрьму за свою веру. Другие были поставлены перед нелегким выбором: затаиться, чтобы избежать преследований, или посещать своих братьев и сестер, находящихся в тюрьме, подвергая риску свою жизнь и имущество. Они избрали путь любви, приняв ее цену. «Ибо вы и моим узам сострадали, и расхищение имени вашего приняли с радостью» (Евр. 10:34).

Но потеряли ли они что-нибудь? Нет. Они потеряли имущество, но взамен приобрели *радость*. Они с радостью смирились с потерей того, что имели. Они, в каком-то смысле, отреклись от себя. Однако в другом смысле этого не произошло. Ими был избран путь радости. Не вызывает сомнений, что эти христиане стремились служить своим братьям в тюрьме не в меньшей степени, чем македонские христиане (2 Кор. 8:1—8), старавшиеся помогать нищим святым в Иерусалиме. Их радость в Боге переходила в радость для других людей.

Они взирали на свою жизнь и говорили: «Милость Твоя лучше, нежели жизнь» (Пс. 62:4). Когда же они осматривали свое имущество, они вспоминали слова Павла: «Есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее» (Евр. 10:34). Затем они обращали свой взор друг на друга и пели:

Пусть мы лишимся благ и родни,
А вместе с этим и самой жизни;
Наше тело можно убить,
Но Божья истина непоколебима,
А Его Царство — вечно.

Мартин Лютер

Они с *радостью* отреклись от того, что имели (Лк. 14:33), и последовали за Христом в тюрьму, чтобы увидеть своих братьев и сестер. Любовь — это переполнение радостью в Боге, она охотно отзывается на нужды других людей.

• Евр. 11:24–26

Чтобы убедить своих читателей, автор Послания к Евреям указывает на Моисея как на образец христианского гедонизма. Заметим, насколько этот пример схож с ситуацией, в которой оказались ранние христиане (см.: Евр. 10).

Верою Моисей, пришед в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное, греховное наслаждение, и поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища; ибо он взирал на воздаяние (Евр. 11:24—26).

В Евр. 10:34 говорится о том, что христиане, исполненные радостной любовью, хотели пожертвовать своим имуществом ради обладания лучшим и вечным. В гл. 11 примером для церкви становится Моисей, поскольку от осознания обещанного вознаграждения он исполнился такой радостью, что все египетские сокровища почел ничем. Любовь Моисея навечно связала его с Божьим народом.

Здесь не говорится об абсолютном самоотречении. У Моисея были глаза, и он мог увидеть, что египетские сокровища были «временными», а не вечными. Он понял, что поношения Мессии были большим богатством, нежели все египетские сокровища. Осознав это, он всецело предал себя труду христианского гедонизма — любви. Весь остаток своей жизни он потратил на то, чтобы быть каналом Божьей благодати для израильского народа. Его радость в Боге воплотилась в служении непокорному и бедствующему народу. И это служение продолжалось в течение всей его жизни. Он избрал для себя высшую радость, а не «временные удовольствия».

• Евр. 12:1,2

Ранее мной был поднят вопрос: противоречит ли пример Иисуса правилу христианского гедонизма? А именно что любовь использует для своего проявления радость, и мы должны избирать любовь именно по этой причине, чтобы не оказаться скупыми на послушание Богу, не проявлять раздражение от того, что мы — инструменты благодати, и не преуменьшать обещанную награду. В следующей библейской отрывке, как представляется, ясным образом говорится о том, что Иисус ни в коей мере не противоречил этому правилу:

Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех, и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса, Который, *вместо предлежавшей Ему радости*, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия (Евр. 12:1,2).

Величайшая работа любви, которая когда-либо совершалась, стала возможной благодаря тому, что Иисус добивался невообразимой радости — быть возвеличенным, чтобы сесть одесную Бога в собрании искупленных людей. «Вместо предлежавшей Ему радости, [Он] претерпел крест!»

В 1978 г. я пытался объяснить это моим студентам в колледже. Как обычно, некоторые из них проявили скептицизм

по отношению к моим словам. Один из самых способных студентов-критиков написал мне письмо, в котором выразил свое несогласие с моей концепцией. Поскольку его критические слова — это самое сильное возражение против учения о христианском гедонизме, думаю, будет весьма кстати привести здесь письмо этого студента, равно как и мой ответ ему.

Уважаемый д-р Пайпер!

Я не согласен с тем, что любовь, как Вы утверждаете, мотивирована собственным удовольствием. Полагаю, что все Ваши примеры верны. Вы процитировали множество мест из Библии, где говорится, что радость каждого отдельного человека возрастает и *может даже* стать для него побуждающим стимулом любить Бога или другого человека.

Однако нельзя на основании некоторых библейских отрывков строить свое учение, пока не будет доказано, что другие библейские отрывки не противоречат ему.

Приведу два примера последнего обстоятельства.

Представьте, что Вы находитесь вместе с Иисусом в Гефсиманском саду. Он вот-вот совершит величайший во всей истории акт любви. Поднявшись к Нему, Вы решаете испытать, чего стоит Ваше учение о христианском гедонизме. Несет ли величайшая любовь с собой огромное удовольствие и обильную радость? И что же Вы видите? Христос покрывается потом, Он в ужасе, муках и рыдании. Нет ничего, что напоминало бы радость. Христос молится. Вы слышите, как Он просит у Бога пронести мимо чашу страдания. Он говорит Богу, что действие, которое Он должен совершить, будет очень трудным и болезненным. Разве здесь есть место для веселья?

Благодарение Богу, что Христос избрал сложный путь.

Второй пример не библейский, хотя примеров из Библии можно найти предостаточно. Знакомы ли Вы с Дороти Дей? Это очень пожилая женщина, посвятившая свою жизнь тому, чтобы любить других людей, и в особенности бедных, бездомных и угнетенных. Побуждаемая любовью, в которой нет никакой радости, она сказала: «Любовь, выражаемая в действии, очень неприятна и ужасна».

Нельзя не согласиться с ее словами.

Хотелось бы знать Ваше мнение относительно всего этого. Не думаю, что все изложенное — слишком просто для понимания. Однако мои слова искренни.

Рон

В декабре 1978 г., на той же самой неделе, я ответил Рону. К тому времени Дороти Дей уже умерла. Однако упоминания о ней я оставляю в том виде, в каком они были в то время. И по сей день, между прочим, я считаю Рона своим другом и ярким мыслителем с христианским мировоззрением.

Рон!

Благодарю Вас за то, что Вы беспокоитесь о надлежащем библейском основании для учения о христианском гедонизме — основании, в котором учитываются все библейские аргументы. Это и моя задача. Поэтому я должен задаться вопросом, противоречат два приведенных Вами примера моему взгляду или утверждают его (Христос в Гефсиманском саду и Дороти Дей с ее мучительным служением любви).

1. Рассмотрим прежде всего пример с Гефсиманским садом. Чтобы утвердить свою позицию, мне нужно показать, что, невзирая на ужас креста, решение Христа принять мученическую смерть было продиктовано Его убеждением в том, что этот акт доставит Ему большую радость, нежели путь непослушания. Автор Послания к Евреям пишет: «Вместо предлежавшей Ему радости, [Он] претерпел крест, пренебрегши посрамление» (Евр. 12:2). Этими словами автор рассматривает дело Иисуса с другой перспективы, сопоставляя Его со святыми, о которых говорится в гл. 11 этого послания. Они настолько стремились к радости, которую им предложил Господь, и так были уверены в ней, что отказывались от «временного греховного наслаждения» (Евр. 11:25) и избирали страдание ради того, чтобы следовать Божьей воле. Поэтому нет ничего небиблейского в том, чтобы сказать, что в Гефсимании в самый трудный час Иисуса поддерживала радостная надежда, которая простиралась дальше креста.

Это нисколько не преуменьшает действительность и величие Его любви по отношению к нам. Ведь радость, на которую Он возлагал Свои надежды, была той радостью, которая вела многих сынов в славу (Евр. 2:10). Его радость — в нашем искуплении, которое приводит к *Божьей* славе. Отказ от креста, а

значит, от нас и от воли Своего Отца, был бы такой ужасной перспективой для Христа, что Он отверг эту мысль и принял смерть.

Однако в своем трактате «Неудовлетворенное удовлетворение» [именно этот трактат обсуждает Рон в своем письме; он был включен в данную главу] я утверждаю даже больше: в неком глубоком смысле радость должна присутствовать в самом акте любви, если он направлен на то, чтобы угодить Богу.

Несомненно, если это справедливо в случае со смертью Христа, то между радостью и «весельем» должна быть существенная разница. Но мы все знаем, что это так и есть.

Однако Вы не совсем правы, ставя знак равенства между «весельем» в Гефсимании и Вашими словами «нет ничего, что напоминало бы радость». Помню, что в своей собственной жизни, решая сделать самые ценные, благие дела, я, посреди боли и страданий, чувствовал очень глубокую радость.

Я верю, что Иисус, поднявшись после Своей последней молитвы в Гефсиманском саду с намерением умереть, обрел величественное чувство победы над ночными искушениями. Не говорит ли Он: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4:34)? Иисус был воодушевлен волей Отца так же, как мы воодушевляемся от пищи. Свершение работы Отца было Его питанием; отказаться же от этого означало бы избрать для Себя голод. Мне кажется, что Иисус в Гефсиманском саду обрел радость, даже когда Его повели оттуда вон. Это было не веселье, не плотское удовольствие, не смех. Он не испытывал ничего из того, что может предложить этот мир. *Однако Своим сердцем Иисус ощущал, что Его действия угодны Отцу, а награда, ожидающая Его впереди, перевесит всякую боль.* Это приятное и глубокое чувство и есть радость, подвигшая Иисуса умереть за нас.

2. Вы пишете о Дороти Дей: «Побуждаемая любовью [к бедным, бездомным и угнетенным], в которой нет никакой радости, она сказала: „Любовь, выражаемая в действии, очень неприятна и ужасна"». Я попытаюсь рассмотреть это возражение с двух сторон.

Во-первых, не следует скоропалительно приходить к умозаключению, что в «неприятном и ужасном» нет вообще никакой радости. Так, альпинисты, прошедшие бессонные ночи на краю бездонных пропастей, отморожившие пальцы рук и ног

и прошедшие через все круги ада, чтобы достичь вершин гор, тоже говорят: «Это было неприятно и ужасно». Однако если Вы поинтересуетесь у них, что заставило их совершить эти восхождения, ответ будет приблизительно таковым: «Возбуждение в душе, возникающее при этом, стоит всех страданий».

Если это случается с альпинистами, может ли быть нечто подобное в случае с истинной любовью? Разве тот факт, что мы более склонны к чувству возбуждения при восхождении на гору, нежели при преодолении пропастей ненависти в нашей жизни и в нашем обществе, не становится обвинительным приговором нашей суетности? Любовь действительно подчас «неприятна и ужасна». Однако я не могу понять, как тот, кто стремится возвеличить Иисуса Христа, не может не чувствовать радостного возбуждения, когда, Божьей благодатью, он имеет способность любить другого человека.

Теперь позвольте мне рассмотреть ситуацию с Дороти Дей по-другому. Вообразим, что я — один из тех нищих, которым она пытается помочь ценой своей жизни. Думаю, что наш разговор протекал бы следующим образом:

Пайпер: Почему Вы делаете это для меня, мисс Дей?

Дей: Потому что я люблю тебя.

Пайпер: Но что Вы хотите сказать, когда говорите: «Я люблю тебя»? У меня нет ничего, что я мог бы предложить Вам взамен. Я недостоин любви.

Дей: Да, возможно, это и так. Однако, чтобы любить тебя, мне не нужно ждать от тебя предварительных просьб. Любить тебя таким образом научил меня Иисус. Это можно понять так: я *хочу* помочь тебе, потому что мне самой Иисус очень сильно помог.

Пайпер: Значит, Вы пытаетесь удовлетворить Ваше «хочу»?

Дей: Думаю, да, если ты задаешь вопрос именно таким образом. Я очень хочу, чтобы ты был счастлив и целеустремлен.

Пайпер: Расстроит ли Вас то, что после Вашего визита я стану более счастливым и целеустремленным человеком?

Дей: Конечно же, нет. Что может быть более радостным для меня?

Пайпер: Значит, Вы действительно потратили много бессонных ночей ради того, что приносит Вам счастье?

Дей: Если я скажу «да», думаю, многие неправильно поймут меня. Они подумают, что я забочусь вовсе не о *тебе*, а о себе.

Пайпер: Но могли бы Вы сказать это, по крайней мере, мне?

Дей: Да, тебе я скажу. Я тужусь ради того, что приносит мне глубочайшую радость — твою радость.

Пайпер: Благодарю Вас, мисс Дей. Теперь я вижу, что Вы действительно любите меня.

Дело любви и награда любви органически связаны друг с другом

Вопрос о взаимосвязи радости, которую приносит совершенное доброе дело, и радости, которая обусловлена наградой, обещанной в будущем, в этом письме был затронут лишь отчасти и нуждается в кратком пояснении. Вопрос этот, как мне представляется, важен потому, что побуждение к обретению будущей награды могло бы обратить любовь в корысть (как мы уже видели), если бы желанная награда не была органически связана с действием, которое совершается ради нее.

Если бы природа дела не принимала участия в природе вознаграждения, мы могли бы делать то, что считаем глупым или греховным, чтобы получить доброе вознаграждение. Мы бы расширили библейские границы значения слова «любовь», если бы сказали: делая то, что представляется глупым или греховным, человек действительно любит. Акт любви (даже если этот акт очень болезнен) должен быть одобрен нашей совестью.

Поэтому утверждение, что надежда на вознаграждение (как, согласно Евр. 10:34; 11:26 и 12:2, в случае с Моисеем, христианами и Самим Иисусом) — вполне законный и достойный мотив, не должно сбивать нас с толку. Оно не означает, что подобное видение будущего аннулирует необходимость самого действия, которое по своей природе органически связано с желаемой наградой.

Что подразумевается под органической взаимосвязью? Любой акт любви, который мы избираем ради получения праведного вознаграждения, должен обязывать нас, ибо в нем видны моральные черты этого обещанного вознаграждения. Другими словами, единственной подходящей наградой

за проявление любви может быть Божья слава, нравственная степень которой — побуждающая причина для этого проявления.

Для нас, христианских гедонистов, квинтэссенция ожидаемого вознаграждения за все то добро, которое мы призваны делать, утверждена апостолом Павлом: «Ибо, кого Он предузнал, тем и предопределил (быть) подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями» (Рим. 8:29). Цель предопределения, упоминаемого в данном контексте, двояка: одна подчеркивает *нашу* славу, другая — славу Христа.

Первая цель предопределения заключается в том, что мы должны быть подобны Христу. В нее включается воскресение тела в славе, подобно Его телу (Флп. 3:21; 1 Кор. 15:49), а также, что более важно, обретение Его духовных и нравственных качеств и способностей (1 Ин. 3:2,3).

Вторая цель предопределения, более возвышенная, указана в словах: «дабы Он был первородным между многими братьями». Можно сказать и по-другому: Бог стремится к тому, чтобы окружить Своего Сына живыми образами Его Самого. Благодаря этому великолепие Его первоначальной воли сияет более ярко в образах Христа. Тем самым, цель предопределения заключается: 1) в нашей радости, когда мы становимся святыми, подобно тому как Свят Он; и 2) в Его радости, когда Он необыкновенным образом возвеличивается над всем творением, находясь посреди преобразенных и ликующих людей.

Если же подобие возвеличенному Христу и есть та награда, которую мы желаем обрести, то, действуя не в соответствии с нравственным образом Иисуса, мы вступаем в противоречие с Ним. Когда нас действительно привлекает такая награда — быть святыми, подобно тому как Он свят, — нас будут привлекать и действия, в которых видна Его святость. Когда мы восторгаемся перспективой познания Христа в той степени, в какой Он знает нас, мы будем восторгаться теми действиями, в которых отражен Его характер.

Поэтому неподдельный христианский гедонизм представляет собой органичную связь между любовью, к которой призывает Христос, и наградой, которую Он обещает. Такой гедонизм не имеет ничего общего с корыстью, когда мы, чтобы получить удовольствие, делаем то, что презираем. Иисус иллюстрирует подобную взаимосвязь между делом и наградой словами:

Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым (Лк. 6:35).

Даже если нам не следует заботиться о человеческой награде («не ожидая ничего»), Господь Сам побуждает нас любить, обещая дать нам награду, — мы будем сынами Всевышнего. Такое сыновство подразумевает подобие («ибо Он благ и к неблагодарным»). Поэтому заповедь и вознаграждение сочетаются друг с другом: заповедь — возлюби, а награда — подобие Тому, Кто любит.

Поэтому, с одной стороны, очень важно подчеркивать то, что награда, которой добивается христианский гедонист, представляет собой невыразимую радость, когда он подобен Богу и любит то, что любит Бог, стремясь проявить свою любовь так же сильно, как проявляет ее Господь (Ин. 17:26). С другой стороны, немаловажно подчеркивать и тот факт, что дела любви, которые совершает христианский гедонист, в какой-то мере радостны, поскольку заключают в себе предчувствие финального вознаграждения. Таково, как мы видели, было мнение К. С. Льюиса, когда он говорил о «настоящем вознаграждении» действия, которое представляет собой «действие в своем завершении».

Любовь ищет силу благодати

Рассмотрим последний вопрос этой главы. Любовь я определил как переполнение радостью в Боге, которая охотно

отзывается на нужды других людей. Было бы полезно с практической стороны дела спросить в заключение: каким образом эта любовь действует в жизненной ситуации? Что представляет собой тот психологический процесс, благодаря которому радость в Боге становится делом любви?

Начнем с поразительного утверждения: я, грешник, должен радоваться в Боге! Но не в материальных вознаграждениях, которые Он дарует, а в Нем Самом, во всех Его многочисленных превосходствах. Такое обращение, как мы уже видели, и есть созидание христианского гедониста. Каким же образом любовь, проявляющая себя на деле, возникает из сердца, которое радуется в Боге?

Когда объектом нашей радости становится нравственная красота, то желание *созерцать* неотделимо от желания *быть*; когда Святой Дух пробуждает человеческое сердце к тому, чтобы оно радовалось в Божьей святости, то в нем пробуждается ненасытное желание не только *созерцать* эту святость, но и *быть* святым так, как свят Господь. Наша радость несовершенна, если мы лишь издали наблюдаем Божью святость, не позволяя себе стать ее сопричастником. Ребенок, находясь на трибуне, может болеть за свою любимую футбольную команду, однако его радость будет более полной, когда он, вернувшись домой, соберет команду и сам пойдет играть в футбол.

Мы не просто хотим видеть во всей своей красоте Божью славу, которая спасает грешников и прославляет святых. Нет, мы желаем большего. Мы хотим быть заодно с мощью этой славы. Хотим почувствовать, как она спасает.

Нам хочется почувствовать, как эта слава борется с искушениями, которые присутствуют в *нашей* жизни, как она использует *нас* для того, чтобы спасти других людей. Но почему мы этого хотим? Да потому, что наша радость в Боге ненасытна. Чем больше мы имеем, тем больше мы хотим. Чем больше мы видим, тем больше мы хотим видеть. И чем больше мы чувствуем, тем больше мы хотим почувствовать.

Это и означает, что к любви человека будет подталкивать святая жажда радости в Боге, которая стремится видеть и чувствовать проявления Божьей славы все в большей и большей степени. Желание чувствовать мощь Божьей благодати, преодолевающей мою гордыню и мой эгоизм, изменяет меня таким образом, что я начинаю демонстрировать в своей жизни победу благодати, или, другими словами, любви. Подлинная же любовь так сильно отличается от человеческой природы, что одно ее присутствие свидетельствует о необычайной силе. Христианский гедонист стремится к такой любви, поскольку он не может жить без ее силы. Ему хочется ощущать на себе действие Божьей благодати все больше и больше. И эта благодать царствует в его жизни.

Преодолевая внутреннюю гордыню

Есть аналогия действенному мотиву, присутствующему в сердцах неверующих людей. Фактически, все люди без Христа желают обрести счастье, преодолевая различные барьеры, которыми обременена их жизнь, или обладая ощущением мощи. Хейнрих Харрер, член первой альпинистской экспедиции на северную стену Айгера, в Швейцарских Альпах, признался, что причина для подобного восхождения заключалась в преодолении чувства незащищенности. «Самоуверенность, — говорит он, — самый ценный дар, каким может обладать человек... но чтобы действительно обладать такой уверенностью, необходимо научиться познавать себя в те моменты, когда ты находишься на грани... На „Пауке“ стены Айгера я встретился лицом к лицу с такой пограничной ситуацией, когда рядом с тобой, не останавливаясь, сходят одна лавина за другой»⁶⁵.

Крайне важное различие между нехристианским и христианским гедонистами, стремящимися к радости, заключается в том, что самоуверенность христианского гедониста

никогда не удовлетворит желаний его сердца в преодолении поставленной цели.

Он осознает, что сотворен не для того, чтобы трепетать, чувствуя, как растет его собственная сила. Нет, он сотворен для того, чтобы видеть, как растет в нем Божья сила, которая преодолевает ненависть, корнящуюся в нашем сердце.

Как я написал Рону, обвинительный приговор нашей сущности заключается в том, что нас больше возбуждает восхождение на гору своими собственными силами, нежели преодоление внутренней скалы гордыни с помощью Божьей силы. В христианском гедонизме поражает то, что преодоление благодатью Божьей препятствий во имя любви более соблазнительно, чем любая форма уверенности в себе. Наслаждение мощью Божьей благодати, уничтожающей эгоизм, становится ненасытной привычкой.

Радость удваивается в радости другого

Психологический процесс, при котором радость в Боге трансформируется в труд любви, можно описать еще одним способом. Когда человек радуется, созерцая и чувствуя славную благодать Божью, ему и в других людях захочется увидеть как можно больше проявлений этой славы. Если мы можем стать Божьим инструментом для чудесного обращения других людей к вере, мы будем считать это огромной радостью, поскольку в их радости мы увидим еще одно проявление великолепия Божьей благодати. Наша радость тем самым удвоится.

Когда перед нами стоит человек, не имеющий ни радости, ни надежды, то нужды этого человека заполняются нашей радостью в Божьей благодати. Это и есть любовь.

Любовь — то переполнение радостью в Боге, которое охотно отзывается на нужды других людей. Это переполнение становится в нашей жизни стремлением к обретению собственной радости в радости другого человека. Наше наслаждение

в Боге удваивается, когда мы делимся этим наслаждением с другими людьми. Если бы наша конечная цель заключалась в том, чтобы лишь радоваться в Боге, мы были бы идолопоклонниками и не смогли бы никому помочь в обретении им вечной жизни. Поэтому поиск наслаждения — это главный мотив для всякого доброго дела. И если мы захотим отказаться от стремления к получению полного и вечного удовольствия, мы не сможем возлюбить людей или угодить Богу.

Писание

*Лучинки для разжигания
христианского гедонизма*

Повеления Господа праведны, веселят сердце... <...> Они возжеленнее золота и даже множества золота чистого, слаще меда и капель сота; и раб Твой охраняется ими; в соблюдении их великая награда.

Пс. 18:9,11,12

Я понял яснее прежнего, что величайшая и первостепенная задача, которую я должен выполнять каждый день, — это радоваться своей душой в Господе. Главное, о чем мне стоило беспокоиться, заключалось не в том, как много я могу послужить для Господа или как я могу прославить Его. Главное — каким образом моя душа может стать счастливой, как может насытиться мой внутренний человек... Я понял, что самое важное для меня — посвятить себя чтению Слова Божьего и размышлению над ним.

Джордж Мюллер

Христиане-гедонисты сознают, что каждый новый день вместе с Иисусом *не* «приятнее, чем предыдущий». В какие-то дни, находясь вместе с Иисусом, мы бываем угрюмы. Бывают и такие моменты, когда мы так несчастны, что хочется кому-нибудь излить свою душу. Иногда мы так подавлены и удручены, что хотим просто сесть и плакать навзрыд.

Каждый новый день вместе с Иисусом отнюдь не приятнее предыдущего. Это хорошо известно как из опыта, так и из Писания. Давид говорит: «Закон Господа совершен, укрепляет душу» (Пс. 18:8). Если бы каждый новый день вместе с Иисусом был приятнее предыдущего, если бы жизнь представляла собой одно непрерывное восхождение вверх, без погружений в наши переживания по Богу, нам не нужно было бы укрепляться.

В другом месте Давид восхваляет Господа таким же образом: «Он... водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою» (Пс. 22:2,3). Это означает, что у Давида были неудачные дни.

В нашей жизни есть такие дни, когда наша душа нуждается в восстановлении. Это особо подчеркивается псалмопевцем: «Закон Господа совершен, укрепляет душу» (Пс. 18:8). Нормальная христианская жизнь представляет собой непрерывный процесс восстановления и обновления. Наша радость не может быть статичной. Она меняется в зависимости от условий реальной жизни. И она уязвима для дьявола.

Павел, обращаясь к коринфянам, пишет: «Не потому, будто мы берем власть над верою вашею; но мы *споспешествуем*

радости вашей» (2 Кор. 1:24). Заметим, что апостол делает ударение на словах «мы споспешествуем радости вашей»*.

Чтобы сохранить свою радость в Боге, нам необходимо *трудиться*, а лучше — сражаться. Наш противник, дьявол, ходит вокруг нас как рыкающий лев. Его ненасытное желание — уничтожить нашу радость в вере. Однако Святой Дух дал нам меч — Слово Божье, чтобы мы могли защищать свою радость.

Представим себе еще одну картину. Невзирая на то что сатана силится задуть пламя нашей радости, у нас есть приспособление, с помощью которого мы можем раздуть это пламя. Это приспособление — Слово Божье. Даже если угли нашей души едва тлеют, стоит только обратиться к Слово Божьему, заставить себя слушать его уроки — и тогда старая зола разлетится, обнажив маленькие искорки нашей жизни. Ибо «закон Господа совершен, укрепляет душу» (Пс. 18:8). Библия — это лучинки для разжигания христианского гедонизма.

Задача этой главы — помочь читателю вооружиться мечом Духа — Словом Божьим, — чтобы, обладая им, иметь возможность сберечь радость в Боге. Мы последовательно пройдем три этапа.

Во-первых, мы узнаем, почему Библию надлежит принимать в качестве заслуживающего доверия Слова Божьего.

Во-вторых, мы увидим пользу Писания и его силу, а также поговорим о том, как оно разжигает нашу радость.

В-третьих, мы услышим о том, как на практике реализовать призыв к ежедневному обновлению наших молитвенных размышлений над Словом Божьим, привязав этот меч так крепко к поясу, чтобы никогда не расставаться с ним.

Насколько достоверна Библия?

Едва ли не каждый человек в этом мире согласится, что если единый и истинный Бог произнес слово, то игнориро-

* В английском переводе Библии — «мы — соратники радости вашей». — *Примеч. пер.*

вание Его Слова лишает человека вечного счастья. Однако не всякий человек, по сути дела, верит, что Библия — это Слово живого Бога. Не следует верить в это и без достаточных на то причин.

Некоторые читатели этой книги разделяют мое убеждение в том, что Библия — это Слово Божье. Им бы хотелось, чтобы я использовал ее дальше именно в таком качестве. Другие же с трудом предоставили бы Библии право властно распоряжаться их жизнью. Они бы хотели, чтобы я привел здравые и надежные аргументы в пользу того, что Библия — это Слово Божье. Я сознаю всю значимость подобных просьб и, чтобы обосновать свою уверенность в достоверности Писания, могу отослать читателя к Приложению 2: «Можно ли назвать Библию надежным проводником к вечной радости?» Надеюсь, что эта дополнительная статья поможет некоторым моим читателям утвердиться в том, что Писание — это Слово Божье.

Если нашему поиску вечного счастья суждено обрести успех, наше счастье нельзя отделять от Творца. Мы можем добиться желаемого, только если будем слушать Его Слово, которое находится в Библии. Самая же лучшая новость заключается в том, что сказанное Богом в этой книге и есть лучинки для разжигания христианского гедонизма.

Польза и сила Священного Писания

Библия содержит в себе много доказательств того, что ее цель — зажечь, а не потушить нашу радость. Эти доказательства мы можем отыскать, только поняв роль Писания в утверждении и увеличении нашего истинного счастья.

Библия — это жизнь ваша

В Книге Второзаконие Моисей говорит: «Положите на сердце ваше все слова, которые я объявил вам сегодня, и заповещайте их детям своим, чтоб они старались исполнять все

слова закона сего. Ибо это не пустое для вас; но *это жизнь ваша*» (Втор. 32:46,47). Слово Божье не пустое для нас; оно касается нашей жизни и смерти. Если мы несерьезно относимся к Писанию, мы лишаемся жизни.

От Слова Божьего зависит даже наше физическое существование, ибо мы были сотворены Им (Пс. 32:6; Евр. 11:3), и Он держит «все словом силы Своей» (Евр. 1:3). Наша духовная жизнь также начинается со Слова Божьего: «Восхотев, родил Он нас словом истины» (Иак. 1:18); «[Вы] возрожденные... от слова Божия, живого и пребывающего в век» (1 Пет. 1:23).

Мы не только *начинаем* свою жизнь со Слова Божьего, но и *живем* им: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4; Втор. 8:3). Наше физическое существование было инициировано и ныне поддерживается Словом Божьим. Им мы были пробуждены и к духовной жизни. И им же утверждаемся в ней.

Можно привести бесчисленное количество историй о жизненной силе Слова Божьего. История о «Маленьком Билни», раннем английском реформаторе, родившемся в 1495 г., — один из самых ярких примеров этого. Билни изучал юриспруденцию, и в вопросах внешнего религиозного благочестия был очень строг к себе. Однако его внутренний мир был пуст. Однажды ему случайно на глаза попался латинский перевод греческого Нового Завета, подготовленного Эразмом Роттердамским. И вот что произошло после этого:

Я наткнулся на слова святого Павла (самые приятные и утешительные слова для моей души!): «Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый» [1 Тим. 1:15]. Одно это предложение, посредством Божьей наставительной работы, которую Он провел во мне и которую я тогда еще не осознавал, так воодушевило мое сердце, израненное прежде грехами и находившееся почти всегда в состоянии отчаяния, что... внезапно я... почувствовал удивительное спокойствие, а мое сердце бешено забилось от радости. Писание с тех пор стало для меня слаще меда⁶⁶.

В самом деле, Библия — это не пустое для нас слово; оно — наша жизнь! А жизнь — это основание для всякой радости. Нет ничего более фундаментального, чем само наше существование: сотворение и сохранение до конца. То, что у нас есть эти дары, мы обязаны силе Слова Божьего. И этой же силой Он призвал нас к новой духовной жизни, утверждая нас в ней. Поэтому Библия — это не пустое для нас слово; Слово Божье — наша жизнь, оно разжигает нашу радость!

Вера — от слышания

Слово Божье порождает и поддерживает духовную *жизнь* по той причине, что оно порождает и укрепляет *веру*. Апостол Иоанн говорит: «Сие же написано, дабы вы *уверовали*, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, *веруя*, имели *жизнь* во имя Его» (Ин. 20:31). Апостол Павел вторит ему: «Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10:17). Вера, благодаря которой мы начинаем и продолжаем вести новую жизнь во Христе, приходит от слышания Слова Божьего.

Не бывает и истинной радости без веры: «Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира *в вере*» (Рим. 15:13). «И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и *радости в вере*» (Флп. 1:25). Каким еще способом мы сможем укрепить нашу радость в трудный час, если не будем прислушиваться к обетованиям Слова Божьего, которые содействуют нашему благу (Рим. 8:28)?

История обращения в христианскую веру Токиши Иши и его казни — яркое свидетельство силы Божьего Слова, могущей породить и подкрепить веру. Токиши Иши был повешен в Токио в 1918 г. по обвинению в убийстве. Его более двадцати раз сажали в тюрьму, а сам он был жесток, как тигр. Однажды он напал на тюремщика. Его связали, заткнули рот кляпом и подвесили на крюк таким образом, что его «пальцы ног едва касались земли». Однако он наотрез отказался раскаиваться в своем преступлении.

Незадолго перед его смертью, две миссионерки-христианки, мисс Уэст и мисс Макдоналд, выслали ему Новый Завет. После того как мисс Уэст лично посетила его, Токиши начал читать о том, как схватили и распяли Иисуса. Его внимание привлек отрывок из Евангелия от Луки: «Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Эти слова изменили его жизнь.

Тут я остановился. Эти слова, словно какой-нибудь пятидюймовый гвоздь, кольнули меня прямо в сердце. Что открывал мне этот стих? Может, любовь Христа? А может, Его терпение? Я не знал, что сказать. Только одно я знал: мое сердце, исполненное невыразимой благодарности, уверовало.

Токиши был приговорен к смерти. Он принял этот приговор как «справедливый и беспристрастный Божий суд». Слово Божье породило в нем веру и удивительным образом поддерживало ее. Прямо перед смертью мисс Уэст указала ему на место из 2 Кор. 6:8—10, где было написано о страдании праведников. Эти слова глубоко затронули его душу, и он написал:

«Нас огорчают, а мы всегда радуемся». Люди скажут, что у меня, должно быть, на сердце очень печально, ведь день за днем я ожидаю, когда приведут в исполнение мой смертный приговор. Но это не так. Я не чувствую печали, боли или страданий. Заточенный в камеру, площадь которой едва ли превышает шесть на девять футов, я бесконечно счастлив, радуясь больше, чем тогда, когда я, не зная Бога, совершал один грех за другим. Днем и ночью... я разговариваю с Иисусом Христом.

«Мы нищи, но многих обогащаем». Конечно же, это не относится к той жизни, которую я вел до покаяния. Но, может быть, спустя много лет кто-нибудь услышит, как самый отъявленный злодей, живший когда-либо на этой земле, раскаялся в своих грехах и был спасен силой Христовой, и это подтолкнет и его к раскаянию. Тогда, возможно, я, будучи нищ, смогу обогатить многих.

Слово Божье поддерживало его до конца. Уже находясь на эшафоте, он с величайшим смирением и искренностью про-

изнес свои последние слова: «Моя очищенная душа сегодня возвратится в Град Божий»⁶⁷.

Вера порождается и поддерживается Словом Божьим. Из веры же, словно из цветка, проистекает радость.

Господь дает Святого Духа через слушание с верой

Нам заповедано исполняться Святым Духом: «Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом» (Еф. 5:18). Каким образом к нам приходит Дух Божий? Павел спрашивает галатийских христиан: «Чрез дела ли закона вы получили Духа, или чрез наставление в вере?» (Гал. 3:2)*.

Поэтому на вопрос, каким образом к нам приходит Дух, следует ответ: «через слушание в вере». Но слушание чего? Разумеется, Слова Божьего.

Дух Божий вдохновлял написание Слова Божьего, и поэтому Он действует вместе со Словом Божьим. Чем глубже мы познаем Слово Божье и чем сильнее мы его любим, тем больше мы испытываем на себе действие Святого Духа. Вместо того чтобы пить вино, нам заповедано исполняться Духом. Но как Им исполниться? Ответ на этот вопрос дает Павел: «Живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном» (Рим. 8:5).

Что такое «духовное»? Когда Павел говорит: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия» (1 Кор. 2:14), он ссылается на свое собственное учение, вдохновленное Святым Духом (1 Кор. 2:13). Поэтому учение Писания прежде всего «духовное». Мы исполняемся Духом, размышляя о духовном, т. е. о Слове Божьем. Плод же Духа — радость (Гал. 5:22).

* В английском переводе Библии — «через слушание в вере». Дальнейшие рассуждения автора основаны на этом переводе. — *Примеч. пер.*

Писание дает надежду

Иногда вера и надежда представлены в Писании почти как синонимы. «Вера же есть осуществление *ожидаемого*» (Евр. 11:1). Без такой надежды на будущее мы быстро разочаруемся и придем в уныние, а наша радость иссякнет. Надежда абсолютно необходима для радости христианина. «Хвалитесь и скорбями, зная, что от скорби происходит... надежда» (Рим. 5:3,4; 15:13).

Как же мы утверждаемся в своей надежде? Псалмопевец отвечает на этот вопрос: «Он постановил устав в Иакове и положил закон в Израиле, который заповедал отцам нашим возвещать детям их... возлагать *надежду* свою на Бога» (Пс. 77:5,7). Иными словами, «устав» и «закон», т. е. Слово Божье, разжигает надежду наших детей.

Павел говорит об этом еще яснее: «Все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли *надежду*» (Рим. 15:4). Вся Библия без исключения имеет цель и являет собой мощь: она творит надежду в сердцах Божьего народа. А когда надежда сильна, тогда и сердце наполняется радостью.

Истина сделает вас свободными

Еще один существенный элемент радости — свобода. Никто из нас не смог бы быть счастливым, если бы не был свободен от ненависти и, напротив, если бы был свободен любить. Где же нам найти истинную свободу? Псалмопевец говорит: «Буду ходить свободно; ибо я взыскал повелений Твоих» (Пс. 118:45). Это картина открытого пространства. Слово Божье освобождает нас от неразумности (3 Цар. 4:29) и от угрозы быть заключенными в тюрьму (Пс. 17:20).

Иисус говорит: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). Он имеет в виду ту свободу, которая

освобождает от греха (Ин. 8:34). Иными словами, это свобода быть святым. Обетования Божьей благодати наделяют силой, которая позволяет нам исполнять требование быть святым, и не со страхом, а свободно, по совести. «Которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы чрез них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью» (2 Пет. 1:4; ср.: Ин. 15:3). Свободные от растления, мы, посредством великих и драгоценных обетований, можем свободно возрастать в подобие Богу.

Поэтому нам следует молиться друг за друга так же, как молился за нас Иисус: «Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина» (Ин. 17:17). Нельзя испытать радость, не имея святости, ибо Писание говорит: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12:14). Как же важна в таком случае освящающая истина! Как драгоценно Слово, которое делает бессильными все мнимые удовольствия! Как же бдительны должны быть мы, чтобы освещать свой путь Словом Божьим и наполнять им свое сердце! «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс. 118:105). «В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою» (Пс. 118:11; ср.: ст. 9).

Откровение Господа умудряет простых

Библия, конечно же, не отвечает на все вопросы нашей жизни. Не на каждом распутье стоит библейский указатель. Нам нужна мудрость, чтобы познавать путь вечной радости. Тем не менее и эта мудрость — дар, который великодушно преподносит нам Писание. «Откровение Господа верно, умудряет простых. <...> ...Заповедь Господа светла, *просвещает очи*» (Пс. 18:8,9; 118:98). Те, чей разум заполнен Словом Божьим и подчинен ему, обладают мудростью, которая в вечности превзойдет всю мирскую мудрость. «*Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум!*» (Прит. 3:13).

*Написано для того,
чтобы вы имели уверенность*

Так или иначе, наша извращенная воля и несовершенное мышление подчас подталкивают нас к безрассудным поступкам и ставят нас в глупое положение. Тот день, когда такое происходит, не может быть счастливее дня предыдущего. Вот почему нам нужно восстановление и утешение. Но куда мы можем обратиться, чтобы получить это утешение? Вновь прислушаемся к псалмопевцу: «Это — *утешение* в бедствии моем... <...> Вспоминал *суды* Твои, Господи, от века, и утешался» (Пс. 118:50,52).

Когда наши ошибки и злоключения угрожают нашей уверенности в вере, куда нам обращаться, чтобы восстановить ее? Апостол Иоанн призывает нас обращаться к Слову Божьему: «Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы, веруя в Сына Божия, имеете жизнь вечную» (1 Ин. 5:13). Библия была написана для того, чтобы мы имели уверенность в вечной жизни.

Слово Божье побеждает лукавого

Первоочередная цель сатаны — разрушить нашу радость в вере. Тем не менее у нас есть такой наступательный вид оружия, как меч Духа, Слово Божье (Еф. 6:17). Но многие христиане, к сожалению, не осознают, что мы не можем вытаскивать меч из чьих-либо ножен. Если мы сами не носим этот меч, значит мы не сможем употребить его в деле. Когда Слово Божье не пребывает в нас (Ин. 15:7), наше обращение к нему при виде врага, наносящего нам удар, будет тщетным. Но если мы носим Слово в себе, если оно пребывает в нас, мы будем непобедимыми воинами. «Я написал вам, юноши, потому что вы сильны, и слово Божие пребывает в вас, и вы победили лукавого» (1 Ин. 2:14).

Это и есть секрет всех непобедимых Божьих воинов. Они полностью связали свою жизнь со Словом Божьим. Хадсон Тейлор, основатель Китайской миссии, прошел через все невообразимые трудности лишь за счет того, что прилежно размышлял над Писанием каждый день. Сын Тейлора, доктор Ховард Тейлор, и его жена кратко знакомят нас с этим методом:

Для г-на Тейлора, в виду его жизни, полной перемен, было непросто уделять время для молитвы и изучения Библии. Однако он знал, насколько это важно. Мы хорошо помним, как месяц за месяцем продвигались вместе с ним в северные районы Китая, то на повозках, то на тележках, ночуя в каких-то ужасных домах. Часто эти дома имели только одну общую комнату, которую вместе занимали и местные жители, и путешественники. Нам приходилось с помощью разных тряпок отгораживать один угол для отца, другой — для себя. После того как все засыпали и наступала продолжительная тишина, мы слышали, как зажигалась спичка, и видели мерцание свечи. Это говорило о том, что г-н Тейлор, невзирая на страшную усталость, погружался в раздумье над очередным местом из маленькой двухтомной Библии, которая всегда находилась у него под рукой. С двух часов ночи до четырех часов утра он обычно предавался молитве. Только в это время он был уверен, что его не потревожат⁶⁸.

Меч Духа изобилует победами. Но как мало людей предаются глубокому и прилежному изучению своей души, не занося этот меч над головой и не размахивая им с радостью и силой!

Искреннее увещание

Библия — это Слово Божье. Оно не пустяк, а источник жизни, веры, силы, надежды, свободы, мудрости, утешения, уверенности и победы над нашим главным врагом. Разве не чудо то, что знавшие самое лучшее восклицали: «Повеления Господа праведны, *веселят* сердце...» (Пс. 18:9)? «Уставами Твоими *утешаюсь*, не забывая слова Твоего» (Пс. 118:16).

«Как люблю я закон Твой! весь день размышляю о нем» (Пс. 118:97). «Откровения Твои я принял, как наследие на веки; ибо они веселие сердца моего» (Пс. 118:111). «Обретены слова Твои, и я съел их; и было слово Твое мне в *радость* и в *веселие* сердца моего; ибо имя Твое наречено на мне» (Иер. 15:16).

Должны ли мы, как христианские гедонисты, стремиться к этой радости? Следует ли нам каждый день воспламенять огонь радости Словом Божиим? Конечно же! И не только каждый день, но и в любое время суток, как написано: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей; но *в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь.*» (Пс. 1:1,2). Наша радость — это Божий замысел о нас: «Сие сказал Я вам, *да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна*» (Ин. 15:11). Не стремиться ежедневно к обретению этой радости в Слове Божьем — значит отвергать замысел Божий. А это, в свою очередь, — грех.

Можем ли мы несерьезно относиться к Библии? Если мы делаем так, мы идем против самих себя и отвергаем тех святых, которые сражались и пострадали за Слово Божье. Подумаем, например, о мужестве Мартина Лютера, стоявшего перед гражданскими и церковными правителями, которые обладали властью, достаточной для того, чтобы за его отношение к Слову Божьему изгнать его из страны и даже заключить в тюрьму. Архиепископ Трирский в последний раз задал Лютеру все тот же вопрос: «Отрекаешься ты или нет от своих книг и содержащейся в них ереси?»

Лютер ответил, обращаясь к императору Карлу V: «Поскольку вы, Ваше Величество, и вы, государи, желаете услышать простой ответ, я отвечу прямо и просто. Если я не буду убежден свидетельствами Священного Писания и ясными доводами разума — ибо я не признаю авторитета ни пап, ни соборов, поскольку они противоречат друг другу, — совесть моя Словом Божиим связана. Я не могу и не хочу ни от чего отречься, потому что нехорошо и небезопасно поступать

против совести. На сем стою и не могу иначе. Бог да поможет мне. Аминь»⁶⁹. Лютер исчез, после того как был издан эдикт о его осуждении. Альбрехт Дюрер записал в своем дневнике:

Не ведаю, жив он или убит, но в любом случае Лютер пострадал за христианскую истину. Если мы потеряем этого человека, писавшего с большей ясностью, чем кто-либо за все прошедшие века, да дарует Бог дух его другому... О Боже, коли Лютер мертв, кто же будет отныне разъяснять нам Евангелие? Что бы мог он написать для нас за десять или двадцать лет!⁷⁰

Но Лютер не погиб. Он продолжал писать в течение еще двадцати пяти лет. И вместе с другими храбрыми реформаторами он освободил для нас Слово Божье от сковывавших его уз церковной традиции. Нам бы лелеять Слово Божье и использовать его так, как это делали они! Для них оно воистину было могущественным мечом против врага.

Мартин Лютер, как и любой другой человек, хорошо знал, что каждый новый день, проведенный вместе с Иисусом, не приятнее предыдущего. Роланд Бейнтон, биограф Лютера, замечает, что в год своей глубочайшей депрессии он написал свои самые знаменитые строки:

И хотя со всех сторон бесы
Грозили нас пожрать,
Стоим мы твердо на своем.
Они не могут нас одолеть.
Князь мира сего может злиться:
Что бы ни делал он —
Не принесет он зла.
Истина Божья преизобилует,
Одно слово малое сокрушит сатану.

*Чтобы использовать меч,
мы должны носить его с собой*

Если мы намереваемся использовать меч Духа, мы должны носить его с собой. Ездра — хороший пример для нас: «...Благодетельная рука Бога его была над ним; потому что *Ездра*

расположил сердце свое к тому, чтобы изучать закон Господень и исполнять его, и учить в Израиле закону и правде» (Езд. 7:9,10). У нас должно быть такое же сердце, какое было у псалмопевца, написавшего: «Как люблю я закон Твой! весь день размышляю о нем» (Пс. 118:97). Будем же трудиться для того, чтобы запоминать Слово Божье. Это нужно и для поклонения, и для сражения. Если мы не знаем Божье Слово, мы не сможем наслаждаться им в своем сердце и использовать его в Духе. Если мы не запасемся лучинами для растопки христианского гедонизма, пламя христианского счастья погаснет еще до зари.

Как Джордж Мюллер начинал день

В завершении этой главы я привожу свидетельство великого мужа молитвы и веры. Джордж Мюллер (1805-1898) прославился тем, что открывал в Англии детские дома. Он также известен тем, что жизнерадостно полагался на Господа во всех своих нуждах. Как же он разжигал свою радость и веру? В 1841 г. он сделал открытие, которое изменило его жизнь. Свидетельство об этом событии, взятое из его автобиографии, оказало и на мою жизнь потрясающее влияние. Молю Господа о том, чтобы и в вашей жизни оно принесло тот же самый плод.

Когда я находился в Нейлсворте, Господь пожелал научить меня истине, безо всякого вмешательства со стороны человека; я знаю это, поскольку до сих пор не утерял ту пользу, которую она принесла мне, хотя... с тех времен прошло уже более сорока лет.

Истина эта заключается в следующем: я понял яснее прежнего, что величайшая и первостепеннейшая задача, которой я должен уделять внимание каждый день, — это радоваться всей своей душой в Господе. Главное, о чем мне стоило беспокоиться, заключалось не в том, как много я могу послужить для Господа или как я могу прославить Его. Главное — каким образом моя душа может стать счастливой, как может насытиться мой внутренний человек. Да, можно доносить до необращенного человека истину Библии, можно стремиться помочь верующим или несчастным людям, можно, как это приличествует чадам

Божьим, показать себя в миру с хорошей стороны. И однако, делая все это, мы можем не иметь счастья в Господе и не укрепляться ежедневно во внутреннем человеке; обо всем этом можно не заботиться правильным образом.

До этого времени, в течение, по меньшей мере, десяти лет, одевшись, я предавался молитве скорее по привычке. Теперь я понял, что самое важное для меня — предать себя чтению Слова Божьего и размышлению над ним, посредством чего мое сердце получает утешение, вдохновение, обличение и наставление. Размышляя над Словом Божьим подобным образом, я стал более плодотворно общаться с Господом. Я начинал размышлять над Новым Заветом с самого раннего утра.

Первое, что я делал после того, как в нескольких словах испрашивал у Господа благословение на понимание Его драгоценного Слова, я размышлял над Словом Божьим, скрупулезно изучая каждый стих, чтобы получить от него благословение. Я это делал не ради публичного служения Слова и не ради проповедования о том, над чем я размышлял. Нет, я делал это для того, чтобы моя душа имела постоянную пищу. Результатом таких действий почти всегда было то, что спустя несколько минут мое сердце склонялось к раскаянию, благодарению, ходатайству или прощению. Поэтому, хотя я и не предавался непосредственно *молитве*, но только *размышлениям*, мои размышления почти сразу же переходили в молитву.

Предав себя на некоторое время молитве раскаяния, благодарению, ходатайству или прощению, я переходил к другому стиху, повторяя все заново: я молился за себя или за других в соответствии с тем, как вело меня Слово Божье. Однако я никогда не забывал, что цель моих размышлений — дать пищу моей душе. Результатом этого было то, что мои размышления всегда сопровождались большим числом покаянных и благодарственных молитв, а также прошений для себя и ходатайств за других людей. Моя душа, в свою очередь, едва ли не каждый раз заметным образом питалась и укреплялась духовно, так что ко времени завтрака я, за редким исключением, ощущал удивительный мир или даже счастье в своем сердце. Господу, посредством подобных размышлений, было также угодно сообщать, что очень скоро мне предстоит стать пищей для других верующих людей, даже если, предавая себя размышлениям над Словом Божьим, я думал не о публичном служении, но о пользе для моей собственной души.

Между моим предыдущим образом молитвы и той практикой, которой я держусь сейчас, наблюдается значительная разница. Раньше, встав, я едва ли не тотчас начинал молиться, занимая молитвой почти все время до завтрака. Перед каждым событием я неизменно молился... Но что было результатом этого? Я зачастую тратил четверть часа, полчаса или даже целый час, стоя на коленях, до тех пока не убеждался, что моя душа обрела утешение, поддержку и смирение. А часто, претерпев значительно от блужданий моего разума в течение первых десяти минут, или четверти часа, или даже получаса, я только тогда начинал *по-настоящему молиться*.

Подобных страданий я теперь почти не испытываю. Насытив свою душу истиной и укрепив свои отношения с Богом, я обращаюсь к своему Отцу и Другу (даже несмотря на свою низость и недостойность!) с тем, что Он открыл мне через Свое драгоценное Слово.

Теперь меня удивляет, почему я не сделал этого раньше. Ни в одной книге я не читал об этом; не ставило передо мной таких вопросов и публичное служение. Мои приватные беседы с братьями не побуждали меня к этому. И все же теперь, когда Господь научил меня этой истине, для меня нет ничего яснее: чадо Божье должно каждое утро *питать свою душу пищей*.

Человек будет не пригоден для внешней работы в течение продолжительного времени, если не подкрепитя. И так как именно это мы прежде всего делаем каждое утро для тела, то же самое мы должны делать и для нашей души. Каждый человек должен признать, что нам следует насыщать ее. Какая же пища подходит для души? Это не *молитва*, а *Слово Божье*. И опять-таки это не просто чтение Слова, когда оно мимоходом проносится у нас перед глазами, словно вода в трубе. Мы должны быть внимательными к тому, что читаем, размышляя над прочитанным и прилагая его к нашим сердцам...

Я так подробно описываю эту практику по причине той безмерной духовной пользы и того внутреннего подкрепления, которые, как я понимаю, происходят от нее. Я нежно и серьезно призываю всех своих друзей-христиан тщательно подумать над тем, о чем я пишу здесь. Благодатью Божьей я приписываю этому способу духовных размышлений ту помощь и поддержку, какую я получил от Бога для того, чтобы пройти через разнообразное переживание и злключения, каких я не имел прежде. Спустя сорок лет я, сознавая страх Божий, все еще

полностью доверяю этому способу. Как отличается ситуация, когда с самого раннего утра душа обновлена и счастлива, от той, когда, вследствие отсутствия духовной подготовки, на вас днем наваливается служение, испытания и искушения!⁷¹

Молитва

Сила христианского гедонизма

Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна.

Ин. 16:24

Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который в тайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Мф. 6:6

*Что за мир мы подчас теряем,
Какую лишнюю боль мы несем,
Почему? Потому что не веряем
Все, что имеем, в молитве Богу!*

Джоузеф Скрайвен

Одно из самых распространенных возражений на учение, проповедуемое христианским гедонизмом, заключается в том, что он якобы ставит интересы человека выше славы Божьей, а наше личное счастье — выше почитания Бога. Однако христианский гедонизм, напротив, решительно противостоит такой расстановке приоритетов.

Без сомнения, христианские гедонисты предпринимают все возможные попытки, чтобы добиться своих интересов и своего счастья. Они всячески поддерживают решение, которое некогда принял молодой Джонатан Эдварде. «Принимаю решение, — говорит он, — изо всех сил пытаться обрести счастье в ином мире; для этого я буду использовать все свои силы, способности и возможности, а также весь свой пыл и всю страсть, какую только можно вообразить».

Тем не менее из Библии (и из рассуждений Эдвардса) нам известно, что Божий интерес заключается в возвеличивании полноты Его славы, милостиво распространяемой на нас. Поэтому поиск своего счастья и своей выгоды никогда не ставится *выше* Бога; он ведется *в* Нем, и только *в* Нем. В Библии перед нами отчетливо раскрывается самая важная истина: величайший интерес Бога заключается в том, чтобы прославлять богатство Своей благодати, даруя грешникам счастье в Себе Самом.

Смирняя себя подобно малым детям и не превознося нашу самодостаточность, но с радостью отдавая себя в объятия нашего небесного Отца, мы возвеличиваем славу

Его благодати и удовлетворяем желание своей души. Наши интересы и Его слава едины. Поэтому христианские гедонисты ни в коей мере не ставят свое личное счастье выше Божьей славы; они стремятся к обретению счастья *в Нем*.

Почему гедонист стоит на коленях

Учение Иисуса о молитве (см. Евангелие от Иоанна) свидетельствует о том, что поиск *нашей* радости и поиск *Божьей* славы представляют собой одно и то же. Мы сейчас обратимся к двум ключевым отрывкам: «и если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, *да прославится Отец в Сыне*» (Ин. 14:13); «доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, *чтобы радость ваша была совершенна*» (Ин. 16:24). В первом отрывке показано, что молитва — это поиск Божьей славы; во втором акцентируется внимание на том, что молитва — это поиск нашей радости.

Единство двух целей — Божьей славы и нашей радости — обеспечивается актом молитвы. Поэтому христианские гедонисты прежде всего хотят быть людьми искренней молитвы. Как томимая жаждой лань склоняется к ручью, чтобы напиться воды, так и характерная поза христианского гедониста — это коленапоклоненная молитва.

Рассмотрим более подробно и по порядку молитву как поиск Божьей славы и как поиск нашей радости.

Молитва как поиск Божьей славы

Вслушаемся еще раз в слова Иисуса: «И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, *да прославится Отец в Сыне*» (Ин. 14:13). Предположите, что вы полностью парализованы и можете только разговаривать. Пусть сильный и надежный друг пообещал, что будет жить с вами и помогать вам во всем, в чем вы нуждаетесь. Как бы вы похвалили его перед

другими людьми? Превознесли бы вы его великодушие и силу, пытаясь встать с постели и взять его на руки?

Конечно же, нет. Вы бы, скорее всего, сказали: «Друг, подними меня, пожалуйста, и положи под мою спину подушку, чтобы я мог взглянуть на гостя. Не мог бы ты также надеть на меня очки?» Благодаря этим просьбам ваш посетитель понял бы, что вы беспомощны, а ваш друг — очень сильный и добрый человек. Вы воздали бы должное вашему другу, попросив его о помощи и понадеявшись на него.

В Евангелии от Иоанна Иисус говорит: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5). Без Христа мы полностью парализованы и не способны ни к какому доброду делу. Как говорит Павел: «Не живет во мне, то есть, в плоти моей, доброе» (Рим. 7:18).

Тем не менее из Ин. 15:5 следует, что Бог хочет, чтобы мы совершали добрые дела и приносили плоды. Поэтому Иисус, будучи нашим сильным и надежным другом (как написано: «Я назвал вас друзьями», Ин. 15:15), обещает сделать за нас то, на что сами мы не способны.

Как же тогда мы можем прославить Его за это? Сам Иисус дает ответ на этот вопрос: «Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам» (Ин. 15:7). Итак, мы *молимся*. Мы просим, чтобы Господь через Иисуса Христа сделал для нас то, что мы не можем сделать сами, — дать плоды. Это видно в следующем стихе: «Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода, и будете Моими учениками» (Ин. 15:8). Как же прославляется Бог нашей молитвой? Молитва — это открытое признание того факта, что без Христа мы не можем ничего. Молясь, мы отворачиваемся от самих себя и поворачиваемся к Богу, будучи уверенными, что Он поможет нам в том, в чем мы нуждаемся. Благодаря молитве мы уничижаемся до состояния людей, которые в чем-то нуждаются. Молитва возвышает Божью щедрость.

Зная Его, мы бы просили Его

Еще в одном тексте, демонстрирующем, как молитва прославляет Бога, Иисус просит женщину дать Ему воды.

Женщина Самаринская говорит Ему: как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются. Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий, и кто говорит тебе: «дай Мне пить», то *ты сама просила бы у Него*, и Он дал бы тебе воду живую (Ин. 4:9,10).

Если бы вы были моряком, жестоко страдающим от цинги, и некий щедрый человек, поднявшись к вам на палубу с фруктами в карманах, попросил бы у вас ломтик апельсина, вы, скорее всего, не отказали бы ему. Но, зная, что он щедр и способен восполнить всякую вашу нужду, вы бы поменялись ролями и сами попросили бы его об услуге.

Иисус говорит женщине: «Если бы ты знала дар Божий и Кто стоит перед тобой, ты бы просила Меня, ты бы умоляла Меня!» Можно заметить непосредственную связь: когда мы не знаем хорошо Иисуса, мы и не просим у Него о многом. Застой в нашей молитвенной жизни случается из-за того, что мы не стремимся познать Иисуса лучше и полнее. «Если бы ты знала, Кто говорит с тобой, ты бы просила Меня!» Христианина без молитвы можно сравнить с водителем автобуса, который в одиночку пытается вытащить автобус из глубокой колеи, не подозревая, что у него в салоне сидит Кларк Кент. «Если бы ты знала, ты бы просила!» Не молящийся христианин — это человек, у которого стены в квартире обклеены дарственными сертификатами, но он по-прежнему тратит деньги на покупки, потому что не умеет читать. «Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит с тобой, ты сама просила бы у Него». *Вы просили бы у Него!*

Поэтому те, кто действительно спрашивает, — т. е. христиане, которые молятся, — делают это по той причине, что знают: Бог — великий Даятель, а Христос — премудр, всемилос-

тив и всемогущ. Так что их молитвы прославляют Христа и возвеличивают Его Отца. Главное же предназначение человека — прославлять Бога. Следовательно, становясь такими, какими нас сотворил Господь, мы включаемся в число людей молитвы.

Текст Робинзона Крузо

Однажды Чарлз Сперджен проповедовал на эту тему. Свою проповедь он назвал «Текст Робинзона Крузо». Он начал так:

Робинзон Крузо потерпел кораблекрушение. Он остается один на необитаемом острове. Его положение достойно сожаления. Он ложится спать, и его сражает лихорадка. Болезнь длится долго, и нет никого, кто мог бы навестить его; некому даже принести ему стакан холодной воды. Он готов умереть. Он был приучен жить в грехе и имел все пороки моряка. Однако тягостное положение, в котором он оказался, заставило его думать. В корабельном сундуке он нашел Библию и стал читать ее. Неожиданно он наткнулся на следующие слова: «Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня». В эту ночь он впервые в своей жизни обратился в молитве к Богу, и после этого в его сердце появилась надежда, что указывало на рождение в нем небесной жизни⁷².

Текст Робинзона Крузо — Пс. 49:15. Бог получает славу, когда мы молимся Ему, а Он избавляет нас. Результат этого — *«ты прославишь Меня»*.

Сперджен очень проницательно объясняет это место:

Бог и молящийся человек действуют совместно... Ваше действие: «Призови Меня в день скорби». Божье действие: «Я избавлю тебя». Затем вновь ваше действие: вы обретае избавление. Наконец, в дело опять вступает Господь: «Ты прославишь Меня». В этот договор, или завет, Бог вступает с вами как с человеком, который молится и которому нужна помощь. Он говорит: «Ты получишь избавление, а Я должен получить славу...» Такое партнерство замечательно: мы получаем то, в чем сильно нуждаемся, а Бог — то, что достойно Его имени, — всю славу⁷³.

Да, замечательное партнерство. Молитва — это сердце христианского гедонизма. Бог получает славу, а мы — радость. Причина, по которой Он получает славу, заключается в том, что, ведя нас к радости, Он тем самым демонстрирует Свою силу. Причина же нашей радости — Сам Бог, поскольку Он — источник и цель нашей жизни.

Мы сделали важное открытие. Мы не прославляем Бога, если даем Ему то, в чем Он нуждается. Напротив, Бог получает славу, когда мы молимся Ему о наших нуждах, твердо веря, что Он ответит нам.

Эгоцентрична ли молитва?

Могут указать на то, что молитва в таком случае становится эгоцентричной. Но что подразумевается под термином «эгоцентризм»? Если кто-то хочет сказать, что мое страстное желание быть счастливым — эгоцентризм, тогда моя молитва, без сомнения, эгоцентрична.

Плохо ли, когда в своей молитве я прошу о том, чтобы Божье имя свяtilось в моей жизни, чтобы Его царство управляло моим сердцем, чтобы Его воля исполнялась во всех моих действиях, как она исполняется ангелами на небесах? Стоит ли мне отказываться от страстного желания обрести это счастье — увидеть, как в моей жизни святится Божье имя, как в нее входит Божье царство и как в ней исполняется Божья воля?

Каким образом исполняется на небесах Божья воля? С печалью? С тягостным настроением? С завистью? Конечно же, нет. Она исполняется с радостью. Поэтому и в своей молитве — «Да будет воля Твоя и на земле, как и на небе» — я руководствуюсь желанием обрести радость. Нелепо молиться о том, чтобы воля Божья исполнялась в моей жизни так, как она исполняется на небесах, и затем заявлять о своем равнодушии к тому, обрету я счастье в результате своей молитвы или нет. Когда на земле с радостью и в полной мере исполняется Божья воля, тогда имеют смысл слова «и на земле, как и на небе».

Тем не менее не стоит называть стремление стать счастливым с помощью молитвы «эгоцентризмом». Это стремление полностью богоцентрично. Страстное желание стать счастливым демонстрирует то, что в центре моей жизни зияет пустота, которую я во что бы то ни стало хочу заполнить. И когда я знаю, что она может быть заполнена только Богом, моей радости нет предела. Поэтому «эгоцентризм» — неудачный термин для описания страстного желания быть счастливым в Боге.

Молиться как прелюбодеи

Кто-то может возразить: «Все это так. Но ведь не во всех молитвах мы просим о том, чтобы свяtilось Божье имя или пришло Его царство. Много молитв совершается о пище, одежде, попечении или здоровье. Разве подобные молитвы не эгоцентричны?»

Возможно, они и эгоцентричны. Иаков осуждает некоторые молитвы, говоря:

Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вождлений. Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога! Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу. Или вы думаете, что напрасно говорит Писание: «до ревности любит дух, живущий в нас»? (Иак. 4:3—5)

Из его слов становится ясно, что некоторые виды молитв действительно извращены, поскольку, творя их, мы изменяем Богу. Мы используем щедрость нашего Мужа, чтобы развлекаться с проститутками. Поразительно! Иаков называет нас «прелюбодеяями», если мы молимся подобным образом.

В образе Божьей жены здесь изображается Церковь. Бог сотворил нас для Себя. Он предал Себя за нас для того, чтобы мы наслаждались Им. Поэтому, когда мы пытаемся быть «друзьями» этому миру, мы впадаем в прелюбодеяние. Если

удовольствие, которое должны испрашивать у Бога, мы ищем в мире, наша супружеская верность нарушается. И, что еще хуже, мы просим нашего небесного Мужа дать нам средства, которые собираемся использовать для мирских вожелений. Представьте себе, как жена просит у своего мужа денег для того, чтобы поразвлечься с мужчиной-проституткой, поскольку она не получает удовлетворения от своего мужа!

Так что действительно есть такие молитвы, которые эгоцентричны в самом худшем смысле. Отсюда возникает вопрос: как нам молиться, чтобы наши молитвы не были прелюбодейными?

Наслаждение творением без совершения прелюбодеяния

Зададим вопрос, который представляет собой часть более глубокого вопроса: каким образом тварный человек может наслаждаться творением и не совершать при этом идолопоклонства, т. е. духовного прелюбодеяния? Кому-то этот вопрос может показаться неуместным. Однако для тех, кто желает петь вместе с псалмопевцем, этот вопрос очень важен. Ведь они поют так:

Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек (Пс. 72:25,26).

Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его (Пс. 26:4).

Если наше сердце стремится сосредоточиться на Боге, то вопрос о том, как мы можем наслаждаться чем-либо и не совершать идолопоклонства, отнюдь не праздный. Каким образом молитва прославляет Бога, если мы молимся о какой-то конкретной вещи? Ведь, на первый взгляд, мы прославляем эту вещь.

Конечно же, часть ответа на этот вопрос уже была дана в тексте Робинзона Крузо: Бог получает славу, будучи в то же время Даятелем, Которому и так принадлежит вся вселенная. Однако это только часть ответа, поскольку благодаря Бога как Даятеля, мы можем злоупотреблять Его дарами.

На оставшуюся часть вопроса ответ можно найти в словах Томаса Трейерна и святого Августина. Трейерн говорит:

Вы никогда не будете надлежащим образом наслаждаться этим миром, пока не увидите мудрость и силу Божью в морском песке и не осознаете ценность всякой вещи, которая предназначена для того, чтобы открывать взору вашей души Божью славу и благодать в гораздо большей степени, чем это делает видимая красота или внешнее предназначение, служащие вашему телу⁷⁴.

Молитва Августина также включает в себя слова, доказывающие огромную важность усилий, которые мы прикладываем для того, чтобы любить Бога *всем* нашим сердцем.

Тот, кто не любит Тебя превыше всего,
Любит не только Тебя, но и то,
Что он любит не ради Тебя⁷⁵.

Иными словами, если предметы считаются даром Божьим и отражением Его славы и надлежащим образом употребляются в дело, они не могут служить поводом для идолопоклонства. *При условии*, конечно же, что наша радость от них всегда сопровождается радостью, которую мы имеем в их Творце.

Льюис высказывает ту же самую мысль в своем письме Малкому:

Мы не способны, или я не способен, слушать просто звуки, из которых состоит песня птицы. Вместе с песней мы неминуемо должны услышать ее значение. Ведь нельзя же смотреть на печатную букву в тексте просто как на некий видимый узор. Процесс чтения так же произволен, как и зрительный процесс. Когда шумит ветер, я не просто слышу шум — я «слышу ветер». По тому же самому принципу можно «читать» удовольствие, как

и «иметь» его. Хотя соединительный союз «и» лучше вообще убрать. Между возможностью «читать» и «иметь» не должно быть различий, а иногда их действительно нет. Принимать что-то и признать его божественное происхождение — звенья одной цепи. Небесный плод начинает благоухать фруктовым садом тотчас, как вырастает. Сладкий, свежий ветер шелестит той местностью, откуда от дует. В этом суть всего. Мы знаем, что нас касается перст правой руки, от которой истекают все вечные удовольствия. Нет никаких сомнений в том, что благодарность или хвала не разрозненные события, происходящие спустя короткий промежуток времени. Пережить Богоявление — значит поклониться⁷⁶.

Когда наша связь с творением перерастает в связь с божественным фруктовым садом или перстом Божьим, мы не впадаем в идолопоклонство, а поклоняемся истинному Богу. В своих размышлениях над псалмами Льюис выражает ту же самую мысль, но по-другому:

Опустошая природу божества — или, скажем, божеств, — мы наполняем ее Богом, так что она становится носителем откровения. В некотором смысле поклонение природе заглушает ее саму подобно тому, как ребенок или дикарь, очарованный униформой почтальона, забывает принять от него письма⁷⁷.

Поэтому молитва о том, чтобы в дом заглянул почтальон, может привести к идолопоклонству, но может и не привести. Если мы на короткое время приходим в восхищение от его униформы, получая лишь земное удовольствие, мы впадаем в идолопоклонство. Но если униформа воспринимается нами как милостивая награда за подлинную радость божественного откровения, мы далеки от идольского служения. Даже молясь о супруге, работе, исцелении тела, пище или поддержке, мы, творя молитву во имя Божье и ради Его славы, не «эгоцентричны», а богочентричны. Ведь мы всего лишь соглашаемся с псалмопевцем, который говорит: «С Тобою ничего не хочу на земле» (Пс. 72:25). Иными словами, мы произносим: «Я ничего не хочу так, как хочу Тебя. Мне ничего так не хочется видеть, как Тебя».

Прославлять Бога, не служа Ему, а принимая Его служение

Вернемся к нашей основной мысли. Чуть выше я сказал, что текст Робинзона Крузо — это важное открытие для нас. Суть этого открытия состояла в том, что мы прославляем Бога не удовлетворением Его нужд, а молитвой о наших собственных нуждах, уповая на ответное действие с Его стороны. Это открытие — суть христианского гедонизма.

Господь настаивает на том, чтобы мы призвали Его на помощь и тем прославили Его (Пс. 49:15). Этим подчеркивается тот факт, что мы, со своей стороны, должны *остерегаться служения Богу*, предпринимая особые шаги для того, чтобы позволить Ему служить нам, если мы не хотим похитить Его славу.

Это утверждение шокирует нас. Многие из нас привыкли считать, что в нашем служении Богу кроется наиболее позитивный момент нашей жизни. Мы никогда не задумывались о том, что наше служение может оскорбить Его. Поэтому нам следует полнее коснуться вопроса о значении молитвы.

Слова Павла, произнесенные им в Афинах, проясняют этот непростой вопрос:

Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание и все (Деян. 17:24,25).

Псалмопевец приводит те же самые рассуждения, какие мы находим в тексте Робинзона Крузо о молитве:

Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе; ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее. <...> ...Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня (Пс. 49:12,15).

Очевидно одно: в некотором смысле наше служение Богу сводит Его до положения нуждающегося в нас. «Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили»

(Мк. 10:45). Его целью было стать слугой, посредством чего, как Он рассчитывал, Его прославят как Даятеля.

Все еще слуга при втором пришествии

Сказанное выше справедливо и по отношению к завершающей фазе человеческой истории. В конце времен Христа также будут прославлять как Слугу. Мне кажется, что следующий отрывок из Евангелия от Луки самым поразительным образом описывает второе пришествие Христа, изображая картину возвращения господина с брачного пира:

Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи; и вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, пришел, найдет бодрствующими; истинно говорю вам, он препоясается и посадит их, и подходя станет служить им (Лк. 12:35-37).

Чем Бог отличается от других богов

Разумеется, в Писании нас тоже называют слугами. Это, без сомнения, означает, что мы должны делать именно то, что должны делать слуги. Однако приведенный выше отрывок из Библии показывает, что даже в день Своего второго пришествия, когда Он явится в славе с ангелами Своей силы (2 Фес. 1:7), «господин» будет выполнять роль слуги. Почему так? Потому что значение Его славы — это полнота благодати, избыточная добротой по отношению к нуждам людей. Он стремится «явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе» (Еф. 2:7).

В чем заключается величие нашего Бога? В чем Его уникальность? Исайя дает такой ответ:

Ибо от века не слыхали, не внимали ухом, и никакой глаз не видал другого бога, кроме Тебя, который столько сделал бы для надеющихся на него (Ис. 64:4).

Все другие боги селятся возвыситься тем, что заставляют людей работать на себя. Этим они только выставляют напоказ свою слабость. Пророк осмеивает богов, которые нуждаются в служении рук человеческих:

Пал Вил, низвергся Нево; истуканы их — на скоте и вьючных животных; ваша ноша сделалась бременем для усталых животных (Ис. 46:1).

Пророк Иеремия присоединяется к этой насмешке:

Они — как обточенный столп, и не говорят; их носят, потому что ходить не могут. Не бойтесь их, ибо они не могут причинить зла, но и добра делать не в силах (Иер. 10:5).

Богуникален. «Ибо от века не слыхали, не внимали ухом...» Его уникальность заключается прежде всего в том, что Он стремится быть Работником для нас, а не наоборот. Наша же задача — дожидаться Его.

Бог служит тем, кто дожидается Его

Что ж, мы должны ждать. Это означает, что нам следует сделать паузу и тщательно поразмыслить над сложившейся ситуацией: Бог, в отличие от нас, самодостаточен. Поэтому мы должны искать изволения и помощи у Господа, уповая на Него (Пс. 32:20—22; Ис. 8:17). Бог обличал израильтян за то, что они «не дождались Его изволения» (Пс. 105:13). Не дожидаясь Божьей помощи, они тем самым обокрали Бога с целью прославить себя.

Например, в Книге Пророка Исаяи Господь говорит Израиллю: «Оставаясь на месте и в покое, вы спаслись бы; в тишине и уповании крепость ваша; но вы не хотели». Израиль отказался уповать на Бога и сказал: «Нет, мы на конях убежим» (Ис. 30:15,16).

Глупость и одержимость этого поступка выявилась незамедлительно. Пророк говорит: «Потому Господь медлит,

чтобы помирловать вас, и потому еще удерживается, чтобы сжалиться над вами; ибо Господь есть Бог правды; блаженны все, уповающие на Него!» (Ис. 30:18). По своей глупости они не дождались Божьего изволения, и поэтому лишились подлинного благословения — когда Бог трудится ради них. Когда мы злонамеренно не ожидаем Бога, мы противостоям Его воле, которая состоит в том, чтобы прославлять Свою милость.

Бог стремится прославить Себя, служа тем, кто дожидается Его. Молитва — лучшее средство ожидания Бога. В ней мы признаем нашу беспомощность и Его силу, просим Его о помощи и ищем Его изволения. Отсюда ясно, для каких целей Бог заповедует нам молиться. Ведь Его замысел в этом мире — прославлять Свою милость. Молитва — это противоядие от обманчивой самоуверенности, которая противостоит Божьей цели — получить славу, служа тем, кто дожидается Его.

«Очи Господа обзрывают всю землю, чтобы поддерживать тех, чье сердце вполне предано Ему» (2 Пар. 16:9). Людей, которые желают послужить Богу, Он не ищет так же ревностно, как тех, которые позволяют Ему служить им. Евангелие и призыв к христианскому служению — это не объявление: «Нужна помощь». Напротив, в Евангелии заповедано, чтобы мы сдались и сами вывесили это объявление. Ведь именно таково основное значение молитвы. Вслед за этим в Евангелии нам дается обещание, что Бог поможет тем, кто вывесил подобное объявление. Он ни в коем случае не откажется от славы Даятеля.

Но можем ли мы дать Ему то, что не принизит Его статус благодетеля? Да, можем — наши тревоги. Ведь апостол Петр заповедует нам: «Все заботы ваши возложите на Него» (1 Пет. 5:7). Господь с радостью примет от нас то, что продемонстрирует нашу полную зависимость от Него.

Разница между «дядей Сэмом» и Иисусом Христом

Могут поинтересоваться, чем отличается Иисус Христос от «дяди Сэма»*. Разница между ними в том, что «дядя Сэм» не включит вас в список своих сотрудников, если вы не здоровы или не подходите ему. Иисус же не включит вас в Свой список, пока вы не заболите. «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк. 2:17). Христианство дает больному человеку полное выздоровление. Пациенты не обслуживают своих докторов, они доверяют их рекомендациям. Нагорная проповедь и Десять заповедей предписаны Врачом для нашего выздоровления. Это не предписания работодателя.

Поэтому цель нашей жизни заключается не в том, чтобы служить Богу. «Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу; а не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность» (Рим. 4:4,5). Зарплата рабочих состоит не из незаслуженных даров. Нет, они получают то, что заслужили. Если мы захотим получить дар оправдания, мы не осмелимся прежде отработать его. В деле нашего спасения есть только один работник — Бог. Взамен Он получает лишь доверие Своих клиентов и славу Того, Кто посылает благодать. Он не тот, кто пользуется служением других.

Не стоит также полагать, что, оправдавшись, мы начинаем трудиться ради Бога. «Сие только хочу знать от вас: чрез дела ли закона вы получили Духа, или чрез наставление в вере? Так ли вы несмысленны, что, начавши духом, теперь оканчиваете плотию?» (Гал. 3:2,3). Бог был работником в деле

* «Дядя Сэм» — это ироническое название государственной службы США. — *Примеч. пер.*

нашего оправдания, и Он все еще остается работником в деле нашего освящения.

Религиозная «плоть» всегда стремится воздать Богу должное. Она не хочет смириться и понять, что Бог должен трудиться, исходя из одной лишь свободной благодати. Однако «если живете по плоти, то умрете» (Рим. 8:13). Следовательно, цель нашей жизни заключается не в том, чтобы служить Богу.

Служить ли нам в таком случае Христу? Писание говорит: «Господу служите» (Рим. 12:11). И оно осуждает тех, кто не служит Ему (Рим. 16:18). Разумеется, мы должны служить Христу. Но нам нужно остерегаться такого служения, при котором подчеркивается какой-либо Его недостаток или возвышается наша значимость.

Служение Богу — это всегда принятие

Как же нам тогда служить? Псалмопевец подсказывает нам: «Вот, как очи рабов обращены на руку господ их, как очи рабы — на руку госпожи ее, так очи наши — к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас» (Пс. 122:2). Служить Богу так, чтобы Он получал славу, — значит ожидать Его милости. Молитва охраняет наше служение, не давая ему перерасти в гордость.

Слуга, пытающийся отделаться от Божьей благодетельности и стать партнером своего небесного Господина, восстает против Творца. Бог не торгуется. Он милостиво дарует жизнь тем слугам, которые способны удержать ее у себя. Однако для тех, кто не хочет сохранять ее, у Него приготовлено праведное возмездие — смерть. Подлинное служение — это всегда принятие милости, а не попытка оказать помощь. Поэтому нет подлинного служения без молитвы.

Как мы можем служить деньгам?

Еще одно указание на подлинное служение мы находим в Евангелии от Матфея: «Никто не может служить двум госпо-

дам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). Как человек может служить деньгам? Он не оказывает деньгам помощь. Он не обогащает деньги. Он не проявляет щедрость по отношению к деньгам. Как же он тогда может служить деньгам?

Деньги осуществляют над нами определенный контроль, поскольку они заслоняют от нас значительную долю обещаний, в которых говорится об обретении счастья. Они настойчиво шепчут нам: «Мысли и поступай так, чтобы оказаться в положении, когда ты будешь наслаждаться моими благами». Они могут принудить нас к воровству, заему или работе. Деньги обещают счастье. Поэтому мы служим им, веря этому обещанию и действуя в согласии с этой верой. Мы не отдаем деньгам право распоряжаться ими к их собственному благу. Напротив, мы служим им тем, что выполняем необходимые действия так, чтобы власть денег оказалась в нашем распоряжении и мы использовали бы их ради своей выгоды.

Точно такое же служение, но уже по отношению к Богу, должно подразумеваться в Мф. 6:24, поскольку Иисус ставит служение Богу и деньгам бок о бок. Следовательно, если мы хотим служить Богу, а не деньгам, мы должны обратить свой взор на необычайно щедрое Божье обетование — мы будем счастливы в Нем. В таком случае Божий контроль над нами превзойдет контроль со стороны денег.

В результате этого мы станем служить Богу тем, что будем верить в Его обещание преисполнить нас радостью и будем действовать согласно этой вере. Нельзя назвать служением то, когда мы пытаемся отдать себя в Его распоряжение, чтобы Он получил от этого пользу. Напротив, мы служим Ему только тогда, когда, выполняя все необходимые действия, распоряжаемся Его властью ради нашей выгоды. Без сомнения, Бог повелел, чтобы мы распоряжались Его властью с помощью молитвы: «Просите и получите!» Когда мы служим Богу властью, которую получили по молитве, мы служим для Его славы.

Разумеется, такой вид служения подразумевает под собой послушание. Пациент, доверяющий рекомендациям своего доктора, доверяет ему. Выздоровливающий грешник доверяет болезненным предписаниям своего терапевта. Лишь поступая подобным образом, мы оказываемся в том положении, когда можем пользоваться благами, предложенными нам нашим небесным Доктором. Мы пользуемся щедростью Господа, тогда как Он — Даятель. Ведь именно Даятель получает славу.

Славу получает Даятель

Петр настаивает на том же самом принципе: «Говорит ли кто, говори как слова Божий; служит ли кто, служи по силе, какую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог чрез Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь» (1 Пет. 4:11). Славу получает Даятель. Поэтому всякое служение, прославляющее Бога, — это, по необходимости, принятие. А это, в свою очередь, означает, что любое служение должно совершаться с помощью молитвы.

Конечно же, работать нужно напряженно. Однако никогда не следует забывать, что не мы трудимся, а благодать Божья, которая в нас (1 Кор. 15:10). Будем, как и всегда, стараться быть послушными Богу. Но при этом никогда не будем забывать, что именно Бог работает в нас, производя и хотение и действие по Своему благоволению (Флп. 2:13). Распространяйте повсюду Евангелие спасения, предавая свою жизнь ради Божьих избранных. Но никогда не осмеливайтесь сказать что-нибудь такое, чего Христос не совершил через вас (Рим. 15:18). Будем даже молиться о том, чтобы Он послал нам Свою силу и мудрость, дабы наше служение преисполнилось праведностью, миром и радостью в Святом Духе. Ибо «кто сим служит Христу, тот угоден Богу и достоин одобрения от людей» (Рим. 14:18).

Так что удивительное открытие, подразумеваемое в нашей обязанности молиться, заключается в том, что Бог никогда

не отказывается от славы быть Слугой. «Никакой глаз не видел другого бога, кроме Тебя, который столько сделал бы для надеющихся на него» (Ис. 64:4).

Молитва как стремление к радости

Молитва сочетает в себе две цели: поиск Божьей славы и поиск нашей радости. До сих пор мы говорили о первой цели молитвы — поиск Божьей славы, опираясь при этом на отрывок из Евангелия от Иоанна: «Если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне» (Ин. 14:13). Теперь мы переходим к рассмотрению второй цели молитвы. Основой этой цели могут служить слова Иисуса: «Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна» (Ин. 16:24).

Разве эти ясные слова не побуждают нас принять христианский гедонизм? Стремитесь к тому, чтобы ваша радость была совершенна. *Молитесь об этом!*

Из Священного Писания и из опыта христианской жизни мы можем вывести одно простое правило: не молящиеся христиане не имеют в себе радости. Но почему глубокая радость зависит от того, насколько серьезно мы подходим к нашей обязанности молиться? В контексте Ин. 16:24 Иисус называет, по меньшей мере, две причины этого.

Молитва — нервный центр нашего общения с Христом

О первой причине, почему в результате молитвы мы обретаем радость, говорится в Ин. 16:20—22. Иисус предупреждает учеников, что после Его смерти ими овладеет горе. Однако они вновь обретут радость, когда увидят Его воскресшим:

Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому

что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас (Ин. 16:20—22).

Когда мы отдаляемся от Иисуса, нас обуревают печаль. Но когда наши отношения восстановлены, мы исполняемся радостью. Отсюда можно заключить, что христиане, не имеющие живого общения с Иисусом Христом, не обладают всей полнотой радости. Одного знания о Нем или служения ради Него будет недостаточно для обретения радости. У нас должны быть личные, живые отношения с Христом. В противном случае, христианство превратится в безрадостное бремя.

В первом соборном послании Иоанна говорится: «Наше общение — с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом. И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна» (1 Ин. 1:3,4). Для полноты радости очень важно, чтобы своим общением с Христом мы делились с другими людьми.

Следовательно, первая причина, по которой молитва ведет к обретению совершенной радости, заключается в том, что молитва — это нервный центр нашего общения с Христом. Он не присутствует с нами сейчас в теле. Но когда мы молимся, мы разговариваем с Ним так, как будто Он находится рядом с нами. В безмолвии этого самого сокровенного времени мы вслушиваемся в Его Слово и изливаем перед Ним наши нужды и желания.

Хорошим резюме к молитве как двустороннему общению могут служить следующие слова: «Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам» (Ин. 15:7). Когда слова Библии запечатлеваются в нашем разуме, мы слышим, как с нами говорит живой Христос, поскольку вчера, сегодня и завтра Он один и тот же. А из глубины сердца, которое слушает эти слова, исходит язык молитвы, возносящийся как приятное благоухание к Божьему престолу. Жизнь в молитве становится причиной совершенной радости, поскольку молитва — это нервный центр нашего живого общения с Христом.

Джонатан Эдварде, рассказывая о своих ранних годах, демонстрирует, до каких пределов может возрастать это общение:

Моя душа страстно желала Бога и Христа, а также святости, чтобы мое сердце, наполненное ею, готово было бы взорваться... Большинство своего времени я посвятил размышлениям о духовном. Так продолжалось из года в год. Часто, когда я один бродил по лесу или останавливался в уединенных местах, я предавался духовным размышлениям, разговаривал сам с собой, молился и говорил с Богом. В такие моменты я всегда обращал свои размышления в музыку. Свои молитвы, где бы я ни находился, я почти всегда произносил с восклицанием. Казалось, что молиться для меня было так же естественно, как и выдыхать пламя, которое горело у меня в сердце⁷⁸.

Бог заповедал молиться для того, чтобы через молитву мы исполнялись радостью. Молясь мы даем выход огню, пылающему у нас в сердце ради Христа. Если бы мы не выдыхали это пламя, если бы в качестве ответа на Слово Божье мы не поддерживали отношения с Христом в молитве, мы были бы несчастнейшими из людей.

Молитва дает возможность исполнить поручение — возлюбить

Существует и вторая причина, по которой молитва ведет к исполнению радости. Молитва дает силы делать то, к чему расположено наше сердце, но что мы не могли бы сделать без Божьей помощи. Рассматриваемый нами отрывок гласит: «Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна» (Ин. 16:24). Но что мы получим? Что сделает нашу радость совершенной? Очевидно, что легкая, защищенная, удобная жизнь не может дать нам такую радость. Богатые люди так же несчастливы, как и бедные. Чтобы в ответ на нашу молитву мы исполнились радости, нам нужна сила любви. Апостол Иоанн называет это силой, приносящей плод. Молитва — это источник радости, потому что она наделяет нас силой любви.

В гл. 15 Евангелия от Иоанна мы дважды встречаем эту мысль.

Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода, и будете Моими учениками (Ин. 15:7,8).

Связь между молитвой и принесением плода очевидна. Бог обещает ответить на молитвы тех, кто стремится принести много плода и тем самым прославить Его.

Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам. Сие завещаю вам, да любите друг друга (Ин. 15:16,17).

Здесь важна логика. Почему Отец дает ученикам то, что они просят во имя Иисуса? Ответ на этот вопрос ясен: потому что они посланы для того, чтобы приносить плод. Отец дает ученикам дар молитвы, потому что Сын дал им поручение. Грамматическая структура этого отрывка помогает нам понять, что Иисус дает Своим ученикам поручение для того, чтобы они могли иметь силу молитвы. «Я поставил вас, чтобы вы... приносили плод... дабы, чего ни попросите от Отца... Он дал вам».

Очевидно, что цель молитвы — выполнить поручение. Ученикам поручено любить друг друга: «Сие завещаю вам, да любите друг друга». Это подобно тому, как командир (Иисус) призывает солдат, дает им важное поручение (идти и приносить плод), вручает каждому персональный передатчик, настроенный на частоту штаба главнокомандующего, и говорит: «Солдаты, генерал дает каждому из вас поручение и надеется, что вы исполните его. Поэтому он уполномочил меня дать каждому из вас по персональному передатчику, чтобы вы могли напрямую связываться с ним. Если вы останетесь верны своему поручению и будете прежде всего стремиться к победе, он будет всегда рядом с вами, чтобы дать вам совет, как вести бой, и выслать подмогу, когда вы будете нуждаться в ней».

Может ли переносная военная рация стать домашним телефоном?

Спросим себя, не от того ли возникает большинство наших проблем и слабостей, связанных с молитвой, что мы не очень-то стремимся исполнять свой долг, но тем не менее пытаемся использовать передатчик? Мы получили переносную военную рацию и теперь стараемся превратить ее в домашний телефон, чтобы с его помощью вызывать слугу и просить его о чем-либо — ну, например, принести еще одну подушку в нашу уютную комнату.

В Писании нам даны хорошие примеры того, как важна молитва, если рассматривать ее с «военной» точки зрения. В гл. 21 Евангелия от Луки говорится о том, как Иисус предупреждает Своих учеников, что наступает время больших потрясений и ожесточенного противодействия Благой вести. Вслед за этим Он говорит: «Бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого» (Лк. 21:36).

Другими словами, последовав за Иисусом, мы неминуемо окажемся в сильном конфликте со злом. Оно окружит нас и будет атаковать, стремясь разрушить нашу веру. Поэтому Бог дал нам передатчик. С его помощью мы, даже когда нас будет клонить в сон, сможем поднять тревогу и попросить помощи. Генерал, не желая, чтобы до пришествия Сына Человеческого его верные солдаты лишились венца победителей, обязательно вышлет нам подкрепление.

Жизнь — это война. И «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12). Вот почему Павел призывает нас взять «шлем спасения... и меч духовный, который есть слово Божие; *всякою молитвою* И прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством» (Еф. 6:17,18).

Таким образом, в Писании раз за разом подчеркивается тот факт, что молитва — это переносная рация для ведения боевых действий, а не домашний телефон для создания комфорта. Цель молитвы — дать нам силы для исполнения поручения. «[Молитесь] и о мне, дабы мне дано было слово — устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования» (Еф. 6:19). «Молитесь также и о нас, чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову, за которую я и в узах» (Кол. 4:3). «Между тем умоляю вас, братия... подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу... чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым» (Рим. 15:30,31). «Итак молитесь за нас, братия, чтобы слово Господне распространялось и прославлялось, как и у вас» (2 Фес. 3:1). «Моли-те Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Мф. 9:38).

Полнота радости, к которой мы стремимся, — это радость, благодаря которой мы исполняем любовью к другим людям. Нас не сможет удовлетворить то, что мы *получили*, как бы велико оно ни было, пока мы не начнем *отдавать* это другим. Никакая жертва, которую верные Божьему поручению люди были вынуждены принести, не разрушит радость их души, потому что благодаря молитве они всегда смогут пополнить свои резервы. Поэтому мы молимся для того, чтобы наша радость была совершенна.

Для нашей радости очень важно общение с Иисусом. Это также побуждает нас неким внешним образом делиться Его жизнью с другими людьми. Христианин не может быть счастлив и скуп одновременно. «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20:35), — говорит Павел. Поэтому вторая причина того, почему молитва ведет к обретению совершенной радости, заключается в том, что, молясь, мы получаем силу любви. Если насос любви иссякает, причина в том, что труба молитвы проходит недостаточно глубоко.

Любовь — это плод Духа (Гал. 5:22), а Святой Дух дается нам в ответ на молитву (Лк. 11:13). Любовь — это продукт веры

(Гал. 5:6), а вера поддерживается молитвой (Мк. 9:24; Лк. 22:32). Любовь коренится в надежде (Кол. 1:4,5), а надежда сохраняется через молитву (Еф. 1:18). Любовь руководствуется и вдохновляется познанием Слова Божьего (Флп. 1:9; Ин. 17:17), молитва же открывает духовным очам чудеса Слова (Пс. 118:18). Если любовь — это дорога, ведущая к полноте радости, то давайте молить Господа о силе любви, чтобы наша радость была совершенной.

Конечная радость Божьего народа

Какова будет конечная радость Божьего народа? Разве не наступит день, когда слава Господня наполнит собой землю, как воды наполняют море? Разве не придет день, когда наше поручение будет исполнено, и детьми Божьими станут люди из каждого народа, племени и языка (Ин. 11:52; Отк. 5:9; 7:9)? Разве не наступит время, когда исчезнут все греховные искушения и из царства Христа будут изгнаны все злые люди, а праведники будут сиять, подобно солнцу, в царстве своего Отца (Мф. 13:42,43)?

Можно сказать, что пограничные миссии — это дорога, ведущая к конечной радости. Они всегда оживлялись и поддерживались молитвой. Таково было убеждение ранней Церкви (Деян. 1:14; 4:23-31; 6:4; 10:9; 12:5; 13:3; 14:23 и др.), пуритан в XVII в.⁷⁹, моравских братьев⁸⁰, американских евангельских христиан в XVIII в.⁸¹ и студентов и мирян в XIX в.⁸² Такое же глубокое убеждение есть сегодня и у многих руководителей миссионерских организаций⁸³.

Как возникает Великое пробуждение

Да, история доказывает, что сила молитвы — это начало Духовного пробуждения и активизации миссионерства. Возьмем в качестве примера событие, происшедшее в Нью-Йорке в середине XIX в., когда пыл предыдущих духовных

пробуждений уже угас. Подобно другим городам Америки, Нью-Йорк преуспевал и мало нуждался в помощи Бога. Однако в конце 50-х гг. XIX в. произошли удивительные события:

Мирская и религиозная ситуация в городе, слившись воедино, вызвали крах. Третья в американской истории крупная паника уничтожила мнимое спекулятивное процветание. Тысячи торговцев оказались в безвыходном положении, когда рухнула банковская система и обанкротились железные дороги. Предприятия закрылись, и несметное количество людей лишилось работы, так что только в одном Нью-Йорке оказалось около 30 тыс. безработных. К октябрю 1857 г. они столкнулись с неумолимо наступающим голодом и отчаянием.

Первого июля 1857 г. скромный и усердный бизнесмен, которого звали Джереми Лэнфир, был рукоположен на пост проповедника Северной церкви, расположенной в деловой части Нью-Йорка. Лэнфир был избран общиной реформатской деноминации. Численность прихожан этой общины снизилась вследствие того, что население, ранее проживавшее в этой части города, переселилось в другие городские кварталы. В его задачу входило посещение ближайших районов, чтобы пополнить число членов церкви за счет населения нижней части города. Консистория церкви была уверена, что назначила на эту должность идеального мирянина. Так оно и было.

Джереми Лэнфир принял решение приглашать других людей на полуденные молитвы, которые он устраивал каждую среду. Для этого он развесил по городу листки с приглашением следующего содержания:

КАК ЧАСТО МЫ МОЛИМСЯ?

Каждый раз, когда в моем сердце возникает сигнал молитвы; каждый раз, когда я понимаю, что мне нужна помощь; каждый раз, когда я чувствую, как меня одолевают искушения; каждый раз, когда я осознаю любой духовный упадок или чувствую, как мирской дух подступает ко мне.

Молясь, мы оставляем временные дела ради дела вечности. Молясь, мы прекращаем разговоры с людьми, чтобы обратиться к Богу.

Молитвенное собрание проходит каждую среду с полудня до часа дня в здании консистории, которое расположено в задней части Северной церкви.

Это собрание призвано дать возможность всем торговцам, ремесленникам, клеркам, путешественникам и бизнесменам прекратить свои занятия и воззвать к Богу посреди трудностей их почтенных профессий. Молитвенное собрание будет продолжаться всего один час. Однако двери этого собрания открыты как для тех, кто считает неудобным оставаться на собрании более пяти или десяти минут, так и для тех, кто может уделить молитве целый час.

Итак, в двенадцать часов пополудни 23 сентября 1857 г. отворились двери здания и добросовестный Лэнфир занял свое место, принявшись ждать первых молитвенников... Прошло пять минут, но никто не появился. Проповедник смерил шагами комнату, чувствуя в себе борьбу между страхом и верой. Прошло десять минут, и все еще никто не появлялся. Через пятнадцать минут ситуация не изменилась.

Лэнфир по-прежнему пребывал в одиночестве. Прошло двадцать минут, двадцать пять, тридцать. Наконец в половине первого дня он услышал шаги на лестнице, и в помещение вошел первый человек. За ним последовал другой, еще один и еще, пока количество присутствующих не достигло шести человек. Только тогда началось молитвенное собрание. В следующую среду... количество желающих помолиться достигло сорока человек.

Поэтому в первую неделю октября того же года было решено проводить собрания каждый день...

Через шесть месяцев десять тысяч бизнесменов ежедневно посещали молитвенные собрания в Нью-Йорке, а через два года около одного миллиона новообращенных присоединилось к американским церквям...

Несомненно, самое грандиозное пробуждение в весьма яркой истории Нью-Йорка очистило город, и установившийся порядок поразил все общество. Не было ни фанатизма, ни религиозных истерий; лишь немыслимое движение среди людей, готовых молиться⁸⁴.

Радость Джереми Лэнфира была неопишуемой. «Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна» (Ин. 16:24).

Вывод и увещание

В Библии ясно утверждается: целью всего того, что мы делаем, должна быть слава Божья. Тем не менее Библия также учит, что в любом нашем деле мы должны стремиться к обретению совершенной радости. Некоторые богословы пытались отделить эти стремления друг от друга. Но Библия не позволяет нам проводить грань между Божьей славой и нашей радостью. В этой главе мы увидели, что молитва, возможно, вернее, чем что-либо еще, оберегает единство двух этих стремлений.

Молясь, мы ищем радость в общении с Иисусом и в той силе, с помощью которой делимся Его жизнью с другим людьми. Молитва также стремится воздать славу Богу — неистощимому источнику надежды и помощи. В молитве мы исповедуем нашу нищету и Божье богатство, наше банкротство и Его щедрость, наше несчастье и Его милосердие. Поэтому молитва, в которой мы стремимся найти в Боге (а не в самих себе) все, в чем мы нуждаемся и чего желаем иметь, в высшей степени возвышает и прославляет Его. «Просите и получите... да прославится Отец в Сыне... чтобы радость ваша была совершенна».

Эту главу я заканчиваю искренним призывом. Чтобы меня поняли правильно, скажу, что одна из основных причин, почему столько детей Божьих не имеют подлинной молитвенной жизни, заключается отнюдь не в том, что мы не хотим вести ее. Нет, причина в том, что мы не планируем ее. Когда мы хотим взять четырехнедельный отпуск, мы не поднимаемся одним летним утром с постели, чтобы сказать: «Хорошо, поехали прямо сейчас!» Ведь у нас ничего не будет готово. Мы не будем знать, где что лежит. Мы не хотим, чтобы наш отпуск не был заранее распланирован.

Но именно так некоторые люди трактуют молитву. Каждый день мы поднимаемся утром с постели, сознавая, что вре-

мя, которое мы тратим на молитву, должно быть частью нашей жизни. Однако мы не готовы к ней. Мы не знаем, с чего начать. Ничто не запланировано. Нет времени. Нет подходящего места. Мы не знаем, какую использовать методику. Но мы все знаем, что спонтанная молитва не может быть противоположностью планированию. Противоположность планирования — это рутина. Если мы не будем планировать отпуск, мы, скорее всего, останемся дома и не будем отходить от телевизора. Естественный, непринужденный ход духовной жизни снижается до самой низкой отметки жизненной энергии. Мы должны мчаться и бороться. Если мы хотим обновить нашу молитвенную жизнь, мы должны планировать ее, чтобы увидеть результаты обновления.

Поэтому я призываю вас: уделите часть сегодняшнего дня тому, чтобы правильно расставить приоритеты и понять, как им соответствует ваша молитва. Примите несколько новых решений. Начните по-новому общаться с Богом. Выделите время и место для молитвы. Выберите те отрывки из Писания, которые помогут вам взять правильный курс. Не поддайте под тиранию чрезмерной занятости. Всем нам нужна «золотая середина». Пусть этот день станет днем молитвы — ради славы Божьей и вашей радости.

Деньги

*Средство обращения
христианского гедонизма*

Приготовляйте себе власяница неветшающие.

Лк. 12:33

*Приобретайте себе друзей богатством неправедным,
чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители.*

Лк. 16:9

Деньги — это средство обращения христианского гедонизма. То, как мы поступаем с ними (или собираемся поступать), определяет, будем ли мы иметь вечную радость. В Библии ясно говорится, что наше отношение к деньгам может нанести нам вред:

Желающие обогатиться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу (1 Тим. 6:9).

Однако с их помощью мы можем также укрепиться в жизни вечной:

Чтобы они [богатые] благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни (1 Тим. 6:18,19).

Эти стихи учат нас тому, как использовать свои деньги, чтобы получить наибольшую прибыль. Иными словами, деньги утверждают основную мысль христианского гедонизма. Бог не только допустил, чтобы мы избегали «пагубы» и стремились к обретению неистощимой и вечной радости, но и повелел это. Деньги как таковые предполагают, что зло, существующее в мире, имеет своей причиной не избыточность нашего желания быть счастливыми, а его недостаток, вследствие чего мы склоняемся к мимолетным удовольствиям, которые не только не насыщают глубины нашей души, но в конечном счете разрушают их. Зло коренится в том, что мы любим больше деньги, нежели Бога (1 Тим. 6:10).

Остерегайтесь желания быть богатым

Гл. 6 Первого послания к Тимофею так важна, что мы должны внимательнейшим образом отнестись к ее урокам. Павел пишет Тимофею:

Пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. Удаляйся от таких. Великое приобретение — быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям (1 Тим. 6:5-10).

Павел предостерегает Тимофея от ловких обманщиков, которые отыскивали способ нажиться на росте благочестия в Эфесе. В ст. 5 говорится, что эти чванливые спорщики считали благочестие средством для собственного «прибытка». Любовь к деньгам их так сильно увлекла, что истине они отводили лишь незначительное место в своей жизни. Они не «радовались в истине». Напротив, они радовались, когда им удавалось уклониться от налогов. Они были готовы использовать любое новое и популярное увлечение, чтобы нажиться еще немного денег.

Для них ничто не было священным. Если результат их устраивал, средства для достижения этого результата были неважны. Их девиз звучал так: если в моде благочестие, зарабатывай на благочестии!

Рассматриваемый отрывок важен и для нашей жизни. В наши дни зарабатывать на благочестии не менее прибыльно, чем в I в. Рынок благочестия заполнен книгами, музыкальной продукцией, серебряными крестиками, пряжками в форме рыбки, сделанными из масличных деревьев ножами

для открывания писем, наклейками для бамперов и чудодейственными крестами с изображением Иисуса и магической водой внутри, с помощью которых вам гарантирован выигрыш в Бинго, а в противном случае — ваши деньги вернутся к вам через девяносто дней. Словом, мы живём в то время, когда на благочестии можно неплохо заработать!

Не сказано:

«Христиане живут не для награды»

Как в I в., так и сегодня на попытки превратить благочестие в способ зарабатывания денег Павел мог бы ответить следующими словами: «Христиане живут не для награды. Они делают то, что служит правому делу. Они не мотивируют свои поступки возможной прибылью». Но в действительности Павел *не* говорил этого. Его слова таковы: «Великое приобретение — быть благочестивым и довольным» (1 Тим. 6:6).

Вместо того чтобы сказать: «Христиане живут не для награды», Павел говорит, что мы должны жить ради нее. Однако эта награда много больше той, которую пытаются получить те, кто желает обогатиться. Благочестие — это способ получить огромную награду. Но этот способ действителен только в том случае, если мы довольствуемся простотой, а не алчностью. Благочестие и *довольство* — это великое приобретение.

Если благочестие, к которому мы стремимся, лишено какого-либо желания стать богатым, если оно способствует тому, что мы начинаем довольствоваться тем, что имеем, то оно действительно становится приобретением. «Ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей» (1 Тим. 4:8). Благочестие, превозмогшее стремление к материальному достатку, содействует духовному изобилию. Цель ст. 6 — показать, что великое приобретение — не стремиться к достатку.

В ст. 7-10 даются три причины, объясняющие, почему нам не нужно жить ради приобретения богатства.

Получить повышение — не то же самое, что разбогатеть

Но прежде позвольте мне прояснить свою мысль. Мы живем в обществе, в котором коммерческий успех многих законопослушных фирм основан на значительной концентрации капитала. Нельзя построить новый завод, не вложив в него миллионы долларов. Поэтому во многих фирмах должностные лица, отвечающие за финансовое состояние компании, зачастую должны создавать резервные фонды, продавая, скажем, акции своей фирмы. Когда в Библии осуждается желание стать богатым, не следует полагать, что в то же самое время осуждается стремление к расширению бизнеса и, следовательно, к созданию резервного фонда. Сотрудники коммерческого предприятия могут из жадности рваться к увеличению личного состояния. Но они могут руководствоваться и более возвышенными мотивами, когда, например, хотят принести пользу людям, повышая производительность своего бизнеса.

Даже когда удачный бизнесмен получает повышение или приглашение на новую, более оплачиваемую работу, то он вовсе не осуждается Библией за свое желание стать более богатым. Конечно же, он может принять это приглашение из желания получить с помощью денег власть, положение и богатство. Но, возможно, он, довольствуясь тем, что уже имеет, истратит дополнительный заработок для того, чтобы основать новое агентство по усыновлению, дать стипендию, послать миссионера или профинансировать городскую миссию.

Когда человек зарабатывает деньги ради Христа, он не стремится стать богатым. Предостерегая нас от желания разбогатеть, Павел не запрещает нам удовлетворять нужды других людей и свои собственные. Он предупреждает нас об угрозе поддаться желанию иметь больше и больше денег, которые возвышают наше «я» и несут с собой материальное благополучие.

Нельзя унести в могилу свои сбережения

Обратимся теперь к ст. 7—10, где даются три причины, объясняющие, почему нам не нужно стремиться к богатству.

1. Вначале мы читаем: «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него» (1 Тим. 6:7).

• f Нельзя унести в могилу свои сбережения

Допустим, что некто входит с пустыми руками в музей искусств и с важным видом начинает снимать со стены картину. Вы подходите к нему и спрашиваете: «Простите, что вы делаете?»

Он отвечает: «Я собираюсь коллекционировать предметы живописи».

«Но ведь эта картина не ваша, — говорите вы. — Кроме того, вам не позволят вынести что-нибудь из музея. Вы уйдете отсюда так же, как и пришли — с пустыми руками».

Но он продолжает настаивать: «Нет, эта картина моя. Я ведь держу ее в своих руках. Люди в музее подумают, что я торгую произведениями искусства. И я не беспокоюсь о том, как выйду отсюда. Не лишайте меня этой радости».

Мы назовем этого человека умалишенным. Он живет в другом мире. Точно так же поступают и те, кто хочет стать богатым в этой жизни. Мы уйдем из жизни так же, как и пришли в этот мир, — не имея ничего.

Или другой пример: допустим, над Японским морем в авиакатастрофе погибли 269 человек. В этом самолете вместе летели видный политик, глава огромной корпорации, плеядой со своим компаньоном и сын миссионера, возвращающийся из поездки к своим бабушке и бабушке.

После авиакатастрофы они предстали перед Господом. У них больше нет привычных им кредитных карт, чековых книжек, престижной одежды, руководств по преуспеванию и забронированных в лучших отелях мира мест. Политик, глава фирмы, плеядой и сын миссионера оказались на одном уровне,

не имея ничего, кроме того, что есть у них в сердце. Какой абсурдной и ужасной в этот день покажется им любовь к деньгам! Они будут похожи на коллекционера просроченных билетов, который, сгибаясь под тяжестью своей коллекции, в конце концов не успел на последний поезд. Не тратьте напрасну свою жизнь на то, чтобы разбогатеть, говорит Павел, «ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него» (1 Тим. 6:7).

Простота осуществления и представляет собой благо

2. Вслед за этим Павел называет вторую причину, почему мы не должны стремиться стать богатыми: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1 Тим. 6:8). Христиане должны довольствоваться лишь самым необходимым в этой жизни.

Назову три причины, почему подобная простота осуществления и действует благотворно на нас.

Во-первых, находясь рядом с Богом, мы ощущаем мир и безопасность без дополнительных денег и лишних вещей.

Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть. Ибо Сам сказал: «не оставлю тебя и не покину тебя», так что мы смело говорим: «Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?» (Евр. 13:5,6).

Не важно, как продвигается наш бизнес. Ведь Господь много лучше и много больше золота. Поэтому, уповая на милость Божию, мы можем и должны довольствоваться самым необходимым в этой жизни.

Во-вторых, мы можем довольствоваться лишь самым необходимым, поскольку самое большое наслаждение и самое глубокое удовольствие, какое нам дает Господь в творении, мы получаем в качестве дара, находящегося в природе и в тех взаимоотношениях любви, какие существуют между людьми.

После того как наши основные нужды удовлетворены, накопление денег, вместо того чтобы содействовать этому наслаждению, препятствует ему. Покупка чего бы то ни было никак не способствует тому, чтобы в наших сердцах возгоралась радость.

Между временной радостью от новой игрушки и крепким объятием верного друга, возвратившегося на родину, есть серьезное различие. Задумаемся над тем, кто обретает более глубокую радость в этой жизни. Тот ли, кто платит бешеные деньги за многокомнатный номер в отеле на сороковом этаже и проводит вечера в слабоосвещенном, прокуренном холле, пытаясь дорогой выпивкой произвести впечатление на эффектную женщину? Или все же тот, кто поселяется в недорогом загородном мотеле и по вечерам любит закатом и пишет любовное письмо своей жене?

В-третьих, нам нужно довольствоваться самым необходимым в этой жизни, поскольку весь излишек денег мы можем вложить в то, что действительно этого стоит. Сегодня три миллиарда людей не считают себя христианами. Две трети из них не имеют в своей культуре подлинного христианского свидетельства. Поскольку они, по заповеди Иисуса Христа, должны услышать это свидетельство, нам нужно обеспечивать всем необходимым тех миссионеров, которые собираются пересечь межкультурные барьеры. Все, что требуется для их миссии как посланников Благой вести, уже находится в церкви.

Если мы, подобно Павлу, будем довольствоваться тем, что имеем, в церкви высвободятся сотни миллионов долларов, которые будут направлены на просвещение тех, кто еще не слышал спасительной проповеди об Иисусе Христе. Радость и свобода, которыми наполнятся наши дома в результате этого, произведут на наших соседей неизгладимое впечатление и станут лучшим свидетельством, какое мы только можем себе представить. Мы должны внять библейскому призыву и научиться в своей жизни быть довольными тем, что имеем, не стремясь к излишкам.

Как подвергнуть себя многим скорбям

3. Третья причина, по которой мы не должны стремиться к процветанию, заключается в том, что это стремление станет излишним, когда наша жизнь закончится. В двух следующих стихах эта мысль выражена очень ясно:

А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям (1 Тим. 6:9,10).

Ни один христианский гедонист не хочет погрузиться в бедствие и пагубу и подвергнуть себя многим скорбям. Поэтому ни один христианский гедонист не желает быть богатым.

Давайте испытаем себя. Откуда берется наше отношение к деньгам: из Библии или из современного искусства сбыта товаров? Когда мы открываем некоторые коммерческие журналы, мы почти на каждой странице сталкиваемся со взглядом на процветание в жизни, прямо противоречащим учению Павла: «Желающие обогащаться впадают... в бедствие и пагубу» (1 Тим. 6:9). Апостол отчетливо указывает на опасность того желания, на котором играют и которому содействуют многие коммерческие журналы.

Идолы процветания

Мне вспоминается многостраничный журнал, рекламирующий популярные офисные кресла. На рекламной картинке был изображен человек, находящийся в роскошном офисе. Заголовок рекламы гласил: «Его костюм шит на заказ. Его наручные часы из чистого золота. Его офисное кресло _____». Ниже картинки располагалась следующая цитата:

Я много работал и мне сопутствовала удача: мой бизнес процветает. Я хочу, чтобы обстановка моего офиса свидетельствовала об этом успехе, и, думаю, она уже свидетельствует. Ведь кресло, которое я купил, _____ . Оно соответствует моему представлению об успехе... Если вы не можете сказать того же самого о вашем офисном кресле, разве не пришло время сесть в _____? В конце концов, разве не слишком долго вы обходились без него?

Философия процветания, предлагаемая в этой рекламе, может быть сведена к краткой формуле: если вы сколотили себе состояние, было бы просто глупо отказываться от идолов процветания. Но поскольку слова Павла в 1 Тим. 6:9 истинны и желание стать богатым бросает нас в дьявольскую ловушку и пагубу, то реклама, которая потворствует человеческим прихотям, так же разрушительна, как и реклама секса.

Свободны ли мы от коварных предложений современного искусства сбыта товаров? Или же мы настолько обольщены ложью вездесущей экономической системы, что воровство — это единственный грех в отношении денег, который мы можем себе вообразить? Я поддерживаю свободу слова и частное предпринимательство, поскольку не верю, что у гражданского правительства, обольщенного грехом, есть какие бы то ни были нравственные возможности усовершенствовать те институты, которые были учреждены греховными людьми. Но я предлагаю всем нам, христианам, ради Божьей славы, использовать данную нам свободу для того, чтобы сказать «нет» желанию обогащаться и «да» — истине. Ибо великое приобретение для благочестия, если в этой жизни мы довольствуемся лишь самым необходимым.

Что делать богатым людям?

До сих пор мы размышляли о словах, которые были адресованы небогатым людям, подверженным искушению погнаться за богатством. В 1 Тим. 6:17—19 Павел обращается к верующим, которые на тот момент уже были богаты. Что должен

делать богатый человек, став христианином? И что должен делать христианин, если Бог благословил его бизнес и дал ему процветание? Павел так отвечает на эти вопросы:

Богатых в настоящем веке увещай, чтоб они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения; чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни (1 Тим. 6:17-19).

Ст. 19 этой главы согласуется со словами Иисуса:

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф. 6:19-21).

Иисус выступает не против капиталовложений как таковых. Он не одобряет пагубные инвестиции, когда, например, человек с помощью денег стремится к комфорту и безопасности в этом мире. Деньги нужно вкладывать так, чтобы доходы с них были вечными. Словом, нужно собирать «себе сокровища на небе». Но как это сделать?

В Евангелии от Луки дается ответ на этот вопрос:

Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство. Продавайте имущества ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается, и где моль не съедает; ибо, где сокровище ваше, там и сердце ваше будет (Лк. 12:32-34).

Собирать себе сокровища на небе — значит тратить земное состояние на милостыню, совершаемую во имя Христа. Жертвовать здесь — значит собирать себе богатство на небесах. Заметим, что богатство, приготовляемое на небесах, не станет неожиданным плодом щедрости, совершаемой на земле. Иисус говорит, что мы должны готовить себе сокрови-

ще на небе, копить богатство неуывающее. В этом и заключается христианский гедонизм.

Нам воздастся в воскресении праведных

Вот еще один пример, как мы должны использовать свои средства, чтобы копить богатство на небесах. Иисус учит:

Но когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромым, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных (Лк. 14:13,14).

Это, по сути, то же самое, что Он говорит в предыдущем отрывке: «Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах» (Лк. 12:33). Не будем стремиться к награде по принципу «ты мне — я тебе». Будем великодушными. Не надо услаждать себя, окружая свою жизнь богатством и комфортом. Давайте взирать на чудесное воскресение и величайшую награду Бога: «Полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек» (Пс. 15:11).

Опасность быть мудрее самой Библии

Хочу предупредить вас об одной опасности — подчас библейские комментаторы отвлекают внимание читателя от простого смысла, заложенного в библейский текст. Что вы, например, можете сказать о таком, довольно типичном комментарии на Лк. 14:13,14: «Обещание вознаграждения за эту жизнь дается в этих стихах в качестве неоспоримого факта. Но вы живете в этой жизни не ради награды. Если вы все же живете ради нее, вы еще не освободились от старых эгоистических привычек»⁸⁵.

Разве можно считать правильным, что мы эгоистичны и не имеем любви, если все наши поступки в этой жизни обусловлены будущей наградой? Для чего тогда Иисус соблазняет нас, упоминая о вознаграждении и даже делая его основанием

«для») всех наших действий? И что сказал бы этот комментатор по поводу слов Иисуса, записанных в Лк. 12:33? Ведь Он не говорит нам, что вознаграждение станет результатом наших милостынь и подаваний. Напротив, нам заповедуется, чтобы мы активным образом стремились к получению награды: «Приготовляйте себе влагаища неветшающие» (Лк. 12:33)!

А что скажет этот комментатор по поводу притчи о неверном управителе (Лк. 16:1—13)? Ведь урок из этой притчи резюмируется в следующих словах Иисуса: «Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк. 16:9). Цель этой притчи состоит в том, чтобы ученики Иисуса, пылая любовью, научились правильно пользоваться тем, что имеют в этой жизни. Иисус не говорит, что результатом этого станет приобретение вечного наследия. Нет, мы должны обеспечивать себе вечное наследие, пользуясь тем, что имеем сегодня.

Поэтому следует считать ошибочным предположение, что Иисус не хочет, чтобы мы стремились к той награде, которую Он нам обещает. Он заповедует нам стремиться к ней (Лк. 12:33; 16:9). В отношении же заповедей Иисуса Христа можно сказать следующее: в Евангелии от Луки более сорока раз встречаются обетования о вознаграждении и угрозы наказания⁸⁶.

Конечно же, нам не следует рваться к награде, состоящей из земной славы или материальной пользы. Это становится очевидным из следующих слов Иисуса: «Любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и *будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего*» (Лк. 6:35). Иными словами, не думайте о земных наградах; обратите свой взор на небесное вознаграждение — безграничную радость от того, что вы — сыны Божьи!

Иисус также говорит, чтобы мы не стремились получить от людей похвалу за совершенные нами милосердные поступки (см.: Мф. 6:3,4). Если наша цель именно в получении этой похвалы, то это будет единственное, что мы получим. В срав-

нении с Божьим вознаграждением похвала от людей жалка и ничтожна. «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была тайна; и *Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно*» (Мф. 6:3,4).

Привлечение других людей наградой, которую мы сами любим

Причиной нашей щедрости по отношению к другим людям служит непритворная любовь, ибо, побуждаясь желанием обрести обещанную Богом награду, мы стремимся, чтобы и другие люди разделили с нами ее блага. Мы понимаем, что наша радость на небесах будет больше, если люди, к которым мы проявляем свое милосердие, осознают непревзойденное величие Иисуса Христа и станут прославлять Его вместе с нами.

Но как показать им безграничное величие Христа, если во всем, что мы делаем, нами не руководит страстное желание получать от Него больше и больше? Мы не проявим подлинной любви, если будем стремиться к обретению радости за их счет. Когда же наша радость включает в себя и их радость, эгоизм исчезает. Разве стану я любить меньше, если, жаждая Бога, я раздам все свое имущество, так что моя радость в Нем будет в вечности удвоена общностью вашей и моей хвалы?

Закладывайте себе доброе основание

Павел, обращаясь к богатым, остается верным учению Иисуса, применяя его в сложившейся ситуации. Богатые люди, по его словам, должны использовать свои деньги так, чтобы собирать «себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (1 Тим. 6:19). Иными словами, можно лишиться вечной жизни при неверном использовании денег⁸⁷.

Так почему же доброе основание для будущей жизни зависит от того, как мы используем наши деньги? Причина не в том, что нашей щедростью мы зарабатываем себе вечную жизнь, а в том, что тем самым мы показываем, где находится наше сердце. Щедростью и великодушием мы свидетельствуем, что полностью доверяем Богу, а не себе и своим деньгам. Мы не зарабатываем вечную жизнь, поскольку она — дар Божьей благодати (2 Тим. Г.9). Мы обретаем ее, полагаясь на Божье обещание. То, как мы используем свои деньги, показывает, подлинна ли наша надежда на Бога.

Гордыня из-за приобретенного имущества

Три разных наставления дает Павел богатым в отношении того, как они должны использовать свои деньги, чтобы вечная жизнь, которая им обещана, была утверждена.

Во-первых, не допускайте, говорит он им, чтобы ваши деньги стали причиной появления гордыни. «Богатых в настоящем веке увещивай, — обращается апостол к Тимофею, — чтоб они не высоко думали о себе» (1 Тим. 6:17). Когда дело касается денег, наши сердца становятся особенно склонными к обольщению. Каждый из нас испытывал чувство превосходства, которое постепенно появляется после того, как мы удачно вложили деньги, сделали новую покупку или внесли крупную сумму в банк. Главная привлекательность денег коренится во власти, которую они нам дают, и в гордости, которой они нас наполняют. Поэтому Павел предостерегает богатых: не допускайте, чтобы это произошло с вами.

Почему богатым трудно войти в Царство Божье

Во-вторых, он увещивает богатых, чтобы они «уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения» (1 Тим. 6:17). Очень не просто

богатым людям перестать уповать на свои деньги. Поэтому Иисус предупреждает, что очень трудно богатому человеку войти в Царство Божье (Мк. 10:23). Весьма трудно переориентироваться с земных надежд, имеющих своим корнем богатство, на Бога, возлагая свои надежды только на Него. Тяжело любить не дар, а Дарителя. Однако только такой надеждой должны жить богатые люди, поскольку, в противном случае, им грозит погибель.

Богатые люди должны помнить о том, как Моисей предостерегал народ израильский, когда они ступали в обетованную землю:

Чтобы ты не сказал в сердце твоём: «моя сила и крепость руки моей приобрели мне богатство сие», но чтобы помнил Господа, Бога твоего, ибо Он дает тебе силу приобретать богатство, дабы исполнить, как ныне, завет Свой, который Он клятвою утвердил отцам твоим (Втор. 8:17,18).

Главная опасность богатства состоит в том, что, привязавшись к нему, мы перестанем взирать на Бога.

Разве это не делает акцент на здоровье, процветании и богатстве?

Прежде чем перейти к третьему наставлению, которое апостол дает богатым, надлежит показать, как мы можем злоупотреблять словами Павла. Он пишет, что Бог дает нам все обильно для наслаждения (1 Тим. 6:17). Это утверждение прежде всего означает, что Бог обычно проявляет щедрость, удовлетворяя наши нужды. Он дает нам «обильно». Нам не следует чувствовать неловкость, когда мы наслаждаемся тем, что получаем из Его длани. Бог дает нам все необходимое для «наслаждения». Посты, celibат и иные формы самоотречения полезны в служении Богу. Однако это не норма для духовного роста. То, что дано нам в природе, предназначено для нашего блага, а под Божьей опекой оно становится причиной для благодарения и поклонения (1 Тим. 4:2—5).

Тем не менее сегодня в ходу учение, пропагандирующее здоровье и процветание. Используя полуправду, его сторонники заявляют: «Мы прославляем Бога нашими деньгами, с благодарностью наслаждаясь всем тем, что Он позволяет нам купить. Почему мы, будучи сынами Царя, должны жить подобно беднякам?» В ходу и другие аргументы подобного рода. Чем мы можем ответить на это? Да, мы действительно должны благодарить Бога за все, что Он позволяет нам иметь, поскольку подобная благодарность прославляет Его. Эта часть их утверждения не расходится с истиной. Однако ложным в этом аргументе будет то утонченное предположение, что Богу воздается слава всякий раз, когда мы делаем дорогую покупку.

Если бы это было истиной, Иисус не сказал бы: «Продавайте имения ваши и давайте милостыню» (Лк. 12:33) и еще: «Итак не ищите, что вам есть, или что пить, и не беспокойтесь» (Лк. 12:29). Иоанн Креститель не призывал бы людей: «У кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3:11), Сын Человеческий не ходил бы по земле, не имея, где приклонить голову (Лк. 9:58), а Захария не роздал бы половину своего имения нищим (Лк. 19:8).

Бог не получает никакой славы, если мы удерживаем у себя — не важно, с благодарностью или нет — то, что должны были бы использовать для облегчения страданий миллионов людей, которых еще не достигла Благая весть, кто не получил никакого образования, не имеет лекарств и пищи. То, что многие люди, называющие себя христианами, действительно были обольщены этим учением, доказывается тем, как мало они дают, хотя владеют многим. Бог благословил их деньгами. Однако они, подчиняясь почти неопровержимому закону нашей потребительской культуры (будучи крещены учением о здоровье, процветании и богатстве), решили купить себе (более) просторные дома, (более) новые машины, (более) модные одежды, (более) качественную еду, различные безделушки, всякую всячину, специальные приспособления и оборудование, чтобы сделать свою жизнь еще веселее.

Для него Бог благословляет святых

Нам могут возразить: разве в Ветхом Завете Бог не обещал благословить Свой народ? Да, обещал. Бог умножает плоды наших трудов, поэтому, делясь ими с другими людьми, мы наглядно демонстрируем, что не считаем их своими идолами. Бог благословляет бизнес не для того, чтобы человек пересел с недорогого «опеля» на шикарный «мерседес». Он дает процветание для того, чтобы Благую весть услышали тысячи непросвещенных людей. Он обеспечивает финансовый успех с той целью, чтобы двенадцать процентов населения мира отступили от пропасти голодной смерти.

Я пастор, а не экономист. Поэтому рассматриваю свою сегодняшнюю деятельность в том же смысле, в каком ее рассматривал шотландец Джеймс Стюарт тридцать лет назад:

Разработка планов экономической реорганизации входит в задачи экономистов, а не проповедников. Однако именно проповедники должны побуждать людей бодрствовать при виде невыразимой жалости Христа, подвергать их сердца воздействию божественного сострадания, которое увенчивает собой угнетенных и страдающих людей и разгорается пламенем суда против любой социальной несправедливости... В день, когда зазвучат небесные трубы и Сын Божий начнет сражение, не будет места для проповеди, лишенной этической направленности и не возбуждающей страсть социальной активности⁸⁸.

Наше призвание — жизнь в условиях войны

Упоминание о сражении — это не просто риторический прием. Мы можем назвать это более точным термином: «жизнь в условиях войны». В первой части этой главы я употреблял такую фразу: «самое необходимое в жизни», имея в виду слова Павла: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1 Тим. 6:8). Однако меня могут неправильно понять. Мысль о самом необходимом следует относить к такому стилю

жизни, который свободен от всего несущественного. Критерием же «существенного» должна стать не примитивная «простота», а то, что действительно и необходимо в военное время.

Ралф Уинтер, в связи со стилем жизни, пригодным для войны, использует следующую аналогию:

Океанский лайнер «Королева Мария», находящийся на пристани в гавани Лонг-Бич, в Калифорнии, представляет собой очаровательный музей прошлого. В мирное время он использовался в качестве фешенебельного и комфортабельного лайнера, а во время Второй мировой войны был военно-транспортным судном. Его нынешнее статус — это музей, длиной в три футбольных поля, который выявляет разительный контраст между стилем жизни, присущим мирному и военному времени. На одной стороне перед вами предстает столовая. Она была восстановлена так, что демонстрирует убранство лайнера в мирное время, когда он принимал на своем борту аристократов, для которых ослепительные наборы ножей, вилки и ложек были обычными предметами быта. На другой стороне, по контрасту с мирным временем, все свидетельствует о военной простоте и строгости. Пятнадцать тарелок и блюдец заменяет собой один металлический поднос с различными метками. По количеству коек, не двухъярусных, а восьмиярусных, можно судить о том, что количество людей на борту корабля увеличивалось с 3 тыс. в мирное время до 15 тыс. в военное время. Насколько отвратительной для ценителей изящной жизни, возможно, кажется эта перемена. Только военное положение и угроза войны могли заставить людей так изменить обстановку на лайнере. Однако от этой перемены зависела жизнь всей нации. Так и сущность Великого поручения заключается в том, что жизнь миллионов и миллионов людей зависит от его исполнения⁸⁹.

Война все еще продолжается. Все разговоры о том, имеют ли право христиане, будучи «детьми Царя», жить в таких обстоятельствах в роскоши, выглядят бессодержательными, учитывая особенно тот факт, что Сам Царь оделся по-военному, чтобы сражаться против дьявола. Намного полезней говорить о военном образе жизни, чем о примитивном, «простом» стиле жизни. Простой стиль может быть продиктован внутренни-

ми побуждениями. Но, за исключением того, кто его придерживается, другим людям он может и не приносить никакой пользы. Напротив, военный образ жизни подразумевает, что мы терпим издержки ради других людей, и они, в свою очередь, — ради нас (2 Кор. 12:15).

Уинтер продолжает:

Современная Америка, как никакое другое общество в прошлом, живет по принципу: «Спасай себя сам». Действительна ли такая философия? Люди в неразвитых странах страдают от болезней, характерных для их общества, — от туберкулеза, недоедания, пневмонии, микробов, тифа, холеры и т. д. Богатую же Америку, естественным образом, заполонили другие виды болезней: ожирение, артериосклероз, различные сердечные заболевания, включая порок сердца, инсульт, рак легких, венерические заболевания, цирроз печени, суицид, убийства. Нам нужно сделать выбор. Техника, экономящая людские ресурсы, обратилась против нас, став инструментом, умерщвляющим наши тела. Наш достаток дает нам возможность быть мобильными, но одновременно ведет нас, как членов ядерного клуба, к изоляции от остального мира. В результате этого возросло количество бракоразводных процессов, а тюрьмы и психиатрические лечебницы переполнены. Спасая себя, мы почти потеряли себя.

Сколько усилий мы прикладываем для того, чтобы спасти других людей? Возьмем в качестве примера известный евангельский девиз, распространенный в США: «Молись, дай или иди». Он позволяет людям просто молиться, если таков их выбор. А молитвенная миссионерская группа квакеров, находящаяся в Южной Индии, насчитывает 8 тыс. человек и полностью обеспечивает 80 миссионеров, служащих в северных штатах Индии. Если бы та деноминация, к которой я принадлежу, двигалась в том же самом направлении, то, учитывая невероятную большой достаток, приходящийся на одного члена церкви, мы бы подерживали не 500 миссионеров, а 26 тыс.! Несмотря на свою скудость, эти христиане из Южной Индии посылают из одной культуры в другую в 50 раз больше миссионеров, чем это делаем мы⁹⁰.

Мы должны понять, что те, кто побуждает христиан вести роскошный образ жизни, не думая о битве, полностью

упускают из виду учение Иисуса о деньгах. Он призвал нас пожертвовать своими жизнями, чтобы приобрести их обратно. В контексте этого высказывания речь идет о деньгах: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мк. 8:36). Способ, с помощью которого мы должны пожертвовать своими жизнями, заключается в исполнении миссии любви, которой Бог наделил нас.

Богатейте добрыми делами

Мы подходим к заключительному увещанию богатым людям. Павел пишет Тимофею: «Чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны» (1 Тим. 6:18). Поскольку они освободились от гордыни, а их надежды теперь связаны не с деньгами, а только с Богом, не может быть ничего иного, кроме того, что их деньги будут потрачены на поддержку служителей Христовых.

Можем ли мы иметь коттедж у озера?

Что скажет своим прихожанам пастор об их стремлении иметь два дома, если в нашем мире ежедневно умирают от голода 2 тыс. человек, а миссионеры не могут проповедовать Благою весть так, как это нужно, из-за отсутствия денег? В этом отношении в первую очередь ценны слова пророка Амоса: «И поражу дом зимний вместе с домом летним, и исчезнут дома с украшениями из слоновой кости, и не станет многих домов, говорит Господь» (Ам. 3:15); и слова из Евангелия от Луки: «Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3:11).

Затем он может рассказать об одной семье из Санкт-Петербурга (Америка, Флорида), которая поставила перед собой цель обеспечивать жильем неимущих. Они продали свой второй дом в штате Огайо, а на вырученные деньги купили жилье для нескольких семей в Иммокали (штат Флорида).

После этого он спросит: правильно ли иметь второй дом, который пустует часть года? На этот вопрос можно ответить положительно, но можно и отрицательно. Нельзя изобретать новый закон, согласно которому семья не может иметь больше одного дома. Ведь можно исполнять закон из принуждения, без изменения сердца. Пророки же ожидали от людей внутреннего изменения, а не просто нового отношения к собственности. Пастору следует понять неуверенность своих прихожан и рассказать им о том, как он, пережив такую же борьбу, отыскал путь любви. Не стоит полагать, что мы можем с легкостью найти ответы на все вопросы, касающиеся образа нашей жизни.

Он может помочь им сделать правильный выбор. Он спросит их: «Посмотрев на ваш дом, можно ли сказать, что вы равнодушны к нуждам других людей? Или же ваш дом незатейливый и старый и служит только для отдыха, молитвы и духовных размышлений? Посетив ваш дом, возвращаются ли люди в город с пылким желанием пожертвовать собой ради благовестия и утверждения справедливости?»

Его слова врежутся в их память. Они призовут их вести такую жизнь, которая будет соответствовать учению и жизни Иисуса Христа.

Почему Бог дал нам так много?

Павел пишет: «Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтоб было из чего уделять нуждающемуся» (Еф. 4:28). Иными словами, в нашей жизни может быть три альтернативы: 1) можно красть, чтобы что-то иметь; 2) можно трудиться, чтобы что-то иметь; 3) можно трудиться, чтобы отдавать то, что имеешь.

Слишком много христиан, когда дело касается образа их жизни, выбирают второй из перечисленных типов. Едва ли не все в нашей культуре побуждает их к этому. Однако учение Библии непреклонно: мы должны жить, чтобы отдавать. «Бог

же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело» (2 Кор. 9:8). Для чего Бог благословил нас достатком? Для того чтобы мы могли довольствоваться тем, что нам необходимо, используя все остальное на совершение добрых дел, которые смягчают духовные и телесные страдания. Наше изобилие предназначено не нам, а другим людям.

Вопрос заключается не в том, какую прибыль получает человек. Крупная промышленность и огромные зарплаты — это действительность нашего времени. Нет ничего дурного в этом. Однако мы можем обмануться, полагая, что образ нашей жизни должен соответствовать размеру нашей заработной платы. Бог видит в нас инструмент для передачи Своей благодати. Но нет никакой необходимости в том, чтобы покрывать этот инструмент золотом. Добротной стали будет достаточно.

Жить на грани вечности

Подведем итоги тому, что было сказано в этой главе. Цель Павла — помочь нам крепко ухватиться за вечную жизнь и не потерять ее. Он никогда не обращает внимание на несущественные детали. Нет, он живет на грани вечности, и поэтому перед ним все предстает в истинном свете. Он как бы выполняет функцию хранителя Божьих врат, наставляя нас в духе настоящего христианского гедонизма. Он спрашивает нас: разве вы не хотите жить настоящей, вечной жизнью (1 Тим. 6:19)? Вы ведь не хотите впасть в бедствие и пагубу, не так ли (1 Тим. 6:9,10)? Хотите ли вы иметь то, что дает благочестивая жизнь (1 Тим. 6:6)? Если все это так, то используйте сокровища христианского гедонизма разумно. Не стремитесь к богатству, довольствуйтесь самым необходимым в этой жизни, полагайтесь только на Бога, избегайте гордыни, и пусть ваша радость в Боге превратится в избыток щедрости по отношению к потерянному и бедствующему миру.

Брак

Форма христианского гедонизма

Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя.

Еф. 5:28

Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов.

Прит. 31:10

Мы видим столько несчастных браков. Но не надо думать, что причина этого в эгоистичном стремлении мужей и жен получить удовольствие. Брак становится несчастным вследствие того, что супруги не ищут собственного счастья в счастье своей второй половины. Библия же явным образом призывает их делать это. Брак — это матрица христианского гедонизма.

Славная жена

В Послании к Ефесянам мы встречаем один из самых гедонистических отрывков, в котором говорится о браке:

Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водою, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его (Еф. 5:25-30).

Мужья должны любить своих жен так, как Христос возлюбил Церковь. А как Он возлюбил Церковь? Он «предал Себя за нее». Но для чего? Для того, «чтобы освятить» и очистить ее. Почему Он хотел это сделать? «Чтобы представить ее Себе славною Церковью».

Удивительно! Иисус, «вместо предлежавшей Ему радости, Претерпел крест» (Евр. 12:2). Здесь говорится о радости Супруга по отношению к Своей невесте, Церкви. Иисус не хочет

иметь грязную и нечистую жену. Поэтому Он готов умереть за нее, чтобы очистить и освятить Свою обрученную и представить ее Себе «славной» женой.

Искать радость в радости возлюбленного

Какова настоящая радость Церкви? Несомненно, она состоит в том, чтобы очиститься, освятиться и предстать в качестве невесты перед своим суверенным и прославленным Христом. Поэтому Он действительно стремится обрести радость, но Его радость умножается в радости Церкви. Такова настоящая любовь. Мы ищем радость в радости своего возлюбленного.

Павел раскрывает гедонизм Христа еще отчетливей в следующих стихах: «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5:29,30). Почему Христос питает и греет Церковь? Потому что мы — члены Его тела, а никакой человек не станет ненавидеть свое тело. Иными словами, союз между Христом и Его невестой так силен («одна плоть»), что любое благо, которое Он совершает для нее, Он совершает и для Себя. Нас может поразить то, что это обстоятельство побуждает Господа Христа питать, греть, освящать и очищать Свою невесту!

Иногда говорят, что нельзя назвать любовью наше стремление к радости в радости своего возлюбленного. Любовь, утверждают, должна быть свободна от личных интересов. Это касается, в первую очередь, любви Христа на Голгофе и любви, которая подражает Христу. Однако я никогда не замечал, чтобы это мнение согласовывали с каким-либо отрывком из Писания. В действительности то, что Христос делает ради Своей невесты, Писание очевидным образом называет любовью. «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь...» Пусть сам текст, а не этика или философия, определяет, что такое любовь.

Библия говорит, что любовь — это поиск своей радости в радости возлюбленного. Невозможно исключить личный интерес из понятия любви. Тем не менее личный интерес не имеет ничего общего с эгоизмом. Если человек эгоистичен, он стремится к счастью за счет других людей. Любовь же ищет счастья в счастье тех, кого мы любим. Если мы любим, мы готовы пострадать и умереть за эту любовь, чтобы наша радость достигла совершенства в жизни и чистоте того, кого мы любим.

Разве Иисус не учил ненавидеть свою жизнь?

Когда Павел говорит: «Никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее» (Еф. 5:29) и затем в качестве примера указывает на Христа, при этом он не противоречит учению самого Иисуса: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 12:25).

Ключевая фраза в словах Иисуса — «в мире сем». Тот, кто ненавидит свою жизнь в этом мире, сохранит ее для жизни вечной. Здесь не идет речь о ненависти в абсолютном смысле этого слова, поскольку ненавидя свою жизнь сейчас, мы будем наслаждаться ею в вечности. В каком-то смысле ненависть к своей жизни представляется благом и необходимостью для нас. Но Павел и не отрицает это, когда говорит, что ни один человек не имеет ненависти к своей жизни. Ненависть, о которой идет речь, служит инструментом спасения, и поэтому она тождественна любви. Следовательно, и Иисус, призывая ненавидеть свою жизнь, ограничивает эту ненависть словами «в мире сем». Когда мы принимаем во внимание будущее, эту ненависть уже нельзя назвать ненавистью. В этом мире ненависть к жизни лучше всего демонстрируется тем, что Христос «предал Себя» за Церковь. Однако Его поступок был мотивирован радостью, которую Он видел перед Собой в вечности. Он предал Себя за нее, чтобы представить

мы любим себя, степенью, с которой мы любим других людей. «Любите других людей так, как вы любите себя».

Этот принцип Павел прилагает к браку. Подобная любовь показана в том, как Христос относится к Своей Церкви, а также в том, что мужья и жены стали «одной плотью» (Еф. 5:31). «Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя» (Еф. 5:28). Иными словами, чтобы сделать свою жену счастливой, муж должен прилагать те же силы, тратить такое же время и быть в той же степени творческим по отношению к своей жене, как он все это делает по отношению к самому себе. Результатом этого станет то, что, делая это для своей второй половины, он сам получит радость, ведь тот, кто любит свою жену, любит и самого себя. Поскольку жена и муж — одна плоть, органическое единство, существующее между ними, прилагается и к их взаимной любви.

Учение Павла не противоречит тому, на чем настаивает христианский гедонизм. Напротив, оно закладывает для него основание. Он как бы говорит: «Дорогие мужья и жены. Не забывайте, что, заключив брак, вы стали одной плотью. Если вы стремитесь получить удовольствие за счет своей второй половины, вы действуете против себя, и ваша радость обратится в печаль. Но если вы всем сердцем стремитесь к тому, чтобы доставить удовольствие своему супругу или супруге, в вашу жизнь придет радость и ваш брак воистину станет подобием тех взаимоотношений, какие существуют между Христом и Его Церковью».

Почему брак — это образец христианского гедонизма

На что похожа любовь между мужем и женой? Павел указывает на то, как она должна выглядеть, когда пишет верующим в Эфесе:

Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви (Еф. 5:31,32).

Ст. 31 — это прямая цитата из Быт. 2:24. Павел называет этот отрывок «великой тайной». Почему он называет его так?

Прежде чем мы ответим на этот вопрос, давайте обратимся к контексту этого отрывка.

Ветхозаветный контекст

В Книге Бытие написано, что, сотворив Адама первым, Бог поместил его одного в сад. Затем Господь сказал: «Не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2:18). Это совсем не означает, что во взаимоотношениях Адама с Богом было какое-то несовершенство или что забота о саде была слишком сложной задачей для одного человека. Скорее Бог хочет, чтобы человек делился с другими людьми тем, что у него есть. Он был создан для того, чтобы быть средством передачи Божьей щедрости, а не закрытым сосудом, в котором бы она накапливалась, но никуда не уходила. Ни один человек не может быть назван совершенным до тех пор, пока он, подобно электричеству, не передает благодать Божью другим людям. (При этом холостякам не следует полагать, что это осуществимо только в браке!)

Благодатью нужно делиться не с животным, а с другим человеком. Бог привел животных к Адаму именно для того, чтобы он понял, что ни одно животное не сможет стать для него настоящим помощником. Несомненно, животные помогают **нам** в чем-то. Но только человек может быть сонаследником благодатной жизни (1 Пет. 3:7). Лишь он может принять и оценить благодать. И только он может наслаждаться ею. Человек нуждается в другом человеке, с которым он мог бы делиться Божьей любовью. Ни одно животное не способно на это. Если мы захотим рассказать о наших чувствах при виде северного

сияния, мы по-разному будем это делать, разговаривая с нашей возлюбленной и с нашей собакой.

Поэтому, как говорится далее в Книге Бытие, «навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» (Быт. 2:21,22). Продемонстрировав человеку, что ни одно из животных не может стать для него настоящим помощником, Бог из плоти и кости Адама сотворил еще одного человека, подобного ему и в то же время совершенно на него непохожего. Он сотворил не мужчину, а женщину, в которой Адам увидел полную копию самого себя и в то же самое время полную противоположность всему животному миру. «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа [своего]» (Быт. 2:23).

Сотворив человека, *подобного* Адаму и одновременно совершенно на него *непохожего*, Бог дал возможность для образования глубочайшего союза, который в противном случае был бы невозможен. Между союзом двух несхожих друг с другом и союзом, в котором двое точно соответствуют друг другу, существует значительная разница. Когда люди поют одну и ту же мелодию, говорят, что они поют в унисон. Но если мы объединяем в одно отличающиеся друг от друга мелодические линии сопрано, альты, тенора и баса, то получаем гармонию. И всякий, имеющий способность слушать, может понять, насколько большее воздействие на нас оказывает гармония по сравнению с мелодией. Именно поэтому Бог сотворил женщину, а не второго мужчину, в результате чего мы имеем разнополую пару, а не двух представителей одного пола.

Обратим внимание на связь между ст. 23 и 24 — связь, которая подчеркивается союзом «потому»:

И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа [своего]. Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть (Быт. 2:23,24).

В ст. 23 подчеркиваются два обстоятельства: одно объективное, а другое субъективное. Первое обстоятельство заключается в том, что женщина — это кость от кости мужчины и плоть от его плоти. Второе обстоятельство акцентирует наше внимание на радости, которую испытал Адам при виде женщины. «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей» (Быт. 2:23). Имея в виду эти два обстоятельства, автор в следующем стихе делает вывод касательно брака: «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть» (Быт. 2:24).

Иными словами, вначале Бог взял женщину из кости и плоти Адама, а затем возвратил ему ее, чтобы Адам, начав с ней общаться, понял, что означает «быть одной плотью». В ст. 24 нам даны некоторые уроки в отношении брака. Мужчина оставляет своего отца и мать, потому что Бог дает ему для общения другого человека. Он прилепляется только к своей жене, и никому более. Находясь с ней в общении, он осознает, что значит быть одной плотью.

Тайна брака

Зададимся вопросом, почему Павел называет брак «великой тайной»?

Он знал, что Иисус называл Церковь телом Христа (Еф. 1:23). Человек становится единым с Иисусом Христом через свою веру. Тем самым он также входит в единство со всеми остальными верующими, так что все мы становимся «одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Верующие в Христа составляют Его тело. Мы представляем собой организм, с помощью которого Христос демонстрирует Свою жизнь и в котором пребывает Его Дух.

Имея в виду связь между Христом и Церковью, Павел проводит параллель с браком. Муж и жена становятся одним телом, подобно тому как Христос и Церковь — одно Тело. Поэтому во Втором послании к Коринфянам он говорит о Церкви

следующим образом: «Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (2 Кор. 11:2). Христос изображается как муж, а Церковь — как невеста. Обращение же коринфян к Христу представляло собой помолвку, которую Павел помогал осуществить. Невеста будет представлена мужу, скорее всего, в день Его второго пришествия, как об этом говорит Павел в другом месте: «Чтобы представить ее Себе славною Церковью» (Еф. 5:27).

Все выглядит так, как будто Павел, используя представленные в гл. 2 Книги Бытие взаимоотношения супругов в браке в качестве наглядного примера, описывает и далее объясняет сущность взаимоотношений, которые существуют между Христом и Церковью. Но если это было бы так, брак не был бы тайной, как об этом говорит апостол в Еф. 5:32. Объясняя тайну взаимоотношений между Христом и Церковью, брак сам по себе не содержал бы в себе ничего неочевидного. Поэтому брак означает нечто большее, чем это видно с первого взгляда. Что же он означает?

Тайна заключается в том, что союз Христа и Церкви был создан не по образу союза между мужем и женой, а наоборот, брак был создан по образу взаимоотношений, существующих между Христом и Церковью.

Брак, который описывается в Быт. 2:24, представляет собой иносказание, или символ, отношения Христа к Своему народу. В сотворении женщины есть нечто большее, чем это кажется на первый взгляд. Все сотворенное не существует по той причине, что Бог вынужден был творить. Все существующее имеет цель и значение. Когда Бог решил сотворить мужчину и женщину и установить брак как таковой, Он не положился на слепой случай, который бы расставил все точки над «i» в вопросе взаимоотношений в браке. В качестве образца для брака были целенаправленно взяты отношения, существующие между Его Сыном и Церковью, которые, в свою очередь, были задуманы еще до сотворения мира⁹⁵.

Таким образом брак — это тайна. Он включает в себя значительно больше того, что мы видим в его внешних проявлениях. Бог сотворил мужчину и женщину и установил брак для того, чтобы в нем проявились те вечные отношения, какие существуют между Христом и Его Церковью. Джеффри Бромли пишет: «Как Бог сотворил человека по Своему образу, так и установленный Им брак призван копировать вечные отношения, которые существуют между Богом и Его народом»⁹⁶.

Осознав эту тайну, Павел делает вывод, что роли, которые в браке играют муж и жена, установлены не произвольным образом. Они имеют своим началом отличительные особенности, присущие Христу и Церкви. Тем из нас, кто уже состоит в браке, следует вновь и вновь размышлять о том, как непостижимы и чудесны благословения, которые Бог предлагает нам в браке, и что семейная жизнь отражает в себе изумительные божественные реалии, намного превосходящие наши собственные.

Таково основание той любви, которая, по словам Павла, существует в браке. Недостаточно просто заявить, что каждый супруг должен стремиться к обретению радости в радости своей второй половины. Важно также иметь в виду, что и муж, и жена должны сознательно копировать те взаимоотношения, которые, по Божьему замыслу, существуют между Христом и Его Церковью.

Жена берет пример с Церкви

Таким образом, жены должны брать пример с Церкви в ее отношениях с Христом: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела; но, как Церковь повинует Христу, так и жены своим мужьям во всем» (Еф. 5:22—24).

Чтобы понять, почему жена должна находиться в подчинении, нам нужно иметь представление о главенстве мужа,

ибо состояние подчинения, в котором она пребывает, зависит от главы — мужа. Что означает слово «глава» в процитированном выше отрывке?

Греческое слово «глава» (*kephalē*) иногда используется в Ветхом Завете по отношению к руководителю (Суд. 10:18; 11:8,9; 2 Цар. 22:44; Пс. 17:44; Ис. 7:8). Однако на первый взгляд не представляется безоговорочно очевидным, что слово «глава» должно употребляться по отношению к руководителю. Ведь вполне возможно, что лишь положение на верху тела обеспечивает голове связь с высоким достоинством и властью.

Некоторые древние философы полагали, что высшая способность мыслить принадлежит сердцу, а не голове. Тем не менее Чарлз Сингер в своем «Оксфордском словаре классической филологии» показал, что мнение Аристотеля, полагавшего сердце средоточием интеллекта, «оспаривалось некоторыми его средневековыми последователями и находилось в противоречии с учением Тимея, современника Платона, и популярными в то время взглядами на этот вопрос»⁹⁷. Однако самое яркое свидетельство о том, какое значение в древнегреческом языке имело слово «глава», принадлежит современнику Павла Филону Александрийскому. Он пишет:

Как природа доверила власть над телом голове, — даровав ей также во владение крепость как нечто наиболее приличное ее царскому достоинству, и поместив голову прямо туда, откуда та может главенствовать, и утвердив ее на высоте со всем составом тела, от шеи до ног внизу, как пьедестал и статую, — точно так же природа дала глазам главенство над чувствами⁹⁸.

Таково, по словам Хейнриха Шлира, было самое распространенное мнение о слове «глава» во времена Павла. Помимо Филона об этом свидетельствуют и стоические источники". Поэтому современные ученые-критики ошибаются, когда утверждают, что «в новозаветные времена для грекоязычных людей, практически не имевших возможности читать Ветхий Завет в греческом переводе, слово «глава» имело мно-

жество значений, но „возглавлять" или „быть ответственным за" среди этих значений не было»¹⁰⁰.

«Главенство» — это наиболее точное определение, данное слову «глава» Филоном и другими древними писателями. Но более важно то, что употребление Павлом этого слова в Еф. 1:22, «без сомнения, утверждает идею о главенстве или авторитете»¹⁰¹.

Павел пишет:

Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого начальства и власти, и силы и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви (Еф. 1:20—22).

Несмотря на то что слово «глава» может в данном месте означать и «источник», как утверждали некоторые¹⁰², такая мысль чужда духу этого отрывка, поскольку в нем Христос показан главою всякой власти. Еще более она неестественна в Еф. 5:23, где, по словам Павла, «подчинение» жены со всей очевидностью предполагает то, что ее муж «главнствует» над ней как руководитель или высший авторитет.

Но давайте допустим, что в Еф. 5:23 под «главою» подразумевается «источник». Как это повлияет на контекст отрывка? Муж изображен главою жены, как и Христос — главою Церкви, Своего Тела (Еф. 5:29,30). Нельзя сказать, что «глава» в данном случае означает исток реки или нечто подобное этому. Павел использует очень специфический термин, употребляя слово «глава». Он имеет в виду голову, которая соединена с шеей и представляет собой верхнюю часть «тела».

Если «глава» означает «источник», то источником чего будет голова? Что получает тело от головы? Оно получает *питание*, в соответствии со словами апостола: «Никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь» (Еф. 5:29). Это становится очевидным из того факта, что *рот* принадлежит голове, а питание мы получаем через рот. Однако это не все, что тело получает от головы. Оно также *управляется* ей, поскольку глаза — это часть

головы. Кроме того, оно становится *бдительным* и получает *защиту*, поскольку уши — это тоже часть головы.

Другими словами, если муж как глава имеет одну плоть со своей женой, т. е. своим телом, и если он — ее источник, служащий для управления, питания и защиты, он в таком случае в наибольшей степени ответственен за руководство и за обеспечение ее едой и защитой.

Поэтому, даже если под «главой» понимается «источник», наиболее очевидное толкование этих стихов доказывает, что Бог призвал мужей к ответственности быть руководителями, защитниками и кормильцами семьи, уподобляясь в этом самому Христу. Жены же должны почитать своих мужей, действовать тому, чтобы утверждать их руководство и помогать им в соответствии с теми способностями, которыми их наделил Бог.

Именно поэтому Павел пишет: «Жены, повинуйтесь своим мужьям... потому что муж есть глава жены» (Еф. 5:22,23). Этими словами он хочет сказать, что жены должны признавать ответственность мужей за руководство домом и почитать возложенные на них обязательства. Ее сердце должно быть расположено к тому, чтобы уступить авторитету мужа и признать его главенство над собой.

Причина, по которой я сейчас говорю о *расположении* ее сердца, заключается в том, что ни один человек не подчинен другому человеку в абсолютном смысле этого слова. Муж, как глава своей жены, не заменяет собою главенства Христа. Жена никогда не должна идти за мужем, если он ведет ее к греху. Но даже в том случае, когда жена отказывается следовать греховным желаниям своего мужа и предпочитает следовать за Христом, в ней все равно должен пребывать дух подчинения. Своим поведением она может продемонстрировать, что ей не доставляет никакого удовольствия отвергать его волю и что она искренне желает, чтобы он удалился от греха и поступал праведно. Тем самым ее намерение почитать его как своего главу может вновь дать семье мир.

Упор на желании подчиниться, а не на каком-либо частном действии, вызван также тем, что в разных семьях появляются различные особые формы поведения как результат действия духа подчинения. Эти формы могут отличаться друг от друга даже в зависимости от той или иной культуры.

Муле берет пример с Христа

В этой полной тайны аналогии брака жена должна подражать тому, что, по Божьему замыслу, делает Церковь по отношению к Христу. Мужья же, по заповеди Павла, должны брать пример с Христа. «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф. 5:25). Поскольку глава жены — муж, как это было показано выше, то всем мужьям должно стать очевидным, что от них требуется такая любовь, в силу которой они были бы готовы пожертвовать собою ради своей жены.

Иисус учит: «Кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий» (Лк. 22:26). Муж, который падает в кресло перед телевизором и позволяет своей жене, словно рабыне, ухаживать за ним, отказывается подражать Христу. Иисус препоясался полотенцем и умыл апостолам ноги. Горе тем мужьям, которые считают, что они должны буквальным образом господствовать над своими женами и быть к ним требовательными. Муж-христианин должен быть слугой, а не господином.

Апостол настаивает на том, что мы должны повиноваться друг другу в страхе Божьем (Еф. 5:21). Этот стих — ключ ко всем последующим стихам. Однако совершенно необоснованным будет вывод, будто Христос и Церковь повинуются друг другу одинаковым образом и в одном и том же смысле. Церковь повинуется Христу, искренне признавая над собой Его владычество. Христос же повинуется Церкви, когда Свое главенство обращает в смиренное служение ей.

Когда Иисус говорит: «Кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий» (Лк. 22:26), Он всем не имеет в виду, что руководитель должен прекратить руководить. Даже когда Христос встал на колени и начал омы-вать апостолам ноги, никто не поставил бы под сомнение тот факт, что Он — их руководитель. Так и ни один муж-христианин не должен увиливать от богоданной обязанности руко-водить женой и семьей в нравственной и духовной сферах.

Обращаюсь сейчас непосредственно к мужчинам. Не до-пускайте, чтобы риторика небиблейского феминистского движения пугала вас тем, что мужья, взявшие, подобно Хри-сту, бразды правления в свои руки, поступают дурно. Нашим семьям нужно именно такое правление. Вы по-прежнему гла-ва семьи, ее руководитель, когда вы смиряетесь и покоряе-тесь желаниям и нуждам вашей жены.

Вы должны чувствовать огромную ответственность в вещах духовных: семейной молитве, изучении Слова Божьего и по-клонении. Вам следует понять, каков Божий замысел для ва-шей семьи и какова возложенная на нее задача. Именно от вас зависит, какой будет нравственная атмосфера в семье, станет ли она счастливой и дружной. Я никогда не встречал женщин, которые проявляли недовольство, находясь под таким руко-водством. Но я повидал слишком много жен, которые были несчастны оттого, что их мужья отказывались от возложен-ной на них обязанности — руководить своими семьями и больше не имели ни нравственных устремлений, ни духовного понимания предназначения их семьи. Соответственно, у них больше не оставалось желания руководить и кем бы то ни было еще.

На рекламном щите знаменитых сигарет изображен кур-чавый, с бронзовым лицом мускулистый «мачо» с сигаретой в зубах. Надпись гласит: «Место, которое соответствует муж-чине». Это настоящая ложь. Мужчине подобает быть у кро-вати своего ребенка, побуждая его к молитве. Мужчине по-добает вести свою семью в дом Божий. Мужчина должен вста-

вать рано утром, чтобы познавать, в чем состоит воля Божья относительно его семьи.

Формы подчинения

Скажу теперь несколько слов женам. Формы вашего под-чинения будут различаться в зависимости от того, как ваш муж осуществляет руководство в семье. Если ваш муж — бла-гочестивый человек, имеющий представление о том, какова должна быть семья, с точки зрения Библии, и озабоченный духовными вопросами, благочестивая женщина будет рада помочь такому мужу во всем, что касается руководства. Вы будете подавлены таким руководством не более, чем апосто-лы, находившиеся под властью Иисуса.

Если вы полагаете, что видение вашего мужа искажено, а направление, в котором он движется, не соответствует Писа-нию, не нужно молчать. В духе смирения укажите ему на со-вершенные им ошибки. Тем самым вы, скорее всего, предот-вратите его падение. Главенство мужа не означает безошибоч-ности его суждения, и, когда его искренне пытаются увести с опасной стези, он не должен реагировать враждебно. Озабо-ченность жены направлением, в котором движется семья, не означает, что она больше не подчиняется мужу.

Нет никакой взаимосвязи между главенством и интеллек-том или между подчинением и недостатком сообразительно-сти. Жена всегда будет превосходить мужа в одних качествах и уступать в других. Но было бы ошибкой не принимать во внимание установленную Богом модель, когда в семье муж не руководит, исходя из тех соображений, что женщина — бо-лее компетентный руководитель. Любой мужчина, имеющий ревность по Слову Божьему, может быть руководителем, невзирая даже на то, что его жена компетентнее его по мно-гим вопросам.

Приведу пример. Допустим, муж с трудом может читать. Когда он пытается громко читать Библию, то постоянно

путает слова, произнося их неправильно. А его жена читает прекрасно. Главенство мужа нисколько не означает, что он должен читать Библию на каждом семейном богослужении. От него требуется другое. Когда подойдет время, он должен громко объявить: «Дети, поторопитесь в гостиную на богослужение. Начнем с того места, где мы остановились в прошлый раз. Мама почитает нам». Отец может быть даже инвалидом, но он все равно остается руководителем в семье. Главенство мужа подразумевает под собой дух инициативы и ответственности, в то время как жена должна помогать ему в этом.

Но как быть жене, если ее муж не имеет духовного видения, не стремится к нравственному улучшению своей семьи и не берет на себя ответственность за нее? В Писании говорится, что жена все равно должна подчиняться ему. «Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были» (1 Пет. 3:1). Однако форма подчинения при таких обстоятельствах будет отличаться от предыдущего случая.

Признав над собой господство Иисуса Христа, она не станет соучаствовать со своим мужем в грехе, даже если он захочет этого, поскольку Христос, Которому она должна подчиняться превыше всего, строго-настрого запретил ей грешить (Еф. 5:22). Тем не менее она приложит все свои силы, чтобы помогать своему мужу в том, что не противоречит ее убеждениям, особенно если ему это нравится.

Если это возможно, она будет наставлять своих детей в вере и побуждать их к нравственному улучшению, одновременно не проявляя по отношению к неверующему мужу самодовольный дух неподчинения. Даже если ей придется ради Христа сделать то, что не одобряет ее муж, у нее будет возможность спокойным, уравновешенным тоном объяснить ему причины своего поступка. Она скажет ему, что поступает так по заповеди Христа, вовсе не желая действовать против воли мужа. Ей, однако, следует воздерживаться от нотаций. Его сердце

так или иначе обвиняет его в том, что он не берет на себя ответственность за управление своей семьей. Поэтому она должна дать ему свободу в принятии решений и приобрести его для Господа «без слов», отдавая ему свою жертвенную, могущественную любовь (1 Пет. 3:1—6).

Как исправить свои ошибки в управлении и подчинении

Выше я показал, что в браке, установленном Господом, есть образец любви. Муж и жена выполняют разные роли. Муж должен брать пример с Христа, как главы Церкви. Жена должна уподобляться Церкви, подчиняющейся своему Жениху, Христу. Если каждая семья будет поступать подобным образом, печальные последствия грехопадения станут изменяться в лучшую сторону. Из-за греха мужья, которые должны были главенствовать в любви, стали либо тиранами, либо ленивцами, равнодушными к своей семье. А жены, которые должны были добровольно и сознательно подчиняться своим мужьям, стали либо манипулировать ими, создавая видимость смирения, либо дерзко отказываться от подчинения им.

Во время второго пришествия Иисуса Христа ожидаемое нами искупление не разрушит данный при творении порядок, при котором мужья главенствуют в любви, а жены без принуждения подчиняются им¹⁰³. Напротив, оно *восстановит* этот порядок. Именно об этом говорится в Еф. 5:21—33. Поэтому уже сейчас жены должны восстановить то подчинение своим мужьям, какое существовало изначально, опираясь на пример Церкви, подчиняющейся по воле Божьей своему Главе, Иисусу Христу. Мужья же должны восстановить истинное главенство в семье, опираясь на пример Самого Христа.

Все это сказано для того, чтобы помочь тем, кто твердо уверен: любовь в браке — это стремление к обретению собственной радости в радости своего супруга. В словах Павла, записанных в Еф. 5:21—33, я нахожу два очень важных обстоятельства.

Во-первых, здесь раскрывается сущность христианского гедонизма в сфере брака. И во-вторых, показывается, в какую сторону должны быть направлены побуждения в браке. Пусть же каждая жена стремится к обретению своего счастья в счастье своего супруга, почитая его как руководителя семьи и способствуя укреплению его в этой роли, порученной ему Самим Богом. И пусть каждый муж стремится к обретению своего счастья в счастье своей супруги, принимая на себя обязательства руководить своей семьей и защищать ее, как и Христос руководит Своей церковью и защищает ее.

Вряд ли мое личное свидетельство что-либо добавит к тому, что говорится в Слове Божьем. И все же мне хотелось бы поделиться с читателем свидетельством о Божьей благодати, явленной в моей собственной жизни. Я открыл для себя богатства христианского гедонизма в 1968 г. Это был тот самый год, когда я женился. После этого и моя жена Ноуэл, и я, стремясь быть послушными Господу, страстно желали, насколько это было возможно, обрести глубочайшую, прочную радость. Иногда наши действия были далеки от совершенства. Иногда мы были нерешительны. И все же мы стремились к тому, чтобы радость одного стала радостью другого. Поэтому сегодня каждый из нас может с уверенностью сказать: путь к сердечному желанию людей, вступивших в брак, лежит именно в этой радости. Наш брак стал для нас матрицей христианского гедонизма. Когда каждый супруг находит свою радость в радости другого, исполняя присущую ему в семье роль, тайна брака — аналогии Христа и Церкви — становится все более и более явной. Тем самым Господь получает славу, а мы — радость¹⁰⁴.

Миссии

Боевой клич христианского гедонизма

Большинство людей не удовлетворены результатами своей жизни. Ничто не сможет в полной мере компенсировать жизнь Христа в Его последователях, кроме как принять Божий замысел в отношении того мира, который Он искупил. Слава, удовольствия и богатства — лишь шелуха и прах по сравнению с безграничной и вечной радостью, которую обретает всякий, кто вместе с Богом осуществляет Его вечный замысел. Те люди, которые все посвятили делу Христову, получают от жизни лучшую награду.

Дж. Кэмпбелл Уайт (1909),
секретарь миссионерского движения мирян

Безусловно, нет большей радости, чем радость спасения душ.

Лотти Мун (1887),
руководитель баптистских миссий

Понятие пограничной миссии

Большинство людей умирает не от старости, а от одиночества. Кто-то сказал, что половина всех жителей штата Нью-Йорк, оставшихся в одиночестве, умирает в течение последующих двух лет. Ограждая свою жизнь от общения, мы теряем ее. Одиночество, подобно наркотикам и пагубным привычкам, воздействующим на психику, представляет собой смертельную болезнь, а не благословение¹⁰⁵.

Это слова Ралфа Уинтера, основателя Американского центра всемирной миссии. Вся его жизнь и деятельность были постоянным вызовом и молодым, и пожилым; она свидетельствовала им, что единственный способ обрести жизнь — это потерять ее. Он один из тех, кого я страстно почитаю. Много из того, о чем говорят христианские гедонисты, говорил и он (хотя он, пожалуй, был бы против использования слова «гедонист»).

Он не только призывал одиноких христиан прекратить прожигать свою жизнь впустую, играя в гольф, когда они могли бы полностью предать себя делу Христа, но и увещевал студентов, чтобы те усердно стремились обрести полноценную радость в своей жизни. В небольшой брошюре, озаглавленной им «Скажи „да" миссионерству», он пишет: «Ради предлежащей Ему радости, Христос претерпел крест и презрел позор... Вам надлежит последовать за Ним. Внемлите этому предупреждению! Но не забывайте и о радости».

В последние пятнадцать лет источником, из которого я черпал свою уверенность в христианском гедонизме, за исключением Библии, были книги о миссионерстве и, в частности,

биографии миссионеров. С большой долей уверенности можно сказать, что чем больше люди страдают, тем тверже они отстаивают истину. Некоторыми своими открытиями я поделюсь с читателем в этой главе.

Но сперва возвратимся к вопросу об одиночестве. В своей книге Уинтер спрашивает: «В каком месте Библии люди находят основание для одиночества? Разве Моисей был одинок? Разве Павел стремился к уединению? А как насчет Петра и Иоанна? Разве офицеры уходят на покой, когда война в самом разгаре?»¹⁰⁶ Действительно, как только мы обращаем свое внимание на апостола Павла, перед нашими глазами тут же всплывает определение понятия «миссия», и именно в этом определении мы и нуждаемся в начале нашего исследования.

Павел пишет римлянам, что трудился на миссионерском поприще двадцать лет. Он обратился к Христу, когда ему было предположительно (и на это указывает греческое слово «юноша» в Деян. 7:58) от двадцати до сорока лет от роду. Можно с высокой степенью вероятности допустить, что ему было около пятидесяти лет, когда он писал увещательное письмо христианам в Рим.

Он сравнительно молод. Однако не стоит забывать о двух важных обстоятельствах. Во-первых, продолжительность жизни в те времена была короче, а Павел, помимо всего прочего, вел очень напряженный образ жизни: от иудеев он получил пять раз по тридцать девять ударов, три раза его били палками, однажды побивали камнями, три раза он терпел кораблекрушение, был постоянно в движении и постоянно в опасности (2 Кор. 11:24-29).

По нормам современного мира, он бы уже давно должен был прекратить свою деятельность и уйти на покой. Но он, вопреки этому, утверждает, что собирается посетить Испанию (Рим. 15)! Само Послание к Римлянам появилось главным образом потому, что апостол хотел заручиться поддержкой и помощью римских верующих для основания новых миссий на границах империи. Он не собирался прекращать свою деятельность. На огромных территориях Римской империи еще

не прозвучала проповедь о Христе, не говоря уж об учреждении там христианских церквей. И поэтому Павел пишет:

Ныне же, не имея такого места в сих странах, а с давних лет имея желание придти к вам, как только предприиму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что, проходя, увижусь с вами, и что вы проводите меня туда, как скоро наслажусь общением с вами, хотя отчасти (Рим. 15:23,24).

Возможно, Павел был убит в Риме еще до того, как осуществил свою мечту — посетил Испанию, чтобы проповедовать там Христа. Но в одном нельзя сомневаться: он погиб на поле духовной брани, а не на «заслуженном» отдыхе. Он продолжал двигаться к границам, а не останавливался, чтобы насладиться своими удивительными достижениями. Его жизнь определяет понятие «миссии».

Могли Павел сказать: «Ныне же, не имея такого места в сих странах» (Рим. 15:23)? В тех странах, которые он посетил, — в Иудее, Самарии, Сирии, Азии, Македонии и Ахаии — еще оставались тысячи неверующих людей, и это становится очевидным, когда мы читаем, какие наставления он дает церквям о неверующих. Тем не менее апостол утверждает, что в этих странах для него больше нет места!

Объяснение этому он дает чуть выше:

Благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика. Притом я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христова, дабы не созидать на чужом основании, но как написано: «не имевшие о Нем известия увидят, и не слышавшие узнают» (Рим. 15:19-21).

Миссионерская деятельность Павла заключалась в том, чтобы проповедовать там, где никто до него не проповедовал. Именно этот принцип лежит в основании «пограничных Миссий». Павел стремился идти туда, где еще не было церкви, в частности в Испанию.

Больше всего в этих стихах поражает то, что Павел, по своим Явственным словам, *полностью проповедал* (букв.: «исполнил»)

Благую весть о Христе от Иерусалима, находящегося в южной Палестине, до Иллирика, расположенного в северной части Греции. Когда мы понимаем всю важность его слов, перед нами раскрывается понятие «пограничная миссия»; мы осознаем, что такой способ миссионерской деятельности значительно отличается от благовестия внутри страны. В пределах между Иерусалимом и Иллириком все еще проживали тысячи неверующих людей, но пограничная миссия в этих странах уже была завершена. Свою работу Павел сделал, и теперь нужен был тот, кто ее продолжит (1 Кор. 3:6).

Поэтому под миссиями в данной главе понимаются усилия христианской церкви, направленные на продолжение деятельности Павла, — в проповедовании благовествования Христова и в основании церквей среди людей, не слышавших раньше Евангелия.

Необходимость пограничных миссий

Я исхожу из предположения, что люди, не слышавшие Благую весть, живут без надежды, ибо только весть о спасении дает им возможность освободиться от уз греха. Поэтому миссионерская деятельность имеет существенное значение в жизни, преданной Церкви Христа, хотя не все христиане согласны с этим.

Вальберт Бульманн, секретарь Центра католических миссий в Риме, говорит от лица руководителей главных христианских деноминаций:

Раньше мы руководствовались так называемым «побуждением» спасать души. Мы были убеждены, что без крещения люди пойдут в ад. Теперь же, слава Богу, мы поняли, что над всеми людьми и всеми религиями простирается Божья любящая десница, и поэтому они будут спасены по Его благодати¹⁰⁷.

Сестра Эммануэль Каирская (Египет) написала: «Теперь мы не говорим об обращении в веру. Предмет всех наших разговоров — это дружба. Моя задача заключается в том, чтобы

доказать людям, что Бог — это любовь, вселяющая в них мужество»¹⁰⁸.

III Вера в то, что Бог спасает всех людей вне зависимости от их религиозных убеждений или жизненных установок, стала сегодня естественной среди огромного числа христиан. Однако она не имеет ничего общего с библейской верой¹⁰⁹. Чтобы верить в такого «Бога», нужно отвергнуть главные постулаты Библии. Прислушаемся к словам Сына Божьего, когда Он призывает апостола Павла на миссионерское поприще:

Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя, открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными (Деян. 26:16—18).

В словах нашего Спасителя нет никакого смысла, если не нужно открывать глаза язычникам, обращать их от тьмы к свету, освобождать их от власти сатаны, чтобы вести к Богу, и свидетельствовать им о прощении грехов через веру в Иисуса Христа, Которого проповедуют Его представители. Будь это так, Павел не посвятил бы всю свою жизнь миссионерской деятельности в Азии, Македонии, Греции, Риме и Испании и не сообщал бы людям, что они спасены. Он отдал себя им для того, «чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:22).

Когда весть Павла о Христе была отвергнута (например, иудеями в Антиохии), он сказал: «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию; но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13:46). Мы видим, что *вечная жизнь* — это сердцевина миссионерской проповеди. Подлинная цель апостола — обращение к Христу людей вне зависимости от того, к каким религиозным верованиям они себя относят. «Ибо нет другого имени под небом, данного человеку, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4:12).

Божья справедливость в осуждении и спасении

Бог справедлив. Никто не будет осужден за неверие в то, о чем он никогда не слышал. Люди, никогда не слышавшие весть о спасении, будут судимы, исходя из того, насколько они внимали свету Божьей благодати и силы в творении и своей собственной совести. Об этом ясно говорит апостол:

Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познавши Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце (Рим. 1:20,21).

Не имея особой спасительной благодати Божьей, люди умирают в своих грехах, будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божьей и ожесточены в своих сердцах (Еф. 2:1; 4:18). Для таких людей проповедь Евангелия Христова — это инструмент, предназначенный Богом для того, чтобы даровать им спасительную благодать.

Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам; итак, что до меня, я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме. Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых Иудею, потом и Еллина (Рим. 1:14-16).

Плоды универсализма в миссионерской деятельности

Убеждение, что люди могут спастись без проповеди Евангелия, нанесло непоправимый вред миссионерской деятельности тех церквей, которые свели к минимуму библейское учение о потерянности человека без Христа. В период между 1953-м и 1980 гг. количество иностранных миссионеров, принадлежащих к основным протестантским церквям Северной Америки, сократилось с 9844 до 2813 человек. За тот же са-

мый период времени количество миссионеров, принадлежащих к евангельским церквям, которые с большей серьезностью и преданностью относятся к библейскому учению, увеличилось более чем на 200 процентов. Так, организация под названием «Христианский и миссионерский альянс», насчитывающая в своих рядах 200 тыс. членов, имеет в своем штате на 40 процентов больше миссионеров, чем Объединенная методистская церковь, количество членов которой достигает 9,5 млн человек. Если для нас имеет огромное значение все Слово Божье, а не его жалкая редукция, это чрезвычайно сильно влияет на наше отношение к миссионерской деятельности¹¹⁰.

Многие христиане полагали, что с завершением колониальной эпохи сразу после Второй мировой войны исчезла необходимость и в миссионерской деятельности за пределами своей страны. Евангелие в той или иной степени уже проникло во все страны мира. Однако последние годы отчетливо продемонстрировали нам, что повеление Христа воспитывать учеников «из всех народов» больше не воспринимают как относящееся к современному геополитическому устройству мира. Не относится оно теперь и к отдельному человеку, словно бы Великое поручение нельзя исполнить до тех пор, пока каждый человек на земле не станет учеником Христа.

Деление людей на различные группы

Нам постепенно становится понятным то обстоятельство, что Божье намерение заключается в том, чтобы проповедь Евангелия была обращена ко всем «группам людей», т. е. в каждой нации и народности должна быть основана живая церковь. Никто не может с точностью определить, к каким группам относятся те или иные люди. Однако приблизительное представление об этом мы можем получить из Писания:

После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков стояло пред престолом и пред Агнцем (Отк. 7:9).

Невозможно провести точное различие между «племенами», «коленами», «народами» и «языками». Однако одно ясно: Божий искупительный замысел не был до конца осуществлен лишь потому, что ученики Христа не появились во всех «народах» XX в., т. е. во всех государствах этого мира. Ведь внутри каждой страны есть еще тысячи племен, рас, субкультур и наречий.

Поэтому задача, которая стоит перед пограничными миссиями, не ограничивается больше географическими рамками. На повестке дня новый вопрос: «Где находятся те группы людей, которые еще не слышали Благою весть на своем родном языке?»¹¹¹

После выхода в свет первого издания книги «Жаждающие Бога» в 1986 г. стало необычайно сильно развиваться сотрудничество между миссионерскими организациями, деноминациями и церквями в поиске и обращении в христианство групп людей, никогда не слышавших Благою весть на своем родном языке. Признано, что «из 12 тыс. известных этнических и языковых групп в мире, уже в 10 тыс. основаны или основываются церкви... [К концу 1994 г. из оставшихся 2 тыс. групп] фактически только 1 тыс. групп остается недоступной... Мы имеем целевой список из наименее затронутых проповедью Евангелия народов. Этот список для большей точности обновляется каждый год. В ста самых крупных группах, не затронутых проповедью Евангелия, насчитывается почти 2 млн человек»¹¹². Большинство из них принадлежит к мусульманским, индуистским, буддистским и анимистским народностям так называемого Окна 10/40¹¹³. Кажется, что Рик Вуд не преувеличивает, когда говорит: «Никогда ранее в истории христианства не было таких бурных темпов роста количества искренних верующих, церквей, деноминаций и организаций, сплотившихся вместе ради того, чтобы основать церкви среди всех народов мира. Это всемирное сотрудничество не имеет прецедентов в прошлом»¹¹⁴.

Миссии могут прекращать свое существование, но проповедь Евангелия никогда не прекратится

Чтобы в оценке поставленной перед нами задачи — донести Благою весть до народов, никогда не слышавших о ней, — мы не вышли за пределы здравого смысла, Ралф Уинтер указывает нам на два обстоятельства.

Во-первых, говорит он, в отличие от миссий, которые могут прекращать свое существование, проповедь Евангелия никогда не прекратится. Причина проста. Перед миссиями ставится уникальная задача — преодолеть языковые и культурные преграды и основать церкви среди народов, никогда не слышавших о Христе. Проповедь Евангелия же — это непрекращающаяся задача по распространению Благой вести в границах заданной культуры. Это обстоятельство побуждает нас реалистично относиться к завершению миссионерской задачи, даже если в каждом народе мира, где были основаны церкви, существуют сегодня миллионы и миллионы верующих.

Во-вторых, вполне возможно, что на земле существует более чем 12 тыс. этнических и языковых групп. Ралф Уинтер указывает на то, что племенные различия в группах, имеющих общий непонятный диалект, могут сильно варьироваться в зависимости от того, письменный это язык или нет. Так, переводчики миссии «Уиклиф» могут решить, что Библия, переведенная на местный диалект, доступна для чтения на значительной территории. Однако в действительности требуется семь или более разных аудиозаписей с евангельскими чтениями для отличных друг от друга языковых групп, имеющих сходный диалект.

Поэтому Уинтер задается вопросом, какой уровень языковых групп имел в виду Иисус, когда сказал апостолам: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец»

(Мф. 24:14). Его ответ таков: «Мы пойдем это лучше... когда приблизится конец. В то же время нам нужно сделать приблизительный подсчет... Мы сможем узнать больше только в том случае, если будем идти с проповедью Евангелия. Для завершения этой задачи сегодня используется значительно больше людей, чем это было позволительно раньше»¹⁵.

Цель, которую он ставит перед собой, делая эти наблюдения, заключается в том, чтобы дать нам понять, что задача пограничных миссий еще не выполнена до конца. Более того, значительное число миссионеров трудится там, где церкви уже существует в течение десятилетий. Отсюда и такая большая необходимость в пограничных миссиях. Божье повеление воспитывать учеников среди народов, которые до сих пор не слышали проповеди о Христе, все еще остается в силе. Поэтому я хотел бы зажечь в сердцах своих читателей желание стать участником последней главы в величайшей истории мира.

Впечатляющий рост

Можно привести исторические и богословские основания для надежды на то, что исполнение Великого поручения будет доведено до конца. Представленная ниже таблица подтверждает это. Из нее следует, что количество народов, никогда не слышавших проповеди о Христе, стремительно уменьшается по сравнению с числом евангельских церквей, готовых к просвещению этих народов¹⁶.

Ралф Уинтер отметил, что зарегистрированное между 1980-м и 1989 г. снижение сравнительного количества нехристиан и христиан с 11 до 7 (62 процента) эквивалентно подобному же процессу за первые девять веков существования христианства при снижении сравнительного количества с 360 до 220 (62 процента). Данные во второй и четвертой колонках, а также общая тенденция дают наилучшее представление о росте церквей. Несмотря даже на то, что по-прежнему

Год, н.э.	Соотношение неверующих и христиан ¹⁷	Количество народов, никогда не слышавших христианской проповеди ¹⁸	Соотношение христианских общин и народов, неохваченных проповедью ¹⁹
100	360/1	60 000	1/12
1000	220/1	50 000	1/5
1500	69/1	44 000	1/1
1900	27/1	40 000	10/1
1950	21/1	24 000	33/1
1980	11/1	17 000	162/1
1989	7/1	12 000	416/1
2000	?	?	?

чувствуется крайняя необходимость в увеличении числа пограничных миссий и проповедовании среди народов, лишенных прежде возможности слышать истину Евангелия, движущая сила благовестия растет. В дополнение к нерушимому обетованию Иисуса, что Евангелие будет проповедано всем народам (Мф. 24:14), у нас есть практические свидетельства, не только подтверждающие, что это произойдет, но и показывающие увеличение темпов распространения Евангелия. Эта задача действительно выполнима!

Христиане с широким кругозором

Мне бы хотелось верить, что многие из моих читателей готовы взять на себя новое обязательство по содействию успеху миссионерской деятельности. Одни возьмут на себя обязательство проповедовать Евангелие среди людей, никогда прежде не слышавших его. Другие изберут для себя новые возможности, предоставляемые образовательной системой. Третьи решат провести свой отпуск там, где церковь еще не так сильно влияет на культуру, как в их собственной стране. Четвертые изменят свой образ жизни и по-новому станут относиться к пожертвованиям, молитве и чтению духовной

литературы. Я призываю таких людей к тому, чтобы они сделали свой выбор. Мне бы хотелось, чтобы миссионерское дело стало таким привлекательным и манящим, чтобы никто не смог устоять перед его магнетическим влиянием.

Разумеется, я вовсе не хочу сказать, что каждый христиан должен стать миссионером или им станет. Моя задача состоит в другом: дать читателю понять, что он, по словам Дейвида Брайнта, может стать *христианином с широким кругозором* — человеком, который бы реорганизовал свою жизнь согласно Божьей глобальной стратегии. В своей проникновенной книге Брайнт определяет христиан с широким кругозором как группу людей, которые говорят:

Я готов принять на себя обязательство проповедовать некоторым из тех, кто еще никогда не слышал Благой вести о Христе, и особенно тем миллиардам и миллиардам людей, которые находятся на самом широком краю пролома и которые могут услышать Евангелие только в том случае, если христиане приложат значительно больше усилий, чем раньше. Этнической группе людей, не имеющей возможности посещать живую евангельскую церковь, нужен тот, кто расскажет им о Христе. Мы хотим помочь им в этом ¹²⁰.

Молодой и богатый юноша

История молодого и богатого юноши — это библейский фундамент, на котором христианский гедонист основывает свое миссионерское видение (Мк. 10:17-31).

Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй; не убивай; не кради; не лжесвидетельствуй; не обижай; почитай отца твоего и мать.

Он же сказал Ему в ответ: Учитель! все это сохранил я от юности моей. Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и при-

ходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

И посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие.

Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись? Иисус, возрев на них, говорит: человеку это невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу. И начал Петр говорить Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою. Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцев, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной; многие же будут первые последними, и последние первыми.

В этой истории содержится, по меньшей мере, две побудительные причины для того, чтобы полностью посвятить себя делу пограничных миссий.

Человекам это невозможно, но не Богу

Первая побудительная причина дана в Евангелии от Марка, где Иисус говорит Своим ученикам: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие».

Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись? Иисус, возрев на них, говорит: человеку это невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу (Мк. 10:25-27).

Этот диалог призван в наибольшей степени поддержать надежды миссионеров. Какой миссионер, глядя на свои труды, не говорил: «Это невозможно»? Иисус согласен с ними — да,

человекам это невозможно. Никто из людей не может освободить другого человека от порабошающей его силы сребролюбия. Молодой и богатый юноша отошел от Иисуса в печали, поскольку узы вещизма нельзя разрушить человеческими силами. Людям это невозможно! Поэтому миссионер, освобождая человеческие сердца от рабского подчинения кому угодно, но только не Христу, выполняет работу, которую никто из людей выполнить не может.

Задача, стоящая перед миссионером, была бы невыполнима, если бы ею не руководил Бог, делающий то, что людям не под силу. Кто, кроме Бога, может пробудить жизнь духовно мертвых людей и убедить его слушать Евангелие? «Нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом...» (Еф. 2:5). Когда Евангелие проповедуется в силе Святого Духа, тогда Сам Бог делает то, что невозможно людям, — Он дарует веру к спасению. Такова надежда миссионера.

Призыв Божий делает то, на что не способно ни одно человеческое воззвание. Призыв Божий поднимает из тления мертвых и пробуждает духовную жизнь. Он проявил себя, когда Иисус сказал Лазарю, находящемуся в гробнице: «Иди вон!» (Ин. 11:43). Наш призыв способен пробудить кого-то ото сна. Но призыв Божий может творить то, что ранее не существовало (Рим. 4:17).

Божий призыв нельзя отвергнуть в том смысле, что он превозмогает всякое сопротивление. Он — надежный и действенный, ибо таково было Божье намерение; потому и говорит Павел: «Кого [Он] призвал, тех и оправдал» (Рим. 8:30). Иными словами, Божий призыв столь действен, что безусловным образом пробуждает в человеке веру, благодаря которой он и оправдывается. *Все* призванные получают оправдание. Но никто не оправдывается без веры (Рим. 5:1). Следовательно, призыв Божий не может не достичь своей цели. Услышав его, человек гарантированно обретет веру, которая и оправдывает его.

Это неподвластно человеку. Только Бог может разбить каменное сердце (Иез. 36:26), повести людей к Своему Сыну (Ин. 6:44,65) и открыть человеческое сердце, чтобы оно прислушалось к проповеди Евангелия (Деян. 16:14). Только Добрый Пастырь знает Своих овец по имени и призывает их следовать за Ним (Ин. 10:3,4,14). Поэтому миссионер надеется только на суверенную Божью благодать, делающую то, что не под силу человеку.

Что христианский гедонист любит больше всего

Суверенная благодать Божья — это также и источник жизни для христианского гедониста. Он больше всего любит то состояние, когда она переполняет его и когда он может делиться ею с другими людьми ради их блага. Миссионеры, стоящие на позициях христианского гедонизма, любят повторять: «Не я впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1 Кор. 15:10). Они наслаждаются истиной, которая гласит, что источником плодов их миссионерской деятельности является только Бог (1 Кор. 3:7; Рим. 11:36). Они радуются, когда их Господь говорит: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5). Они с легкостью соглашаются с тем, что Бог снял с их плеч непосильную ношу и возложил ее на Себя.

Безо всякого сожаления они говорят: «Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога» (2 Кор. 3:5). Когда они возвращаются из своих миссионерских путешествий, ничто не доставляет им большей радости, чем слова, произносимые ими в церкви: «Не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершил *Христос* чрез меня, в покорении язычников вере, словом и делом» (Рим. 15:18). «Все возможно Богу!» — с одной стороны, эти слова дают надежду, а с другой — смирение. Они — лучшее для миссионера противоядие против отчаяния и гордости.

Суверенная благодать — это стимул для миссионерской деятельности

Миссионеры обретают уверенность и тогда, когда вчитываются в то, о чем говорил Иисус в другом месте:

Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь (Ин. 10:16).

Заметим, какие слова ободрения звучат в данном отрывке для людей, трудящихся в пограничных миссиях.

Во-первых, *у Христа действительно есть овцы, не принадлежащие еще к Его нынешнему двору*. Они искуплены «из всякого колена и языка, и народа и племени» (Отк. 5:9). Дети Божьи «рассеяны» (Ин. 11:52). Поэтому ни один миссионер, добравшийся до незатронутой христианской проповедью группы людей, не скажет, что у Бога там нет Его людей.

Таким же образом ободрял Господь и Павла, когда тот пребывал в подавленном состоянии в Коринфе, столкнувшись с «невозможностью» основать церковь на этой твердой почве.

Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла; потому что у Меня много людей в этом городе (Деян. 18:9,10).

В самом деле, это может казаться невозможным, но у Бога есть Его избранные люди («другие овцы», Ин. 10:16). Добрый Пастырь знает, кто принадлежит Ему, и, когда мы будем преданно проповедовать весть о спасении, Он позовет их по имени.

Иисусу надлежит привести к Себе «других овец»

Во-вторых, *Иисусу надлежит привести к Себе «других овец»*, собрать воедино Свою паству. Он, и никто другой, должен это

сделать. Однако это обстоятельство нимало не подтверждает воззрения гиперкальвинистов¹²¹, утверждающих, что Христос сделает это без нас. Уильям Кэри, «отец современных миссий», опубликовав в 1792 г. небольшую книжку под названием «Об обязанности христиан применять средства для обращения язычников», внес огромный вклад в дело пограничных миссий.

Бог всегда использует средства для достижения Своих целей. Это ясно из слов Иисуса: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня *по слову их*» (Ин. 17:20). Однако Кэри верил, что без Господа он был беспомощен и что в действительности именно Христос призывает, спасает и производит в нас благоугодное Богу (Евр. 13:21). Сорок лет, до самой смерти, ему сопутствовал поразительных успех. Он перевел всю Библию на бенгальский, орисский, маратхский, ассамский языки, на хинди и санскрит и частично на двадцать девять других языков. Теперь его могилу украшает скромная табличка, на которой, по его собственной просьбе, выгравировано:

УИЛЬЯМКЭРИ

Род. 17 августа 1761 года

Ум. июнь 1834 года

*Презренным, жалким и беспомощным червяком
я попал в Твои милосердные руки.*

Мы должны утешаться словами Писания: Бог Сам сделает то, что невозможно «жалким и беспомощным червякам». «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести» (Ин. 10:16).

Они услышат Его голос

В-третьих, овцы, которых призывает Христос, действительно придут к Нему. «И тех надлежит Мне привести: и *они услышат голос Мой...*» (Ин. 10:16). То, что невозможно людям, возможно Богу! Когда Павел закончил свою проповедь в Антиохии,

результатом, по словам Луки, было: «Уверовали все, которые были предоставлены к вечной жизни» (Деян. 13:48). У Бога есть избранные люди во всех народах. Он призвет их всей Своей мощью, и они *уверуют*.

В этих словах заключена сила, которая преодолевает любое разочарование, вызываемое трудностями пограничных миссий. Хорошей иллюстрацией к этому служит история Питера Камерона Скотта.

Он родился в 1867 г. в Глазго (Шотландия) и стал основателем Внутренней африканской миссии. Однако начало его служения в Африке не сулило ему ничего хорошего. В свое первое миссионерское путешествие он тяжело заболел малярий и был вынужден вернуться на родину. Поправив свое здоровье, он решил вернуться в Африку.

Возвращение доставило ему радость, поскольку вместе с ним приехал в Африку и его родной брат Джон. Однако вскоре Джон умер из-за лихорадки. Питер похоронил своего брата и, оставшись один, испытывал страшные муки, но вновь начал проповедовать Евангелие в Африке. Вскоре он опять подорвал свое здоровье и был вынужден возвратиться в Англию.

Каким же образом он преодолевал отчаяние и выходил из депрессии? Он отдал себя Богу. Но где он находил силы, чтобы вернуться в Африку? Людям это невозможно!

Силы он нашел в Вестминстерском аббатстве, где находилась могила Дейвида Ливингстона. Скотт безмолвно вошел внутрь аббатства, отыскал могилу и, став перед ней на колени, начал молиться. На могильной плите была выгравирована надпись:

Есть у меня и другие овцы,
Которые не сего двора,
И тех надлежит мне привести.

Скотт поднялся с колен и, окрыленный новой надеждой, вскоре возвратился в Африку. Основанная им миссия увеличивается и по сей день, представляя собой мощную силу для распространения христианской проповеди в Африке.

Если наша величайшая радость заключена в переполняющей нас Божьей благодати, избытком которой мы готовы делиться с нашими ближними ради их блага, то нет ничего прекраснее для нас узнать, что, используя нас, Бог сделает невозможное и дарует спасение людям, никогда не слышавшим о Христе. «Человекам это невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу» (Мк. 10:27).

Вам воздастся во сто крат больше

Вторая побудительная причина, для того чтобы полностью посвятить себя делу пограничных миссий, дана в следующих словах:

И начал Петр говорить Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобюю. Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцев, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной (Мк. 10:28—30).

В данном отрывке не говорится о том, что, став миссионером, мы приобретем огромное материальное богатство для себя. Если мы добровольно принимаем на себя функции и обязанности миссионера, но при этом желаем обогатиться, мы входим в противоречие со словами Господа: «Иисус сказал ему: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Лк. 9:58).

Скорее всего, речь в этом отрывке идет о другом. Если мы, служа Христу, лишились своей семьи, мы обретем духовную семью — церковь, да так, что новая семья во сто крат возместит нам потерю. Но даже в этом мы можем быть ограничены. Задумаемся о тех одиноких миссионерах, которые в течение Долгих лет трудились ради Христа, но не имели рядом с собой сестер, братьев, матерей и детей по вере. Разве это обетование не предназначено и для них?

Он возместит все потери

Разумеется, это обетование дано и им. Христос ясным образом говорит, что возместит им все их потери. Если мы откажемся от материнской любви и заботы, мы получим во сто крат большую любовь и заботу от вечного Бога. Если мы откажемся от теплых отношений с нашими родными братьями, мы обретем во сто крат более глубокие отношения с Христом. Если мы откажемся от того чувства, которое мы испытывали, когда приглашали к себе домой гостей, мы получим во сто крат большее утешение и большую уверенность, зная, что нашему Господу принадлежат все дома, земли, реки и деревья. Будущим миссионерам Иисус обещает, что будет непрестанно *трудиться* ради них и *останется* с ними, и потому им не останется ничего, как только забыть о той жертве, которую они принесли ради Него.

Как отреагировал Иисус на «жертвенный» дух Петра? Петр сказал: «Мы оставили все и последовали за Тобою» (Мк. 10:28). Это ли то «самоотречение», которое заповедал Иисус? Слова Петра достойны порицания. Иисус отвечает: «Никто не пожертвовал мне то, чего бы Я не возвратил в стократном раз-мере; это касается даже этой жизни, не говоря уже о жизни грядущей». Почему Христос упрекает Петра за то, что тот мыслит категориями жертвенности? Ведь Он Сам заповедал «самоотречение» (Мк. 8:34). Причина этого упрека, по всей видимости, кроется в том, что Петр еще не понял суть жертвенности так, как ее понимают христианские гедонисты.

Что же, по их мнению, представляет собой жертвенность?

Из ответа, который дает Иисус, следует, что под самоотречением следует понимать отречение от меньшего блага ради большего блага. Мы отказываемся от одной матери, чтобы приобрести сто матерей. Иными словами, Иисус хотел, чтобы наши представления о самоотречении исключали всякую возможность для жалости к себе. Именно этому учит отрывок из Евангелия от Марка:

И подозвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее (Мк. 8:34,35)¹²².

Мысль, подчеркиваемая этим стихом, аналогична основным постулатам христианского гедонизма. Святой Августин говорит о том же самом, но в парадоксальной форме:

Если ты любишь свою душу, существует опасность, что ты ее погубишь. Поэтому ты можешь не любить ее, если не желаешь ее погубить. Но не желая ее погубить, ты любишь ее¹²³.

Этот парадокс лежит в основании учения Иисуса. Он не требует от нас, чтобы мы с безразличием относились к тому, погибнем мы или нет. Напротив, Он заявляет, что любовь к истинной жизни (1 Пет. 3:10) станет движущей силой для отречения от всех незначительных благ и удовольствий этой жизни. Если бы мы были безразличны к драгоценному дару жизни, данному нам Господом, мы бы бесчестили Его. Мера нашей любви к жизни зависит от того, насколько мы готовы пожертвовать нашими сиюминутными удобствами, чтобы обрести подлинное утешение в небесах. Если мы готовы возненавидеть душу свою в этой жизни, чтобы сохранить ее для жизни вечной (Ин. 12:25), то тем самым мы прославляем Бога за дар вечной жизни. Значение богоцентричного самоотречения состоит как раз в этом.

Два вида любви к самому себе

Петр поступил слишком опрометчиво, когда сказал, что пожертвовал всем. Дейвид Брайнерд и Дейвид Ливингстон, напротив, не были так неосторожны в своих высказываниях. Перед Брайнердом, миссионером среди индейцев Новой Англии, который к тому времени еще не достиг и средних лет, со всей остротой встал вопрос о любви к самому себе и отречении

от самого себя. Двадцать четвертого января 1744 г. он записал в своем дневнике:

Вечером ко мне неожиданно пришло много народу и у меня появилась благоприятная возможность поговорить с ними о возвышенных вещах. Мне пришлось приложить немалые старания, чтобы объяснить им разницу между подлинной и ошибочной любовью к самому себе. Подлинную любовь к самому себе можно соотнести с высочайшей любовью Бога, а ошибочную — нельзя. Первая объединяет в себе Божью славу и человеческое счастье, так что и у Бога, и у человека появляется один общий интерес. Вторая же разделяет Божью славу и человеческое счастье, стремясь удовлетворить человека и игнорируя при этом Бога. После этого я проиллюстрировал свою мысль на примере любви между мужчиной и женщиной; эта любовь отличается от той, которой человек добивается исключительно с помощью рациональных аргументов или эгоизма¹²⁴.

Брайнерд прекрасно понимал, что в своем стремлении жить для славы Божьей он не мог не любить себя. Он знал, что невозможно было полностью пожертвовать собой, хотя сам он умер от туберкулеза. Однако он верил, что Иисус осуждал определенные формы любви к самому себе и отречения от самого себя. Поэтому он проводил различие между двумя видами любви к самому себе: той, которая отделяет стремление к собственному счастью от стремления к Божьей славе, и той, которая их объединяет в «один общий интерес». Другими словами, он не повторил ошибку Петра, который решил, что своими страданиями ради Христа он совершил акт наивысшего самопожертвования. Отдавая все Богу, взамен мы получаем во сто крат больше — Его славу.

«Я никогда ничем не жертвовал»

Четвертого декабря 1857 г. Дейвид Ливингстон, миссионер-первопроходец в Африке, произнес волнующую проповедь перед студентами Кембриджского университета. Из его

слов стало ясно, что за долгие годы своего служения он усвоил тот урок, который преподавал Петру Христос:

Что касается меня, я никогда не испытывал чувства разочарования от того, что Господь вверил мне это служение. От людей я только и слышу о жертве, которую я принес, проведя большую часть своей жизни в Африке. Можно ли это назвать жертвой? Ведь я всего лишь возвращаю Богу малую толику того, что Он мне дал. И я знаю, что никогда не смогу полностью расплатиться с Ним. Разве можно назвать жертвой то, что вознаграждается благотворной деятельностью и осознанием правоты своего дела, спокойствием души и надеждой на славную участь после смерти? Прочь подобные мысли и слова! Никакая это не жертва! Скорее это великое преимущество. Постоянные тревоги, болезни, страдания или опасности вдобавок к тем, которые происходят, когда мы окружены всевозможными удобствами, могут привести нас в замешательство; но они даны нам лишь на короткое мгновение. Все это обращается в ничто, когда мы вспоминаем о славе, которая откроется в нас. Я никогда ничем не жертвовал¹²⁵.

«Можно ли это назвать жертвой? Ведь я всего лишь возвращаю Богу малую толику того, что Он мне дал. И я знаю, что никогда не смогу полностью расплатиться с Ним» — эти слова, как мне кажется, он сказал напрасно. Полагаю, что не стоит характеризовать наше послушание как попытку (хотя и неосуществимую) расплатиться с Богом за Его благодать. Такое понимание противоречит сути и значению незаслуженной благодати. Его слова не только напрасны, но и несовместимы с тем, что он говорит далее. Ливингстон указывает, что послушание Богу — это в большей степени приобретение; оно исцеляет, дарит мир и надежду. Если мы не будем принимать во внимание его утверждение о полной расплате с Богом, это в еще большей степени подчеркнет Божью благодать. Действительно, мы не участвуем в торгах и не занимаемся куплей-продажей, ибо жизнь вечную мы получили как дар. Отметив это, сделаем особое ударение на его последней фразе: «Я никогда ничем не жертвовал».

Именно этому Иисус хотел научить Петра, когда укорял его за дух самопожертвования, а может, и жалости к самому себе. Главный стимул для того, чтобы предать себя делу пограничных миссий, заключен в возвращении инвестиций в размере 10 тыс. процентов. Миссионеры подтверждали это правило с самого начала христианской эры. И первым из них был апостол Павел.

Павел решительно заявлял, что почитает все за сор по сравнению с познанием Христа и страданием за Его имя:

Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа... чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его» (Флп. 3:7—10).

Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам (2 Кор. 4:7).

Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас (Рим. 8:18).

Сие же делаю для Евангелия, чтоб быть соучастником его (1 Кор. 9:23)¹²⁶.

Святые миссионеры — более всех других христианские гедонисты

Когда мы обращаемся к свидетельствам миссионеров, страдавших за Евангелие, мы поражаемся, как похожи они друг на друга. Во всех них, фактически, говорится о безграничной радости и стократном вознаграждении, ставшем преобладающим фактором в их жизни.

Колин Грант рассказывает о том, каким образом моравские братья, жившие в гористой местности в Саксонии, посылали миссионеров в центральные части Европы за шестьдесят лет до того, как Уильям Кэри начал свою деятельность в Индии.

С завидной решительностью в период между 1732-м и 1742 гг. они проникли в Западную Индию, Суринам, Северную Америку, Гренландию, Южную Африку, Китай и Персию — «ничего подобного не наблюдалось за всю эпоху постапостольского всемирного благовестия». Перечисляя характерные черты этого движения, Грант ставит на первое место «радостное послушание». «Послушание миссионеров из среды моравских братьев было прежде всего радостным и добровольным; это был „ответ здорового организма на закон своей жизни“»¹²⁷.

Эндрю Мюррей упоминает о «законе жизни» в своем классическом труде «Ключ к решению миссионерской задачи». Естественный порядок вещей показывает, что миссионер должен быть завоевателем душ: «Это существенная часть нового человека. Мы видим его в каждом ребенке, который любит рассказывать о своем счастье и убеждать других людей делиться своей радостью»¹²⁸. Миссионер переполнен любовью Христа. Ему доставляет удовольствие наполняться большей радостью в Боге, отдавая ее другим людям. Как отметила Лотти Мун: «Безусловно, нет большей радости, чем радость спасения душ»¹²⁹.

Лотти Мун содействовала успеху дела заграничных миссий среди женщин, представляющих церковь южных баптистов США. Того же самого добилась Эми Кармайкл среди женщин, представляющих разные христианские деноминации Великобритании. Она написала тридцать пять книг, в которых детально описала сорок пять лет своей жизни в Индии. Шервуд Эдди, миссионер-политик и писатель, хорошо знавший Эми Кармайкл, говорил: «Среди всех людей, которых я знал, Эми Уилсон Кармайкл была больше всего похожа на Христа... Отдав свою жизнь на алтарь радости, она благоухала так, как никто другой из тех, кого я знал»¹³⁰. Она с радостью отдавала себя в жертву Богу. Точно так же поступил и Христос после того, как укорил Петра за дух самопожертвования (Мк. 10:29,30).

Вся жизнь Джона Хайда, миссионера в Индии на рубеже XX в., более известного под прозвищем «Молящийся Хайд», была наполнена горячей молитвой. Некоторые считали его угрюмым. Однако одно из его жизнеописаний ярко свидетельствует, что основой его молитвенной жизни был истинный дух.

Одна мирская дама однажды решила посмеяться над мистером Хайдом и спросила его: «Не кажется ли вам, мистер Хайд, что танцующая женщина сможет попасть на небеса?» Он улыбнулся и спокойно ответил ей: «Я не знаю, каким образом женщина попадет на небеса, если она не танцует». После этого он стал рассказывать ей о радости в прощении грехов¹³¹.

Самьюэл Цвемер, прославившийся своей миссионерской деятельностью среди мусульман, приводит впечатляющие истории, свидетельствующие в пользу радости самопожертвования. В 1897 г. вместе со своей женой и двумя дочерьми он приплыл в Персидский залив, чтобы вести миссионерскую работу среди мусульман, проживающих в Бахрейне. Их усилия были в большинстве своем бесплодны. Температура воздуха регулярно поднималась до сорока градусов «в самой холодной части веранды». В июле 1904 г. обе его дочери, которым тогда было четыре и семь лет, умерли в течение восьми дней. И все же спустя пятьдесят лет, оглядываясь назад, Цвемер писал: «Неизреченная радость тех дней не канула в прошлое. Я был бы рад прожить такую жизнь еще раз»¹³².

Иисус укоряет нас за то, что нами овладевает дух жалости к самим себе. Этим Он преследует вполне конкретную цель — прославиться через смелую миссионерскую деятельность. Способ достижения этой цели выбран такой, при котором Он — милостивый покровитель, а мы — люди, пользующиеся Его дарами. Ему никогда не приходило на ум поменяться с нами ролями. Даже если наше призвание — быть миссионерами, мы по-прежнему остаемся пациентами нашего божественного Врача и нам все еще нужен хороший доктор. Мы зависимы от Него, и эта зависимость выражается в Его способности делать

через нас и в нас то, что не под силу людям. Можно пожертвовать чем-либо, чтобы стать подопечными нашего Врача. Однако приходим мы к Нему для того, чтобы обрести духовное здоровье, а не потому, что хотим выплатить Ему наш долг.

Лучшие миссионеры — инвалиды

На примере пациента и врача Дэндел Фуллер показывает, как успешные миссионеры избегают предположения о сотрудничестве с Богом:

Чтобы лучше понять, как строить христианскую жизнь и не впасть при этом в законничество, рассмотрим аналогию, призванную обратить наше внимание на то, что мы должны представлять себя на месте больных, нуждающихся в помощи доктора, чтобы выздороветь. Люди начинают свою жизнь с таким сильным чувством врожденного зла, что Иисус не без основания называет их «сыновьями геенны» (Мф. 23:15)... Иисус уподобляет Себя доктору, призванному лечить человеческие грехи (Мк. 2:17 и др.). Само имя «Иисус» указывает на то, что Его задача — спасти «людей Своих от грехов их» (Мф. 1:21). Когда мы отворачиваемся от суеты этого мира, чтобы возложить все наше упование на Бога и Его обетования, находящие свое исполнение в Иисусе Христе, Господь как бы помещает нас в Свою больницу, чтобы излечить нас от отвратительных пороков... Истинная вера не только дает нам ощущение уверенности в том, что все наши грехи были прощены. Она также означает, что мы доверяем Божьим обетованиям, гласящим, что вечность нам сулит неземное счастье. То же самое можно сказать, обратившись к медицинской терминологии: мы должны доверить свои болезни Христу, величайшему Врачу, будучи уверенными, что Он не покинет нас до тех пор, пока не превратит нашу греховность в благочестие.

Из используемой нами аналогии можно сделать одно интересное заключение. Предписывая всем своим пациентам некие общие лекарственные препараты, доктор, в зависимости от нужд каждого своего пациента, устанавливает также индивидуальный клинический режим. Так, некоторым Он рекомендует покинуть свою родину, чтобы возвещать Евангелие чужим народам. В этих

обстоятельствах у людей может возникнуть искушение считать, что они — Божьи герои, поскольку, видите ли, покинули свою родину и теперь подвергаются опасности, живя в чужой земле (в этом состояла проблема Петра). Призванные выполнять трудную работу для Бога должны постоянно напоминать себе, что опасности, которым они подвергаются, необходимы для их выздоровления. Когда в результате обрушившихся на них напастей они уподобятся Христу, из их уст зазвучит песнь хвалы Богу, и в конечном счете «увидят многие, и убоятся, и будут уповать на Господа» (Пс. 39:4). Самыми лучшими миссионерами становятся те люди, которые считают себя скорее инвалидами, нежели героями¹³³.

Ради укрепления нашей святой веры

Пусть для самоуверенных и себялюбивых секулярных людей это и звучит странно, о своем труде многие миссионеры говорили именно в медицинских терминах. Основатель иезуитского миссионерского движения Франциск Ксавьер (1506—1552), служивший в Индии и Японии, всегда стремился к полноценной жизни с Богом. Он умер на сорок шестом году своей жизни, дожидаясь разрешения посетить закрытый Китай. Обратите внимание на аналогию «врач — пациент», когда будете читать одно из его последних писем, в котором выражается желание посетить Китай. Не нужно преуменьшать серьезные богословские проблемы, существовавшие в Римско-католической церкви в XVI в., чтобы распознать истину в мотивациях этого миссионера.

Самая большая опасность заключается в потере доверия и уверенности в благодати Божьей, ради любви и служения Которого мы раскрыли закон Иисуса Христа, Его Сына, нашего Искупителя и Господа, что Ему хорошо известно... Разочароваться в Нем было бы ужаснее, чем претерпеть любое физическое зло, которое наносят нам все Божьи враги, так как без пощения Христова ни демоны, ни их приспешники на земле не смогли бы и в малейшей степени помешать нам... Потому нам во что бы то ни стало суждено отправиться в Китай, и я

верю, что окончание нашего путешествия *укрепит нашу святую веру*, сколько бы дьявол и его слуги не преследовали нас. Если Бог за нас, кто может быть против нас?¹³⁴

Вначале следует ожидать, а затем — стремиться

На первый взгляд может показаться, что Уильям Кэри был исключением из тех миссионеров, которые считали свое служение Богу способом излечиться от духовной проказы греха. Тридцать первого мая 1792 г., в среду, он прочитал свою известную проповедь, лейтмотивом которой послужил отрывок из Ис. 54:2,3 («Распространи место шатра твоего, расширь покровы жилищ твоих; не стесняйся, пусти длиннее верви твои, и утверди колья твои. Ибо ты распространишься направо и налево, и потомство твое завладеет народами и населит опустошенные города»). В ней он произнес слова, ставшие впоследствии знаменитыми: «Ожидайте великого от Бога; стремитесь к великому ради Бога». Говорит ли такое больной человек о своих отношениях с врачом-терапевтом?

Разумеется, говорит. Когда физиотерапевт говорит своему частично парализованному пациенту: «Возьмись за меня и встань со своего кресла», больной должен вначале довериться своему врачу и «ожидать серьезной помощи». Толкование, которое дает Мэри Дрюери девизу Кэри, невероятно совпадает с его истинными намерениями:

Осознав свое призвание быть миссионером, Кэри полностью возложил на Господа свой путь и свои нужды. «Ожидайте великого от Бога» было первой частью его призыва на Ноттингемском собрании в 1792 г. И хотя ожидания не всегда соответствовали желаниям Кэри, он, тем не менее, провозгласил, что поддержка, степень которой будет постоянно возрастать, непременно придет. Поэтому он смог «достичь великого ради Бога». Благословения не были наградой за его труд — они были необходимым условием для успешного выполнения поставленных задач¹³⁵.

Подтверждением правильности такой трактовки могут служить слова, которые, как мы уже видели, сам Кэри попросил выгравировать на своей могильной плите: «Презренным, жалким и беспомощным червяком я попал в Твои милосердные руки». В этих словах мы видим превосходное описание больного и его доброго, любящего врача. Это было справедливо в жизни («Ожидайте великого от Бога»); это стало справедливым и в смерти («Я попал в Твои милосердные руки»).

Покой Хадсона Тейлора

То же самое можно сказать и о Хадсоне Тейлоре, основателе Китайской внутренней миссии. Его сын в 1932 г. написал небольшую книгу, озаглавив ее «Духовный секрет Хадсона Тейлора». Секрет этот прост — Хадсон Тейлор научился быть счастливым пациентом в больнице жизни нашего Спасителя.

Зачастую те, кого мучила бессонница в маленьком доме в Чинкианге, могли слышать, как в два или три часа утра мистер Тейлор тихо напевал свой любимый гимн («Иисус, я нахожу покой в радости от того, Кто Ты есть...»). Он понял, что для него была возможна только одна жизнь — благословенная жизнь покоя и радости в Господе, какие бы обстоятельства ни окружали его, даже если ему приходилось сталкиваться с разнообразными проблемами, как внутренними, так и внешними, как сложными, так и простыми¹³⁶.

Бесспорно, любое лечение болезненно. «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14:22). На это указывал Иисус, когда учил, что стократные плоды нашего лечения в миссионерской деятельности будут сопровождаться гонениями (Мк. 10:30). Не надо быть наивным. Для некоторых лечение включает в себя даже смерть, поскольку больница соединяет небо и землю: «Прежде же всего того возложат на вас руки и будут гнать вас... <...> ...И некоторых из вас умертвят... <...> Но и волос с головы вашей не пропадет. Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21:12,16,18,19)-

У смерти приятные имена

По этой причине миссионеры-мученики часто давали смерти приятные имена. «Хотя кроме твердого завтрака у нас ничего нет, мы будем вкушать превосходный обед; мы очень скоро окажемся на небесах»¹³⁷. Миссионеру, верному Господу и считавшему себя пациентом в Его больнице, обещано, что и в этой жизни, посреди гонений, и в жизни грядущей его ждет стократное улучшение.

Миссионеры — это не те герои, которые хвастаются своим самопожертвованием. Они — христианские гедонисты в истинном смысле этого слова. Они знают, что боевой клич христианского гедонизма — это миссионерское дело. Посвятив себя Христу и Евангелию, они испытали в своей жизни радость и удовлетворение, в тысячу раз превышающие радость и удовлетворение от жизни, наполненной поверхностными удобствами, наслаждениями и достижениями. Они близко приняли к сердцу укор Христа: опасайтесь иметь такой дух жертвы, который проникается жалостью к самому себе. Миссии приносят нам стократный плод.

Заклучение и увещание

В этой главе мной были изложены две побудительные причины, чтобы на закате XX в. стать христианином с широким кругозором и посвятить себя делу пограничных миссий.

1. Невозможное людям возможно Богу (Мк. 10:27). Обращение самых закоренелых грешников — дело рук Бога, который строго придерживается Своего суверенного замысла. Нам не нужно бояться нашей слабости. Эту битву ведет Господь, и победа будет за Ним.

2. Христос обещает, что будет работать для нас. Поэтому, когда наш труд как миссионеров закончится, у нас не будет возможности сказать, что мы пожертвовали всем (Мк. 10:29,30).

Если мы следуем Его предписаниям, касающимся миссионерской деятельности, мы обнаруживаем, что даже болезненные результаты улучшают наше положение. Наше духовное здоровье и наша радость укрепляются стократно. Когда же мы умираем, то получаем жизнь вечную.

Я не призываю вас отказываться от мужества и жертвы ради Христа. Я призываю вас отречься от всего, что у вас есть, чтобы получить жизнь, которая удовлетворит все ваши глубочайшие желания. Я обращаюсь к вам с просьбой почесть все за сор ради превосходства служения Царю царей. Я умоляю вас снять с себя лохмотья и облечься в одежды Божьих посланников. Вам не избежать гонений и лишений, но помните о радости! «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:10).

Восьмого января 1956 г. пять индейцев эквадорского племени аука убили Джима Эллиота и еще четырех миссионеров, сопровождавших его, когда они пытались донести Благую весть до шестидесяти человек из племени аука. Пять молодых жен потеряли своих мужей, а девять детей — своих отцов. Элизабет Эллиот писала, что мир назвал это кошмарной трагедией. И она добавила: «Мир не понял всю суть второго предложения в жизненном кредо Эллиота:

Не глуп тот, кто отдает то, что не может удержать,
Чтобы получить то, что не может потерять»¹³⁸.

Страдание

*Жертвоприношение
христианского гедонизма*

В ногах у мученика за веру

Никогда в своей жизни я не испытывал того, что однажды довелось пережить, сидя у ног Ричарда Вурмбранда. Я в буквальном смысле этого слова сидел у его ног. Он снял ботинки и присел на стул, стоявший на небольшом возвышении в баптистской церкви «Благодать», в южном Миннеаполисе (США). (Позднее я узнал, что во время пыток в румынской тюрьме его ноги были чрезвычайно травмированы.) Перед ним сидело около дюжины пасторов. Он же говорил о страданиях, раз за разом повторяя, что Иисус «избрал» страдания. Они не свалились на него неожиданно-негаданно. Он «избрал» их. «Никто не отнимает ее [жизнь] у Меня, но Я Сам отдаю ее» (Ин. 10:18). Он спросил у нас, готовы ли мы страдать ради Христа.

В книге Вурмбранда «Достигая высот», в которой исследуются вопросы духовной жизни, дается краткое описание его жизни. Ричард Вурмбранд родился в 1909 г. в Румынии. Несмотря на свои еврейские корни, он стал пастором Евангелическо-лютеранской церкви. Когда в 1945 г. коммунисты захватили его родную страну, он стал руководителем подпольной церкви. Три года спустя он был арестован вместе со своей Женой Сабиной и в течение последующих четырнадцати лет отбывал срок в тюрьме, включая и те три года, когда он находился в одиночной камере, расположенной глубоко под землей, где он не видел ни солнца, ни звезд, ни цветов. Он не видел никого, кроме своих стражей и палачей. Его друзья-христиане из Норвегии выкупили его в 1964 г. за 10 тыс. долларов¹³⁹.

Если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков.

1 Кор. 15:19

Тебя хвалит пресветлое мученическое воинство.

Гимн «Te Deum»

Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за тело Его, которое есть Церковь.

Кол. 1:24

Насколько прекрасна жертва?

Он рассказал нам об одном аббате-цистерианце, давшем интервью по итальянскому телевидению. Журналист очень интересовался некоторыми цистерианскими традициями, в частности обетом послушания и отшельничества. Он спросил аббата: «Как бы вы поступили, если под конец своей жизни осознали бы всю правоту атеистического мировоззрения — что Бога в действительности нет?»

Аббат ответил: «Святость, молчание и жертва прекрасны сами по себе, без обещания получить за них вознаграждение. Я все равно прожил бы свою жизнь достойно».

Беглое знакомство со смыслом жизни сильно повлияло на мое отношение к страданию. Сперва ответ аббата меня поразило: казалось, его отношение к славе было поверхностным и выдуманным. Однако такой вывод меня не удовлетворил. Я не мог понять, что не сходится в его ответе. Затем я подумал об апостоле Павле, великом христианском мученике, и был просто ошеломлен от того, как сильно отличаются во взглядах на жизнь он и аббат.

Ответ Павла на вопрос журналиста кардинально отличался бы от ответа, который дал аббат. Был задан вопрос: «Как бы вы отнеслись к своей жизни, если бы в конце концов узнали, что она покоится на ложном фундаменте, а Бога в действительности нет?» Аббат ответил на него, в сущности, так: «Я бы все равно считал, что прожил свою жизнь достойно». Но Павел, отвечая на этот вопрос, сказал бы: «Если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех людей» (1 Кор. 15:19). Его ответ противоположен ответу, который дал аббат.

Почему между Павлом и монахом такая разница? Почему Павел не сказал: «Пусть Христос не воскрес из мертвых, и Бога нет, жизнь, наполненная любовью, изнурительным трудом, жертвами и страданиями, все равно хороша?» Почему бы ему

не сказать, что нам не о чем сожалеть, даже если нет воскресения из мертвых? Вместо этого, он говорит, что если наша надежда на Христа в итоге окажется тщетной, то мы будем несчастнее всех остальных людей.

Становится ли жизнь лучше, если мы надеемся на Христа?

Это чрезвычайно важный вопрос для христианской церкви и, в частности, для таких богатых и комфортабельных мест, как Америка и Западная Европа. Сколь часто мы слышим, как христиане говорят, что вера в Бога делает жизнь легче? Недавно я слышал, как один профессиональный футболист рассказывал о своей духовной жизни. После молитвы «принятия Христа», он вновь стал хорошо относиться к игре и испытал чувство гордости, когда его команда установила восемь новых рекордов. И все это потому, что он мог каждое воскресенье выходить на стадион и полностью отдаваться игре.

Кажется, что большинство христиан, живущих в преуспевающих странах Запада, говорят о благах христианства так, как будто они делают их жизнь лучше, вне зависимости от того, есть Бог и воскресение из мертвых или нет. Поразмыслим обо всех благах в области психологии и отношений между людьми. Безусловно, они нисколько не противоречат Библии, поскольку любовь, радость и мир — это плоды Святого Духа. Следовательно, если мы обретаем любовь, а также получаем радость и мир, веря в психологию или межличностные взаимоотношения, разве наша жизнь не становится прекрасной, даже если покоится на ложном основании? Почему мы должны сожалеть об этом?

Ошибался ли в таком случае Павел? Жил ли он в изобилии? Почему он сказал, что если нет воскресения, то мы несчастнее всех остальных людей? Успешная жизнь, наполненная радостными, доставляющими удовольствие иллюзиями, не выглядит Достойной сожаления, если эти иллюзии не делают различие

между тем, каково будет наше будущее. Если наши ложные представления обращают бесцельность в счастье, то зачем нам отказываться от них?

Ответ представляется очевидным: Павел не считал, что христианская жизнь — это легкая жизнь в достатке. Наоборот, христианская жизнь — это добровольное избрание страданий, которые превышают все то, что мы обычно испытываем в нашей обыденной жизни. Вера Павла в Бога, его уверенность в воскресении из мертвых и его надежда на вечное общение с Христом еще не делают его жизнь комфортабельной и легкой, которая доставляла бы удовольствие даже в том случае, если бы воскресение было только мифом. Напротив, следствием его веры становится жизнь, в которой страдания избираются добровольно. Конечно же, нам введома невыразимая радость. Однако эта радость есть «радость в надежде» (Рим. 12:12)*. И эта надежда позволяет ему принимать страдания, которые бы он никогда добровольно не принял, не верь он в воскрешение, и себя, и тех, за кого он страдает. Если воскресения из мертвых нет, тогда выбор Павла — отдать себя в жертву — сам по себе достоин сожаления.

Действительно, в его страданиях был заложен глубокий смысл; в них присутствовала радость. Однако без радостной надежды, которую он питал, подвергаясь страданиям, не было бы самой радости. Павел сам пишет об этом римлянам: «И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности *надежда*» (Рим. 5:3,4). Следовательно, в страданиях *присутствует* радость. Тем не менее радостными мы становимся потому, что страдания укрепляют нашу надежду. Но если надежды нет, то Павел поступает безрассудно, когда принимает страдания, и еще более безрассудно, если радуется им. Но надежда все же есть, и потому Павел избирает такую

* Цит. по Новому Завету в переводе епископа Кассиана. — *Примеч. пер.*

жизнь, которая была бы безрассудной и достойной сожаления, если бы за порогом смерти не существовала надежда на радость. Он утвердительно отвечает на вопрос Ричарда Вурмбрана. Он избирает жизнь, полную страданий.

Есть ли разница между конфликтной ситуацией и смертельной болезнью?

Отвлечемся на некоторое время от хода нашей беседы. Кто-то может спросить: «Что вы можете сказать о страданиях, которые не были предметом моего желания? Таких страданиях, как рак, смерть моего ребенка в дорожно-транспортном происшествии или тяжелая депрессия? Именно об этих страданиях говорится в этой главе?» На этот вопрос я отвечаю так: эта глава главным образом говорит о страданиях, которые христиане принимают отчасти вследствие своего выбора, — в опасных ситуациях публично демонстрировать, кто они такие. А так или иначе, все ситуации можно назвать опасными.

Однако между болезнью и гонениями есть и более глубокое различие. В отличие от болезни, гонения — это намеренные враждебные действия со стороны тех, кто знает, что мы христиане. Поэтому в определенных ситуациях публичное заявление о своей христианской вере означает избрание такого образа жизни, при котором мы добровольно принимаем страдания, если такова Божья воля (1 Пет. 4:19). Но страдания могут преследовать христианина и тогда, когда со стороны неверующих не предпринимается никаких враждебных действий. Так, христианин, служа в местности, где свирепствует болезнь, может и сам заразиться. Это и есть страдание, хотя к «гонениям» оно не имеет никакого отношения. Христианин, решивший служить в таком месте, добровольно выбирает страдания, если Господу будет угодно послать их. Однако причина не во враждебности других людей.

Но если присмотреться повнимательнее, то в действительности вся жизнь христианина — если он живет искренно по вере, стремясь к Божьей славе и спасению других людей, — напоминает служение в местности, охваченной болезнью. Наши страдания — это отчасти расплата за ту жизнь, которую мы проводим в послушании Божьему призыву. Выбирая крест Христов, мы тем самым обязуемся нести его до конца. Поэтому страдания, сопутствующие послушанию, следует воспринимать как страдания с Христом и ради Христа, будь это смертельная болезнь или конфликтная ситуация. Страдания «избирают», т. е. мы должны охотно следовать по пути послушания Христу, где нас и ожидают страдания. Но при этом нам запрещено роптать на Бога. Можно молиться, как это делал Павел, чтобы страдания были удалены от нас (2 Кор. 12:8). Но если Бог того пожелает, мы в конце концов должны принять их как часть цены за ученичество, которое представляет собой один из аспектов послушания.

Христианин страдает с Христом и ради Христа

Все страдания на пути послушания, будь то гонение, болезнь или несчастный случай, имеют один общий признак: они угрожают нашей вере в благодать Божью и соблазняют нас, чтобы мы оставили путь послушания. Поэтому каждое проявление торжества веры и твердости в послушании становятся свидетельством Божьей благодати и любви Христа, даже если наш враг — болезнь, сатана, грех или диверсия.

Поэтому любые страдания, которые христианин встречает на своем пути, — это страдания «с Христом» и «ради Христа». Под страданиями «с Ним» подразумеваются такие страдания, которые мы испытываем, находясь с Ним по вере, и которые можем сносить, получая от Него силу как от Того, Кто в Своем первосвященническом служении может сострадать нам в наших немощах (Евр. 4:15). Под страданиями «ради

Него» подразумеваются такие страдания, которые доказывают и удостоверяют нашу верность Его благодати, демонстрируя, что Он — наше самодостаточное вознаграждение.

Цель страданий: Божья и сатанинская

Такие виды страданий, как болезнь или гонения, имеют еще один общий признак: сатана желает использовать их, чтобы уничтожить нашу веру, но Бог использует их для того, чтобы очистить ее.

Рассмотрим вначале гонения. Павел разъясняет причины своей заботы о фессалоникских христианах перед надвигающимися гонениями:

Ибо мы и тогда, как были у вас, предсказывали вам, что будем страдать, как и случилось, и вы знаете. Посему и я, не терпя более, послал узнать о вере вашей, чтобы как не искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш (1 Фес. 3:4,5).

Из слов апостола ясно, что замысел «искусителя» заключается в том, чтобы уничтожить веру.

Однако не только сатана преследует свои цели в этом деле. Бог властвует над сатаной, позволяя ему делать только то, что приводит к исполнению Его вечных замыслов. Его цели противоположны целям сатаны, даже если страдание, которое испытывает человек, одно и то же. Например, автор Послания к Евреям убеждает своих читателей не отчаиваться в искушениях, поскольку ими Бог преследует Свои благие цели.

Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими. Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: «сын мой! не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» [Прит. 3:11,12]. <...> Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности (Евр. 12:3-6,11).

Такой вид страдания имеет своей причиной враждебность со стороны грешников. Это означает, что и сатана участвует в этом, как он участвовал в мучениях Иисуса (Лк. 22:3). Тем не менее Библия говорит, что страданиями управляет Господь, Который, как любящий Отец, использует их в качестве очистительного наказания. Следовательно, сатана использует гонения для одних целей, а Бог — для других.

Те же самые рассуждения справедливы и в отношении болезни. Апостол Павел выявляет как цель сатаны, так и цель Бога, обращаясь к коринфским верующим:

И чтоб я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтоб я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа: ибо, когда я немощен, тогда силен (2 Кор. 12:7-10).

В этом отрывке физический недуг Павла — жало в плоти — назван «ангелом сатаны». Однако цель этих страданий заключается в том, чтобы Павел «не превозносился», что никогда не могло бы быть целью сатаны. Поэтому этот отрывок учит нас тому, что любящий Христос достигает Своих суверенных целей — очищения Своего народа, одерживая победу над разрушительными замыслами сатаны. Дьявол всегда стремится разрушить нашу веру, тогда как Христос превозносится через нашу немощь.

Есть ли разница между страданиями, вызванными гонениями, и страданиями из-за болезней?

Другая причина, по которой не стоит проводить сильное различие между гонениями и болезнями, заключается в том,

что страдания, ими вызываемые, не всегда сильно разнятся между собой. Спустя десятилетия после пыток, которые он терпел ради Христа в румынской тюрьме, Ричард Вурмбранд все еще страдал от физических последствий жестокого с ним обращения. «Страдал» ли он, когда спустя тридцать лет его по-прежнему мучили боли в ступнях? Или возьмем другой пример: Павел. Среди тех страданий, которые он испытал, будучи «слугой Божиим», он перечисляет три кораблекрушения, во время одного из которых он был день и ночь «во глубине морской». К страданиям ради Христа он также относит и те ситуации, когда он был «в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготы» (2 Кор. 11:25,27).

Допустим, что в результате напряженной работы и из-за наготы он получил воспаление легких. Можно ли было отнести эту болезнь к «гонениям»? Павел не проводит различий между побоями, и кораблекрушением, и своими поездками во время стужи. Все страдания, которые он испытывает как слуга Христа, представляют собой «цену» ученичества. Когда ребенок миссионера страдает диареей, мы считаем, что тем самым платится цена за верность. Но ту же самую цену платит и родитель, если поступает по Божьей воле. **Страдания становятся страданиями «с» Христом и «ради» Христа не оттого, что замышляют против нас враги, а оттого, насколько мы верны Богу. Если мы — христиане, тогда все, что с нами происходит, по причине ли ферментов, или наших врагов, прославляет Бога и идет во благо нам.**

Выбор между обжорством и воскресением из мертвых

Возвратимся теперь к поразительному утверждению, которое апостол Павел делает в 1 Кор. 15:19. Если нет воскресения из мертвых, говорит он, то жизнь, которую он избрал, достойна сожаления. Иными словами, христианство в понимании

Павла — это не лучший способ извлечь из удовольствий жизни максимальную пользу, если за настоящей жизнью ничего больше нет. «Если мертвые не воскресают, — восклицает апостол, — станем есть и пить, ибо завтра умрем!» (1 Кор. 15:32). Он не настолько наивен, чтобы говорить здесь о чистом эпикурействе или чревоугодии. Тот, кто был в зависимости от алкоголя или обжорства, знает, что ни то, ни другое не может считаться лучшим способом извлечения максимальной пользы из удовольствий жизни. Алкоголики и обжоры достойны сожаления, как достойны сожаления христиане, если нет воскресения из мертвых.

Что же Павел имеет в виду, когда говорит «станем есть и пить, ибо завтра умрем»? Этим он хочет сказать, что без надежды на воскресение можно лишь стремиться к земным удовольствиям, пренебрегая экстраординарными страданиями и даже избегая их. Став христианином, Павел отверг такую жизнь. Следовательно, если бы мертвые не воскресали, а Бога и небесной жизни не существовало бы, то апостол не причинял бы своему телу такие страдания. Он бы не отказывался от заработанных денег, предпочитая делать палатки. Он бы не дал подвергнуть себя пятикратному бичеванию по 39 ударов. Он бы не подвергся ударам палками, не рисковал бы своей жизнью из-за разбойников или озлобленной толпы, а также в пустыне, на реках, в городах и на морях. Он не проводил бы бессонные ночи из-за стужи или наготы. Он не терпел бы так долго вероотступничество и лицемерие отдельных христиан (2 Кор. 11:23—29). Вместо этого, он проводил бы жизнь, пользуясь всеми удобствами, как уважаемый иудей и имея все преимущества, предоставляемые римским гражданам.

Когда Павел говорит «если мертвые не воскресают, станем есть и пить», он не призывает к распутной жизни. Существует естественной, простой, удобный и обычный образ жизни, говорит он, и мы можем вести его, не беспокоясь о рае, аде, грехе или Божьей святости, при одном важном условии:

если нет воскресения из мертвых. Более всего удивляет то, что многие искренние верующие стремятся, как представляется, именно к такому образу жизни, от которого отказался апостол, и называют его христианским.

Апостол не считал, что Христос — это ключ к приобретению в земной жизни наибольших материальных благ и удовольствий. Напротив, в своей вере в Христа Павел видел призыв к добровольным страданиям, которые по своему значению превышали бы то, что делает атеизм «важным», «прекрасным» или «героическим». В этих страданиях не было бы никакого смысла, если бы не было воскресения из мертвых в радостное Божье присутствие.

Невероятно, но западную цивилизацию можно обвинять в этом

То, что я в конце концов увидел в истории о цистерианском аббате, просто ошеломило меня. Точка зрения Павла коренным образом отличалась от мировоззрения западного человека и словно бы обвиняла его. Преувеличиваю ли я? Вам, мои читатели, судить об этом. Сколько вы знаете христиан, которые бы могли сказать: «Образ жизни, который я, как христианин, избрал для себя, жалок и бессмыслен, если нет воскресения из мертвых»? Сколько христиан могут заявить: «Страдания, которые я добровольно избрал ради Христа, делают мою жизнь достойной сожаления, если не произойдет воскресения из мертвых»? На мой взгляд, подобные вопросы шокируют современного христианина.

Христианство — это жизнь в добровольных страданиях

«И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор. 15:19). Жизнь христианина на земле, по мысли Павла, должна была протекать

в добровольных страданиях, чтобы в жизни грядущей мы могли обрести радость общения с Христом. Павел пишет:

Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая чрез веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых (Флп. 3:7-11)

Повторю снова: призыв Христа — это призыв вести такую жизнь, в которой мы отказываемся от себя и принимаем страдания. Эта жизнь была бы бессмысленной, если бы не было воскресения из мертвых. Павел учит, что мы должны сделать сознательный выбор. Прислушаемся к словам, в которых слышны нотки протеста: «Если мертвые совсем не воскресают... Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям? Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалю вашу, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем» (1 Кор. 15:29—31). **Павел избрал такую жизнь. В его словах слышны нотки «протеста», потому что он не должен вести ее. Он добровольно избирает ее.** Он ежечасно подвергается бедствиям! Каждый день он умирает! Это и побуждает его говорить, что если нет воскресения из мертвых, то жизнь, которую он ведет, достойна сожаления. Он встает на путь, на котором его ежедневно ждут беды и болезни. Он умирает каждый день.

Почему Павел избирает такую жизнь?

В этом есть что-то странное. Обычно люди избегают страданий. Мы переезжаем в более безопасное для проживания место с умеренным климатом. Мы тратим деньги на кондиционеры и фильтры воды, покупаем лекарства, прячемся от

дождя, сторонимся темных закоулков. Мы привычно избегаем такого образа жизни, из-за которого нам придется подвергаться бедствиям каждый день. Однако жизнь Павла выпадает из общего правила. Даже красочная реклама не может соблазнить нас такой участью.

Что же в таком случае побуждало Павла умножать свои страдания за Христа (1 Кор. 1:5) и быть безумным ради Него (1 Кор. 4:10)? Почему он избрал голод и жажду, наготу и побои, скитания и злословия, гонения и хулу, словно бы он — сор для мира и прах, всеми попираемый (1 Кор. 4:11—13)?

*Я покажу ему,
сколько он должен пострадать за имя Мое*

Возможно, он просто подчинялся указаниям, которые Христос дал в Книге Деяний. Когда Иисус послал Ананию к Павлу, ослепнувшему по дороге в Дамаск, Он сказал ему: «Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами и царями и сынами Израилевыми; и **Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое**» (Деян. 9:15,16). Иными словами, страдания были частью апостольского призвания, которое получил Павел. Чтобы быть верным этому призванию, он должен был принять дарованное ему Христом, т. е. сильные страдания.

Я не случайно употребляю слово «дарованное». В Послании к Филиппийцам Павел называет страдания даром, сравнивая их с верой. «Вам дано [echaristhe—то же, что «даром дано»] ради Христа не только веровать в Него, но и *страдать* за Него» (Флп. 1:29). Тем не менее Павел признает, что «дар», данный ему для апостольского служения, не ограничивается им одним. Он дан всем верующим в Филиппах. Он дан всей Церкви.

То, что страдания — это дар, который нужно принимать, поняли и другие люди. Так, Александр Солженицын называл время, которое он провел в тюрьме, даром: «Только тогда, когда я лежал на гнилой тюремной лежанке, я почувствовал

в себе первое доброе побуждение. Постепенно я пришел к убеждению, что грань, отделяющая добро от зла, стирается; но эта грань проходит не между государствами, классами людей или политическими партиями, но между каждым человеческим сердцем и всеми человеческими сердцами... Я благодарен тюрьме за то, что она была в моей жизни»¹⁴⁰. Солженицын может подтвердить слова Павла о том, что страдания — это дар, предназначенный не только для апостолов, но и для каждого христианина.

Своими страданиями Павел доказывал, что он — просто христианин

В таком случае возникает вопрос: принял ли Павел страдания по той причине, что они — видимое подтверждение его верности Христу? Иисус сказал: «Если кто хочет идти за Мною, отвертись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк. 9:23,24). Поэтому нельзя быть истинным христианином, не неся крест и не умирая *ежедневно*, и учение Иисуса воскрешает в нашей памяти слова апостола: «Я каждый день умираю» (1 Кор. 15:31). Кроме того, Иисус говорит Своим ученикам: «Раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше» (Ин. 15:20). Следовательно, было бы странно, если бы Павел не разделял страдания, которые испытывал Христос. Спаситель нарисовал перед Своими последователями страшную картину их служения: «Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков» (Лк. 10:3). Он обещает: «Преданы также будете и родителями и братьями, и родственниками и друзьями, и некоторых из вас умертвят... Вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое» (Лк. 21:16; Мф. 24:9).

Разумеется, Павел не считал, что обещания о неизбежных страданиях ограничены лишь двенадцатью апостолами, по-

скольку от него они передаются и церквам, которые он основал. Так, он увещевает тех, кого обратил к вере, следующими словами: «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14:22). Он одобряет верующих в Фессалониках, подвергавшихся страданиям, призывая их к тому, «чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено» (1 Фес. 3:3). А обращаясь к Тимофею, он выводит общий принцип: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3:12). Говоря о своих страданиях, он не видит в них ничего исключительного, напротив, он пишет церквам: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4:16). Поэтому было бы понятно, если бы Павел принял страдания просто по той причине, что они подтверждают его статус ученика Христа. «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15:20).

Отучить христиан от самоуверенности

Поскольку Павел верил, что страдания составляют неотъемлемую часть христианской жизни, он поставил перед собой задачу понять, почему это так. Его собственные страдания помогли ему понять глубину Божьей любви к Своим детям. Так он осознал, что Бог заставляет нас страдать для того, чтобы отучить нас от самоуверенности и научить надеяться только на Него одного. Перенеся в Азии тяжкие испытания, он писал: «Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Азии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, *для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога*, воскрешающего мертвых» (2 Кор. 1:8,9). Цель всех страданий христиан одна: научиться искать счастье в Боге, а не в себе или в этом мире.

Я еще никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил: «Только тогда по-настоящему начинаешь понимать жизнь, когда тебе удобно и легко». Напротив, Божьи святые говорили

следующее: «Любое более или менее значительное достижение, которое я сделал, постигая глубины Божьей любви и укрепляя общение с Ним, стало возможным благодаря страданиям». Самьюэл Резерфорд признавался, что когда он входил в «погреб несчастий», он вспоминал, что сам Царь пил там Свое вино. А Чарлз Сперджен говорил, что тот, кто ныряет в океан несчастий, находит редкую по красоте жемчужину.

Христос — главное удовольствие в жизни

Самая драгоценная жемчужина — это слава Христа. Поэтому Павел подчеркивает, что в наших страданиях возвеличивается слава совершенной благодати Христовой. Если мы, охваченные горем, полагаемся на Него и укрепляем Им нашу «радость в надежде», то тем самым мы исповедуем, что Его благодать и сила совершенны. Если мы крепко доверяем Ему в те моменты, когда все вокруг нас рушится, мы тем самым показываем, что Он более драгоценен для нас, чем все, потерянное нами. Христос сказал страдающему апостолу: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо *сила Моя совершается в немощи*», и апостол ответил на это следующим образом: «Потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы *обитала во мне сила Христова*. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор. 12:9,10). Поэтому страдания предназначены Богом не только для того, чтобы отучить христиан от самоуверенности и научить их верить себя благодати Божьей, но и чтобы выделить ее среди всего прочего. Это именно то, что делает вера; она возвеличивает будущую благодать Христову.

В страданиях открывается вся глубина жизни во Христе. Поэтому не миновали они и Иисуса, ибо, «хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию» (Евр. 5:8). В той же самой книге говорится о том, что Иисус никогда не грешил

(Евр. 4:15). Поэтому «навык послушанию» указывает не на поворот от непослушания к послушанию, а на постоянный рост послушания, на проникновение в глубины такого повиновения Богу, которого в противном случае от нас бы и не требовалось.

То, что не передать словами

Размышляя о путях Господних, Павел понял, что должен следовать за Ним. И именно здесь я был вновь поражен словами Павла. Описывая связь между страданиями Христа и своими собственными страданиями, апостол говорит то, что невозможно постичь. Христианам в Колоссах он пишет: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1:24). Возможно, именно в этом заключается основная причина того, почему Павел добровольно избрал жизнь, наполненную страданиями. Эти слова исполнили меня непреодолимым желанием служить Церкви Иисуса Христа. О если бы мы все приняли неизбежные страдания, предназначенные для продвижения Царства Христова в этом мире!

Как мы можем восполнить страдания Христа?

Что имеет в виду Павел, когда говорит: «Восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых» (Кол. 1:24)? Разве этим он не преуменьшает совершенное достоинство искупительной смерти Иисуса Христа? Разве не сам Иисус сказал: «Совершилось» (Ин. 19:30) и разве не истинно то, что «Он одним приношением *навсегда сделал совершенными* освящаемых» (Евр. 10:14)? А как понимать в таком случае эти слова: «Со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление» (Евр. 9:12)? Конечно же, Павел

верил в то, что страдания Христовы были совершенны и служили достаточным основанием для нашего оправдания. Мы «оправданы Кровию Его» (Рим. 5:9), говорил он, а Христос избрал страдания и был «послушным даже до смерти» (Флп. 2:8). Послушание страданиям было достаточным основанием для нашего оправдания в глазах Божьих. «Как непослушанием одного человека [Адама] сделались многие грешными, так и послушанием одного [Христа] сделаются праведными многие» (Рим. 5:19). Павел отнюдь не считает, что его страдания чем-то дополняют искупительное достоинство Христовых страданий.

Это место имеет лучшее толкование. Страдания Павла восполняют Христовы страдания не добавлением к ним чего-либо, а передачей их людям, ради спасения которых эти страдания были совершены. В страданиях Христа нет несовершенства, и они достаточны для того, чтобы покрыть грехи всех верующих. Но в них есть недостаток в том смысле, что их безграничная ценность еще неизвестна миру. Их значение по-прежнему сокрыто от понимания большинства людей. Божье намерение в том и заключается, чтобы эта тайна была явлена всем народам. Поэтому страдания Христа «недостаточны» в том смысле, что многие народы до сих пор не знают о них ничего и не прониклись к ним любовью. Эти страдания должны нести служители Слова, которые «восполняют» недостаток страданий Христовых, передавая их другим людям.

Поступок Епафродита — ключ к решению проблемы

В Флп. 2:30 используются похожие выражения, что подтверждает предложенное нами выше толкование. В Филиппийской церкви был человек, которого звали Епафродит. Когда церковь решила поддержать служение Павла (деньгами, материальными ресурсами или книгами), Епафродиту предложили передать эту помощь Павлу, который в то время

находился в Риме. По пути Епафродит едва не расстался со своей жизнью. Он заболел и был фактически при смерти, но Бог помиловал его (Флп. 2:27).

Поэтому Павел призывает Филиппийскую церковь принять Епафродита с должным уважением, когда тот вернется домой (Флп. 2:29). Он использует те же выражения, которые мы уже встречали в Кол. 1:24, чтобы объяснить, почему церковь должна поступить именно так, а не иначе. Апостол пишет: «Он за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы *восполнить* [это же слово встречается в Кол. 1:24] *недостаток* [то же слово, что и в Кол. 1:24] ваших услуг мне» (Флп. 2:30). В оригинале выражение «дабы *восполнить недостаток* ваших услуг мне» почти тождественно выражению «*восполняю недостаток* в плоти моей скорбей Христовых». Лишь дважды эти два слова (*восполнять недостаток*) встречаются вместе в Новом Завете — и именно в отрывках, которые мы сейчас рассматриваем.

В каком смысле филиппийские верующие служили Павлу, и в каком смысле Епафродит «восполнял» то, что недоставало в их служении? Сто лет назад Марвин Винсент предложил следующее толкование:

Помощь, которую филиппийцы оказали Павлу, была помощью всей Церкви. Она заключалась в том, что на алтарь приносился дар любви. Недостатком же, за который впоследствии благодарил Павел и, следовательно, вся церковь, послужило то, что филиппийцы преподнесли свой дар в лице человека. Это выходило за грань возможного, и потому Павел говорит, что Епафродит с любовью восполнил этот недостаток своим ревностным служением¹⁴¹.

Я считаю, что тот же самый смысл имеет выражение «восполняю недостаток» в Кол. 1:24. Христос, пострадав и отдав Свою жизнь за грешников, приготовил для мира дар любви. Этот дар совершенен, и в нем нет никакого недостатка, за исключением одного: Христос должен лично вручить Себя каждому народу мира. Божье ответное действие на этот

недостаток заключается в том, что народ Христа (подобно Павлу) призван к тому, чтобы на личностном уровне являть миру страдания Христа.

Делая так, мы «восполняем недостаток скорбей Христовых». Мы завершаем то, к чему они были предназначены, а именно к тому, чтобы каждый народ, еще не знающий, насколько они бесценны, узнал о них лично.

Страдания дополняются страданиями

Однако больше всего в отрывке из Кол. 1:24 бросается в глаза то, *каким образом* Павел восполняет недостаток страданий Христовых. Он говорит, что страдания Христовы он дополняет *своими собственными страданиями*. «Радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых» (Кол. 1:24). **Следовательно, Павел публично свидетельствует о страданиях Христа, страдая сам за тех, кого хочет приобрести для Господа.** В страданиях Павла они видят страдания Самого Христа. Вывод очевиден: **посредством страданий Своего народа Бог хочет явить миру страдания Христа.** Бог предназначил Телу Христову частично пройти через те страдания, через которые прошел Он Сам, чтобы, возвещая всей своей жизнью убогость креста, мы являли людям знаки наших страданий, и тем самым они испытывали бы на себе любовь креста. Наше призвание состоит в том, чтобы посредством страданий, через которые мы проходим, будучи глашатаями спасительной вести, указывать людям на реальность страданий Христа.

Поскольку Христос в телесном облике больше не присутствует на земле, Он хочет, чтобы Его Тело, Церковь, являла Его страдания *своими* страданиями. Поскольку мы представляем собой Его Тело, наши страдания становятся Его страданиями. Румынский пастор Иосиф Цон объясняет ту же самую мысль следующим образом: «Я — дополнение Иисуса Христа. Когда я подвергался гонениям в Румынии, Он стра-

дал в моем теле. Да и эти страдания не были моими: для меня почетно участвовать в Его страданиях»¹⁴². Наши страдания, таким образом, свидетельствуют о благодати Христовой любви к этому миру.

Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем

Вот почему Павел говорит о своих ранах как о «язвах Господа Иисуса». В его ранах можно увидеть раны Христа. «Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (Гал. 6:17). Нося на себе язвы Христа, мы являем Иисуса тем, кто их видит, а Его любовь начинает могущественным образом действовать в них. «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтоб и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, так что смерть действует в нас, а жизнь в вас» (2 Кор. 4:10—12).

Кровь мучеников — это семя

История распространения христианства доказывает, что «кровь мучеников — это семя», семя новой жизни во Христе, простирающейся в мир. Почти три столетия христианство росло в почве, которая была обильно увлажнена кровью мучеников. В своей книге «История христианских миссий» Стивен Нейл называет страдания ранних христиан одной из шести главных причин стремительного роста Церкви:

Вследствие того что христиане были вне закона, им приходилось собираться тайно... Каждый христианин знал, что рано или поздно ему придется засвидетельствовать веру в Христа ценой своей жизни... Когда начинались гонения, мученичество приобретало как можно более публичный характер. Римская публика была бессердечной и жестокой, но и она не была лишена сострадания; вне всяких сомнений, позиция мучеников, и особенно женщин, страдавших наравне с мужчинами, производила глубокое впечатление... В исторических документах

той эпохи говорится, что христиане во время публичных казней были спокойны и вели себя с достоинством и благопристойностью. Перед лицом страшных мучений они проявляли мужество, со своими врагами были вежливы, а страдания принимали с радостью, как уготованное от Господа, открывающего перед ними двери в Свое царство. Известны случаи, подкрепленные вескими доказательствами, когда язычники в самый момент страданий и смерти христиан обращались к Богу. Должно быть, число тех, в ком эти казни оставляли неизгладимое впечатление и кто тем самым по прошествии некоторого времени обращался в христианство, было еще больше¹⁴³.

Как я могу похулить Царя моего, Который спас меня?

Мученичество Поликарпа, епископа Смирнского, умершего в 155 г. н. э., — это один из примеров свидетельства о вере в Христа через страдания. Его ученик, Ириней, говорил, что Поликарпа обучал сам апостол Иоанн. Во время своего мученичества он был уже очень стар. Когда проконсул приказал ему отречься и похулить Христа, Поликарп ответил: «86 лет служу я Ему и никакой обиды не потерпел от Него; как же я могу похулить Царя моего, Который спас меня?»¹⁴⁴ Во время гонений на христиан в Смирне неистовая толпа требовала разыскать Поликарпа. Он удалился в небольшое поместье, находившееся недалеко от Смирны, и за три дня до своей смерти ему было видение, из которого он заключил, что ему суждено быть сожженным заживо. Когда в конце концов поиски увенчались успехом, то вместо того, чтобы скрыться, он сказал: «Воля Господня да будет». Древние источники описывают историю его мученичества следующим образом:

Услышав о прибытии сыщиков, он спустился вниз и вышел им навстречу. Пришедшие изумлялись его почтенному возрасту и силе духа и недоумевали, почему для ареста такого пожилого человека потребовалось так много усилий. Он приказал подать им ужин — столько, сколько они хотели, — поскольку уже было довольно поздно. Он попросил позволения помолиться

наедине. Они оставили его одного, и он молился вслух в течение двух часов, исполнившись благодати Божьей. Слышавшие его молитву изумлялись, а сыщикам стало стыдно оттого, что они пришли арестовывать такого почтенного старца¹⁴⁵.

Когда Поликарпа все же арестовали и приговорили к сожжению на огне, его хотели пригвоздить к столбу. Однако он воспротивился этому, сказав: «Оставьте меня так. Тот, Кто дает мне силу терпеть огонь, даст мне силу и без гвоздей остаться на костре неподвижным»¹⁴⁶. Когда показалось, что огонь не касается его тела, то палач заколол Поликарпа мечом. Древние описания этой истории завершаются словами: «Множество людей изумлялось, видя значительную разницу между неверующими и избранными Божьими»¹⁴⁷. Это в значительной мере объясняет, почему христианство восторжествовало в ранние века. Торжество стало следствием страданий. Свидетельство о вере и страдания не просто шли рука об руку — страдания были кульминацией свидетельства. «Они победили его [сатану] кровию Агнца и словом свидетельства своего и **не возлюбили души своей даже до смерти**» (Отк. 12:11).

Пока не наполнится число мучеников

Нет никакой случайности в том, что Церковь выросла и окрепла путем страданий и мученичества. Так хотел Бог. В Книге Откровение можно найти одно из самых сильных свидетельств в пользу того, что страдания — это именно тот способ, посредством которого Бог намеревается исполнить Свои спасительные замыслы в мире. Перед нами открывается картина того, как души мучеников спрашивают: «Доколе, Владыка Святый?» (Отк. 6:10). Когда же, словно вопрошают они, история подойдет к концу, и Твои замыслы в отношении спасения и осуждения будут реализованы? Ответ на этот вопрос звучит предостережением для всех нас, желающих исполнить Великое поручение. «И сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Отк. 6:11).

Следовательно, определенное количество мучеников, с помощью которых Бог намерен реализовать Свои замыслы, входит в Его вечный план. Когда это количество достигнет определенного Богом числа, наступит конец. На Втором лозаннском конгрессе по всемирной евангелизации, проходившем в Маниле в 1989 г., Джордж Отис потряс многих делегатов, спросив их: «Разве наши неудачи в евангелизации мусульманских регионов происходят не из-за нехватки мучеников? Разве затаившаяся Церковь сможет укрепиться? Не должны ли молодые церкви быть мученическими?» Поэтому и свою книгу «Последний из гигантов» он заканчивает главой, которая называется «Опасная безопасность».

Должна ли церковь, находясь в трудных, с политической или социальной точки зрения, обстоятельствах, скрываться, чтобы избежать возможной гибели от сил, враждебных христианству? Или же открытая конфронтация с духовным невежеством и отчуждением, господствующим в определенном обществе, — даже если это приведет к увеличению числа христианских мучеников, — будет, по всей видимости, иметь своим результатом прогресс в благовестии? Исламские фундаменталисты заявляют, что их духовная революция питается кровью мучеников. Возможно ли такое, чтобы неудача христиан в евангелизации мусульманских регионов происходила из-за значительного недостатка в христианских мучениках? И будут ли мусульмане всерьез воспринимать те заявления, которые мы делаем из подполья? <...> Вопрос не в том, благоразумно ли время от времени совершать богослужения и свидетельствовать о Христе с оглядкой на наших врагов. Скорее всего, мы должны спросить себя, как долго это может продолжаться, прежде чем станем виновны в том, что «спрятали свечу под сосуд... Хорошо известно, что в Иерусалиме, Дамаске, Эфесе, Риме и других городах апостолы, неся свидетельство о Христе, подвергались бичеванию и побитию камнями, против них устраивались заговоры и их сажали в темницы. Их редко «приглашали» куда-нибудь, и уж никогда приглашение не становилось основанием для их миссионерского труда¹⁴⁸.

Отис, без сомнения, согласился бы с Григорием Великим (папа римский с 590-го по 604 г.), который сказал: «Смерть мучеников расцветает в жизни верных»¹⁴⁹.

Кровь била из наших ран подобно фонтану

И в наши дни люди добровольно принимают страдания, чтобы, в соответствии с Кол. 1:24, восполнить недостаток скорбей Христовых, делая их видимыми для других людей; и таких примеров немало¹⁵⁰. В конце 1995 г., когда я писал эту главу, мое внимание привлекло письмо одного миссионера, в котором рассказывалось о страданиях подобного рода. Я связался по электронной почте с этим миссионером, работавшим в то время в Африке, чтобы он подтвердил факты, изложенные в письме. Он лично поговорил с Дансой, человеком, о котором шла речь в том письме, и получил для меня разрешение процитировать его историю в этой книге.

В 1980 г. в области, где я проживаю, местное коммунистическое руководство инициировало жестокие гонения. В то время я работал чиновником в правительстве, но и мне не удалось избежать преследований, поскольку я возглавлял молодежную христианскую ассоциацию, в которую входили представители всех церквей в моем округе. Коммунистические власти неоднократно обращались ко мне с просьбой помочь им в обучении молодежи революционным идеям. Многие христиане шли на сотрудничество с властями, поскольку на них оказывалось очень сильное давление. Но я не уступал им.

Вначале они использовали позитивные методы убеждения: мне предложили продвижение по службе и увеличение заработной платы. Однако затем последовали аресты, первые два из которых были сравнительно короткими. В третий раз я отсидел в тюрьме целый год, и в течение этого времени коммунисты регулярно «промывали мозги» мне и еще восьмерым заключенным-христианам, державшимся вместе (пятерым мужчинам и трем женщинам, одна из которых впоследствии стала моей женой). Но, после того как один из коммунистов обратился к Христу, тактика изменилась: нас заставляли носить издалека

воду и убирать тяжелые камни с сельскохозяйственных земель, и все время били.

Самыми худшими были те две недели, когда тюремщик будил нас ни свет ни заря и заставлял на обнаженных коленях подниматься полтора километра в гору по дороге, посыпанной гравием. Этот маршрут отнимал у нас три часа. В первый день кровь била из наших ран подобно фонтану, но мы уже ничего не чувствовали.

В другой раз один очень жестокий тюремщик заставил нас лежать на спине под палящим солнцем шесть часов подряд. Не знаю, почему я это сделал, но когда пытка окончилась, я сказал ему: «Ты приказал солнечным лучам бить нас. Тебя же будет бить Сам Бог». Спустя немного времени этот тюремщик заболел острой формой диабета и умер.

Через несколько лет, когда коммунистическое правительство пало, начальник тюрьмы пригласил нас проповедовать среди заключенных. Почти сразу же двенадцать человек, обвиненных в убийстве, поверили в Христа. Мы продолжали служить в тюрьме, и сейчас там насчитывается уже 170 верующих. Большинство тюремщиков также стали христианами.

Факторы, приводящие к такому значительному росту обращений среди заключенных и служащих тюрьмы, находят полностью в руках Божьих. Но было бы наивным полагать, что страдания Дансы не имели никакого отношения к раскрытию в жизни верующих полноты Христа.

Ради Христа и спасения нас могут понизить в должности

Иосиф Цон много размышлял о таких страданиях за Христа, благодаря которым Он мог бы стать явным для мира. Иосиф служил пастором Второй баптистской церкви Орады до 1981 г., когда румынское правительство выслало его из страны. Я слышал, как он, объясняя Кол. 1:24, говорил, что страдания Христа предназначены для *умиловления*, а наши страдания — для *распространения*. По его мнению, не только в Кол. 1:24, но и во 2 Тим. 2:10 страдания рассматривались как

средство благовестия: «Я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение во Христе Иисусе» (2 Тим. 2:10). Павел, по словам Цона, хотел сказать следующее:

Если бы я остался служить пастором в богатой и спокойной Антиохии, в прекрасной церкви, имеющей в своей среде пророков и получившей так много благословений, никто бы в Малой Азии и Европе не обратился к Христу. Чтобы принести им весть о спасении, я должен был смириться с тем, что меня побивали палками, плетью и камнями и считали отбросом общества. Я должен был смириться с тем, что становлюсь, по сути, ходячей смертью. Но когда я ходил израненный и обессиленный, тогда люди замечали во мне любовь Божью. Через меня они слышали весть о кресте и получали спасение. Если мы не можем пойти на риск и выйти из процветающей церкви, чтобы взять на себя крест, люди не услышат вести о спасении. Сколько людей не спаслись только потому, что мы отказались взять на себя крест?¹⁵¹

Он приводит пример, показывающий, как страдания христиан сами по себе часто становятся средством для успешного благовестия:

Один влиятельный человек, которого я крестил, как-то подошел ко мне и спросил: «Что мне делать? Собирается три или четыре тысячи человек, чтобы разоблачить меня и выставить на посмешище. Мне дают на защиту ровно пять минут. Что мне делать?»

«Брат, — сказал я ему, — защищаться — это единственное, что ты не должен делать. У тебя есть прекрасная возможность рассказать им о том, кем ты был прежде и что Христос сделал для тебя. Скажи им, кто такой Иисус и что Он значит для тебя».

Его лицо прояснилось, и он сказал: «Брат Иосиф, я понял, что мне нужно сделать». Он действительно рассказал им об Иисусе, и сделал это превосходным образом, так что спустя некоторое время его сильно понизили в должности и почти наполовину сократили его зарплату. Но он, подойдя ко мне через некоторое время, сказал: «Брат Иосиф, знаешь, на предприятии ко мне теперь постоянно кто-нибудь подходит. Куда бы я ни пошел, меня отводят в уголок, осматриваются, чтобы никто

не видел нас говорящими друг с другом, и затем шепчут: „Дайте мне адрес вашей церкви“, „Расскажите мне что-нибудь об Иисусе Христе“ или „Нет ли у вас Библии для меня?“»

Какие бы страдания мы не претерпевали, они могут послужить к спасению других людей”².

Страдания ради народов

Я думаю, что слова Павла «И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор. 15:19) указывают на то, что христианство — это добровольное принятие страданий ради Христа. Это принятие такого образа жизни, который был бы достоин жалости, если бы Христос говорил ложь. Христианскую жизнь нельзя считать благой и полной, если нет надежды на соединение с Христом в воскресении. Мы уже видели, что принятие страданий не просто дополняет наше свидетельство о Христе, но и видимым образом проявляет его. В наших страданиях становятся видимыми страдания Христа, и поэтому люди могут увидеть ту любовь, которую предлагает им Спаситель. Мы дополняем Его страдания тем, что вносим в них то, чего они не имеют, — личностный аспект, когда страдающий Христос становится видимым через нас и в нас.

Удивительно, что спасительные замыслы Божьи среди всех народов и наших ближних не будут реализованы до тех пор, пока христиане не предпочтут жизнь, полную страданий. В самом конце этих страданий число мучеников все еще не наполнилось (Отк. 6:11). Без страданий всемирная евангелизация не достигнет всех народов. А не такая отдаленная перспектива — это сущая дороговизна времени, удобств, денег и усилий, чтобы заменить неумеренный и постоянный досуг делами милосердия: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16).

Можно ли это назвать христианским гедонизмом?

Хотя я и привожу слова Дейвида Ливингстона, который говорил, что страдания во время его миссионерской деятельности не были «жертвой», я, тем не менее, озаглавил эту главу «Страдание. Жертвоприношение христианского гедонизма». Здесь нет противоречия или несогласия с Ливингстоном. В данном случае важны не слова как таковые, а контекст, в котором они сказаны. Когда Ливингстон говорит, что страдания — это не жертва, он делает акцент на благословениях, которые превосходят наши потери. Я же, говоря о страданиях как о жертве, хочу показать, что мы все же теряем, и теряем много. Безусловно, я согласен в этом вопросе с Ливингстоном. Я верю, что в страданиях нас ожидают грандиозные благословения.

Тем не менее мне бы хотелось, чтобы по отношению к страданиям по-прежнему употреблялось слово «жертва». Боль слишком сильна, а потери слишком велики, чтобы делать вид, что нет вообще никакой жертвы. Мы должны давать четкие определения словам, которые используем.

Я утверждаю, что такой взгляд на страдания действительно можно назвать христианским гедонизмом. Весь Новый Завет говорит о страданиях именно в контексте христианского гедонизма.

Стремился ли Павел к глубочайшей и вечной радости, добровольно избрав путь таких тяжелых страданий, что его жизнь была бы достойна сожаления, если бы не было воскресения из мертвых? В этом вопросе фактически уже содержится ответ. Если только воскресение придает смысл жизненному выбору Павла, делая его осуществимым и достойным похвалы, тогда укрепляет апостола в его страданиях именно надежда на это воскресение и стремление к нему. Павел сам говорит, что почитает все обыкновенные человеческие блага за сор, «чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие

в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, *чтобы достигнуть воскресения мертвых*» (Флп. 3:10,11). Он стремится так жить и так страдать, чтобы быть уверенным в воскресении из мертвых.

Отдать все, чтобы приобрести Христа

Почему апостол стремится к такой жизни? Причина этого кроется в том, что по воскресении из мертвых он будет наслаждаться полным, телесным и вечным общением с Христом. Надежда Павла была устремлена именно на это: «Да и все почитаю щетою ради превосходства познания Христа Иисуса» (Флп. 3:8). Во всем, что делал Павел, он стремился приобрести Христа. «Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Флп. 1:21). Приобрести Христа — такова была цель жизни и страданий апостола. Он говорил: «Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это *несравненно лучше*» (Флп. 1:23). В этих словах «несравненно лучше» не слышно альтруистических ноток. В них виден мотив, присущий христианскому гедонизму. Павел стремился к тому, что дало бы ему глубочайшее и вечное удовлетворение, — единение с Христом в славе.

Но он был бы не только с Христом в славе!

Знающие и любящие Христа люди не могут довольствоваться тем, что приходят к нему одни. Кульминация славы выражена словами песни: «Ты был заклан, и кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени» (Отк. 5:9). Если в них заключена высшая степень милосердия Христова, то люди, считающие это милосердие своим самым большим приобретением, не могут жить ради личных удовольствий. Милости Христовы предназначены для всех людей. Павел говорил, что почитает все за сор ради приобретения Христа, и его собственные потери имели своей целью привести других людей к Христу. «Если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение *веры вашей*, то радуюсь и сорадуюсь всем вам» (Флп. 2:17). Страдания, наполнившие

его жизнь, были нацелены, разумеется, на то, «чтобы приобрести Христа». Тем не менее они служили и для того, чтобы привести другие народы к истинной вере, которая возвеличивает благодать Христову.

Радость и венец мой!

Поэтому Павел называл людей, которых он приобрел для веры, *своей радостью*. «Братия мои возлюбленные и вождельные, *радость* и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные» (Флп. 4:1). «Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом в пришествие Его? Ибо вы — слава наша и *радость*» (1 Фес. 2:19,20). Церковь была его радостью по той причине, что благодаря их радости во Христе его собственная радость во Христе увеличивалась. Чем больше было новообращенных, тем славнее была Божья милость. Поэтому Павел, избрав страдания в деле всемирного благовестия и объявив о своей цели — «приобрести Христа», тем самым дал понять, что его личное наслаждение в общении с Христом будет в вечности тем глубже, чем большее количество искупленных святых будет наслаждаться Господом вместе с ним.

Пусть я и не так преуспел в страстной любви к церкви, как Павел, я все же благодарю Господа за то, что в моей жизни были такие моменты, когда Он удерживал меня от пропасти цинизма. Помню конец 1960-х гг., когда после окончания колледжа я только-только стал ходить на занятия в семинарию. Люди в то время были настроены враждебно к поместным церквам. Мне припоминается, как осенью 1968 г., по утрам в воскресенье, я ходил по улицам Пасадены, размышляя, есть ли у церкви будущее. Я был похож на рыбу, ставящую под сомнение ценность воды, или птицу, интересующуюся причинами появления ветра и воздуха. Бог, по Своей бесценной благодати, избавил меня от этого безрассудства, приведя на три года в церковь на Лейк-авеню, где я познакомился с людьми

Божьими. Пастор этой церкви, Рей Ортлунд, оказался человеком, имевшим дух Павла, что проявлялось, когда он, обобрав свою общину, говорил: «Вы — моя радость и мой венец».

Десять лет спустя, в октябре 1979 г., в моей жизни вновь наступил перелом. Вечером в тот день я заполнял свой дневник. Передо мной стоял вопрос, должен ли я остаться на посту профессора библейского богословия в Вефиль-колледже, или же я уволюсь и стану пастором. В тот момент Господь вложил в мое сердце глубочайшую любовь по отношению к Его церкви — собранию людей, возрастающих в вере, служащих друг другу и день за днем преображающихся в подобие Иисуса Христа. Обучение имело свои сильные стороны. Быть профессором в семинарии — это достойное призвание. Но в тот вечер мои чувства восторжествовали, и через несколько месяцев Господь привел меня в баптистскую церковь «Вифлеем». С тех пор прошло уже пятнадцать лет. У меня выступают слезы, когда я думаю о том, что значат для меня люди этой церкви. Они знают, как мне кажется, что моя главная цель — приобрести Христа. И они также знают, что до сего дня я жил для их успеха и радости в их вере (ср.: Флп. 1:25). Я пишу и проповедую с целью дать людям возможность увидеть, что эти радость и вера едины. Когда кается один грешник или когда возрастает в вере один святой, то я приобретаю Христа в гораздо большей степени, чем в том случае, когда передо мной гора рутинной работы. Я не могу сказать, что моя радость во Христе и моя радость за церковь «Вифлеем» — это две совершенно разные вещи.

Если радость в страданиях так замечательна, то надо искать ее

Нас не должно удивлять, что, вопреки естественному порядку вещей, Павел говорит: «*Радуюсь* в страданиях моих за

вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых» (Кол. 1:24). Он как бы говорит, что радуется, когда дополняет недостаток скорбей Христовых, делая их видимыми в глазах людей посредством своих страданий и болезней. Он радуется этому.

По мнению христиан-гедонистов, Павел делал благое и замечательное дело, и мы поэтому должны подражать ему. Считать эту величественно-духовную радость в страдании чем-то незначительным и второстепенным или не стремиться к ней — значит приближаться к барьеру, перешагнув который, мы начнем богохульствовать. Постараюсь выразить свою мысль еще яснее. Когда Святой Дух делает такое благое дело и тем самым возвеличивает самодостаточность Христа в Его страданиях, то нам не избежать богохульства, если мы утверждаем, что допустимо страдать за других, но нельзя искать радости в этом. Прославляют Христа не просто страдания, а наша радость в них. И это означает, что мы должны искать ее, ибо Павел пишет: «Вы сделали подражателями нам и Господу, принявши слово при многих скорбях *срадоcтью Духа Святого*, так что вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии» (1 Фес. 1:6,7). Заметим в этих словах два важных обстоятельства. Во-первых, радость в скорбях вызвана деятельностью Святого Духа. И во-вторых, радость в скорбях — это образец для других. Остерегайтесь тех, кто принижает чудесные деяния Духа Божьего, называя их благими дарами, а не благой целью.

Награда за радость в гонениях

Христианский гедонизм утверждает, что христианин может радоваться в страданиях по-разному. Ко всем видам страданий нужно стремиться, поскольку они выражают самодостаточность Божьей благодати. Иисус приводит пример страдания: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать

и всячески несправедливо злословить за Меня; *радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах*» (Мф. 5:11,12; ср.: Лк. 6:22,23). Мы можем радоваться в страданиях тем, что сосредоточиваем наши мысли на величии награды, которая ожидает нас по воскресении из мертвых. Это приводит к тому, что наши нынешние несчастья кажутся нам незначительными по сравнению с грядущим. «Думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас» (Рим. 8:18; ср.: 2 Кор. 4:16—18). Когда мы терпим боль, то радость в предвкушении награды открывает перед нами дверь любви, как это было отмечено в гл. 4. «Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая» (Лк. 6:35). Будь щедр с бедными, говорит Иисус, «и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (Лк. 14:14).

Радость в страданиях укрепляет уверенность

Радость в страданиях может также происходить от того воздействия, которое на нашу уверенность оказывают страдания. Эта радость коренится в надежде на воскресение, но и наши страдания также укрепляют ее. Так, Павел пишет: «И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда» (Рим. 5:3,4). Радость, которую испытывает Павел, не просто коренится в великой награде. Он радуется также тому, что его страдания укрепляют надежду на получение этой награды. От скорби происходит терпение, а терпение рождает чувство, что наша вера — истинная; такая вера укрепляет надежду на то, что мы приобретем Христа.

Каким образом переносятся моменты мучительной боли во время пыток за Христа? Ричард Вурмбранд рисует такую картину:

Вас так долго и жестоко мучили, что для вас уже ничего не имеет значения. Если ничего не имеет значения, то и вопрос выживания также не важен. Не важно и то обстоятельство, что я страдаю несправедливо. В свете этого мы начинаем понимать, что можем преодолеть пытку. А преодолев ее, мы испытываем необыкновенную внутреннюю радость. Вы испытываете чувство, что Христос был все время с вами, пока вас мучили¹⁵³.

«Необыкновенная радость» вызывается чувством, что Христос помогает нам в наших испытаниях. Мы были испытаны огнем и доказали, что мы — настоящие христиане. Мы не отреклись от Господа. Христос действует в нашей жизни, и мы верим, что Он самодостаточен. Это же, по всей вероятности, пережили и апостолы после того, как их побили. «Они же пошли из синагоги, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестье» (Деян. 5:41). Их радость рождалась из понимания, что Господь нашел их веру истинной. Они были готовы к испытанию огнем.

Радость в страданиях с Христом ведет к славе

Мы также можем радоваться в страданиях, осознавая, что радость как таковая есть испытанный способ получить славу. Радость в страданиях вызывается не только 1) сосредоточением на обещанной награде и 2) воздействием, которое на наше чувство искренности оказывают страдания, но и 3) обещанием, что эта радость гарантирует нам в будущем вечную радость. Апостол Петр пишет об этом следующим образом: «Как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Пет. 4:13). Следовательно, радость в страданиях — это испытанный способ обрести конечную радость в явлении славы Христа. Петр призывает нас (и даже заповедует нам!) искать радость в страданиях, чтобы мы оказались среди тех, кто будет вечно радоваться в присутствии Бога.

Когда мы радуемся в страданиях за других людей, они видят Христа

Еще один способ, как можно радоваться в страданиях, мы обсуждали выше. Он заключается в понимании, что в наших страданиях другие люди видят то, как ценен Христос, и укрепляются вследствие нашей веры, испытанной огнем. Павел пишет фессалоникским верующим: «Теперь мы живы, когда вы стоите в Господе. Какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за *всю радость, которую радуемся о вас пред Богом нашим*» (1 Фес. 3:8,9). Эти слова напоминают нам другие слова Павла: «Радуясь в страданиях моих за вас» (Кол. 1:24). Когда наши страдания являют другим людям любовь Христа и Его достоинство, мы понимаем, что каждый новообращенный, имея крепкую веру, представляет собой новую, уникальную призму, которая отражает самодостаточность Божьей славы. *Радость, которую мы имеем в них, ничем не отличается от радости, которую мы имеем во Христе.* Последняя есть наше «великое приобретение». Ради нее мы готовы потерять все. И всякий, кто видит в наших страданиях все достоинство Христа и верит в Него, представляет собой еще один образец этого достоинства и, следовательно, становится дополнительной причиной для радости.

Самые счастливые люди в мире

Голгофский путь был для Иисуса путем радости. Разумеется, поднимаясь на Голгофу, Он испытывал тягчайшие муки. Но, с другой стороны, Он испытывал глубочайшую радость. Если мы стремимся к мимолетным наслаждениям, вызванным комфортом и безопасностью, но забываем о жертвенности, страданиях на миссионерском пути, благовестии, служении и любви, то мы идем против радости. Мы отвергаем Источник, воды которого никогда не иссякают (Ис. 58:11).

Самые счастливые люди в мире те, кто познал тайну, что Христос пребывает в них, — упование славы (Кол. 1:27). Эта тайна удовлетворяет все их глубочайшие желания, так что они распространяют страдания Христа по миру через свои собственные страдания.

Наше призвание — жить ради Христа, и это нужно делать через страдания. Христос избрал страдания; они не были случайны. Его страдания предназначались для того, чтобы создать и «усовершенствовать» церковь. Теперь Он и нас призывает к страданиям. Он призывает нас взять на себя крест и последовать за Ним на Голгофу, отвергнуть себя и пострадать за церковь и за то, чтобы Его страдания были явлены миру.

Брат Андрей, возглавляющий служение «Открытые двери» и ставший известным благодаря своей книге «Божий контрабандист», написанной в 1967 г., так характеризует Божье призвание в середине 1990-х гг.:

В том месте, где вы хотите свидетельствовать об Иисусе, нет закрытых дверей... Покажите мне закрытую дверь, и я расскажу, как в нее войти. Однако я не могу пообещать, что вы выйдете из нее...

Иисус не сказал: «Идите, если двери будут открыты», потому что это не так. И Он не сказал: «Идите, если у вас будет приглашение или вам окажут теплый прием». Он сказал: «Идите», потому что людям нужно Слово Божье...

Нам нужно новое понимание миссий — таких, которые были бы активными и практичными, в которых выражалась бы суть Евангелия и для которых не было бы никаких запретов... [Нам нужен] дух первопроходцев...

Боюсь, что нам придется пройти через серьезные опасности, испытать нужду и пролить кровь. Но победа останется за нами.

Бог уберет на нашем пути препятствия, если у нас будут серьезные намерения. Если мы скажем: «Господи, любой ценой...» — а люди никогда не должны молиться так до тех пор, пока они твердо не убеждены, что Бог заставит их выполнить обещанное, — Он ответит нам. Это-то и пугает. Но нам идти нужно до конца. Другого пути в Библии нет.

Поэтому мы можем столкнуться с трудностями, через которые мы обязаны пройти... Мы играем в церковь и христианство и даже не осознаем, как мы теплы... Мы должны заплатить за свою веру. Ведь апостол Павел пишет: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3:12). В тех странах, где церковь столкнулась с преследованиями, она стала очень чистой... Будьте готовы — вот все, что я могу сказать¹⁵⁴.

Его драгоценность, а не наша сила

Ответ на этот призыв заключен в бесповоротном шаге христианского гедонизма. Мы избираем страдания не просто потому, что нам так сказали. Причина такого поступка заключается в том, что Тот, Кто сказал нам это, видит в них путь к вечной радости. Он призывает нас принять страдания не для того, чтобы мы демонстрировали силу нашей преданности долгу или наших намерений или показывали, до какой степени мы можем терпеть боль. Своими страданиями мы, словно дети, должны явить безграничную ценность Божьих самодостаточных обетовании. Моисей «захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное, греховное наслаждение... ибо он взирал на воздаяние» (Евр. 11:25,26). Тем самым его послушание послужило возвеличению Божьей благодати, а не его намерений пострадать.

Сущность христианского гедонизма

В этом заключается сущность христианского гедонизма. Ища радость в страданиях, мы возвеличиваем безграничное достоинство Того, Кто есть источник нашей радости. В конце наших страданий ярко светится Сам Господь. Если мы не говорим, что Он — цель и основание нашей радости в страданиях, тогда будет утерян смысл слова «страдание». А смысл его таков: Бог — наше приобретение.

Основное предназначение человека — прославлять Бога. То, что Бог более всего прославляется в нас, когда мы более всего

страдаем в Нем, по отношению к страданиям справедливо так, как ни к чему другому. Поэтому я молюсь о том, чтобы Святой Дух дал Своим людям, разбросанным по всему миру, страстное желание возвеличивать Бога во всем. Пусть Он даст нам понять — поиск радости в Нем, как бы это ни было больно, есть сильное свидетельство того, что нет никого ценнее Бога. И поэтому пусть все люди в мире, когда мы «восполняем недостаток скорбей Христовых», увидят любовь Христа и возвеличат Его благодать в радостной вере.

ЭПИЛОГ

Почему я написал эту книгу?

Семь причин

Причина первая. Для собственного удовольствия!

Это самое и писал я вам, дабы пришед не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться; ибо я во всех вас уверен, что моя радость есть радость и для всех вас (2 Кор. 2:3).

И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна (1 Ин. 1:4).

Представьте себе — вы голодны и бредете по пустыне в толпе таких же голодных людей и вдруг попадаете на званый пир; тут вам начинает казаться, что вы в долгу перед всем светом. Вы рады отдать этот долг, и радость ваша тем больше, чем роскошнее пиршество.

Я уподобился прокаженному самарянину. Сирияне осадили столицу Израиля. В осажденном городе четвертая часть каба голубинового помета продавалась по пяти сиклей серебра, женщины варили и ели своих детей. Люди, оказавшиеся в осаде, не знали, что Господь изгнал сириян. И там, в пустыне, накрыты столы в честь спасения.

Прокаженные поняли, что им нечего терять. И они пошли в стан врага и увидели, что сирияне бежали, оставив всю провизию. Сначала прокаженные стали прятать сокровища для себя. Но тут их впервые озарило светом христианского гедонизма:

И сказали друг другу: не так мы делаем. День сей день радостной вести. Если мы замедлим и будем дожидаться утреннего света, то падет на нас вина. Пойдем же и уведомим дом царский (4 Цар. 7:9).

Даньел Фуллер выбрал этот текст темой проповеди, произнесенной на службе в день моего рукоположения в 1975 г. Это было пророчеством. Потому что я был похож на прокаженного, вновь и вновь пирующего в пустыне этого мира у столов, накрытых Господом. И вдруг я понял, что, когда я пирую с вдовами самарийскими, еда намного вкуснее, чем когда припрятаваю лакомые кусочки для себя в пустыне.

Я полностью предан поиску чистой и вечной радости. Я не остался глух к мудрым словам Карла Барта:

Необходимо сказать: радость мы обретем, только когда научимся приносить ее другим... Бывают ситуации, когда человек, живущий в одиночестве, по-настоящему счастлив. Но это исключительные и опасные случаи... Мы имеем право усомниться в истинности его радости, если он не хочет призвать: «Возрадуйтесь со мною!», чтобы хоть один, или два, или несколько человек, или многие люди — представители мира — разделили его радость... Мы можем преуспеть в поисках радости исключительно для себя, но в таком случае следует признать, что необходимо чудо (хотя трудно представить себе, что с такой целью будет явлено чудо), чтобы эта радость стала истинной, сияющей и искренней¹⁵⁵.

Я написал эту книгу, потому что хотел удвоить свою радость от пребывания на пиру благодати Господа, разделив ее со многими другими людьми. Я написал эту книгу для вас, чтобы сделать собственную радость полноценной.

Причина вторая. Бог изумителен!

Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать [святой] храм Его (Пс. 26:4).

...Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Его стояли серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал.

И зывали они друг к другу, и говорили: свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! (Ис. 6:1-3).

Представьте себе — вы экскурсовод; вы знаете, что ваши туристы истосковались по красотам природы. Вы приводите их в ущелье, от красоты которого захватывает дух, показываете это чудо и призываете любоваться им. Действительно, каждый человек жаждет испытать чувства благоговения и восхищения. А во вселенной нет ничего более изумительного, чем Бог. Екклесиаст сказал:

Все соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца (Еккл. 3:11).

Сердце человека наполнено тоской по вечности. Но мы не знаем, о чем тоскуем, пока у нас не захватит дух от присутствия Бога. В этом причина вселенской тревоги.

Ты создал нас для Себя,
и сердца наши беспокоятся,
пока не найдут упокоения в Тебе.

Святой Августин

Когда Бог создал человека,
Пред Ним стоял сосуд с дарами благодати.
Сказал Он: все отдам ему, что можно;
Пусть все богатства мира, разлитые в природе,
Сольются в нем.
Во-первых, появилась сила;
Затем излились красота и мудрость, честь и радость;
Когда сосуд почти был пуст, Бог сделал остановку,
Понимая, что последнее из всех Его сокровищ
Лежит на дне сосуда.
Сказал Он: если Я
Дарю Моему творенью эту драгоценность,
Он будет поклоняться дарам Моим, а не Мне Самому,
Самой природе, а не Богу природы этой:
И тут Мы оба проиграем.
Пусть он владеет всем,
Но пусть тревога его не оставляет.

Даньел Фуллер выбрал этот текст темой проповеди, произнесенной на службе в день моего рукоположения в 1975 г. Это было пророчеством. Потому что я был похож на прокаженного, вновь и вновь пирующего в пустыне этого мира у столов, накрытых Господом. И вдруг я понял, что, когда я пирую с вдовами самарийскими, еда намного вкуснее, чем когда припрятаваю лакомые кусочки для себя в пустыне.

Я полностью предан поиску чистой и вечной радости. Я не остался глух к мудрым словам Карла Барта:

Необходимо сказать: радость мы обретем, только когда научимся приносить ее другим... Бывают ситуации, когда человек, живущий в одиночестве, по-настоящему счастлив. Но это исключительные и опасные случаи... Мы имеем право усомниться в истинности его радости, если он не хочет призвать: «Возрадуйтесь со мною!», чтобы хоть один, или два, или несколько человек, или многие люди — представители мира — разделили его радость... Мы можем преуспеть в поисках радости исключительно для себя, но в таком случае следует признать, что необходимо чудо (хотя трудно представить себе, что с такой целью будет явлено чудо), чтобы эта радость стала истинной, сияющей и искренней¹⁵⁵.

Я написал эту книгу, потому что хотел удвоить свою радость от пребывания на пиру благодати Господа, разделив ее со многими другими людьми. Я написал эту книгу для вас, чтобы сделать собственную радость полноценной.

Причина вторая. Бог изумителен!

Одного просил я у Господа, того только ишу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать [святой] храм Его (Пс. 26:4).

...Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Его стояли серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал.

И зывали они друг к другу, и говорили: свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! (Ис. 6:1—3).

Представьте себе — вы экскурсовод; вы знаете, что ваши туристы истосковались по красотам природы. Вы приводите их в ущелье, от красоты которого захватывает дух, показываете это чудо и призываете любоваться им. Действительно, каждый человек жаждет испытать чувства благоговения и восхищения. А во вселенной нет ничего более изумительного, чем Бог. Екклесиаст сказал:

Все соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца (Еккл. 3:11).

Сердце человека наполнено тоской по вечности. Но мы не знаем, о чем тоскуем, пока у нас не захватит дух от присутствия Бога. В этом причина вселенской тревоги.

Ты создал нас для Себя,
и сердца наши беспокоятся,
пока не найдут упокоения в Тебе.

Святой Августин

Когда Бог создал человека,
Пред Ним стоял сосуд с дарами благодати.
Сказал Он: все отдам ему, что можно;
Пусть все богатства мира, разлитые в природе,
Сольются в нем.
Во-первых, появилась сила;
Затем излились красота и мудрость, честь и радость;
Когда сосуд почти был пуст, Бог сделал остановку,
Понимая, что последнее из всех Его сокровищ
Лежит на дне сосуда.
Сказал Он: если Я
Дарую Моему творенью эту драгоценность,
Он будет поклоняться дарам Моим, а не Мне Самому,
Самой природе, а не Богу природы этой:
И тут Мы оба проиграем.
Пусть он владеет всем,
Но пусть тревога его не оставляет.

Пусть будет он богат, но пусть тоскует,
Тогда уж если не богатство, то тоска
Его заставит к груди Моей прильнуть.

Джордж Герберт. Подъем

Мир тоскует неутошно. Люди пытаются утолить тоску театральными постановками, творческими достижениями, сногшибательными кинокартинами, любовными похождениями, экстремальными видами спорта, галлюциногенными препаратами, аскетическими упражнениями, властью и т. д. Но тоска остается. Что же это значит?

Если я ощущаю желание, которое ничто в этом мире не может удовлетворить, то, вероятно, это можно объяснить тем, что я создан для другого мира¹⁵⁶.

Именно на вершине счастья я больше всего тосковал... Самым прекрасным в моей жизни было желание... отыскать, откуда является вся эта красота¹⁵⁷.

Трагедия мира заключается в том, что эхо ошибочно принимают за истинный возглас. Повернувшись спиной к Божьей красоте, от которой захватывает дух, мы видим тень на земле и влюбляемся в нее. Но это нас не удовлетворяет.

Книги или музыка, в которых, как нам кажется, живет красота, предадут нас, если мы уверуем в них; красота не в них. Красота, которой мы жаждем, идет через них. Вся эта красота — память о нашем прошлом, прекрасные образы того, что мы в действительности желаем обрести; но если мы ошибочно примем их за нечто первичное, они превратятся в немых идолов, которые разобьют сердца тех, кто им молится. Ибо они не первичны; они подобны аромату цветка, не найденного нами, отзвуку мелодии, которую мы не слышали, новостям из страны, в которой мы никогда не бывали¹⁵⁸.

Я написал эту книгу, ибо нас посетила изумительная Красота. «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как единородного от Отца» (Ин. 1:14). Можно ли не заплакать от счастья, осознав это?

Причина третья.

Слово Божье повелевает стремиться к обретению радости

Утешайся Господом (Пс. 36:4).

Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь (Флп. 4:4).

Слово Божье угрожает ужасными карами тем, кто не обретет счастья:

За то, что ты не служил Господу, Богу твоему, с веселием и радостью сердца, при изобилии всего, будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя Господь [Бог твой] (Втор. 28:47,48).

Христианский гедонизм сталкивается с многочисленными возражениями по этому вопросу.

Возражение первое

Кто-нибудь может возразить: «Нет, не следует стремиться к обретению радости. Старайтесь обрести Бога». Это полезное возражение. Оно заставляет нас сделать некоторые *необходимые* пояснения.

Возражающий абсолютно прав: если мы сосредоточив^{*051} на собственном субъективном ощущении радости, нас, скорее всего, ждет разочарование и мы не прославим Бога. В художественном музее лучше рассматривать картины, чем пр^и ~ слушиваться к биению своего пульса. В противном случае вы не испытаете восторга от встречи с прекрасным.

Но опасайтесь перейти к утверждению, которого не следует произносить вообще: «Приходите и восторгайтесь картинками». Не перескакивайте к выводу о том, что повеление искать радость ошибочно, а призыв восторгаться картинками — нет.

Что вы скажете о человеке, который пришел в художественный музей в поисках картины, купив и перепроД^а

которую он сможет получить большую прибыль? Он переходит из зала в зал, внимательно разглядывая каждую картину. Он испытывает разные чувства — и не в последнюю очередь субъективное чувство эстетического наслаждения. Что здесь плохого?

Он торговец. Он смотрит на картину, не думая о цели, с которой она создавалась. Видите, недостаточно просто сказать, что картины — цель наших поисков. Бывает, что человек преследует дурные цели, занимаясь картинами.

Обычный способ отстраниться от этого торгашеского духа — это сказать: мы занимаемся искусством ради самого искусства. Но что это означает? Я думаю то, что мы прославляем не деньги, а искусство. Но как прославить искусство? Я бы ответил: прославить искусство вы можете, испытывая соответствующие эмоции, когда рассматриваете художественные произведения.

Мы знаем, что не испытаем этих чувств, если, созерцая картину, сосредоточимся на своих ощущениях. Мы знаем, что чувство не придет, если, глядя на картину, мы будем думать о деньгах или о славе. Поэтому мне кажется уместным напоминать посетителям художественных музеев: «Наслаждайтесь картинами!»

Слово «наслаждение» подразумевает отстраненность от мыслей о деньгах, славе и власти. А слово «картины» напомнит посетителям, что прославить искусство живописи невозможно, не сосредоточившись на картинах.

То же и с Богом. Слово Божье повелевает: «Возрадуйтесь в Господе». Это означает: ищите радость в Боге. И слова «в Боге» защищают нас от мысли, что радость находится далеко ото всех прочих эмоций, которые мы испытываем, пребывая в Боге.

Возражение второе

Самое частое возражение против призыва к поискам радости состоит в том, что Иисус, призывая к самопожертвованию,

велел делать совершенно противоположное: «Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк. 8:35). Мы говорили об этом выше, но, возможно, было бы полезно обратиться к еще одному тексту, чтобы показать, что *библейское самопожертвование* означает следующее: «Откажитесь от мелких радостей, чтобы не потерять великие».

Вспомните Послание к Евреям, где говорится о том, как человек, не сумевший ограничить себя, разрушает себя.

Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией; чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда, и чтобы им не осквернились многие; чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства. Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей отца, хотя и просил о том со слезами (Евр. 12:15-17).

Исав загубил свою жизнь, потому что предпочел удовольствие один раз поесть благословию первородства в своей семье. Все люди, не отказывающиеся от «временного греховного наслаждения» (Евр. 11:25), увидят здесь свое изображение. Но заметьте, главное зло состоит не в том, что человек выбрал пищу, а в том, что отказался от первородства. Само по себе самопожертвование не добродетель. Ценность самопожертвования прямо зависит от превосходства обретенной реальности над реальностью, которой пришлось пожертвовать. Самопожертвование, не основанное на стремлении к высшей цели, становится лишь поводом для хвастовства.

Возражение третье

Часто говорят: вы доказываете, что поиск радости — неотъемлемая часть всякой молитвы и добродетели. Вы сказали, что, отказавшись от этого поиска, мы не сможем славить Бога и любить людей. Но как это согласуется с Рим. 9:3

и Ис. 32:32? Ведь Павел и Моисей действительно собираются отказаться от собственной радости, когда выражают готовность принять проклятие во имя спасения Израиля.

Это потрясающие стихи!

Павел говорит о том, как разрывается его сердце при виде отвратительного положения большинства его братьев-израильян. Он пишет: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим. 9:3).

В Ис. 32 повествуется о том, как израильтяне совершили грех идолопоклонства. И гнев Господень воспламенился на народ. Моисей взял на себя роль посредника, желая защитить людей. Он молится: «О [Господи!], народ сей сделал великий грех; сделал себе золотого бога. Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх. 32:31,32).

Во-первых, мы должны понять, что в этих двух стихах речь идет о разных вещах. Моисей, в отличие от Павла, не говорит, что проклятие обязательно будет вечным. Не следует думать, что «книга», о которой говорит Моисей, и есть та самая вечная «книга жизни», о которой упоминается, скажем, в Флп. 4:3 и в Отк. 13:8; 17:8; 20:15; 21:27.

Джордж Буш доказывает, что фраза в Ис 32:32 «быть изглаженным из книги»

равнозначна выражению «погибнуть, в то время как другие остались в живых». В этих словах нет никакого намека на тайную книгу божественных указов, здесь ничего не сказано о конечном спасении или проклятии Моисея. Он просто говорит о том, что скорее желает погибнуть, нежели видеть гибель своего народа. По-видимому, это восходит к обычной заносить имена членов общины в особый список, из которого имена умерших людей стирались¹⁵⁹.

Готовность человека умереть не всегда противоречит христианскому гедонизму. О Павле говорится, что он «поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища; ибо он взирал на воздая-

ние» (Евр 11:26). Нет оснований полагать, что Моисей, сражаясь с грехом Израилевым, перестал стремиться к всеобъемлющему воздаянию.

Но все это, конечно, не снимает главного возражения, содержащегося в словах Павла: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих» (Рим. 9:3). Это явно означает, что человек готов отказаться от поисков собственной радости. Перестал ли Павел быть христианским гедонистом, выразив таким образом свою любовь к заблудшим?

Заметьте, он пишет: «Я желал бы сам быть отлученным...» Глагол переведен с греческого сослагательным наклонением «желал бы» — ведь в греческом языке имперфект используется для того, чтобы смягчить выражение и показать, что условие невыполнимо. Хенри Элфорд писал: «Использование имперфекта в таких выражениях имеет точное и строгое значение... действие не закончено, нечто препятствует завершению»¹⁶⁰.

Препятствие обозначено в предшествующем обещании: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:38,39). Павел знает, что невозможно занять место своих братьев по крови в аду.

Но он говорит, что желал бы! Вот проблема для христианского гедониста. Мы должны отнестись к этому серьезно. Павел рассматривает гипотетическую возможность существования мира, в котором такое может произойти. Представьте, что в таком мире перед судом Божиим стоят, ожидая решения, человек верующий и необращенный грешник. И вообразите, что по воле Божьей они могут поменяться ролями, если святой захочет этого. Если только святой захочет, Бог отнимет у него спасительную благодать, и он пойдет в ад за неверие и отступничество, а благодать Свою Бог

обратит на неверующего, так что тот тут же уверует в Христа и пойдет на небеса.

Что в таком мире от человека требует любовь? Полной самоотверженности! Здесь принципы христианского гедонизма были бы неприменимы. Но заметьте, этот воображаемый мир не существует. Бог не создал бы мир, в котором человек получит проклятие за то, что полон любви.

В реальном мире, созданном Богом, нас никогда не ставят перед таким выбором: принять проклятие во имя спасения ближнего. Напротив, нам постоянно говорят, что за добро, сделанное другим людям, мы получим воздаяние, и нам следует стремиться к этому воздаянию.

Парадоксально, но готовность Павла попасть в этот воображаемый мир — глубокий и драматический способ со всей возможной силой сказать: «И на это, даже на это я готов ради спасения Израиля!» Но тут же мы видим невозможность исполнения его желания: если спасение Израиля для него столь желанно, останется ли ад действительно адом? Может быть, в этом случае мы сможем назвать ад местом, в котором Павел достиг самых глубоких и благородных проявлений любви? Вы непременно сталкиваетесь с этим противоречием, рассуждая о несуществующих воображаемых мирах.

В таком мире счастье было бы невозможно. Если бы Бог предложил святому выбирать между проклятием и спасением другого человека, святой не смог бы жить спокойно дальше, выбрав собственное спасение. А в противном случае, он попал бы навеки в ад. В любом случае он проигрывает.

Философия христианского гедонизма создана не для воображаемых миров. Она основана на реальности мира, созданного Богом и отраженного в Писании. В реальном мире нас никогда не заставляют совершать зло ради торжества добра. Мы должны быть добрыми. Это значит, что мы должны стать людьми, для которых творить добро — наслаждение, а не обязанность. Слово Божье повелевает нам стремиться к обретению радости.

Причина четвертая.

Религиозные чувства не желательны, а обязательны для христианской жизни

Меня изумляет то, что многие люди пытаются представить истинное христианство как принятие некоторых решений и не говорят при этом о чувствах. Не хочу сказать, что решения не имеют значения. Дело в том, что для принятия решения не нужно достигать глубокой личной трансформации. Решения не свидетельствуют о проникновении в сердце истинной благодати. Люди решают, что истина исходит от Бога, в то время как сердца их далеки от Него.

Мы далеко отошли от христианства Джонатана Эдвардса, который, приводя слова Петра, доказывал, что «истинная религия, в основном, заключается в религиозных чувствах».

Которого не видевши любите, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною (1 Пет. 1:8).

Он говорит, что «истинная религия», согласно стиху, порождает в душе святого два движения: любовь к Христу («Которого не видевши любите») и радость во Христе («веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною»). Эти душевные движения не просто решения, а чувства. Концепция истинного христианства, предложенная Эдвардсом, заключается в том, что, рождаясь заново, человек обретает новую природу и испытывает новые чувства¹⁶¹.

Я нахожу поддержку этой концепции в Писании повсюду. Нас призывают чувствовать, а не просто думать и решать. Нас призывают испытывать десятки эмоций, а не просто совершать волевые поступки.

Например, нам заповедано не желать чужого (Исх. 20:17), и очевидно, что когда нам велят не испытывать каких-либо чувств, одновременно нас призывают испытывать другие

эмоции. Противоположность зависти — умение довольствоваться тем, что есть, и именно к этому нас призывает Писание: довольствуйтесь «тем, что есть» (Евр. 13:5).

Мы не должны таить вражду в сердце своем, а, напротив, должны прощать от всего сердца (Лев. 19:18,17). Заметьте, что в законе не сказано: забудьте об этом. Сказано: простите от всего сердца (Мф. 18:35). Соответственно, о силе сердечного чувства говорится так: «Постоянно любите друг друга от чистого сердца» (1 Пет. 1:22) и «Будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью» (Рим. 12:10).

Среди других эмоций, упоминаемых в Писании, встречаются:

- радость (Пс. 99:2; Флп. 4:4; 1 Фес. 5:16; Рим. 12:8,12,15);
- надежда (Пс. 41:6; 1 Пет. 1:13);
- страх (Лк. 12:5; Рим. 11:20; 1 Пет. 1:17);
- мир (Рим. 5:1; Кол. 3:15);
- усердие (Рим. 12:11);
- скорбь (Рим. 12:15; Иак. 4:9);
- желание (1 Пет. 2:2);
- сострадание (Еф. 4:32);
- сокрушенность и раскаяние (Пс. 50:19);
- благодарность (Еф. 5:20; Кол. 3:17);
- смиренномудрие (Флп. 2:3).

Не думаю, что чувства, о которых говорится в этих стихах, можно было бы сравнить с возможным дополнением — сахарной глазурью на пироге, а принятие решений уподобить самому пирогу — основному блюду. К этим чувствам взывает Господь: «Что вы зовете Меня: „Господи! Господи!“ и не делаете того, что Я говорю?» (Лк. 6:46).

Правда и то, что сердца наши инертны. Мы не ощущаем ни глубины, ни силы чувств, достойных Бога и его дел. И в такие времена, поскольку это зависит от нас, мы действительно должны напрячь волю и принять решение: мы будем на-

деяться на возрождение нашей радости. Хотя мы не стремимся к любви без радости («Доброхотно дающего любит Бог», 2 Кор. 9:7), все же лучше исполнить долг без удовольствия, чем не исполнить его вовсе, если только дух покаяния присутствует в омертвевших сердцах.

Меня часто спрашивают, что должен делать христианин, если ему не дано умение подчиняться с радостью. Хороший вопрос. Я никогда не отвечу: просто выполняйте свои обязанности, поскольку чувства не имеют значения! Мой ответ: сделайте три последовательных шага. Первый шаг: исповедуйтесь в грехе — унынии. Признайтесь, что сердце ваше преступно холодно. Не говорите, что чувства ваши не имеют значения. Второй: искренне помолитесь, чтобы Бог вернул вам радость послушания. Третий: продолжайте исполнять свои обязанности и надейтесь на то, что радость возродится.

Этот ответ весьма отличается от рекомендации: выполняй свои обязанности, потому что чувства в расчет не принимаются. Эти действия предполагают существование такого явления, как лицемерие. Они основаны на вере в то, что наша цель — воссоединение долга и удовольствия и оправдание их несовместимости является оправданием греха. Джон Мюррей формулирует это так:

Конфликта между удовлетворением желания и стремлением человека углубить наслаждение, с одной стороны, и исполнением Божьих заповедей, с другой, не существует... Наше внутреннее напряжение происходит от противоречия между чувством долга и сердечным порывом; оно берет начало от греха и непокорной воли. В сердце непадшего человека не могло бы быть такого напряжения. И работа спасительной благодати направлена на полное снятие этого напряжения, для того чтобы человек мог, как он мог это до грехопадения, совершенно совместить долг и радость, следование заповедям и любовь¹⁶².

Эта книга преследует ту же цель, что и спасительная благодать.

Причина пятая.

Христианский гедонизм противостоит гордости и жалости к самому себе

Все, что делает Бог, Он делает для того, чтобы возвеличить благодать и принизить человеческую гордость.

Дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей... <...> Не отдел, чтобы никто не хвалился (Еф. 2:7,9).

Предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа... в похвалу славы благодати Своей (Еф. 1:5,6).

И незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог... для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом (1 Кор. 1:28,29).

Христианский гедонизм противостоит гордости, ибо гордого человека можно уподобить пустому сосуду под фонтаном Божьим. Бог оберегает нас от самонадеянной попытки стать благодетелями. Здесь могут похвастаться филантропы. А что делать получателям социальных пособий? Основное переживание христианского гедониста — ощущение *нужды*. Когда маленького, беззащитного ребенка на пляже волна сбивает с ног, а отец подхватывает его как раз вовремя, ребенок не хвастается, он прижимается к отцовской груди.

Природа и глубина человеческой гордости проясняются при сравнении двух типов поведения: хвастовства и жалости к самому себе. И то, и другое — проявление гордости. Хвастовство — это гордость за свои успехи. Жалость к себе — реакция гордости на страдание. Хвастун говорит: «Я многого достиг, я заслуживаю восхищения». Человек, жалеющий себя, говорит: «Я заслуживаю восхищения, потому что пожертвовал многим». Хвастовство — голос гордыни в сердце сильного. Жалость к себе — голос гордыни в сердце слабого. Хвас-

тун кажется самодостаточным. Жалеющий себя — принесшим жертву.

Причина, по которой жалость к себе не похожа на гордость, заключена в том, что она маскируется *под нужду*. Но нужду эту порождает уязвленное эго, а желание пожалеть себя в действительности не связано с тем, что человек хочет показаться беспомощным. Наоборот, он хочет, чтобы в нем видели героя. Нужда, которую ощущает человек, жалеющий себя, появляется не потому, что он чувствует себя недостойным, а потому, что достоинства его не признаны. Это ответ неутоленной гордыне.

Христианский гедонизм не оставляет места для жалости к себе. Человек не может жалеть себя, принимая страдание ради обретения радости.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас (Мф. 5:11,12).

Страдая во имя Христа, мы не мобилизуем наши собственные ресурсы, как это делают герои. Скорее мы становимся маленькими детьми, которые верят в силу своего отца и хотят порадоваться, получив от него награду. Как мы видели в последней главе, величайшие страдальцы за Христа всегда отклоняли хвалу и жалость, что свидетельствует об их приерженности христианскому гедонизму.

«Я никогда ничем не жертвовал», — говорил Хадсон Тейлор в последние годы, вспоминая свою жизнь, в которой элемент жертвы присутствовал несомненно. Но то, что он сказал — правда, поскольку воздаяние было столь реальным и длительным, что он пришел к выводу: уступить — значит непременно приобрести, если вы живете душа в душу с Богом... Жертва была велика, но награда была намного больше. Он писал:

«Целый день и каждый день я чувствовал невыразимую радость. Бог, даже Он, мой Бог, оказался живой сияющей реальностью, и все, что мне оставалось делать, — это радостно слушать Ему»¹⁶³.

«Уступить — значит непременно приобрести». Этот лозунг христианского гедонизма знаменует собой конец жалости к себе. В религиозной среде мы видим этот принцип в действии снова и снова. Например, я знал профессора семинарии, который стоял в дверях и показывал людям, как пройти на балкон церкви. Однажды, когда ему пришлось участвовать в богослужении, пастор стал превозносить его желание служить в этой бесславной должности, несмотря на степень доктора богословия. Профессор скромно отверг похвалу, процитировав Псалом 83:

Ибо один день во дворах Твоих лучше тысячи. Желая лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия (Пс. 83:11).

Иными словами, не думайте, что я героически преодолеваю нежелание стоять у дверей святилища. Слово Божье говорит, что это принесет великое благословение!

Большинство людей понимает, что, делая что-либо для собственного удовольствия, получаешь опыт смирения. Когда человек приглашает друзей на обед в ресторан и платит за всех, друзья начинают его хвалить и говорить, как хорошо он поступил, накормив всех за свой счет. Но он останавливает их жестом — стоп! И говорит: «Мне было приятно сделать это». Другими словами, если я делаю что-либо для собственного удовольствия, то повода для гордости уже не существует.

Гордый порыв исчезает по воле Божьей, и это еще одна причина, подвигшая меня к написанию этой книги.

Причина шестая.

Христианский гедонизм проповедует истинную любовь к людям

Человек не перестает чувствовать себя любимым, когда узнает, что его радость сделала счастливым другого человека.

Меня никогда не обвиняли в эгоизме, когда я защищал доброту, основываясь на том, что она доставляет мне наслаждение. И наоборот, добрые поступки хороши, только когда они бескорыстны. Но настоящая противоположность корысти не нейтралитет и не долг, а радость. Верное сердце «любит дела милосердия» (Мих. 6:8), а не просто занимается благотворительностью. Христианский гедонизм насаждает эту истину.

Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его. Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его не тяжки. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир (1 Ин. 5:2-4).

Прочитайте эти стихи в обратном порядке и заметьте логику. Во-первых, рожденный от Бога получает мощь, способную победить мир. Это преподносится как обоснование того, что заповеди Бога нетяжки. Рождение в Боге дает силу, преодолевающую мирское неприятие Божьей воли. Теперь Его заповеди нетяжки, они желанны и следование им — наслаждение. Это и есть Божья любовь — не только требовать исполнения заповедей, но и сделать их нетяжкими.

Затем в ст. 2 говорится, что свидетельством подлинности нашей любви к детям Божиим является любовь к Богу. Чему учит нас этот стих о любви к детям Божиим? Поскольку любить Бога — это значит выполнять Его волю не как тяжкий долг, а с радостью, и так как любовь к Богу — мера подлинности нашей любви к детям Божиим, то и наша любовь к детям Божиим должна быть радостной и бескорыстной. Христианский гедонизм искренне служит делу любви, ибо любовь подвигает нас к радостному подчинению.

Иисус призывал раздавать милостыню. Как он разъяснял необходимость раздачи подаяния? Он говорил: «Продавайте имущества ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе власяницы неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах...» (Лк. 12:33). Иными словами, не держитесь за грошовое

имущество здесь, на земле, когда вы можете получить бесконечные сокровища на небесах, раздавая подаяние! (Вспомним Хадсона Тейлора: «Уступить — значит приобрести непренно».)

Или та же мысль, выраженная немного по-другому: «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6:3,4). Другими словами, не прельщайтесь людской похвалой, пусть мысль о Божьем воздаянии подвигнет вас к любви.

Да, истинная любовь там, где подаяние мотивировано наградой — сокровищами небес. Это не эксплуатация, потому что любящие руки дающего протягивают милостыню во спасение нищего, чтобы и он мог получить ту же награду. Христианский гедонист всегда помнит, что он насладится воздаянием Отца еще сильнее, если поделится с теми, кого привел в небесное содружество.

Если Иисус думал, что разумно привлекать людей к делам любви (Мф. 6:4), обещая награду и сокровища на небесах (Лк. 12:33), то, настаивая, это полностью согласуется с утверждением: христианский гедонизм проповедует подлинную любовь к людям.

Рассмотрим другой пример. В Послании к Евреям всем местным церквам дается такой совет:

Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтоб они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас не полезно (Евр. 13:17).

Получается, что если пастор печется о душах безрадостно, то людям от этого мало пользы; следовательно, пастор, не стремящийся служить с радостью, плохо заботится о пастве. Не искать радости в служении — значит не заботиться о благе наших прихожан.

Поэтому Павел увещевал совершающих милосердные поступки «благоворить с радушием» (Рим. 12:8), поэтому

«доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор. 9:7). Корыстное служение нельзя назвать любовью. Поиск радости через милосердие делает любовь реальностью. Это еще одна причина, подвигшая меня к написанию этой книги.

Причина седьмая.

Христианский гедонизм прославляет Бога

Мы вернулись туда, откуда начали. Так и должно быть. «Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь» (Рим. 11:36).

Ставит ли христианский гедонизм человеческое удовольствие выше Божьей славы? Нет, он находит в Божьей славе место для человеческого удовольствия. Мы ищем не просто радости, а радости в Боге. Божье создание сможет сознательно провозглашать бесконечную красоту и величие Бога, только если оно возрадуется в Нем. Лучше говорить, что мы стремимся возрадоваться в Боге, чем просто: «Мы ищем Бога». Потому что некоторые ищут Бога, не прославив Его.

К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесождениями овнов и туком откормленного скота... (Ис. 1:11).

Наши торжественные собрания могут быть неприятны Богу, как зловоние (ср.: Ам. 5:21-24). Можно искать Бога, не прославляя Его. Если наша цель — прославление Бога, то мы должны искать Его для того, чтобы возрадоваться в общении с Ним.

Поясним это на примере субботы. Бог упрекает Свой народ за то, что в святой день люди угождают «своим прихотям». Но что Он имеет в виду? Он говорит, что они находят удовольствие в своих делах, вместо того чтобы наслаждаться красотой своего Бога. Он упрекает их не за гедонизм. Он упрекает их за то, что они плохие гедонисты. Они улаживают мирские дела, поставив их выше Господа.

Если ты удержишь ногу твою ради субботы от исполнения прихотей твоих во святой день Мой, *и будешь называть субботу отрадой, святым днем Господним, чествуемым*, и почишь ее тем, что не будешь заниматься обычными твоими делами, угождать твоей прихоти и пустословить; то будешь иметь радость в Господе, и Я возведу тебя на высоты земли и дам вкушать тебе наследие Иакова, отца твоего: уста Господни изрек-ли это (Ис. 58:13,14).

Заметим, что именование субботы «отрадой» соответствует именованию святого дня Господнего «чествуемым». Это означает, что мы чествуем то, в чем находим отраду. Иными словами, мы прославляем то, чем наслаждаемся.

Наслаждение Богом и прославление Бога совпадают друг с другом. Божьи вечные замыслы и наша вечная радость едины. Я написал эту книгу, чтобы возвеличить Божье имя и умножить вашу радость, поскольку

основное предназначение человека — прославлять Бога

ЧЕРЕЗ

вечную радость в Нем.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Божий замысел в истории искупления

В гл. 1 я подчеркнул, что конечная цель всех Божьих деяний заключается в сохранении и проявлении Своей славы. Я исходил из того обстоятельства, что во всех Своих атрибутах главное положение занимает Он Сам. Он ценит Свою славу превыше всего остального, наслаждаясь ею, как ничем другим. Данное приложение призвано обосновать это утверждение с помощью Библии. Вашему вниманию будут предложены краткое исследование ключевых положений истории искупления и объяснение, почему Бог поступает так, а не иначе.

Но вначале нам необходимо договориться о терминах.

Термином «слава Божья» в Библии обычно обозначается видимое сияние или нравственная красота разнообразных Божьих совершенств. Используя его, мы пытаемся выразить словами невыразимое — Самого Бога, представшего перед нами во всем Своем величии и превосходстве.

«Имя Божье» — еще один термин, который по значению во многом совпадает с термином «слава Божья». Когда в Писании что-то делается «во имя Божье», это фактически аналогично тому, когда что-то делается «во славу Божью». «Имя» Бога — это не просто Его метка. Оно указывает на Его качества. Термин «слава» лишь более ясно подчеркивает то обстоятельство, что Божьи качества превосходят все существующее. Это не столь очевидно, когда термин «имя» относится к Богу.

Ниже будет дан краткий обзор ключевых положений истории искупления. Мы обратимся к Писанию, чтобы выяснить, каков замысел Бога в истории искупления и во всем, что Он делает.

Творение

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над'рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1:26,27).

Библейский рассказ о творении достигает своей кульминации в описании творения человека (мужчины и женщины) как образа Самого Бога. При этом следует подчеркнуть четыре момента. Во-первых, человек — это завершающий этап Божьего творческого акта, и потому он представляет собой высшее творение. Во-вторых, только он сотворен по образу Божьему. В-третьих, только после сотворения человека по образу Божьему автор Книги Бытие описывает дело творения как «весьма хорошее» (Быт. 1:31). И наконец, человек призван владычествовать, покорять себе землю и наполнять ее (Быт. 1:28).

К чему должен стремиться человек? Из процитированного выше библейского отрывка становится ясно, что творение существует ради человека. Но, поскольку Бог сотворил человека по Своему подобию, человек, владычествуя на Божьем творением и наполняя землю, являет своими действиями подобие Самого Бога. Поэтому Божий замысел состоял в том, чтобы в человеческих деяниях отражался верховный Владыка — Сам Бог. Человек занял высокое положение носителя божественного образа не для того, чтобы возвыситься и стать автономным (чего он добивался, совершая грех против Бога), но чтобы отражать славу своего Творца, образ Которого он нес в себе. Тем самым Божий замысел в творении заключался в том, чтобы наполнить землю Своей славой. Это хорошо видно из слов Самого Бога: «Славы Господней полна вся земля»

(Чис. 14:21) и когда Господь обращается к Своему народу, говоря: «Я сотворил [тебя] *для славы Моей*» (Ис. 43:7).

Вавилонская башня

На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высокую до неба; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли (Быт. 11:1—4)

Цель этой истории — продемонстрировать мышление грешного человека. По контрасту в ней также указывается на цель, к которой Бог призвал человека. Фраза «сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли» (Быт. 11:4) — ключевая во всем отрывке. Инстинкт самосохранения грешного человека все еще заставляет его стремиться к осуществлению поставленной перед ним задачи. Однако делает он это, доверяя не Богу, а самому себе, делая ставку на свой талант. Потому и прославляет он не имя *Божье*, а *свое собственное* имя.

Решив построить башню, человек нарушил Божий замысел, и потому Господь расстроил его планы. Он делает это всегда, когда люди не желают исполнять Его волю. Бог хотел, чтобы человек доверял Ему и надеялся на Него. И это становится еще более очевидно при рассмотрении следующего ключевого момента в истории искупления.

Призвание Аврама

И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение (Быт. 12:1,2).

Это поворотный момент в истории Божьих взаимоотношений с человечеством. Бог призывает Аврама и кладет

начало Своим отношениям с израильским народом. Между призыванием Аврама и строительством Вавилонской башни существует большое различие. Бог говорит, что возвеличит имя Аврама, тогда как при строительстве башни люди сами хотели сделать себе имя.

Различие состоит в следующем: когда человек пытается сам сделать себе имя, он доверяет самому себе и не отдает всю славу Богу. Но когда имя человеческое возвеличивается Самим Богом, единственное, что может сделать человек в ответ, — это довериться Господу и отдать Ему всю славу. Аврам, поверив Богу (см.: Быт. 15:6), доказал, что он в корне отличается от строителей Вавилонской башни.

Апостол Павел проводит связь между верой Аврама и Божьей славой: «Не поколебался в обетовании Божиим неверием, *но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу*, и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное» (Рим. 4:20,21). Так что, в отличие от строителей башни, избранные Богом потомки Авраама — это люди, которые доверяют Господу и тем самым отдают Ему всю славу. Об этом Господь говорит предельно ясно: «Ты раб Мой, Израиль, *в Тебе Я прославлюсь*» (Ис. 49:3).

Исход

По окончании периода патриархов (так называются Авраам, Исаак и Иаков), история жизни которых описана в Быт. 12—50, израильский народ провел несколько столетий в земле Египетской, где чрезвычайно размножился, а затем попал в рабство. Уже будучи рабами, они воззвали к Божьему милосердию, и в ответ на это Бог избавил их из Египта рукой Моисея. Проведя Свой народ через пустыню, Он ввел их в обетованную землю. О том, каков был Божий замысел в истории избавления евреев из египетского плена, можно прочитать не только в Книге Исход, но и в других местах Библии, например, в Книге Пророка Иезекииля и в Псалтири:

И скажи им: так говорит Господь Бог: в тот день, когда Я избрал Израиля и, подняв руку Мою, поклялся племени дома Иаковлева, и открыл Себя им в земле Египетской и, подняв руку, сказал им: «Я — Господь Бог ваш!» — в тот день, подняв руку Мою, Я поклялся им вывести их из земли Египетской в землю, которую Я усмотрел для них, текущую молоком и медом, красу всех земель. И сказал им: отвергните каждый мерзости от очей ваших и не оскверняйте себя идолами Египетскими: Я — Господь Бог ваш! Но они возмутились против Меня и не хотели слушать Меня; никто не отверг мерзостей от очей своих и не оставил идолов Египетских. И Я сказал: изолью на них гнев Мой, истощу на них ярость Мою среди земли Египетской. Но *Я поступил ради имени Моего*, чтоб оно не хулилось пред народами, среди которых находились они, и пред глазами которых Я открыл Себя им, чтобы вывести их из земли Египетской (Иез. 20:5-9).

Согрешили мы с отцами нашими, совершили беззаконие, соделали неправду. Отцы наши в Египте не уразумели чудес Твоих, не помнили множества милостей Твоих, и возмутились у моря, у Чермного моря. Но Он спас *их ради имени Своего, дабы показать могущество Свое* (Пс. 105:6—8).

Не вызывает сомнений то, что избавление евреев из Египта произошло ради Божьего имени, а не благодаря их собственному достоинству. Об этом ясно говорится в самом описании исхода:

А Я ожесточу сердце фараона, и он погонится за ними, и *покажу славу Мою на фараоне* и на всем войске его; и *познают* Египтяне, что Я — Господь. <...> И узнают Египтяне, что Я Господь, когда *покажу славу Мою на фараоне*, на колесницах его и на всадниках его (Исх. 14:4,18).

Бог действует так, чтобы люди признали Его славу и подчинились Тому, Кто есть Господь над всем творением. Поэтому исход, будучи примером для всех остальных Божьих дел спасения, призван продемонстрировать всем последующим поколениям, что в деле спасения Израиля Бог хотел прославить Себя и сотворить Себе народ, который бы доверял Ему и наслаждался Его славой.

Установление закона

Когда Израиль достиг горы Синай, Бог призвал Моисея взойти на гору и дал ему Десять заповедей и разнообразные законы для регулирования жизни нового общества. Основой всего закона служат следующие слова:

Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня (Исх. 20:3-5).

Когда Бог говорит нам, чтобы мы не имели других богов пред лицом Его и что Он — Бог ревнитель, Он указывает на высшую цель закона — отдавать всю честь и славу Ему одному. Он только что явил Свою милость и силу, освободив Израиль от рабства в Египте. Теперь же, дав евреям закон, Он требует от них соответствующего отклика — чтобы они любили Его и исполняли данные Им заповеди.

Любовь к Богу не означает, что мы должны удовлетворять Его нужды; скорее нам следует радоваться в Нем, покориться Его могущественной силе и благодати и признать Его владычество над всем творением. Остальные заповеди говорят о том, что мы должны делать от всего сердца, если при этом наши сердца подлинно наслаждаются славой Божьей благодати и умиротворяются в ней.

Скитания по пустыне

У Бога была веская причина, чтобы наказать Свой народ в пустыне за ропот, неверие и идолопоклонство. Однако Он вновь и вновь удерживал Свою руку от наказания и миловал их ради Своего собственного имени.

Но и сыновья возмутились против Меня: по заповедям Моим не поступали и уставов Моих не соблюдали, не исполняли того,

что исполняя, человек был бы жив, нарушали субботы Мои; и Я сказал: изолью на них гнев Мой, истощу над ними ярость Мою в пустыне; но Я отклонил руку Мою и *поступил ради имени Моего*, чтоб оно не хулилось пред народами, пред глазами которых Я вывел их (Иез. 20:21,22; ср.: Иез. 20:13,14).

Бог оберегал Свой народ в пустыне по той причине, по какой Он сохранил его от истребления, вняв молитве Моисея:

Вспомни рабов Твоих, Авраама, Исаака и Иакова; не смотри на ожесточение народа сего и на нечестие его и на грехи его, дабы живущие в той земле, откуда Ты вывел нас, не сказали: «Господь не мог ввести их в землю, которую обещал им, и, ненавидя их, вывел Он их, чтоб умертвить их в пустыне». А они Твой народ и Твой удел, который Ты вывел из земли Египетской силою Твоею великою и мышцею Твоею высокою (Втор. 9:27-29; см. также: Чис. 14:13-16; Исх. 32:11-14).

Моисей напоминает Богу об обещании, которое было дано патриархам. Бог, говорит он, *разумеется, не хочет того, чтобы Его имя подверглось поруганию*, что непременно произойдет, если израильский народ погибнет в пустыне. Египтяне скажут, что у Бога просто не было сил, чтобы ввести Свой народ в Ханаанскую землю. Позволяя Моисею молиться в таком ключе, Бог ясно дает понять, что Его решение смягчить Свой гнев продиктовано *славой Его имени*.

Покорение Ханаана

В Книге Иисуса Навина рассказывается о том, как Израиль, при Божьей помощи, одержал победу над народами, населявшими Ханаанскую землю. В конце книги указана причина, по которой Бог помог Своему народу:

Я послал пред вами шершней, которые прогнали их от вас, двух царей Аморрейских; не мечем твоим и не луком твоим следовало это. И дал Я вам землю, над которою ты не трудился, и города, которых вы не строили, и вы живете в них; из виноградных и масличных садов, которых вы не насаждали, вы едите плоды. *Итак бойтесь Господа, и служите Ему в чистоте и искренности;*

отвергните богов, которым служили отцы ваши за рекою и в Египте, а служите Господу (Нав. 24:12-14).

Словами «*итак бойтесь Господа*» подытоживается все то, что сделал для Израиля Бог, дав им обетованную землю. Логический порядок вещей подсказывает, что, даруя израильтянам Ханаан, Бог хотел, чтобы они боялись и почитали только Его одного. Иными словами, Господь преследовал цель создать Себе такой народ, который бы признавал Его славу и наслаждался ею превыше всего остального. Что такова и была конечная цель Бога, подтверждает и Давид в своей молитве:

И кто подобен народу Твоему Израилю, единственному народу на земле, для которого приходил Бог, чтобы приобрести его Себе в народ, и *прославить Свое имя*, и совершить великое и страшное пред народом Твоим, который Ты приобрел Себе от Египтян, изгнав народы и богов их? (2 Цар. 7:23).

Начало периода монархии

После периода судей (описание которого даны в Книге Судей) наступает эпоха царей. Израиль стал просить у Бога царя. И хотя причина, по которой израильтяне просили себе царя, была греховной (ибо Израиль хотел быть похожим на другие народы, которыми правили цари), Бог не истребил Свой народ. Библия так объясняет нам причину, побудившую Бога проявить Свою милость:

И сказал весь народ Самуилу: помолись о рабах твоих пред Господом, Богом твоим, чтобы не умереть нам; ибо ко всем грехам нашим мы прибавили еще грех, когда просили себе царя. И отвечал Самуил народу: не бойтесь, грех этот вами сделан, но вы не отступайте только от Господа, и служите Господу всем сердцем вашим. И не обращайтесь вслед ничтожных богов, которые не принесут пользы и не избавят; ибо они — ничто. Господь же не оставит народа Своего *ради великого имени Своего*; ибо Господу угодно было избрать вас народом Своим. И я также не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас, и буду наставлять вас на путь добрый и прямой (1 Цар. 12:19-23).

Несмотря на то что при учреждении монархического строя израильтяне согрешили, Бог сохранил Свой народ от истребления. Он сделал это для того, чтобы не бесславилось Его имя. Такова главная цель милосердия, которое Он проявил по отношению к Своему народу.

В период правления царей Бог явил Свою милость еще раз, возведя на трон человека по Своему сердцу, царя, чьи цели совпадали с Божьими целями. Это видно из молитвы Давида: «*Ради имени Твоего, Господи, прости согрешение мое, ибо велико оно*» (Пс. 24:11). А в самом известном псалме Давид говорит, что Бог руководствуется славой Своего имени, когда ведет Свой народ: «[Он] направляет меня на стези правды *ради имени Своего*» (Пс. 22:3).

Храм Божий

Третья и Четвертая книги Царств повествуют нам о промежутке времени в истории израильского народа между правлением Соломона, сына Давида, и вавилонским пленением. Этот период длился около четырехсот лет и закончился в 587 г. до н. э. В 3 Цар. 8 мы находим молитву Соломона при освящении построенного храма:

Если и иноплеменник, который не от Твоего народа Израиля, придет из земли далекой *ради имени Твоего*, — ибо и они услышат о Твоем имени великом и о Твоей руке сильной и о Твоей мышце простертой, — и придет он и помолится у храма сего: услышь с неба, с места обитания Твоего, и сделай все, о чем будет взывать к Тебе иноплеменник, *чтобы все народы земли знали имя Твое, чтобы боялись Тебя*, как народ Твой Израиль, чтобы знали, что *именем Твоим называется храм сей*, который я построил. Когда выйдет народ Твой на войну против врага своего путем, которым Ты пошлешь его, и будет молиться Господу, обратившись к городу, который Ты избрал, и к храму, который я построил *имени Твоему*: тогда услышь с неба молитву их и прошение их, и сделай, что потребно для них (3 Цар. 8:41-45).

Не вызывает сомнений тот факт, что цель Соломона при строительстве храма совпадала с замыслом Божьим: «Мое имя

будет там» (3 Цар. 8:29). Эта цель заключалась в том, чтобы прославилось Божье имя и все народы узнали Бога, стали почитать и бояться Его.

Избавление в период царей

После смерти Соломона Израильское царство разделилось надвое: Северное царство и Южное царство. Можно с уверенностью сказать, что даже в это время Бог продолжал являть Свою милость и не отказывался от Своего изначального замысла — прославлять и возвеличивать Свое имя. Воцарение Езекии в Иудее в конце VIII в. до н. э. — лучший пример этого.

Ассирийцы под предводительством Сеннахирима выступили против Иудеи. Езекия обратился к Господу с молитвой об избавлении от врага. Ответ от Господа пришел через пророка Исайю: «Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего» (4 Цар. 19:34). То же самое Бог говорит еще раз: «От руки царя Ассирийского спасу тебя и город сей, и защищу город сей ради Себя и ради Давида, раба Моего» (4 Цар. 20:6).

Пленение и обещание восстановления

Около 587 г. до н. э. Иерусалим пал под натиском вавилонян (Северное царство было разрушено ассирийцами в 722 г. до н. э.). Иудеи были переселены в Вавилон. Создается впечатление, что Бог покинул Свой народ. Но если это так, то как быть с Его святым именем, к славе которого Он относился так ревностно на протяжении многих столетий? Но вскоре мы обнаруживаем, что Бог и не думал покидать Свой народ. Он по-прежнему милосерден к нему. Исайя показывает, что Божий замысел не изменился:

Ради имени Моего отлагал гнев Мой, и ради славы Моей удерживал Себя от истребления тебя. Вот, Я расплавил тебя, но не как серебро; испытал тебя в горниле страдания. Ради Себя,

ради Себя Самого делаю это, — ибо какое было бы нареkanie на имя Мое! славы Моей не дам иному (Ис. 48:9-11).

Также и Иезекииль, пророчествовавший во время вавилонского пленения, говорит о том, что Бог по Своей милости восстановит Израиль. Он объясняет, почему Бог сделает так:

Посему скажи дому Израилеву: так говорит Господь Бог: *не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего*, которое вы обеславили у народов, куда пришли. *И освящу великое имя Мое*, бесславленное у народов, среди которых вы обеславили его, и узнают народы, что Я — Господь, говорит Господь Бог, когда явлю на вас святость Мою пред глазами их. <...> Не ради вас Я сделаю это, говорит Господь Бог, да будет вам известно. Краснейте и стыдитесь путей ваших, дом Израилев (Иез. 36:22,23,32).

Спасение — это не причина, чтобы кичиться им перед Богом. Оно дает возможность для самоуничужения и радости в Божьей благодати от нашего имени. Эта благодать не зависит от того, какие мы. Своим источником она имеет Божье непреодолимое желание возвеличить Свою славу от имени Своего народа.

Пророки эпохи восстановления

Захария, Аггей и Малахия пророчествовали, когда Израиль уже возвратился из плена. Их пророчества, характеризующие последний этап ветхозаветной истории, отражают убеждение, что после возвращения евреев из плена Божья цель осталась прежней — прославление Своего собственного имени.

Захария пророчествует о восстановлении Иерусалима: «Я прославлюсь посреди него» (Зах. 2:5).

Аггей говорит о том же самом: «Стройте храм; и Я буду благоволить к нему и прославлюсь, говорит Господь» (Агг. 1:8).

Малахия обличает нечестивых священников, служащих в новом храме: они не приняли к сердцу, чтобы воздавать славу Божьему имени (Мал. 2:2).

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Переходя от Ветхого Завета к Новому Завету, мы переходим от эпохи обетования к эпохе их исполнения. Предсказанный в Ветхом Завете Мессия пришел. Однако Божья конечная цель не изменилась. Стали иными лишь определенные обстоятельства достижения этой цели.

Жизнь и служение Иисуса

На основании двух отрывков, находящихся в Евангелии от Иоанна, можно с уверенностью сказать, что жизнь и служение Иисуса Христа были посвящены прославлению Его небесного Отца. Незадолго до Своей смерти Иисус молился: «Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить» (Ин. 17:4). О Своем служении Он говорил: «Говорящий сам от себя ищет славы себе; а кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем» (Ин. 7:18). Несомненно, что Иисус имел горячее желание и жизненную цель прославить Своего небесного Отца через исполнение Его воли (Ин. 4:34).

Смерть Иисуса

В Гефсиманском саду Иисус в последний раз тщательно обдумывал, стоит избегать часа смерти или все же взойти на Голгофу. Он отверг легкий вариант, зная, что именно через смерть Он доведет до конца дело прославления Своего Отца.

Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел. *Отче! прославь имя Твое.* Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю (Ин. 12:27,28).

Своей смертью Иисус добивался славы Своего Отца. Готовность Сына Божьего расстаться со Своей славой, чтобы

исправить тот вред, который был нанесен Божьей славе нашими грехами, ярко продемонстрировала, сколь ценна Божья слава. Разумеется, смерть Христа явила также Божью любовь к нам. Однако не мы находимся в центре этой смерти, а слава Божья.

Бог послал Своего Сына на крест «для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде» (Рим. 3:25). Иными словами, когда Бог прощал грехи, совершенные во времена Ветхого Завета, и показывал Свое долготерпение по отношению к грешникам, создавалось впечатление, что Его слава не была бесценной. Поэтому для возвеличивания Его имени и славы требовалась смерть Его собственного Сына. Тем самым Христос пострадал и умер ради славы Своего Отца, что наглядно демонстрирует праведность Божью. Эта праведность состоит в том, что Бог верен Самому Себе и не обесценивает достоинство Своей славы¹⁶⁴.

Христианская жизнь

Действия Христа, направленные на возвеличивание Божьей славы, неминуемо подводят нас к заключению, что перед испуленным народом, Церковью, ставится задача всей своей жизнью прославлять Бога. Об этом недвусмысленно говорит апостол Павел: «Итак, едите ли, пьете ли, или (иное) что делаете, *все делайте в славу Божию*» (1 Кор. 10:31).

Петр утверждает, что наше христианское служение имеет свою цель — прославление Бога, а также Того, Кто делает нас способными ко всякому добру: «Говорит ли кто, говори как слова Божий; служит ли кто, служи по силе, какую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог чрез Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь» (1 Пет. 4:11).

Иисус, наставляя Своих учеников в том, чтобы их повседневная жизнь была проникнута определенной целью, говорит: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16).

Второе пришествие Христа и кульминация всей истории

Второе пришествие Христа укрепляет надежды и вселяет страх. О тех, кто не верит в Благою весть, говорится:

Которые подвергнутся наказанию, вечной гибели, от лица Господа и от славы могущества Его, когда Он придет *прославиться во святых Своих и явиться дивным в день оный во всех веровавших*, так как вы поверили нашему свидетельству (2 Фес. 1:9,10).

Иисус Христос возвратится не только для того, чтобы окончательно спасти Свой народ. Через их спасение Он должен «прославиться во святых Своих и явиться дивным в день оный во всех веровавших» (2 Фес. 1:10).

Мое последнее замечание касается кульминационной точки истории, описание которой дается в Книге Откровение. Иоанн изображает новый Иерусалим, прославленную Церковь: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец» (Отк. 21:23). Христиане будут жить вечно в свете Бога-Отца и Бога-Сына. Кульминацией Божьего замысла в истории станет Божья слава, которую увидит и прославит все творение. Конечная цель Отца озвучена молитвой Сына: «Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, *да видят славу Мою*, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира» (Ин. 17:24).

Заключение

Какой вывод можно сделать из краткого обзора истории искупления? Мы можем сказать, что главная цель *Бога* — прославить Себя и вечно наслаждаться Собой. В центре всех Своих чувств стоит Он Сам. По этой причине Он — самодостаточный и неисчерпаемый источник благодати.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Можно ли назвать Библию надежным проводником к вечной радости?

Существует ли Бог?

О том, что Библия абсолютно достоверна, были написаны целые тома¹⁶⁵. Но для того чтобы быть до конца честными перед самими собой, нам необходимо вкратце рассмотреть, по какой причине все свои надежды мы возлагаем на послание, содержащееся в этой книге. Я надеюсь, что смогу придерживаться «золотой середины» между неоправданным догматизмом, с одной стороны, и преувеличенной апологетикой, с другой.

Давайте начнем с самого основного уровня веры. «Я верю в Бога». Для такого утверждения могут быть какие-либо социальные или семейные причины, равно как подобные же причины определяют наше положение в обществе. Но при попытке обоснования и проверки врожденной веры в Бога нельзя избежать реальности Его существования.

Предположим, я попробую переместиться на миллионы лет назад, чтобы представить природу первоначальной реальности. На что это было похоже? Что я вижу, так это неоспоримый факт существования вероятности того, что в пятидесяти процентах из ста первоначальная реальность была Личностью, а не газом. Подумайте об этом. Что бы ни существовало изначально, нет никаких причин утверждать, что первоначальная субстанция была скорее газом, а не личностью. Любой разумный человек должен признать, что это равнозначно подбрасыванию монеты. Возможно, извечно существовало некое неопределенное вещество. Но, возможно, это была Личность!

Допуская возможность, что первичная реальность могла быть личностной, мы сможем более открыто принять последующее обоснование. Мой собственный вывод из порядка вещей, сложившегося во вселенной, самого существования человеческой личности, всеобщего чувства совести (нравственное самоосуждение) и справедливого воздаяния (осуждение тех, кто порочит нас) состоит в том, что Первичная Реальность не безличностна. Она — Личность. Я считаю, невозможно верить в то, что человеческая трагедия с поиском смысла, красоты и истины, разыгрывающаяся на протяжении веков, — это не что иное, как цепочка молекулярных мутаций.

Множестворелигий, множествобогов

Найдя источник бесконечного счастья, я перехожу к поискам этого счастья в Боге — личностном Творце всего мироздания. И абсолютно правдоподобным выглядит для меня утверждение, что человек, отвергающий или игнорирующий своего Создателя, никогда не найдет вечного счастья. Я постоянно удивляюсь людям, которые говорят, что верят в Бога, но при этом живут так, будто счастье можно отыскать, отдавая Ему два процента своего внимания. Несомненно, конец света покажет абсурдность такого отношения к Богу.

Но лишь только мы начинаем поиски своего счастья в Боге, наш путь преграждают многочисленные требования и религии. Почему мы должны основывать свою надежду на утверждении, что христианская Библия — это истинное откровение Божье? Обычно я отвечаю, что Иисус Христос — центр и вершина всей Библии — завоевал мое доверие реальностью Своего существования, Своей любовью и властью. Его подлинность и любовь я нахожу в записях Его слов и деяний, а Его власть наиболее полно проявляется в воскресении из мертвых.

Слушая свидетельство о Христе

Вам совсем необязательно верить в непогрешимость Библии, чтобы обнаружить в ее повествовании Человека с бесподобными качествами. Наоборот, наиболее разумный способ первого знакомства с Библией заключается в открытом и честном восприятии разнообразных свидетельств о Христе, чтобы увидеть, действительно ли подлинны эти свидетельства и этот Человек. И если они таковы, то все, что говорят о Библии Христос и эти свидетельства, приобретет новый авторитет и тогда вы придете к принятию всей Библии (как принимаю ее я) как богодухновенного, непогрешимого Слова. Но начинать с этого принципиального положения вам не стоит.

Бесподобный Христос

Позвольте мне прояснить, что я понимаю под подлинностью послания Христа и Его свидетельств. Библейские тексты представляют Христа человеком, имеющим несравненную любовь к Богу и людям. Он гневался, когда Бога порочили неверием (Мк. 11:15-17), а человек был раздавлен религией (Мк. 3:4,5). Он учил быть нищим духом, кротким, алчущим правды, чистым сердцем, милостивым, миротворцем (Мф. 5:3-9). Он убеждал нас чтить Бога сердцем (Мф. 15:8) и отказаться от лицемерия (Лк. 12:1). Он Сам исполнял то, чему учил. Всю Свою жизнь Он провел, «благотворя и исцеляя» (Деян. 10:38).

Он уделял время маленьким детям и благословлял их (Мк. 10:13—16). Он ломал социальные барьеры, помогая женщинам (Ин. 4), чужестранцам (Мк. 7:24-30), прокаженным (Лк. 17:11-19), распутницам (Лк. 7:36-50), мытарям (Мф. 9:9-13) и нищим (Мк. 10:46-52). Как раб, Он омыл ноги учеников, уча их, что лучше служить самому, чем пользоваться

трудом других (Ин. 13:1 — 17). И даже будучи полностью обес-
силенным, Он проявлял сострадание к толпам народа, шед-
шим за Ним (Мк. 6:31—34). Когда Его собственные ученики
проявили непостоянство и были готовы отречься от Него и
забыть Его, Он хотел оставаться с ними (Лк. 22:15) и молился
за них (Лк. 22:32). Он говорил, что Его жизнь была искупле-
нием для многих (Мк. 10:45), а во время Своей казни, в воз-
расте тридцати трех лет, Он молился о прощении Своих па-
лачей (Лк. 23:34).

Но Иисус представлен в Библии не только полным любви
к Богу и людям, но и совершенно правдивым и истинным. Он
не пользовался Своей властью для достижения земных поче-
стей. Он направлял людей к Своему небесному Отцу. «Гово-
рящий сам от себя ищет славы себе; а кто ищет славы Послав-
шему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем» (Ин. 7:18). В
Нем нет и намек на самовлюбленность или шарлатанство.
Он находится в мире с Самим Собой и с Богом. Он истинен.

Это подтверждается тем, как Он видел людей сквозь их
притворство (Мф. 22:18). Он был настолько чист и проница-
телен, что в споре Его невозможно было запутать или загнать
в угол (Мф. 22:15—22). Он был удивительно нелицеприятен в
Своих требованиях, даже по отношению к тем, к кому испы-
тывал особое чувство (Мк. 10:21). Он никогда не смягчал уче-
ние о праведности, чтобы увеличить число последователей
или заслужить расположение. Даже его противники поража-
лись Его безразличию к человеческой славе: «Учитель! мы
знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-
либо, ибо не смотришь ни на какое лицо, но истинно пути
Божию учишь» (Мк. 12:14). Он никогда не отказывался от
Своих заявлений и не мог быть уличен в неправде (Ин. 8:46).
Он был кроток и смирен сердцем (Мф. 11:29).

Но что делало все это поистине удивительным, так это
скромная, но бесспорная *власть*, сопровождавшая все про-
изнесенное и содеянное Им. Служители фарисеев говорили
и от нашего имени, когда утверждали, что «никогда человек

не говорил так, как Этот Человек» (Ин. 7:46). Было в Нем что-
то очевидно иное, «ибо Он учил их, как власть имеющий, а
не как книжники и фарисеи» (Мф. 7:29).

Его заявления не были открытой декларацией земной вла-
сти, какую ожидали евреи от Мессии. Но тем не менее Его
учение было безошибочным. И хотя в то время никто не по-
нял смысла, вне сомнения, Христос сказал: «Разрушьте храм
сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2:19, Мф. 26:61). Для
них это заявление показалось полным абсурдом, ведь не мог
же Он в одиночку воссоздать здание, на возведение которого
потребовалось сорок шесть лет. Но в таком типичном для Себя
иносказательном ключе Христос говорил о Своем воскресе-
нии Своей собственной силой.

В последнем споре с фарисеями Иисус обескуражил их
Своим вопросом: «Что вы думаете о Христе? чей Он Сын?
Говорят Ему: Давидов» (см.: Мф. 22:41—45). На что Иисус
процитировал Псалом 109: «Сказал Господь Господу моему:
седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие
ног Твоих» (Пс. 109:1). А потом, с едва скрываемым авторите-
том, спросил: «Итак, если Давид называет Его Господом, как
же Он сын ему?» (Мф. 22:45). Иными словами, имеющий гла-
за увидит в Нем большего, чем просто сына Давидова.

«Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его,
ибо они покаются от проповеди Иониной; *и вот, здесь*
больше Ионы. Царица Южная восстанет на суд с родом сим
и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послу-
шать мудрости Соломоновой; *и вот, здесь больше Соломо-
на*» (Мф. 12:41,42). Подобные этому скрытые заявления про-
сматриваются во всех словах и деяниях Христа.

Помимо этого, Он приказывал духам нечистым, и они
подчинялись Ему (Мк. 1:27). Он прощал грехи (Мк. 2:5). Он
призывал людей бросить все и следовать за Ним к вечной
жизни и сокровищам на небесах (Мк. 10:17—22, Лк. 14:26—33).
И также Он сделал удивительное заявление, сказав, что «вся-
кого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю

и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10:32,33).

Может быть, в качестве доказательства я выдвигаю то, что само требует доказательства?

Возможно, кто-то скажет, что я выдвигаю в качестве доказательства то, что само требует доказательства. Разве я не принимаю достоверность библейского описания Иисуса, пытаюсь доказать это? Не совсем так. набросанный мной портрет не принадлежит сугубо одному лишь автору или (как сказали бы ученые критики) определенному традиционному слою. Неважно, как далеко вы продвинетесь в критическом изучении Евангелия, вы никогда не обнаружите исторического Иисуса, существенно отличающегося от описанного здесь. Другими словами, вы не должны *принимать* достоверность повествований. Вы, если пожелаете, можете допустить и обратное. Но чем более строго вы подвергнете их четкому историческому анализу, тем скорее вы обнаружите, что не существует никакого отличия между Иисусом историческим и Иисусом евангельским, где образ этого необыкновенного Человека был создан человеческим воображением.

Другими словами, я не начинаю с того, что принимаю Евангелие как богодухновенное или непогрешимое. Я пытаюсь показать, что определенное описание Иисуса имеет общие характеристики во всех свидетельствах и корни его могут уйти столь же глубоко, насколько может уйти историческая критика.

Кем вы считаете Иисуса?

Каким образом объясняется столь стройное описание, выдержавшее испытание древностью? Возможно, какой-то

неизвестный гений-творец взял обычного человека, Иисуса, придумал его деяния силы и слова любви, власти и истины, а затем представил Церкви этого изобретенного Иисуса, с такой обманчивой властью, что множество народа с самого начала готово было отдать свою жизнь за этого мифического Христа? И далее, должны ли мы поверить в то, что все авторы Священного Писания проглотили эту приманку — особенно в течение тех десятилетий, пока были живы те, кто знал настоящего Иисуса? И потому не самым ли разумным или прочно обоснованным действием было бы предположить, что настоящий человек, Иисус Христос, в действительности говорил и совершил все то, о чем свидетельствует Библия?

Вы сами должны ответить на этот вопрос. На мой взгляд, неизвестный изобретатель такого Иисуса является более непостижимым существом, чем реальный Иисус. Таким образом, у меня возникает вопрос, как мы должны относиться к человеку, оставившему такое наследие?

Я не могу морально причислить Его к бедным душам, страдающим от патологических иллюзий собственного величия. Не могу я причислить Его и к величайшим выдумщикам в истории мира, назвать обманщиком, спланировавшим и управлявшим всемирным миссионерским движением, опираясь на мистификацию. Напротив, я вынужден признать Его правдивость. И мой разум, и мое сердце сами склоняются к тому, чтобы утвердиться в верности этому Человеку, ибо Он завоевал мое доверие.

Подтверждение воскресения Иисуса из мертвых

Наряду с этими доказательствами мы должны также рассмотреть доказательство воскресения Иисуса из мертвых. Если Он не воскрес, а так же, как и мы, не выходил за рамки творения, то все экстраординарное значение Его Слова и жизни не стоит ничего. Но если Он преодолел смерть, то все

Его высказывания и характерные черты получают свое подтверждение, а Его учение относительно Библии становится стандартом для нас. Не углубляясь в детали, я приведу здесь шесть причин, упрочивающих мою веру в воскресение Иисуса.

1. Иисус свидетельствовал о собственном грядущем воскресении.

Независимые свидетели излагают в совершенно разных формах сделанное самим Иисусом заявление, что если враги разрушат храм, то Он восстановит его в три дня (Ин. 2:19, Мк. 14:58, Мф. 26:61). Также Иисус иносказательно говорил о «знамени Ионы» — трех днях в глубине земли (Мф. 12:39,40; 16:4). Следовательно, правдивость Иисуса указывает на реальность грядущего воскресения. И Он снова подчеркивает это в другом месте: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Мф. 21:42).

2. На Пасху гроб оказался пуст. Существует четыре варианта объяснения происшедшего.

1) *Его враги выкрали тело.* Если это так (а сами враги никогда не признавали этого), то они, вне всякого сомнения, должны были представить тело, чтобы прекратить успешное распространение христианской веры в том самом городе, где произошло распятие. Но они не смогли предъявить тело.

2) *Его тело выкрали друзья.* Это был самый первый слух (Мф. 28:11-15). Возможно ли это? Могли ли они миновать стражу, караулившую гроб? И, что наиболее важно, смогли бы они с таким авторитетом проповедовать о воскресении Христа, зная, что на самом деле это не так? Стали бы они рисковать своей жизнью и подставлять себя под удары ради чего-то, что на самом деле было обманом?

3) *Иисус не был мертв, а лишь находился без сознания, когда Его положили в гроб.* Он очнулся, отодвинул камень, миновал солдат и исчез из истории после нескольких встреч с учениками, и во время этих свиданий Он убедил их (учеников), что воскрес из мертвых. Даже недруги Иисуса не высказывали подобных мыслей. Вне всякого сомнения, Он был мертв.

Человек, с колотой раной в боку, пригвожденный к кресту и провисевший на нем в течение шести часов, физически не мог в одиночку сдвинуть камень, преграждавший вход в гробницу.

4) *Бог воскресил Иисуса из мертвых.* Именно об этом Он говорил. Именно это, по словам Его учеников, и произошло.

Но пока существует малейшая возможность естественного объяснения воскресения, наши современники не советуют нам делать «прыжок» в сверхъестественное. Разумно ли это? Я так не думаю. Конечно же, нам не хочется быть легковерными. Но мы также не хотим отвергать правду лишь потому, что она кажется странной. Нам необходимо проявить осторожность, чтобы наши предпочтения не оказали влияния на наши обязательства — будь то положение дел, вытекающее из правды о воскресении или же из фальшивого представления о воскресении. Если весть об Иисусе открыла вам реальность существования Бога и, скажем, необходимость прощения, тогда догма естественного объяснения теряет власть над вашим разумом. Возможно, эта открытость представляет собой не непредвзятое отношение к воскресению, а освобождение от предубеждения против него?

3. Почти сразу из людей, потерявших надежду после распятия и полных страха (Лк. 24:21, Ин. 20:19), ученики превратились в смелых и уверенных свидетелей воскресения (Деян. 2:24; 3:15; 4:2). Они объясняли это тем, что видели воскресшего Христа и получили власть быть Его свидетелями (Деян. 2:32). Наиболее популярным контраргументом считается утверждение, что их уверенность была вызвана галлюцинациями. Однако это замечание имеет множество недостатков.

Во-первых, галлюцинации носят, как правило, частный характер, тогда как Павел в Первом послании к Коринфянам пишет, что Иисус «явился более нежели пятистам братии в одно время, из которых большая часть доныне в живых» (1 Кор. 15:6). Всякий сомневающийся мог обратиться непосредственно к ним.

Далее, ученики отнюдь не были такими доверчивыми людьми; скорее они были рассудительными скептиками как до, так и после распятия (Мк. 9:32, Лк. 24:11, Ин. 20:8,9,25).

Боле того, неужели глубокое и благородное учение тех, кто был свидетелем воскресения Христа, можно назвать источником галлюцинаций? Как же тогда быть с величайшим Посланием к Римлянам апостола Павла?

4. Несомненное существование процветающей, завоевавшей империю ранней христианской Церкви подтверждает правдивость доктрины о воскресении. Церковь распространилась благодаря силе свидетельства о том, что Иисус воскрес из мертвых и Бог, таким образом, сделал Его Господом и Христом (Деян. 2:36). Власть Христа над всеми народами опирается на Его победу над смертью. Эта весть распространилась по всему миру. Ее сила, способная разрушить культурные барьеры и создать единый Божий народ, стала крепким доказательством ее истинности.

5. Обращение апостола Павла — это еще одно подтверждение правдивости воскресения. В Послании к Галатам (1:11—17) он убеждал своих отчасти черствых читателей в том, что его весть исходит от живого Иисуса Христа. Доказательством служит то, что до путешествия в Дамаск Павел был яростным противником и гонителем христианства. А теперь, к искреннему всеобщему удивлению, он рискует своей жизнью ради Евангелия. И Павел объясняет это так: на пути ему явился воскресший Христос и направил его проповедовать среди язычников (Деян. 26:15—18). Разве это не доказательство?

Это соображение подводит нас к последнему аргументу в защиту воскресения.

6. На свидетелях Нового Завета нет клейма обманутых или же обманщиков. Каким образом вы верите свидетелю? Как вы решаете, стоит ли верить доказательствам? Решение поверить тому или иному личному свидетельству — это не решение математического уравнения. Это уверенность иного рода, которая прочна (я верю заявлению своей жены о том, что она мне верна).

Если свидетель мертв, мы можем судить о нем по его записям и свидетельствам других. Каким образом объединились Петр, Иоанн, Матфей и Павел?

На мой взгляд (а по этому вопросу мы можем судить «по самим себе» — Лк. 12:57), повествования этих мужей не похожи на записи доверчивых, легко поддающихся обману или обманываемых людей. Они глубоко, до самого основания понимали человеческую природу. Их преданность Богу была трезвой и тщательно сформулированной. Их учение было ясным и не выглядело изобретением неуравновешенной личности. Их нравственный и духовный стандарт был высок. А жизнь этих мужей, как это видно из их посланий, была полностью посвящена правде и прославлению Бога.

Иисус — истинное откровение Божье

Вот некоторые (но не все!) доказательства, которые укрепляют мою веру в Иисуса, как в истинное откровение Бога. Прежде чем я попытаюсь объяснить, как это влияет на принятие всей Библии как Слова Божьего, позвольте мне предостеречь вас.

Всякий раз, когда христианин начинает разговор с нехристианином об истинности веры, каждая просьба собеседника доказать христианство должна наткнуться на такую же просьбу доказать философию жизни вне христианства. Иначе мы получаем неверное представление о христианском мировоззрении, якобы оно гипотетично и неопределенно, в то время как светское отношение к жизни надежно, понятно и не нуждается в философской и исторической самооценке, что, разумеется, не так.

Многие из тех, кто требует от христиан обоснования своих заявлений, не предъявляют к себе тех же требований. Светский скептицизм считается разумным потому, что широко распространен, а не потому, что хорошо аргументирован. Мы просто должны настаивать на том, чтобы полемика велась

справедливо. Если христианам необходимо предоставлять подтверждения, то и другие должны поступать так же.

Если Иисус завоевал наше доверие Своей искренней любовью и властью над смертью, то теперь Его взгляд на вещи должен стать нашим стандартом. А каким был его взгляд на Ветхий Завет?

Как относился Иисус к Ветхому Завету?

Прежде всего, был ли тот Ветхий Завет, который почитал Иисус, составлен из тех же книг, что и Ветхий Завет, почитаемый современными протестантами? Или в его состав входили другие книги (подобные ветхозаветным апокрифам)?¹⁶⁶ Иными словами, была ли Библия Иисуса еврейским Ветхим Заветом, ограниченным тридцатью тремя книгами протестантского Ветхого Завета, или же Его Библия напоминала греческий Ветхий Завет (Септуагинту), включавший в себя дополнительно еще пятнадцать книг? В своей вдохновенной книге «Слово Божье для Божьего мира» Норман Андерсон формулирует мой ответ и аргументирует его столь великолепно, что я просто процитирую его:

Поэтому мы должны принять во внимание данное Иисусом двустороннее свидетельство в пользу Библии — в первую очередь, конечно, Ветхого Завета, как единственной части Священного Писания, существовавшей в то время. То, что книги, которые Он имел в виду, составляют канон всей «еврейской Библии», можно подтвердить двумя новозаветными отрывками. Первый отрывок — это упоминание Им «закона Моисеева, пророков и псалмов» (см.: Лк. 24:44), что равносильно ссылкам на троичную структуру иудейских Писаний, состоящих из «Закона», «Пророков» и «Писаний» (в которых Псалтирь занимала высокое положение). Второй отрывок — Его слова о том, что «вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина» (Мф. 23:35). Кровь Авеля впервые упоминается в Книге Бытие (4:8), первой в «еврейской Библии», рассказ о Захарии находится к конце Второй книги Паралипоменон (2 Пар. 24:21), последней книги еврейского Священного Писания¹⁶⁷.

Следовательно, если Библия Иисуса представляла собой тот же Ветхий Завет, которым пользуемся и мы, современные протестанты, то какое же значение Он ей придавал?

1. Цитируя Пс. 109:1, Иисус отметил, что «сам Давид сказал Духом Святым...» (Мк. 12:36).

2. В споре с фарисеями о их способе толкования Ветхого Завета, Христос противопоставил традицию старейшин и Божьи заповеди, записанные в Писании: «Хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание?» (Мк. 7:9).

3. В ответ на вопрос фарисеев о разводе, Он процитировал Быт. 2:24, как «сказанное» Богом, хотя эти строки принадлежат библейскому рассказчику и не являются прямой божественной речью: «Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать...» (Мф. 19:4,5).

4. Иисус дает четкое определение непогрешимости Священного Писания: «Не может нарушиться Писание» (Ин. 10:35).

5. Скрытое заявление о непогрешимости Ветхого Завета сделано и в Евангелии от Матфея: «Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией» (Мф. 22:29). Знание Священного Писания предохраняет нас от заблуждения.

6. Иисус постоянно оперирует Ветхим Заветом, как законом, который необходимо исполнять: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5:17,18, см.: Мф. 26:54,56; Лк. 16:17).

7. На дороге в Эммаус Иисус упрекнул двух учеников за то, что они были «несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки» (Лк. 24:25).

8. Иисус использовал Ветхий Завет в качестве авторитетного оружия против искушений сатаны: «Он же сказал ему в ответ: написано...» (Мф. 4:4,7,10).

Разнообразие свидетельств, встречающихся во всех Евангелиях, говорит о том, что Господь Иисус Христос относился к Ветхому Завету как к источнику, достойному доверия, авторитетному и непогрешимому проводнику в нашем «походе» за вечным счастьем. Поэтому мы, подчиняясь власти Христа, также должны подчиняться власти книги, которую Он ценил столь высоко.

Авторитет Нового Завета

А что можно сказать по поводу Нового Завета? Можно развить эту тему, приводя массу исторических аргументов в поддержку богодухновенности и непогрешимости книг Нового Завета, но в таком случае это приложение перейдет все мыслимые рамки¹⁶⁸. Поэтому я приведу лишь те аргументы, которые могут утвердить нашу веру в то, что Новый Завет столь же авторитетен и надежен, как и Ветхий Завет.

Моя уверенность в Новом Завете как Слове Божьем покоится на нескольких наблюдениях.

1. Иисус выбрал двенадцать апостолов в качестве уполномоченных основателей Своей Церкви. В конце Своего земного пути Он пообещал им: «...Дух Святой... научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин. 14:26; 16:13).

2. Особого рассмотрения требует невероятное превращение апостола Павла из гонителя христиан в проповедника Христа. Как и другие апостолы, Павел утверждает, что воскресший Христос направил его проповедовать «не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого» (1 Кор. 2:13). Иными словами, посредством этого вдохновения исполнилось предсказание Иисуса, записанное в Ин. 14:26.

3. Во 2 Пет. 3:16 апостол Петр подтверждает богодухновенность Нового Завета тем, что относит труды Павла к той же категории, что и богодухновенные строки Ветхого Завета (2 Пет. 1:21).

4. Все записи Нового Завета относятся к ранним дням обещанного откровения; они были сделаны самими апостолами и их ближайшими сподвижниками.

5. Содержание этой книги имеет «кольцо истины»¹⁶⁹. Оно делает понятным смысл происходящего в реальном мире. С одной стороны, это весть о святости Бога и о нашей вине, а с другой, — о смерти Христа и о нашей единственной надежде в Его воскресении. Эта весть отражает реальность, которую мы видим, и надежду, к которой стремимся, но не можем видеть.

6. И наконец, катехизис учит: «Библия сама свидетельствует о себе, что она — Слово Божье, небесной природой своего учения, единством составляющих ее частей и силой обращать грешников и созидать святых»¹⁷⁰.

Что значит

«возлюбить ближнего своего,
как самого себя»?¹⁷¹

Ради такого червя, как я

В гл. 8 я упомянул о том, что в наши дни заповедь Иисуса любить своего ближнего, как самого себя, истолковывается неправильно в свете современных принципов самооценки (Лк. 10:27). Данное приложение поможет объяснить мою точку зрения; в нем излагается иное понимание заповеди Христа.

Согласно духу нашего времени, неспособность почитать и благодарить Бога не считается основным грехом; неспособность высоко ценить самого себя — вот грех, по мнению общества. Самоунижение, а не унижение Бога представляется сегодня злом. И вы уже не услышите: «О жалкий я человек, кто спасет меня?»; скорее это будет звучать так: «О достойный я человек, как бы мне ощутить это сильнее!»

Первая и самая главная заповедь на сегодняшний день — «возлюби себя». Любая проблема личности объясняется низкой самооценкой. Проповеди, статьи и книги буквально вбили эту мысль в головы христиан. Например, лишь в немногих общинах не возникает заминки из-за сравнений человека с червем, содержащихся в величайшем гимне Исаака Уотса «Увы! Спаситель мой в крови». В сборнике гимнов даже переписали строку «Сложит ли Он Свою святую главу ради такого червя, как я?» Мы считаем себя слишком благородными, чтобы нас сравнивали с червями.

За многие годы культ себя самого разросся до феноменальных размеров, а его профессиональные служители используют малейшую возможность, чтобы подставить нам зеркало и потребовать от нас любить отражение.

Больше всего меня угнетает не перемещение фокуса цели искупления с Бога на человека (см.: Иез. 36:22—32), что я считаю небиблейским, а недостаточное сопротивление этой тенденции. Я стремлюсь предотвратить неправильное понимание этой книги как еще одного голоса в общем хоре тех, кто рассматривает самооценку как лекарство от всех болезней. Эта книга рассказывает об уповании на Бога и на благодать, а не на самого себя. В этой книге говорится о стремлении к радости, а не к своему эго.

Текст, который чаще всего понимается неправильно

Возможно, заповедь «Возлюби ближнего своего, как самого себя» (Лев. 19:18, Лк. 10:27, Рим. 13:9, Гал. 5:14, Иак. 2:8) — это отрывок, который наиболее часто используется для самооценки. Но чуть ли не во всех случаях он толкуется неправильно.

Даже во времена Иисуса эта заповедь истолковывалась неверно. Существует ли связь между неверным пониманием этой заповеди в древние времена и в наши дни? В древности ошибка состояла в интерпретации слова «ближний»; она была обнаружена Иисусом в притче о добром самарянине (Лк. 10:29—37). Современная ошибка кроется в словах «как самого себя».

В Евангелии от Луки рассказывается, как законник спросил Иисуса, что ему нужно сделать, чтобы наследовать вечную жизнь. Как пишет Лука, вопрос этот не был искренним. Законник не пытался наследовать вечную жизнь, он лишь искушал Иисуса. Под прикрытием личного вопроса он задает Иисусу академическую задачку, надеясь уличить Его в еретических расхождениях с Ветхим Заветом.

И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? (Лк. 10:25).

Видя двуличие этого человека, Иисус задает встречный вопрос: «В законе что написано? как читаешь?»

Тот отвечает: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя».

Тогда Иисус просто соглашается: «Правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить».

Во имя спасения репутации

Теперь законник оказался в щекотливом положении. Всем стало очевидно, что он уже знал ответ на свой вопрос. Ведь мотивом к этому послужило не искреннее желание получить информацию, а желание поймать Иисуса на Его словах. Двумя личие законника раскрылось. Все увидели его неискренность, лицемерие и вину в обмане. Что же теперь делать? Убежать прочь, покрытым позором, как апостол Петр, и горько плакать о своих грехах? Или же, как и остальным миллионам людей до и после него, искать возможность спасти свою репутацию?

Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу [здесь и выходит на первый план неверное толкование понятия «ближний»]: а кто мой ближний? (Лк. 10:29).

В страхе за свою репутацию и самоуважение он совершил грех самооправдания. Законник обманулся, думая, что проблема заключается не в его собственной гордости и нежелании покаяться и подчиниться, а в двусмысленности слова «ближний». Вопрос «Кто мой ближний?» был просто предлогом в попытке спасти свое положение.

За вопросом законника стоит такое серьезное непонимание Божьего требования, что Иисус не отвечает на него.

Часто искаженное понимание Слова Божьего возникает не из-за невинных интеллектуальных ошибок или недостатка информации, а из-за отказа подчиниться требованиям Бога. Человек, который сам контролирует свои дела, укрепляет свою гордыню, добивается оценки и почета со стороны

своих товарищей, обязательно исказит слова Иисуса для поддержания собственной самооценки. Зло человеческого сердца одерживает верх и дает почву к возникновению многих явно интеллектуальных искажений Писания.

Вопрос законника мог бы прозвучать и так: «Учитель, кого мне можно не любить? Какие группы в нашем обществе можно исключить из этой заповеди? Несомненно, это римляне, обидчики богоизбранного народа, и их презренные лакеи — мытари, и еще эти полукровки самаряне. Все они уж точно не входят в число „ближних“. Просто скажи мне, Учитель, кто мой ближний, чтобы я проверил всех возможных кандидатов на мою любовь, а тогда я и сам его выберу».

Разъясняющая притча

Иисус не мог прямо ответить на такого рода вопрос, впрочем, это и в самом деле было невозможно. Вместо этого, Он рассказал притчу.

Человек, возможно еврей, шел из Иерусалима в Иерихон, и по дороге на него напали разбойники. Они раздели его, избили и оставили полумертвого на обочине дороги. Мимо прошел священник, потом левит. Завидев несчастного, они перешли на другую сторону дороги и спешили скрыться. А потом прошел самарянин и, увидев раненого человека, сжался над ним. Подойдя к нему, самарянин обработал его раны своим собственным маслом и вином. Потом он посадил раненого на своего осла и отвез в гостиницу, где позаботился о несчастном. На следующий день самарянин заплатил хозяину гостиницы и попросил присматривать за раненым, пообещав на обратном пути возместить недостачу, если это потребуется.

Закончив рассказ, Иисус обратился к законнику с вопросом: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» — «Оказавший ему милость», — ответил законник. На что Иисус сказал ему: «Иди, и ты поступай так же».

Смысл этой притчи заключался в том, чтобы показать, насколько просьба законника дать определение «ближнего» на самом деле была простой попыткой уклониться от настоящей проблемы — от себя самого. Проблема законника состояла не в определении слова «ближний»; его проблема, впрочем, как и проблема каждого человеческого существа, заключалась в способности превратиться в того человека, который из-за сострадания не смог пройти мимо. Искренне сочувствующее или милосердное сердце не может пребывать в праздном ожидании, пока мозг пытается определить, подходит ли попавший в беду человек под описание «ближнего».

Если бы законник подчинился заповеди Божьей, то понял бы, насколько неуместен был его вопрос о своем ближнем. Бог призывает быть любящим, страдающим, милосердным человеком, чье сердце постоянно подвигает его к действию, когда есть возможность помочь страждущему; человеком, ломающим свои планы, рискующим попасть в неприятности, использующим собственное масло, вино и часть своих средств ради страдающего незнакомца. «Стань таким, — говорит Иисус, — и ты унаследуешь вечную жизнь», потому как «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:7).

Итак, мы рассмотрели неверное толкование заповеди «возлюби ближнего, как самого себя», во времена Иисуса и Его ответ.

Современная ошибка

В то время как в древности ошибка крылась в неправильном понимании слова «ближний», в современном мире эта ошибка заключается в двух предположениях о выражении «как самого себя». Во-первых, эти слова принимаются скорее как заповедь, нежели как указание. Таким образом, получается, что Иисус призывает людей любить себя, чтобы они могли полюбить других так же, как они любят самих себя. Во-

вторых, подобное себялюбие Иисус якобы требует уравнивать с самоуважением, признанием самого себя, позитивным имиджем и тому подобным. Защитники такого толкования соединяют эти два предположения воедино: для человека, желающего быть послушным Христу, первая задача состоит в том, чтобы развить у себя высокую степень самоуважения; это необходимо для того, чтобы исполнить вторую часть заповеди и полюбить других так, как он уже любит себя.

Разве это имел в виду Иисус? Думаю, что нет. Оба этих предположения зависят друг от друга, и потому лучше рассмотреть их вместе, чтобы увидеть, в чем они не соответствуют библейскому учению.

С точки зрения грамматики, словосочетание «как самого себя» невозможно построить в виде заповеди. Добавив глагол, мы получаем: «Возлюби своего ближнего так же, как ты уже любишь себя». Иисус не призывает к себялюбию; Он принимает его как уже существующее. Насколько мы знаем, Иисус ни разу не высказывал предположения, что может быть некто, кто не любил бы самого себя. Говоря словами Павла: «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее» (Еф. 5:29).

Если это так, то под любовью к себе Иисус подразумевает нечто иное, чем самоуважение, как часто истолковывают значение Его слов. Чтобы понять, какой смысл Иисус вкладывает в понятие любви к себе, зададим такой вопрос: разве не разумно предположить, что слово «любовь», использованное в заповеди «возлюби ближнего своего, как самого себя», имеет то же значение? Иисус делает это очевидным, используя глагол «возлюби» в первой части. Это означает, что нужно отставить в сторону свои собственные дела и использовать масло, вино и деньги для оказания эффективной помощи своему ближнему. Это означает, что нужно иметь такое сердце, которое будет стремиться делать добро своему ближнему.

Придав слову «любовь» во второй части заповеди то же самое значение, мы можем прочитать заповедь следующим

образом: «Желай добра своему ближнему так же, как ты естественным образом желаешь добра себе. Питай и грей своего страждущего ближнего так же, как ты по своей природе делаешь это для себя».

То же самое Иисус имел в виду, когда сказал: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». «Так поступайте и вы» соотносится с «люби ближнего». «Как хотите, чтобы с вами поступали» соотносится с «как самого себя». Таким образом, любовь к себе определяется «золотым правилом» ожидания добрых поступков со стороны окружающих.

Любовь к себе не заповедь, а допущение

Поэтому заповедь: «Люби ближнего, как самого себя», не приказывает, а скорее заранее предполагает, что мы любим себя. Каждый человек любит себя. Кроме того, любовь к себе, о которой говорит Иисус, не имеет ничего общего с распространенным представлением о самоуважении. Эта любовь не подразумевает хороший имидж или чувство особого самодовольства. Она лишь означает желание и поиск собственного блага.

На учение Иисуса ни в коей мере не оказал влияния тот факт, что большинство людей имеют превратное представление о собственном благе. Человек иногда пытается найти свое счастье в спиртном, внебрачном сексе или гоночном мотоцикле. Тем не менее все люди желают и ищут того, что, как они *думают*, хоть на момент выбора сделает их счастливейшими на свете.

Самая главная заповедь

Только когда мы видим «любовь к себе» в таком свете, мы имеем возможность осознать всю невероятную мощь заповеди «люби ближнего, как самого себя». Это самая главная,

принципиальная заповедь. Под понятием «основная» я подразумеваю следующее: заповедь указывает на корни нашей греховности, а Божья благодать «отрубает» их. Корень нашей греховности — это желание собственного счастья вне Бога и верующих в Него. Все грехи проистекают от желания стать счастливым, не опираясь при этом на славу Божью и благо других людей.

Другое название корня греховности — гордыня. Гордыня — это предположение о том, что мы можем обрести счастье, не уповав на Бога как на источник нашего счастья и не проявляя заботы об окружающих, если они пытаются найти счастье в Нем. Гордыня — страсть к обретению счастья без желания увидеть в Боге единственный источник истины и вечной радости и без желания видеть, как окружающие питаются нашей радостью, обретенной в Нем. Если мы желаем обрести счастье, но не считаем Бога единственным источником нашего счастья, а окружающих — «получателями» этого счастья, то все, что нам остается — это гордыня. Гордыня — это погоня за счастьем без славы Божьей и блага для окружающих.

Иисус говорит: «Люби ближнего своего, как самого себя». Тем самым Он отсекает корни нашей греховности. Каким же образом Он делает это?

Стремление ослабить боль и усилить удовольствие

В сущности, Иисус говорит следующее: «Я начинаю с вашей врожденной, глубокой, сугубо человеческой черты — вашей любви к самим себе. Это то, что уже есть. Я не приказываю, а лишь констатирую. У каждого из вас есть мощный инстинкт к самосохранению и самовыражению. Все вы хотите быть счастливыми и жить в довольстве. Вам нужна пища, одежда и крыша над головой. Вам нужна защита от неприятностей и какое-нибудь интересное и полезное занятие. Вы стремитесь приобрести друзей, которые бы вас уважали и с которыми интересно было бы проводить время. Вы хотите, чтобы ваша

жизнь чего-то стоила. Все это и есть любовь к себе. Любовь к себе — это стремление ослабить боль и усилить удовольствие».

У всех нас, без исключения, есть такая черта. Именно она подталкивает нас на совершение тех или иных поступков. Даже самоубийство подтверждает принцип любви к себе. Задыхаясь от чувства полной бесполезности и безнадежности, от глухой депрессии, душа стонет: «Я не смогу вынести большего. И пусть я не знаю, что получу, если умру, но зато я знаю, от чего избавлюсь». Таким образом, самоубийство — это попытка избавиться от невыносимых мук. Это проявление любви к себе.

Иисус продолжает: «Я начал с вашей любви к себе. Это то, что Я знаю о вас. У всех вас есть это. Вам не нужно этому учиться, поскольку это характерно для вас, как людей. Мой Отец сотворил это, и само по себе оно хорошо. Так, нет ничего плохого в том, чтобы быть голодным. Желание согреться холодной зимой, выжить среди кризиса или остаться здоровым во время эпидемии — тоже по своей природе благо. Желание нравиться другим и вести достойную жизнь тоже не выглядит чем-то предосудительным. Это было отличительной чертой человеческой природы еще до грехопадения Адама и это не зло само по себе».

Превратить своекорыстие в самоотдачу

Услышав заповедь Христа и ответив на нее, мы можем проверить, превратилось ли в нашей жизни все вышеперечисленное в зло. Господь требует: «Как любишь самого себя, так же люби и ближнего». Это означает: «Когда ты голоден и мечтаешь о еде, стремись накормить ближнего, который голоден. Мечтаешь о красивой одежде — стремись, чтобы и у твоего ближнего была красивая одежда. Если желаешь иметь красивый дом, желай того же и ближнему. Хочешь безопасного существования, желай того же и ближнему. Если ищешь друзей — будь другом ближнему. Если мечтаешь, чтобы твоя жизнь была достойной, желай того же ближнему. Если ты тру-

дишься, чтобы сделать себе состояние, помоги ближнему добиться того же. Если хочешь, чтобы тебя хорошо приняли в незнакомой компании, принимай также и ближнего. Делай людям то, что бы ты сам хотел для себя».

Другими словами, мы должны превратить своекорыстие в самоотдачу. Слово «как» здесь ключевое: «Люби ближнего, как самого себя». «Как!» Это значит, если мы активно строим свое счастье, будем столь же активны и в достижении счастья для своего ближнего. Если мы творчески подходим к этому процессу, то же самое будем делать и для своего ближнего. Если мы настойчивы ради себя — будем настойчивы и ради ближнего. Другими словами, Иисус не просто говорит: желайте для своего ближнего того, что желаете для себя, а желайте этого таким же образом, как желаете для себя — с тем же рвением, энергией, творчеством и настойчивостью. Пусть степень нашего своекорыстия станет равной нашей самоотдаче. Соотнесем наше стремление к счастью окружающих со стремлением к собственному счастью. Каким образом мы добиваемся собственного благополучия, таким же образом будем добиваться благополучия своего ближнего.

Можно ли любить других вместо себя?

Любить других вместо себя — это очень страшно, поскольку у нас сразу возникает чувство, что если воспринимать слова Иисуса серьезно, то придется не только полюбить других «как себя», но и полюбить их «вместо себя». Значит, если я последую в этом за Иисусом и в самом деле посвящу себя поискам счастья для других, то мое собственное желание быть счастливым всегда будет оставаться на втором плане! Все время, способности и энергия, которые я мог бы потратить на достижение собственного счастья, будут потрачены на достижение счастья для ближнего. Так что заповедь любить ближнего, как самого себя, в действительности звучит как угроза для любви к себе. Как такое вообще возможно? Если

в нас заложено естественное стремление к собственному счастью и если само по себе оно не представляет зло, то как же мы можем оставить его и начать пытаться устроить счастье других за счет собственного счастья?

Первая заповедь спасает вторую

Я думаю, что именно такие опасения Иисус надеялся вызвать в нас. И эти опасения реальны до тех пор, пока мы не поймем, что именно по этой причине первая заповедь действительно первая. Эта заповедь снимает опасения, что вторая заповедь убийственна для нашего собственного счастья, и делает ее выполнимой. Первая заповедь такова: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим» (Лк. 10:27). Первая заповедь представляет собой основание для второй заповеди, которая, в свою очередь, видимым образом выражает первую. Поэтому, прежде чем сделать своекорыстные мериллом самоотдачи, нужно сфокусировать своекорыстие на Боге. В этом и состоит смысл первой заповеди.

«Возлюбить Бога всем сердцем твоим» означает найти в Боге удовлетворение до такой степени, чтобы оно заполнило сердце. «Возлюбить Бога всей душой» означает найти в Боге такой глубокий смысл, который заполнил бы каждый ноющий уголок души. «Возлюбить Бога всею крепостию» означает не жалеть сил и стараний в восприятии каждой клеточкой своего существа благодати Божьей, изливаемой на нас. «Возлюбить Бога всем разумением» означает найти в Боге кладезь знаний, пронизательности и мудрости, которые ведут человеческий разум к его предназначению.

Иными словами, нужно взять все свое стремление к радости, надежде, любви, комфорту, исполнению желаний и значимости — т. е. любовь к себе — и сфокусировать все это на Боге, пока Он не наполнит сердце, душу и разум. Это не значит, что мы отказываемся от любви к себе. Напротив, благо-

даря этому мы по-настоящему начинаем любить себя. Любовь к себе — это желание жизни и удовольствия, а не разочарования и смерти. Бог говорит, что всякому, приходящему к Нему, Он даст полноту радости, блаженство сердцу, душе, телу и разуму во славу Свою (Пс. 15:11). Такова первая и величайшая заповедь.

Любовь к Богу становится формой любви к окружающим

Бог — неиссякаемый источник нашей радости. После такого величайшего открытия мы по-иному начинаем любить окружающих. И теперь, в ответ на слова Иисуса «Возлюби ближнего своего, как самого себя», мы не скажем: «Ой, это страшно. Это значит, что я не смогу любить себя из-за потребностей моего ближнего. Я никогда не смогу этого сделать». Вместо этого мы произнесем следующее: «Да, я люблю себя. Я стремлюсь к радости, исполнению желаний, удовольствию и комфорту. Но Бог призвал меня, более того, Он приказал мне сначала обращаться к Нему за всем этим. Все необходимое я смогу найти в Нем. Такова теперь моя любовь к самому себе. Такова моя любовь к Богу. Теперь это единое целое. Мой поход за счастьем — это не что иное, как поиск Бога. И я обрел Его».

Что же тогда Иисус требует во второй заповеди, говоря, что мы должны любить ближнего, как самого себя? Он требует, чтобы наша любовь к себе, нашедшая свое выражение в любви к Богу, стала мериллом и содержанием нашей любви к ближнему. Или, говоря по-другому, Он требует, чтобы наше врожденное своекорыстие, которое теперь трансформировалось в стремление к Богу, нашло свой выход в помощи ближнему. Приведу пример, чтобы прояснить свою точку зрения.

Предположим, вы стремитесь увидеть щедрость и великодушие Бога скорее в материальном плане. Тогда вы должны стремиться к тому, чтобы продемонстрировать окружающим

эту божественную щедрость. Для этого вам необходимо проявить благородство, обретенное в Боге. Пусть любовь к себе, реализовавшая себя в любви к Богу, трансформируется в любовь к ближнему. Или же стремитесь к тому, чтобы Бог, Который есть исполнение вашей любви к себе, использовал вас для того, чтобы выразиться в любви ближнего к самому себе.

Если же вы хотите насладиться состраданием Бога, получая от Него утешения в печали, тогда стремитесь проявить Божье сострадание окружающим, утешая их печали.

Желая же вкусить мудрости Божьей, пользуясь Его советами в стрессовых ситуациях, поделитесь этой мудростью с теми, кто сам переживает трудности.

Находя удовольствие в Божьем великодушии во время отдыха, покажите это великодушие другим, помогая организовать их отдых.

Если вы желаете увидеть спасающую благодать Божью, могущественно проявляющую себя в вашей жизни, распространите эту благодать на тех, кто нуждается в спасающей милости.

Наслаждаясь богатством нерушимого общения с Богом, протяните дружескую руку одинокому соседу.

Всегда остается дилемма

Я не могу сказать, что это дает ответ на все вопросы или избавляет ото всех страхов перед любовью к ближнему. В нашей жизни существует множество дилемм: слишком много обязательств в короткое время, трудно выбрать, что сохранить, а от чего отказаться, множество толкований, что хорошо для другого человека. Нельзя сказать, что все эти проблемы легко решаются.

Я имею в виду вот что: любящий Бога поддерживает нас в радости и в боли, в замешательстве и неуверенности, которые сопутствуют настоящей любви к ближнему. Когда жертва велика, когда на развилке пути нет указателя, мы помним,

что достаточно лишь Его благодати. Когда мир сбивает нас с толку, а в сердце на время поселяется эгоизм, мы должны помнить, что один лишь Бог дает нам уладу, и, покаявшись, мы полюбим Его благодать еще сильнее.

Полнота увеличивающейся радости в Боге

Это основное требование. Оно срезает корни греха, называемого гордыней. Помните, мы говорили, что корни гордыни дают рост всем остальным грехам. Страсть к обретению счастья осквернена и испорчена двумя вещами — нежеланием видеть в Боге единственный источник истины и вечной радости и нежеланием видеть в окружающих людей, предназначенных Богом для получения нашей радости в Нем. Но это именно то осквернение и нарушение, которым противодействует Иисус в этих двух заповедях.

В первой заповеди Он четко говорит, что наше стремление к счастью должно быть сфокусировано на Боге. Во второй заповеди Он открывает всю полноту увеличивающейся радости в Боге и говорит, что все окружающие нас люди предназначены к тому, чтобы получить нашу радость в Боге. Мы должны любить их так же, как мы любим себя. Всеми возможными способами покажем им то, что мы нашли в Боге для себя, и поделимся этим с ними.

Подводя итог, можно сказать, что бытовавшее в древности непонимание заповеди «возлюби ближнего, как самого себя» проиллюстрировано в попытке законника ограничить понятие «ближний» определенной социальной группой и, таким образом, поднять вопрос, который, как он надеялся, сокрыл бы настоящую проблему — неспособность быть тем человеком, которым заповедь призывает его стать, таким, чье полное сострадания сердце не позволит пройти мимо страждущего.

Современное непонимание заповеди, по большей части продиктованное культом эгоизма, заключается, главным

образом, в том, что Иисус не допускал, но требовал от нас любви к самим себе и что эта любовь к себе эквивалентна самоуважению, позитивной самооценке и тому подобному. Но Иисус лишь констатировал, что люди любят самих себя. Значение этой любви к себе (как это видно из контекста, «золотого правила» и слов апостола Павла в Еф. 5:28,29) состоит в том, что каждый человек желает и стремится к тому, что, по его мнению, способно принести ему счастье. Эта универсальная черта человеческой сущности становится правилом, по которому действует самопожертвование во имя любви.

Мне кажется ничтожной разница между самооправданием, которое породило ошибку законника, и стремлением к самоуважению, ставшим питательной средой для возникновения современного заблуждения. А насколько тесно эти две ошибки связаны с друг другом — решайте сами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Почему христианский гедонизм?

Называя эту жизненную философию «христианским гедонизмом», мы рискуем оставить без внимания совет епископа Райла, который призывал нас воздерживаться от «использования странных и новомодных терминов и фразеологизмов в преподавании священных наук»¹⁷². Я это знаю, но тем не менее предпочту придерживаться именно этой терминологии. В качестве подтверждения своих слов выдвину, по меньшей мере, шесть причин:

1. В «Университетском словаре Уэбстера» издания 1961 г., который с десятого класса постоянно находится у меня под рукой, слово «гедонизм» описывается как «жизнь для удовольствия». Это именно то, что я имею в виду. Если главное предназначение человека — вечно наслаждаться с Богом, то тогда человеческая жизнь *должна* быть «жизнью для удовольствия».

2. Статья «гедонизм» в «Философской энциклопедии» разъясняет, что этот термин не относится лишь к одной-единственной философии. Это общий термин, широко используемый в различных учениях, уделяющих особое внимание удовольствиям. Я придерживаюсь этой терминологии именно из-за ее общего использования.

Я был бы рад привести определение этому слову и сделать свое определение отправной точкой при его использовании. *Гедонизм* — это «теория, согласно которой человека призывают совершать те или иные поступки, если, и только если, эти действия будут наиболее приятны или менее всего неприятны ему самому»¹⁷³. От себя я бы еще добавил слово «всегда»,

поскольку поступки, которые призывает совершать Бог, хоть и не долго, но доставляют боль.

3. Люди старше и мудрее меня ощущали сходное желание использовать термин «гедонизм» по отношению к христианскому образу жизни.

Например, К. С. Льюис советует своему другу Малкому остерегаться идолопоклонства, когда он наслаждается природой. Для уверенности он должен наслаждаться «солнечным светом в лесу». Но такие внезапные удовольствия сходны с «пятнышками Божьего света», и человек должен позволить своему разуму «взлететь по солнечному лучику к солнцу». И далее Льюис комментирует:

Ты заметил, что я не делаю разницы между чувственным и эстетическим наслаждением. А почему я должен видеть эту разницу? Провести эту линию почти невозможно, да и какая польза от того, что кто-то ее нарисует? Если это — *гедонизм*, он также представляет собой своего рода трудную науку¹⁷⁴.

Мы обнаружим, что это воистину трудная наука!

В своей книге «Простая жизнь» Вернар Эллер выражает восхищение некоторыми из притч Серена Кьеркегора. Одной из любимых его притч была притча об освещенной карете и звездной ночи. Мы также можем назвать это кризисом христианского гедонизма. Вот эта притча:

Один состоятельный человек темной, но звездной ночью едет в своей удобной карете, освещенной фонарями, и ему не страшно, он в безопасности, так как рядом с ним нет тьмы. Но поскольку он зажег фонари и сильный свет окружает его, только лишь по этой причине он не видит звезд. Потому что свет его фонарей затмевает звезды, которые во всей их красе видит бедный крестьянин на своей повозке без фонарей, едущий темной, но звездной ночью. Так обманываются те, кто живет в преходящей суете, — озабочены ли они решением жизненных проблем, и потому слишком заняты, чтобы оглядеться вокруг; или же в своем достатке и зажиточности, когда фонари светят вокруг и все так приятно, удобно и хорошо, — но они не видят просто-ра, не видят звезд¹⁷⁵.

«Несомненно, — комментирует Эллер, — „звездное небо“ олицетворяет осведомленность и наслаждение Богом»¹⁷⁶. Состоятельные и занятые люди, окружившие себя фонарями временного комфорта или занятые беспокойными хлопотами, лишают себя того, что Кьеркегор называет «абсолютной радостью»:

Какая невыразимая радость — радость о Боге Всемогущем! <...> Потому как поклонение огромной силе, с которой Господь Всемогущий уносит все твои заботы и печали, словно они ничто, — это и есть абсолютная радость¹⁷⁷.

Эллер соотносит все это с так называемой «простой жизнью» и говорит:

Движущая сила христианской простоты заключена не в наслаждении самой простотой; все это, как и прочие земные блага, включено в «это все приложится» (Мф. 6:33). Единственной движущей силой христианской простоты можно назвать наслаждение Самим Богом (если это и есть *гедонизм*, так давайте наслаждаться им!) — вот это и есть «звездное небо»¹⁷⁸.

Это и в самом деле гедонизм. И в этой книге я приложил все усилия, чтобы раскрыть его в полной мере.

Возможно, нам будет полезен еще один пример. Кларк Пиннок написал серьезную, ставшую популярной книгу под названием «Веская причина». Гл. 2 этой книги носит название «Фундамент веры, основанный на опыте». Заканчивает главу параграф, озаглавленный «Христианский гедонизм?» Автор подробно излагает свою точку зрения:

Я видел, как евангельская весть делает нас счастливыми и покрывает наши нужды, видел, какое удовольствие и удовлетворение она приносит. Но правильно ли это? <...> Да, я думаю, что правильно... Конечно же, в христианстве гедонизм понимается совсем в ином смысле. Он не возводит чувственные наслаждения в ранг божества. Однако он включает в себя наслаждение Богом и Его дарами — удовольствие, куда более глубокое, чем все остальные¹⁷⁹.

Так и есть. Христианский гедонизм не творит божества из удовольствий. Он говорит, что вы уже сотворили себе бога из того, что приносит вам наибольшее удовлетворение.

4. Четвертая причина, по которой я использую термин «христианский гедонизм», состоит в том, что он производит эффект втягивания и потрясения. Мое сердце оказалось «втянутым», а жизнь глубоко «сотряслась» после изучения христианского гедонизма. Он представляет собой сложную и дискомфортную философию. Для среднего христианина он выглядит устрашающе.

Основывается он на страшной истине, которую открыл Христос, сказав: «Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Отк. 3:16). Это поистине шокирует. Должны ли мы найти шокирующие слова, осознав, что ставим под угрозу вечное блаженство, нарушая заповедь: «Утешайся Господом» (Пс. 36:4)?

Большинство из нас фактически невосприимчиво к основным оборотам знакомого языка. Так на каком же тогда языке мы можем донести до дремлющих без радости верующих слова из Книги Второзаконие: «За то, что ты не служил Господу, Богу твоему, с *веселием и радостью сердца*... будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя Господь... он возложит на шею твою железное ярмо, так что измучит тебя» (Втор. 28:47,48).

Как нам раскрыть их уши, чтобы они слышали Джереми Тейлора: «Бог пугает нас ужасными вещами, если мы не будем радоваться!»?¹⁸⁰

С течением лет я обнаружил связь между человеческим желанием преодолеть оскорбительность термина «христианский гедонизм» и желанием уступить библейской правде, скрытой за ним. Главный эффект, который производит этот термин, состоит не в том, что он ставит камень преткновения на пути к истине; нет, он побуждает людей осознать тот факт, что сама истина есть камень преткновения, и, зачастую, совсем иного рода, чем ожидали того люди.

5. Чтобы опровергнуть мнение, что термин «христианский гедонизм» подразумевает под собой сугубо земные улады, приведу пример из Священного Писания. Если Иисус мог сравнить Свое пришествие с приходом «вора» (Мф. 24:43,44), если Он мог преподнести «управителя неверного» в качестве образца практичности (Лк. 16:8) и если восторженный псалмопевец мог сказать, что Господь пробудился, «как бы исполнин, побежденный вином» (Пс. 77:65), то мне остается лишь добавить, что страстное желание прославлять Бога посредством того, чтобы вечно радоваться в Нем, — это, несомненно, и есть христианский гедонизм.

6. И наконец, присоединяя прилагательное «христианский» к слову «гедонизм», я ясно и четко даю понять, что это не обычная жажда наслаждений. Для меня слово «христианский» подразумевает то, что каждое заявление истины, произносимое под знаменем христианского гедонизма, должно крепко опираться на Священное Писание — Библию. А Библия учит, что основное предназначение человека — прославлять Бога *ЧЕРЕЗ* вечную радость в Нем.

Примечания

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Richard Baxter, *The Saints' Everlasting Rest* (Grand Rapids: Baker Book House, 1978), p. 17.
2. J. I. Packer, "Richard Baxter on Heaven, Hope and Holiness", in *Alive to God: Studies in Spirituality*, eds. J. I. Packer and Loren Wilkinson (Downers Grove: InterVarsity Press, 1992), p. 165.
3. Matthew Henry, *Commentary on the Whole Bible*, vol. 2 (Old Tappan, NJ: Fleming H. Revel, n.d., orig. 1708), p. 1096.

ВВЕДЕНИЕ

Как я стал христианским гедонистом

4. Blaise Pascal, *Pascal's Pensees*, trans. by W. F. Trotter (New York: E. P. Dutton, 1958), p. 113 (thought #425).
5. C. S. Lewis, *The Weight of Glory and Other Addresses* (Grand Rapids: Eerdmans, 1965), pp. 1, 2.
6. *Pascal Pensees*, p. 113.
7. C. S. Lewis, *Reflections on the Psalms* (New York: Harcourt, Brace and World, 1958), pp. 94, 95.
8. Пожалуй, самой развернутой и серьезной критикой христианского гедонизма, как только книга «Жаждающие Бога» вышла в свет, стала книга: Richard Mouw, *The God Who Commands* (Notre Dame, IN: Notre Dame Press, 1990), p. 33.
9. Дополнительные библейские отрывки, показывающие, что Бог обязал нас радоваться в Нем, включают в себя: Втор. 28:47; 1 Пар. 16:31,33; Неем. 8:10; Пс. 31:11; 32:1; 34:9; 39:9,17; 41:2,3; 62:2,12; 63:11; 94:1; 96:1,12; 97:4; 103:34; 104:3; Ис. 41:16;

Иоил. 2:23; Зах. 2:10; 10:7; Флп. 3:1; 4:4. Дополнительные библейские отрывки, в которых говорится о богоданной обязанности радоваться в любви к ближним: 2 Кор. 9:7; ср.: Деян. 20:35; 1 Пет. 5:2; Евр. 10:34; 13:17.

10. Richard Mouw, *The God Who Commands*, p. 36.

ГЛАВА 1

Божье счастье

Основание для христианского гедонизма

11. Для более полной защиты Божьего суверенитета во всем, что Он делает, см.: John Piper, *The Pleasures of God: Meditations on God's Delight in Being God* (Sisters, OR: Multnomah Books, 1991), pp. 47—78, 123—160; and *The Justification of God: An Exegetical and Theological Study of Romans 9:1—23* (Grand Rapids: Baker Book House, 1993).

12. Прит. 16:33.

13. "Personal Narrative", *Jonathan Edwards: Representative Selections*, eds. C. H. Faust, T. H. Johnson (New York: Hill and Wang, 1962), pp. 58, 59.

14. Эдварде трактовал эту проблему, различая два вида желаний в Боге (которые подразумеваются в том, что я сказал). Божья «господствующая воля» (явленная воля) состоит в том, что Он заповедует в Писании (напр., «не убий»). Божья «определяющая воля» (или сокрытая, суверенная воля) состоит в том, что Он непогрешимо осуществляет в этом мире. Объяснения Эдвардса сложны, но они достойны наших усилий, если мы любим размышлять о Боге очень серьезно:

Когда проводится разграничение между явленной и сокрытой волей Божьей, или между волей господствующей и определяющей, «воля» при таком разграничении понимается, разумеется, двояко. Его определяющая воля не есть воля в том же самом смысле, что и господствующая воля. Поэтому вовсе не трудно допустить, что одна из них может быть противоположна другой: Его воля в обоих смыслах — это Его предпочтение. Когда мы говорим, что Он желает добродетели, или любит добродетель,

или желает, чтобы его творение было счастливо, предполагается, что добродетель или счастье Его творений, абсолютно и несложно рассматриваемые, находятся в согласии с предпочтением Его природы.

Его определяющая воля — это Его предпочтение того, что, не будучи абсолютным и несложным, а универсальным, было, есть и будет. Поэтому Бог, ненавидя вещь в ее абсолютности, может предпочесть ее в связи с ее универсальностью. Хотя Бог ненавидит грех как таковой, Он может в согласии со Своей волей допустить его для того, чтобы еще больше содействовать святости в этой всеобщности, включая все вещи и все периоды времени. Поэтому, хотя у Него нет предпочтения к человеческому страданию, рассматриваемому абсолютно, Он может желать его, чтобы еще больше содействовать святости в этой всеобщности.

"Concerning the Divine Decrees", *The Works of Jonathan Edwards*, vol. 2 (Edinburgh: Banner of Truth Trust, 1974), pp. 527, 528.

15. Термин «искупительная история» всего лишь относится к истории Божьих деяний, записанных в Библии. Такая история называется искупительной, потому что рассматривается с точки зрения Божьего искупительного замысла, и ни в коей мере не считается не подлинной.

16. Quoted from *The Four Loves*, in *A Mind Awake: An Anthology of C. S. Lewis*, ed. Clyde Kilby (New York: Harcourt, Brace and World, 1968), p. 202.

17. Евр. 1:3.

18. Пс. 18:2.

19. Если кто-либо спросит, какое место в таком понимании Троицы отводится Святому Духу, я обращаю его внимание на две работы Джонатана Эдвардса: «Трактат о благодати» и «Эссе о Троице». Он суммирует свое понимание Троицы в следующих словах:

Вот какова та благословенная Троица, о которой мы читаем в Священном Писании. Отец — это божество, существующее в изначальном, нетварном и абсолютном образе действий, или, по-другому, божество в своем

непосредственном существовании. Сын — это божество, рожденное мыслью Отца, или, по-другому, имеющее Свой образ и существующее в этом образе. Святой Дух — это божество, существующее в действии и проистекающее в божественную безграничную любовь и божественную радость в Себе Самом. И я верю, что вся божественная сущность истинно и различимо существует и в божественной мысли, и в божественной любви, и что каждая из них — действительно отличная от других ипостась.

"An Essay on the Trinity", *Treatise on Grace and Other Posthumously Published Writings*, ed. Paul Helm (Cambridge: James Clarke and Co., 1971), p. 118.

Другими словами, Святой Дух — это радость, которую разделяют Отец и Сын друг с другом.

Поэтому Святой Дух некоторым неопишуемым и необъяснимым способом происходит от Отца и от Сына; божественной сущностью Он целиком проистекает в такую бесконечно глубокую, святую и чистую любовь и радость, которая постоянно и неизменно изливается от Отца и от Сына, прежде всего друг на друга, а потом и на все творение. Он истекает в особое существование или отдельную ипостась таким способом, который нам полностью непонятен. Эта ипостась изливается в сердца ангелов и святых.

"Treatise on Grace", *Treatise on Grace and Other Posthumously Published Writings*, p. 63.

20. Я взял эту фразу из книги Даныэла Фуллера: Daniel Fuller, *The Unity of the Bible: Unfolding God's Plan for Humanity* (Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 1992). См. особенно гл. 8 и 9.

21. "Dissertation Concerning the End for Which God Created the World", *The Works of Jonathan Edwards*, vol. 1, p. 102. Эта диссертация имеет огромную ценность для разрешения вопросов, связанных с Божьим замыслом в истории.

22. Ис. 48:11.

23. C. S. Lewis, *Reflections on the Psalms* (New York: Harcourt, Brace and World, 1958), pp. 93-95.

ГЛАВА 2

Обращение

Созидание христианского гедонизма

24. Рим. 8:28.

25. Если такое обобщение Евангелия покажется вам полезным для построения взаимоотношений с другими людьми, вы можете заказать отдельную печатную копию этого обобщения, изданную в удобном формате и озаглавленную «Поиск радости», по адресу: Desiring God Ministries, 720 13th Avenue South, Minneapolis, MN 55415; телефон: 612-338-7653; факс: 612-338-7656; E-mail: dgministry@aol.com.

26. Библейскую поддержку против учения об аннигиляции и за вечные сознательные мучения в аду см.: John Piper, *Let the Nations Be Glad: The Supremacy of God in Missions* (Grand Rapids: Baker Book House, 1993), chapter four.

27. Среди евангельских христиан идея о временном, а не вечном аде способствовала известности Джорджа Макдональда. Например, в своей проповеди «Справедливость» — *Creation in Christ* (еѳ. Rolland Hein [Wheaton: Harold Shaw Publishers, 1976], pp. 63-81 — Макдональд обрушивается на ортодоксальное учение об аде:

Обратите внимание, я вовсе не утверждаю, что наказывать [нечестивцев] было бы неправильно. Я говорю, что справедливость никогда не может быть удовлетворена страданиями. Более того, она не имеет удовлетворения в страданиях или от страданий... Та справедливость, которая представлена в башнях злобы у Данте, полна жизни в своей самой ужасной форме. Жизнь Божья придает значимость или, по крайней мере, дает возможность для существования победоносного зла. Разве Он не остается в проигрыше всякий раз, когда одна из этих потерянных душ бросает Ему вызов? Бога триумфально побеждают, утверждаю я, по всему аду, где действует Его мщение. Хотя и направленное против зла, это лишь тщетное и напрасное бессердечие тирана... Наказание предназначено ради исправления и искупления. Бог обязан по Своей любви наказать грех, чтобы избавить Свое творение. Но по Своей справедливости Он обязан разрушить грех в Своем творении (p. 71, 72).

Дж. И. Пакер обсуждает современные формы такого понимания в книге: "Good Pagans and God's Kingdom", *Christianity Today*, January 17, 1986, pp. 22-25.

28. "The Justice of God in the Damnation of Sinners", *The Works of Jonathan Edwards*, vol. 1 (Edinburgh: Banner of Truth Trust, 1974), p. 669.

29. Хочу выразить признательность и искреннее восхищение пронизательным анализом «чувства справедливости» и ее связи с существованием Бога, который проделал Эдвард Джон Карнелл. Чувство справедливости — это нравственная способность, справедливо раздражающаяся всякий раз, когда с нами плохо обращаются. Вот выдержка из его основательной и прекрасной книги *Christian Commitment* (New York: Macmillan, 1957):

Поскольку совесть обвиняет себя, то чувство справедливости обвиняет других людей. Нам очень важен адресат такого обвинения. Совесть наблюдает за чьим-либо нравственным поведением, тогда как чувство справедливости следит за нравственным состоянием других людей.

Более того, совесть подвержена влиянию социально-культурных условий, тогда как чувство справедливости не зависит от них. Всякий нормальный человек, будь то в прошлом, настоящем или будущем, в результате жестокого обращения к себе со стороны окружающих его людей испытывает на себе пробуждение чувства справедливости (p. ПО).

Возникшее чувство справедливости — это просто предупреждение с небес о том, что поруган образ Божий. Культурные условия могут изменить адресат такого чувства справедливости, но они не изменяют саму способность к этому чувству (p. 112).

Глас чувства справедливости — это глас Божий (p. 136).

30. Умилостивление — слово, очень редко встречающееся в наши дни. Во многих переводах Библии оно было заменено на более общие слова (искупление, искупительная жертва). Я сохраняю его для того, чтобы подчеркнуть подлинное значение слова, которое заключается в следующем: смерть Христа на кресте за грешников была удовлетворением гнева Божьего, направленного на этих грешников. Требуя от Своего Сына подобного

уничтожения и страдания ради Божьей славы, Он открыто показал, что не отмахивается от греха, спрятав его «под сукном». Всякое презрение Его славы наказывается надлежащим образом, будь то на кресте, на котором Божий гнев был удовлетворен ради всех верующих, или в аду, где Божий гнев изливается на всех неверующих.

31. Глагольная форма существительного «обращение» (обратиться) используется в следующих местах Нового Завета: Мф. 13:15 (ср.: Мк. 4:12; Ин. 12:40; Деян. 28:27), Мф. 18:3; Деян. 3:19; Лк. 22:32 и Иак. 5:19,20.

32. Слово «*возрождение*» длиннее, нежели выражение «новое рождение» (в англ. языке. — *Примеч. ред.*). В греческом подлиннике Нового Завета оно (*palingenesia*) встречается только однажды (Тит. 3:5), подразумевая новое рождение человека (равно как и возрождение творения в грядущем мире, см.: Мф. 19:28).

33. «В обращении человек активен; оно полностью состоит из его действия. Однако в возрождении активен только Дух Божий». Samuel Hopkins, "Regeneration and Conversion", in *Introduction to Puritan Theology*, Edward Hindson, ed. (Grand Rapids: Baker Book House, 1976), p. 180. Я рекомендую этот труд в качестве превосходнейшего изложения взаимосвязи между возрождением (новым рождением) и обращением (покаянием и верой).

34. Это утверждение — камень преткновения для многих людей. Очень трудно согласиться с тем, что мы ответственны за то, к чему нравственно не способны. Главная причина для такого утверждения заключается не в очевидной причинно-следственной связи, а в том, что этому ясно учит Библия. Нам может помочь следующее допущение: наша неспособность происходит не из-за наших физических недостатков, а из-за нравственного разложения. Физическая неспособность устраняет ответственность, тогда как нравственная неспособность — нет. Мы не можем идти к свету, потому что наша испорченная и высокомерная природа ненавидит свет. Поэтому когда кто-нибудь выходит на свет, то очевидно, что он совершил это под воздействием *Божьей работы* (Ин. 3:21). Лучшее объяснение этой проблемы можно найти в работе Джонатана Эдвардса: *Freedom of the Mil* (New Haven: Yale University Press, 1957, original 1754; см. также: *The Works of Jonathan Edwards*, vol. 1).

35. Чтобы не противоречить учению Библии, мы должны говорить о Божьем «призвании», по крайней мере, в двух различных смыслах. Одно призвание общее и внешнее, происходящее в результате проповеди Евангелия. Всякий человек, слышащий Евангельскую весть или читающий Библию, призван именно в таком смысле. Однако существует и другой вид призвания, с которым Бог обращается к тем, кто слышит Евангелие. Оно называется Божьим внутренним, или действительным, призванием. Оно изменяет человеческое сердце так, что мы можем с уверенностью говорить о зарождении веры. Оно напоминает призыв: «Да будет свет!» или: «Выйди, Лазарь!» Оно творит именно то, что требуется в данной ситуации. Главное доказательство необходимости разделения между двумя видами призвания находится в Первом послании к Коринфянам: «Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор. 1:23,24). Среди всех тех, кто призван в общем смысле этого слова, есть определенная группа людей, «призванных» в том смысле, что они становятся способными высоко оценить Евангелие, отдав должное его мудрости и власти. Изменение, вызванное действительным призванием, и есть не что иное, как возрождение.

36. В греческом языке слова «благодать» и «вера» относятся к женскому роду. Слово «сие» — среднего рода. Некоторые на основании такой несогласованности стали утверждать, что под даром в данном месте подразумевается не вера. Однако такое предположение упускает из виду подтекст ст. 5: «*И нас, мертвых по преступлениям*». Благодать можно назвать благодатью именно по той причине, что она спасает нас, когда мы еще мертвы. Однако она спасает «через веру». Как же она спасает нас от смерти через веру? Посредством пробуждения от смерти к жизни в вере. Вот почему вера в Еф. 2:5—8 названа даром. Слово «сие» относится ко всему порядку спасения благодатью по вере, а значит, включает в себя и веру как дар (ср. Деян. 18:27: «Он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим *благодатию*»).

37. Некоторые пытались оспаривать тот факт, что в гл. 9 Послания к Римлянам идет речь об отдельных людях и о их вечном уделе. Я же, в свою очередь, попытался показать, что именно это имеет в виду Павел. Ведь проблема, которую в этой главе решает Павел, заключается в том, каким образом, при непреложности

Божьего Слова, может подпасть под проклятие отдельный еврей, находящийся внутри Божьего избранного народа, Израиля (см.: Рим. 9:3—6). Я написал целую книгу именно для того, чтобы продемонстрировать подобное толкование текста: *The Justification of God: An Exegetical and Theological Study of Romans 9:1-23*, 2nd edition (Grand Rapids: Baker Book House, 1993).

38. Для более полного исследования вопроса условий спасения и их составных частей, принадлежащих либо вере, либо любви, см.: John Piper, *The Purifying Power of Living by Faith in Future Grace* (Sisters OR: Multnomah Books, 1995), гл. 19 и 20, и особенно pp. 255—259.

39. Существует толкование этой притчи, в котором сокровище — это Израиль, поле — это мир, а человек, продавший все, чтобы купить это поле, — Христос. В качестве доказательства такой аналогии используются три аргумента:

1) поле — это мир, потому что в притче о плевелах под полем понимается мир (Мф 13:36);

2) сокровище — это Израиль, потому что в Исх. 19:5 Израиль называется Божьим «личным сокровищем»*;

3) Христос никогда не продается, а спасение нельзя купить. Я традиционно толкую эту притчу. Царство ценнее всего того, чем мы можем обладать, и поэтому мы должны быть готовы с радостью отказаться от всего, чтобы достичь его. В качестве доказательства этой точки зрения я использую следующие аргументы:

1) Царство лишь *подобно* человеку, продавшему все, чтобы купить поле, в котором было спрятано сокровище. Из притчи не видно, чтобы каждое ее слово в точности соотносилось с какой-либо конкретной реальностью. Акцент на деталях в притчах открывает дверь для различных фантастических аллегорий, которые не соответствуют значению, вкладываемому нами в детали.

Поэтому покупка поля вовсе не предполагает, что мы покупаем спасение, Христа или Царство Небесное. Под покупкой поля подразумевается, что сокровище — Царство — ценнее всего нашего состояния, и поэтому мы должны быть готовы отказаться от всего ради этого Царства.

* Так в английском переводе Библии. В русском синодальном переводе Бог называет Израиль «Моим уделом». — *Примеч. пер.*

2) Хотя в притче о плевелах (Мф. 13:38) слово «поле» означает «мир», это вовсе не предполагает априори, что в данной притче слово «поле» означает то же самое. Ведь, например, в притче о большом пире (Лк. 14:18) слово «поле» не означает «мир».

3) По какой причине нам следует все время возвращаться к Исх. 19:5, чтобы определить значение слова «сокровище»? Разве обычное словоупотребление Иисуса не указывает наилучшим образом на то, что Он имел здесь в виду, особенно если Его слова находятся в контексте, который подобен данному?

Ближайшая параллель к этому тексту — это рассказ, изложенный в Евангелии от Марка, где Иисус говорит богатому молодому юноше: «Пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною» (Мк. 10:21). Когда же этот юноша смутился от слов Христа и отошел, Иисус указал Своим ученикам на то, что трудно имеющим богатство войти в Царство Небесное. Другими словами, Царство Небесное — это подлинное сокровище, которым бы человек мог обладать, если бы продал все свое богатство и последовал за Христом. Между формами выражения этих двух текстов наблюдается столь очевидное сходство, что не могу не сделать вывод о том, что в этих местах Иисус учит одному и тому же:

Человек... идет и продает все, что имеет (Мф. 13:44).

Пойди, все, что имеешь, продай (Мк. 10:21).

В обоих случаях награда тем, кто идет и продает, — «сокровище». У Марка это сокровище более ясно называется Царством. Поэтому маловероятно, что сокровище, упомянутое у Матфея, не относится к Царству.

Итак, я делаю следующий вывод. Традиционное толкование этой притчи верно на основании: 1) обычного употребления Иисусом слова «сокровище»; 2) очевидного сходства в формах выражения между Мк. 10:21 и Мф. 13:44; 3) спекулятивного характера толкования, противоположного традиционному. Жан Кальвин очень хорошо сказал:

Незамысловатое значение слов находит свое выражение в том, что невозможно почитать Евангелие должным образом до тех пор, пока мы не предпочтем его роскоши, наслаждению, величию и комфорту этого мира. Мы должны довольствоваться обещаемыми им духовными

благословениями в такой степени, чтобы отвергнуть все то, что удерживает нас от него, ибо стремящиеся к Царству Небесному должны освободиться от всех препятствий на своем пути.

A Harmony of the Gospels Matthew, Mark and Luke, vol. 2, trans. by T. H. L. Parker (Grand Rapids: Eerdmans, 1975), p. 83.

40. Возвращаясь к обсуждению вопроса о Троице, затронутого нами в гл. 1 (примеч. 15), стоит задуматься над следующим, вытекающим из наших слов: Святой Дух — это божественный Строитель, Который дает нам новое сердце веры. Он — персонификация той радости, которую Отец и Сын имеют друг в друге. Можно сказать, что изменения, происходящие в человеческом сердце и делающие спасительную веру возможной, вызваны проникающей деятельностью Святого Духа. Такая деятельность не что иное, как проникновение той самой радости, которую Бог-Отец и Бог-Сын имеют во взаимном величии. Другими словами, любовь к Богу, порождающая спасительную веру, ничем не отличается от любви Бога к Самому Себе, которой мы наделены Святым Духом в меру.

ГЛАВА 3 Поклонение

Торжествохристианского гедонизма

41. В этой книге я использую слова «чувства», «эмоции» и «привязанности» в одном и том же смысле. Если в каком-либо случае между ними предполагается некое различие, я указываю на это в контексте. Вообще же, я употребляю их как синонимы, имея в виду то значение, в котором их использует Джонатан Эдварде, см.: *Treatise Concerning the Religious Affections* (in *The Works of Jonathan Edwards*, vol. I [Edinburgh: Banner of Truth Trust, 1974], p. 237).

По Эдвардсу, чувства — «более энергичная и осмысленная тренировка склонностей и желаний души». Чтобы понять его мысль, нам нужно вкратце определить его точку зрения на человеческую душу или разум.

Бог наделил душу двумя главными дарами. Посредством первого дара у нас появляется способность к *про- ницательности* и размышлению или, другими словами,

к различению и суждению вещей. Этот дар называется *пониманием*. Посредством второго дара душа в некотором смысле становится склонной к вещам, которые она изучает и рассматривает. Это тот дар, посредством которого душа созерцает вещи — созерцает же их не в качестве равнодушного, безучастного наблюдателя, а с симпатией или антипатией, удовольствием или недовольством, одобрением или отвержением. Этот дар называют *познанию*. Иногда он называется *предпочтением*; когда же им обуславливаются или совершаются действия, он называется *волей*; и *желание*, когда речь идет об употреблении этого дара, часто называется *сердцем*...

Воля и привязанность души — это не два различных дара. Привязанности в своей сущности ничем не отличаются от воли. Сходны они и с простыми действиями воли и предпочтений. Привязанности и воля различаются только по живости и эмоциональности их использования...

В качестве примера таких привязанностей Эдварде, в числе прочих, называет любовь, ненависть, желание, радость, наслаждение, печаль, боль, страх и надежду. Они «самые сильные и эмоциональные проявления воли». Эдварде осознает, что в этом вопросе между разумом и телом существует глубокая и непростая взаимосвязь:

Такова, по всей видимости, наша природа и таковы законы единства души и тела, что у нас никогда не проявится сильная и глубокая склонность, если она не воздействует тем или иным образом на тело... И все же наши привязанности укоренены не в теле, а в разуме. Тело человека способно быть субъектом любви или ненависти, радости или печали, страха или надежды не более, чем ствол дерева. Другими словами, у него есть способность к этому не в большей степени, чем к размышлению и пониманию. Поскольку лишь у души возникают мысли, то лишь она удовлетворяется или не удовлетворяется ими. И поскольку лишь душа способна к размышлению, только она любит или ненавидит, а также радуется или печалится тому, о чем размышляет.

Библейское подтверждение этой мысли заключается в том факте, что Бог, не имеющий тела, все же обладает чувствами

и способен любить. Апостол Павел в Флп. 1:23 и 2 Кор. 5:8 учит, что христианин, после своей смерти и до телесного воскресения, пребывает с Господом и способен радоваться «несравненно лучше», чем он это делает сейчас.

42. E. J. Carnell, *Christian Commitment* (New York: Macmillan, 1967), pp. 160, 161. В книге Карнелла много мест, в которых подчеркивается эта мысль (pp. 162, 176, 196, 206, 213, 222, 289, 301). Взгляните внимательно на его проникновенные слова:

Чем чаще стремление к искренности мы делаем сознательной целью, тем дальше мы отступаем от удовлетворения нравственным критериям, которое представляет собой спонтанное, нежное удовлетворение. Любовь несет с собой собственное чувство принуждения. Оно переносится на крыльях закона духа жизни. Когда нас нужно побуждать рациональной или законной необходимостью, любовь уступает дорогу предвидению, своекорыстию и холодному расчету. Вообразите себе мать, которая бросается на помощь своему испуганному ребенку. Ее действия носят спонтанный характер. Ее оскорбило бы даже предположение о том, что она должна помочь своему ребенку исходя из законного чувства долга...

Нравственные поиски парадоксальны, поскольку мы никогда не полюбим Бога, если не сделаем сознательный шаг. И все же, поскольку мы должны стремиться к законной праведности, мы тем самым показываем, что никогда не будем праведными. Если наши чувства были бы продуктом нравственной и духовной атмосферы, мы исполнили бы закон с той же самой несознательной необходимостью, с какой мы дышим (p. 222).

Возможно, этот парадокс мог бы изобразить художник, который сознательно пытается достичь больших успехов. До тех пор, пока он не стремится к этому, его вообще нельзя назвать художником, не говоря уже о великом художнике. Но как только из стремления к обретению гения он делает сознательную цель, он тем самым тотчас демонстрирует, что он не гений, и никогда им не будет. Гений велик и без попыток стать им. Его способности раскрываются так же, как лепестки роз на солнце. Гениальность — это дар Божий. Он — плод, а не работа.

Таково поклонение!

43. Из письма к Ванокен, см.: Vanauken, *A Severe Mercy* (New York: Harper and Row, 1977), p. 189.

44. В христианском гедонизме считается, что самосознание подавляет радость, а значит, и поклонение. Как только вы обратите взор на себя и станете сознавать испытываемую вами радость, вы ощутите это подавление. Секрет радости христианский гедонизм находит в том, чтобы забыть себя. Действительно, мы идем в музей для того, чтобы обрести *радость*, рассматривая картины. Однако могу посоветовать вам: обращайтесь внимание на саму картину, а не на ваши эмоции, иначе вы испортите свои впечатления. Поэтому в поклонении мы должны обращать внимание исключительно на Бога, а не на себя.

45. См.: E. M. Bounds, *The Weapon of Prayer* (Grand Rapids: Baker Book House, 1975), p. 136.

46. *Christian Commitment*, p. 213.

47. *Christian Commitment*, p. 213, 214.

48. C S. Lewis, "The Weight of Glory" in *The Weight of Glory and other Essays* (Grand Rapids: Eerdmans, 1965), pp. 1, 2.

49. См.: Virginia Stem Owens, "Seeing Christianity in Red and Green as Well as Black and White", *Christianity Today*, September 2, 1983 (vol. 27, no. 13), p. 38.

50. Например, Карл Зилстра пишет (in "Just Dial the Lord", *The Reformed Journal* [October, 1984], p. 6): «Вопрос заключается в том, действительно ли поклонение должно пониматься как время для самоудовлетворения и наслаждения или же оно должно быть прежде всего временем для служения и прославления Бога, то есть жертвой хвалы». Когда вопрос ставится подобным образом, на него нельзя ответить правильно, поскольку он вводит в заблуждение. Без сомнения, поклонение — это время для прославления Бога. Однако мы подавляем и едва не разрушаем эту возможность, когда предупреждаем людей, чтобы они не стремились к обретению в поклонении радости. Нам следует вновь и вновь призывать их искать наслаждения *в Боге*.

51. *For the Intellectual* (New York: Signet, 1961), p. 32.

52. *The Habit of Being*, ed. by Sally Fitzgerald (New York: Farrar, Straus, Giroux, 1979), p. 126.

53. См.: C. H. Faust and T. H. Johnson, eds., *Jonathan Edwards: Selections* (New York: Hill and Wang, 1962), p. xviii.

54. Jonathan Edwards, *Some Thoughts Concerning the Revival in The Great Awakening*, ed. C. C. Goen (New Haven: Yale University Press, 1972), p. 387.

55. *Treatise Concerning the Religious Affections*, p. 238.

56. "The True Excellency of a Gospel Minister", *The Works of Jonathan Edwards*, vol. 2, p. 958.

57. John Broadus, *On the Preparation and Delivery of Sermons*, 4th ed., revised by Vernon Stanfield (New York: Harper and Row, 1979), p. 117.

58. Эти парные характеристики взяты из проповеди Джона-тана Эдвардса, озаглавленной «Величественность Христа». В ней Эдварде размышляет о представленном в Отк. 5:5,6 образе Христа как льва из колена Иудина и Агнца, отданного на заклание. См.: *The Works of Jonathan Edwards*, vol. I, pp. 680ff.

ГЛАВА 4

Любовь

Трудхристианского гедонизма

59. Jonathan Edwards, *Charity and Its Fruits* (Edinburgh: Banner of Truth Trust, 1969, original 1852), p. 164.

60. Этот отрывок в Послании к Римлянам включает в себя следующие слова: «Ибо и Христос не Себе угождал, но как написано: „злословия злословящих Тебя пали на Меня“» (Рим. 15:3). Относительно этих слов см. дискуссию о Евр. 12:1,2 далее в этой главе.

61. Исторически предпринимались попытки разделить слово «любовь» на две формы: «агапе» и «эрос» или «доброжелательность» и «самодовольство». Однако мне кажется, что две эти формы в своей основе представляют собой одно.

Божья любовь «агапе» не переступает пределы любви «эроса», а выражает ее. Божья искупительная, жертвенная любовь ради фешных людей описывается пророком Осией в весьма эротических терминах: «Как поступлю с тобою, Ефрем? Как предам тебя, Израиль?.. Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя! Не сделаю по ярости гнева Моего... ибо Я — Бог, а не человек...» (Ос. 11:8,9). О Своем изгнанном народе, впавшем в ужасные префешения, Он говорит через про-

рока Иеремию: «И буду радоваться о них, благоговоря им, и насажду их на земле сей твердо — от всего сердца Моего и от всей души Моей» (Иер. 32:41).

Божий мотив в радости, приносящей удовлетворение самому человеку, виден также в служении Иисуса. Когда Его спросили о причине, по которой Он унижается до того, что ест вместе с мытарями и грешниками, Он ответил: «На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девятистах девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:1,2,7). Наконец, в Послании к Евреям нам общается, с помощью какой силы Иисус претерпел страдания: «...Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия» (Евр. 12:2). Не следует ли нам отсюда заключить, что, несмотря на болезненный труд искупительной любви, Бог также заинтересован в удовольствии, которое проистекает от этого труда, и в возмещении Своей жертвы через наслаждение?

Можно сказать, что в некотором смысле Богу не нужно ничего от Своего творения (Деян. 17:25). Он полностью удовлетворен вечным общением внутри Троицы. Однако в радости есть побуждение к росту, и это выражается в передаче этой радости другим людям, которые при необходимости могут быть вначале созданы и искуплены. В качестве Божьего побудительного мотива выступает Его стремление к смешанной радости, которую Он обретает вследствие того, что люди делятся с Ним той радостью, которая и так Ему принадлежит.

Поэтому становится очевидным, что некорректно ставить вопрос следующим образом: для чего ищет Бог Свое собственное счастье: чтобы осчастливить Свой народ или же чтобы осчастливить Себя? Здесь нет и не должно быть «или-или». И то, и другое представляет собой одно. Божественное «эрос» тем и отличается от человеческого «эроса», что Его «эрос» стремится к тому, чтобы Его народ обрел вечную и святую радость, и радуется, когда он обретает ее.

62. Я бы никогда не использовал слово «зарабатывать» по отношению к тому, что делают христиане для того, чтобы получить удовольствие от вознаграждений любви. Слово «зарабатывать» подразумевает под собой взаимобмен ценностей, обязывающий одну сторону платить за полученное. Но в действительности, все, что христианин «дает» Богу, представляет собой

лишь возвращение Божьего дара. Наше служение совершается «по силе, какую дает Бог» (1 Пет. 4:11). Поэтому Бог фактически Сам «зарабатывает» награду для нас и через нас. Тем не менее это несколько не преуменьшает пользу, которую мы имеем от замечания Льюиса относительно природы награды.

63. C. S. Lewis, *The Weight of Glory and Other Addresses* (Grand Rapids: Eerdmans, 1965), p. 2.

64. Phillips Brooks, *Lectures on Preaching* (Grand Rapids: Baker Book House, 1969, original 1907), pp. 53, 54, 82, 83.

65. См.: Daniel P. Fuller, *Hermeneutics* (Pasadena: Fuller Theological Seminary, 1969), pp. VII-4, 5.

ГЛАВА 5

Писание

Лучинки для разжигания христианского гедонизма

66. Norman Anderson, *God's Word for God's World* (London: Hodder and Stoughton, 1981), p. 25.

67. Эта история подробно излагается в книге: *God's Word for God's World*, pp. 38-41.

68. *Hudson Taylor's Spiritual Secret* (Chicago: Moody Press, n.d., original 1932), p. 235.

69. Цит. по книге: Бейнтон Р. На сем стою... Заокский: Источники жизни, 1996. С. 179.

70. Там же, с. 186.

71. *Autobiography of George Mueller*, compiled by Fred Bergen (London: J. Nisbet Co., 1906), pp. 152-154.

ГЛАВА 6

Молитва

Сила христианского гедонизма

72. *Twelve Sermons on Grayer* (Grand Rapids: Baker Book House, 1971), p. 105.

73. *Twelve Sermons on Prayer*, p. 115.

74. Thomas Traherne, *Centuries, Poems, and Thanksgivings* (London: Oxford University Press, 1958), p. 14.

75. Augustine, *Confessions in Documents of the Christian Church*, Henry Bettenson, ed. (London: Oxford University Press, 1967), p. 54.

76. Quoted from *Letters to Malcolm in A Mind Awake: An Anthology of C. S. Lewis*, ed. Clyde Kilby (New York: Harcourt, Brace and World, 1968), p. 204.

77. C. S. Lewis, *Reflections on the Psalms* (New York: Harcourt, Brace and World, 1958), pp. 82, 83.

78. "Personal Narrative" in C. H. Faust, T. H. Johnson, eds., *Jonathan Edwards* (New York: Hill and Wang, 1962), p. 61.

79. Iain H. Murray, *The Puritan Hope* (Edinburgh: Banner of Truth, 1971), pp. 99-103.

80. Colin Grant, "Europe's Moravians: A Pioneer Missionary Church" in *Perspectives on the World Christian Movement*, Ralph Winter and Steven Hawthorne eds. (Pasadena: William Carey Library, 1981), pp. 206-209.

81. Jonathan Edwards, *An Humble Attempt to Promote Explicit Agreement and Visible Union of God's People in Extraordinary Prayer for the Revival of Religion and the Advancement of Christ's Kingdom on Earth...* in *Apocalyptic Writings*, Stephen Stein ed. (New Haven: Yale University Press, 1977), pp. 309-436.

82. Winter and Hawthorne, *Perspectives on the World Christian Movement*, pp. 210-226.

83. См. особенно: David Bryant, *Concerts of Prayer* (Ventura: Regal Books, 1984) and Dick Eastman, *The Hour that Changes the World* (Grand Rapids: Baker Book House, 1978).

84. J. Edwin Orr, *The Light of the Nations* (Grand Rapids: Eerdmans, 1965), pp. 103-105.

ГЛАВА 7

Деньги

Средствообращения христианского гедонизма

85. T. W. Manson, *The Sayings of Jesus* (London: SCM Press, 1949), p. 280.

86. John Piper, *Love Your Enemies* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979). Pp. 163-165 — здесь я перечисляю примеры этих обетований и угроз и даю их развернутое обсуждение.

87. Эта мысль несколько не противоречит библейскому учению о сохранности избранных Богом и возродившихся людей — учению, которое лучше всего обосновать ссылкой на Рим. 8:30. Однако здесь подразумевается, что в сердце возрожденного человека произошли коренные изменения, благодаря которым то, как мы используем наши деньги, стало очевидным. Иисус раз за разом предостерегал нас от ложной уверенности, не приносящей плодов и в конце концов лишаящей вечной жизни (Мф. 7:15-27; 13:47-50; 22:11-14).

88. James Stewart, *Heralds of God* (Grand Rapids: Baker Book House, 1972), p. 97.

89. Ralph Winter, "Reconsecration to a Wartime, not a Peacetime, Lifestyle", in *Perspectives on the World Christian Movement*, Ralph Winter, and Steven Hawthorne, eds. (Pasadena: William Carey Library, 1981), p. 814.

90. *Ibid.*, p. 815.

ГЛАВА 8

Брак

Формахристианского гедонизма

91. Blaise Pascal, *Pascal's Pensées*, trans. by W. F. Trotter (New York: E. P. Dutton and Co., 1958), p. 113 (thought # 425).

92. Jonathan Edwards, *The Works of Jonathan Edwards*, vol. 2 (Edinburgh: Banner of Truth, 1974), p. 905. Цитата взята из проповеди по Мф. 5:8, которая называется «Блаженные чистые сердцем».

93. E. J. Carnell, *Christian Commitment* (New York: Macmillan, 1957), p. 96.

94. Karl Barth, *The Doctrine of Creation, Church Dogmatics*, vol. III, 4, trans. by A. T. Mackay, et. al. (Edinburgh: T. and T. Clark, 1961), p. 375.

95. Завет, который связывает Христа и Церковь, назван в Послании к Евреям «вечным заветом». «Бог же мира, воздвигший из мертвых Пастыря овец великого Кровию завета вечно-го, Господа нашего Иисуса (Христа)» (Евр. 13:20). Поэтому Божий замысел изначально предполагал связь между Христом и

Церковью. В порядке мироздания он предшествует установлению брака и обуславливает его.

96. Geoffrey Bromiley, *God and Marriage* (Grand Rapids: Eerdmans, 1980), p. 43.

97. N. G. L. Hammond and H. H. Scullard, eds., *The Oxford Classical Dictionary* (Oxford: The Clarendon Press, 1970), p. 59.

98. *The Special Laws*, III, 184, quoted from Loeb Classical Library, vol. 8, p. 591.

99. *Theological Dictionary of the New Testament*, Gerhard Kittel, ed., vol. 3 (Grand Rapids: Eerdmans, 1965), p. 674.

100. Alvera and Berkeley Mickelsen, "Does Male Dominance Tarnish Our Translations?" *Christianity Today*, October 5, 1979, p. 25.

101. Stephen Bedale, "The Meaning of *Kephale* in the Pauline Epistles", *Journal of Theological Studies* 5 (October, 1954), p. 215.

102. См.: Gilbert Bilezekian, *Beyond Sex Roles* (Grand Rapids: Baker Book House, 1985), pp. 157-162. Однако Уэйн Грудем показал, что подобное значение слова «голова», стоящего в единственном числе, было бы невероятным во времена Павла. См. приложение к его книге *Recovering Biblical Manhood and Womanhood* (Wheaton, IL: Crossway Books, 1991), pp. 425-468.

103. Главенство и подчинение не результаты грехопадения, как полагают многие люди. В своей неповрежденной форме они — часть Божьего замысла от самого начала. См.: Raymond C. Ortlund Jr., "Male-Female Equality and Male Headship, Genesis 1—3", in *Recovering Biblical Manhood and Womanhood*, pp. 95—112.

104. В другом месте я, наравне с другими, попытался объяснить то понимание роли мужчины и женщины в семье, которое представлено в этой главе. См.: *Recovering Biblical Manhood and Womanhood*, John Piper and Wayne Grudem, eds.

ГЛАВА 9

Миссии

Боевой клич христианского гедонизма

105. Ralsh Winter, "The Retirement Booby Trap", *Mission Frontiers* 7 (July 1985), p. 25.

106. *Ibid.*, p. 25.

107. *Time* (December 27, 1982), p. 52.

108. *Ibid.*, p. 56.

109. Более глубокое исследование этого утверждения см.: "The Supremacy of Christ as the Conscious Focus of All Saving Faith", in John Piper's *Let the Nations Be Glad: The Supremacy of God in Missions* (Grand Rapids: Baker Book House, 1993), pp. 115-166.

ПО. В 1980 г. Отделение иностранных служителей Национального совета церквей насчитывало 32 миссии с 5 тыс. миссионеров. Ежегодный приход денег составлял 200 млн долларов. В Межконфессиональную ассоциацию иностранных миссий входило 90 межконфессиональных миссионерских советов, имеющих в своем штате приблизительно 10 700 миссионеров. Ежегодный приход денег составлял 150 млн долларов. В Евангелическую ассоциацию иностранных миссий входило 82 миссионерских совета, насчитывающих более 10 тыс. миссионеров. Ежегодный приход денег составлял 350 млн долларов.

В 1970-е гг. количество миссионеров от ОИС (более либеральная группа) сократилось на 3462 человека, тогда как МАИМ и ЕАИМ (более евангельские группы) увеличили количество своих миссионеров на 3785 человек. Ежегодный приход денег в ОИС увеличился на 28 млн долларов (24 процента), тогда как приход денег в МАИМ/ЕАИМ — на 285 млн долларов (293 процента).

Peter Wagner, *On the Crest of the Wave* (Ventura: Regal Books, 1983), pp. 77, 78.

111. Для детального изучения библейских свидетельств в пользу того, что Великое поручение распространяется на все языковые группы, см.: "The Supremacy of Christ as the Conscious Focus of All Saving Faith", in John Piper's *Let the Nations Be Glad: The Supremacy of God in Missions* (Grand Rapids: Baker Book House, 1993), pp. 167-223. В статье (Ralth Winter, "Unreached Peoples: The Development of the Concept", *International Journal of Frontier Missions* 1 [1984], pp. 129-161) можно найти превосходную дискуссию о значении термина «народы, незатронутые проповедью Евангелия», и проблеме подсчета таких народов.

112. Luis Bush, "What Is the Joshua Project 2000?" in *Mission Frontiers*, Vol. 17, No. 11, 12, November-December, 1995, p. 9.

113. Окном 10/40 обозначается прямоугольная территория на карте мира, ограниченная по горизонтали Западной Африкой и Восточной Азией, а по вертикали — зоной между 10-м и 40-м градусами северной широты.

114. Rick Wood, "MF Behind the Scenes", in *Mission Frontiers*, Vol. 17, No. 11, 12, November-December, 1995, p. 5.

115. "When Jesus Said...", *Mission Frontiers*, Vol. 17, No. 11, 12, November-December, 1995, p. 56.

116. Сведения взяты из статьи: Ralth Winter, "The Momentum Is Building in Global Missions: Basic Concepts in Frontier Missiology", *Mission Frontiers*, 1990 Special Edition, pp. 17-26. Уинтер указывает, что сведения предоставлены Дейвидом Барреттом и организацией "The Statistics Task Force of the Lausanne Committee for World Evangelization".

117. Под «неверующими» здесь понимаются люди, не называющие себя христианами. Под «христианами» понимается приблизительное число истинных верующих посреди огромного числа тех, кто считает себя христианами. Дейвид Барретт предложил иной термин для обозначения этой группы верующих — «христиане Великого поручения», т. е. те христиане, которые серьезно относятся к всемирному благовестию.

118. Это число значительно по той причине, что вместо термина «этническая группа», относящегося к предыдущей колонке, используется более узкое определение «группа людей». См. примеч. 112.

119. В качестве допущения предполагается, что общины насчитывают в среднем около 100 человек, преданных делу благовестия.

120. David Bryant, *In the Gap* (Madison: InterVarsity Press, 1981), p. 62.

121. Иан Мюррей в *The Forgotten Spurgeon* (Edinburgh: Banner of Truth, 1973, p. 47) пишет:

Гиперкальвинизм, стремящийся согласовать все с Божьим замыслом спасти избранных, отвергает универсальность заповеди покаяться и верить и утверждает, что мы правомочны призывать к Христу только тех, кто осознал свою греховность и нужду в спасении. Иными

словами, это те люди, кто был духовным образом пробужден, чтобы стремиться к Спасителю, а не те, кто мертв в неверии и безразличии и к кому должен быть обращен евангельский призыв. Была выдумана схема, как ограничить Евангелие только теми, кто, как предлагается, избран. В книге показывается то, как Чарлз Сперджен, баптистский пастор, служивший в Лондоне во второй половине XIX в., совмещал строгие кальвинистские взгляды на Божий суверенитет с мощным и успешным служением, направленным на приобретение душ для Христа. С одной стороны, он сражался с идеями гиперкальвинизма. С другой стороны, он противостоял арминианам, причем делал это достойным подражания образом.

122. См. также: Мф. 10:39 и 16:24-26; Лк. 9:24,25 и 17:33; Ин. 12:25 и Отк. 12:11.

123. Sermon 368, *Migne Patrologia Latina* 39, 1652.

124. Jonathan Edwards, ed., *The Life and Diary of David Brainerd* (Chicago: Moody Press, 1949, original, 1749), p. 149. Под «эгоизмом» я подразумеваю то, что о нем говорит Брайнерд: «плотской эгоизм, лишенный славы Божьей за удовольствие в самом себе». Далее он говорит, что «любовь — это влечение, доставляющее удовольствие; там, где она есть, она приносит наслаждение разуму». Однако удовольствие никогда не должно быть объектом любви. Ее объект — Бог, тогда как сама она доставляет удовольствие. Вот почему иногда, когда мы говорим о поиске удовольствия, возникает некоторая путаница, поскольку кажется, что удовольствие заменяет собой Бога. Однако это не так. Брайнерд говорит, что Божья слава и наше счастье представляют собой один и тот же интерес. Мы ищем наслаждение в Боге, а не вне Его.

125. Cited in Samuel Zwemer, "The Glory of the Impossible" in *Perspectives on the World Christian Movement*, Ralph Winter and Stephen Hawthorne, eds. (Pasadena: William Carey Library, 1981), p. 259.

126. По поводу последнего отрывка Адольф Шлаттер говорит: «Павел не смотрел на себя как на христианина, находящегося в изоляции и отстраненного от своего служения Иисусу Христу, словно бы то, как он совершал свое служение, не имело никакого значения по отношению к его спасению. Поскольку именно Господь поставил его на это служение, Павел остается в союзе с Ним только в том случае, если верно исполняет

порученное ему служение. Евангелие не будет иметь ценности в его жизни, если он оставит свое служение. Вот что делает любовь Павла такой искренней. Он отдает себя всем людям, чтобы приобрести их для Христа. Однако он далек от предположения, что только другие люди находятся в опасности и нуждаются в спасении. Вопрос спасения сохраняет свою актуальность как для них, так и для него. Он принимает страдания для того, чтобы, спасая других, спасти и себя самого». *Die Korintherbriefe*, vol. 6, *Erlaeuterungen zum Neuen Testament* (Stuttgart: Calwer Verlag, 1974), p. 118.

127. Colin Grant, "Europe's Moravians: A Pioneer Missionary Church" in *Perspectives on the World Christian Movement*, p. 206.

128. Andrew Murray, *Key to the Missionary Problem* (Fort Washington: Christian Literature Crusade, 1979, original 1905), p. 127.

129. Cited in Ruth Tucker, *From Jerusalem to Irian Jaya* (Grand Rapids: Zondervan, 1983), p. 237. Шарлотта Диггс (Лотти) Мун родилась в 1840 г. в Вирджинии. Она отправилась в Китай в качестве миссионерки в 1873 г. Она известна не только тем, что была миссионером-первопроходцем в Китае, но и тем, что мобилизовала на миссионерскую работу женщин из церквей южных баптистов.

130. Cited in *From Jerusalem to Irian Jaya*, p. 239.

131. E. G. Carre, *Praying Hyde* (South Plainfield: Bridge Publishing Co., n.d.), p. 66.

132. Cited in *From Jerusalem to Irian Jaya*, p. 277.

133. Daniel Fuller, *Gospel and Law: Contrast or Continuum?* (Grand Rapids: Eerdmans, 1980), pp. 117-119.

134. From a letter to Father Perez in Francis M. DuBose, ed., *Classics of Christian Missions* (Nashville: Broadman Press, 1979), pp. 221 ff.

135. Mary Drewery, *William Carey, A Biography* (Grand Rapids: Zondervan, 1978), p. 157.

136. Dr. and Mrs. Howard Taylor, *Hudson Taylor's Spiritual Secret* (Chicago: Moody Press, n.d., original 1932), p. 209. Однажды он ответил на хвалу своего почитателя следующим образом: «Я час-тенъко задумываюсь о том, что Бог, должно быть, искал для Себя Самого незначительного и слабого человека, и Его выбор пал на меня» (pp. 2010- Его сын замечает, что Хадсон Тейлор

ни в чем не противоречил Эндрю Мюррею, который писал: «Уделите время тому, чтобы читать Слово Бога так, словно вы находитесь в Его присутствии, и благодаря этому вы узнаете, о чем Он спрашивает вас и что обещает. Пусть Слово произведет на вас неизгладимое впечатление, создавая в вас ощущение небесной реальности, в которой ваша душа очистится и укрепится для повседневной работы» (р. 236).

137. Jeremiah Burroughs, *The Rare Jewel of Christian Contentment* (Edinburgh: Banner of Truth, 1964, original 1648), p. 83.

138. Elisabeth Elliot, *Shadow of the Almighty: The Life and Testament of Jim Elliot* (New York: Harper and Brothers, 1958), p. 19.

ГЛАВА 10

Страдание

Жертвоприношение христианского гедонизма

139. Richard Wurmbrand, *Reaching toward the Heights* (Bartlesville, OK: Living Sacrifice Books, 1992), back cover.

140. Quoted by Philip Yancey in "Frozen Fire", *Christianity Today*, October 5, 1984, p. 109.

141. Marvin Vincent, I. C. C., *Epistle to the Philippians and to Philemon* (Edinburgh: T. & T. Clark. 1897), p. 78.

142. Joseph Tson, "A Theology of Martyrdom", P. O. Box 527, Wheaton, IL, 60189-057, p. 4.

143. Stephen Neil, *A History of Christian Missions* (Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books Ltd., 1964), pp. 43, 44.

144. Quoted in "The Martyrdom of Polycarp", in *Documents of the Christian Church*, Henry Bettenson, ed. (London: Oxford University Press, 1967), p. 10.

145. Ibid., pp. 9, 10.

146. Ibid., p. 11.

147. Ibid., p. 12.

148. George Otis, Jr., *The Last of the Giants: Lifting the Veil on Islam and the End Times* (Grand Rapids: Chosen Books, 1991), pp. 261, 263.

149. Quoted in Joseph Tson, "A Theology of Martyrdom", p. 1.

150. См., напр.: John Piper's *Let the Nations Be Glad: The Supremacy of God in Missions* (Grand Rapids: The Baker Book House, 1993), pp. 94-96. См. ПОЧТИ все книги Ричарда Вурмбранда, напр.: Richard Wurmbrand, *Tortured for Christ, or If That Were Christ, Would You Give Him Your Blanket?* or *Victorious Faith*. Полезны и другие книги, напр.: *Called to Suffer, Called to Triumph* by Herbert Schlossberg, and *God Reigns in China* by Leslie Lyall.

151. Joseph Tson, "A Theology of Martyrdom", p. 2.

152. Ibid., p. 3.

153. Richard Wurmbrand, "Preparing for the Underground Church", in *Epiphany Journal*, Vol. 5, No. 4, Summer, 1985, p. 50.

154. Brother Andrew, "God's Smuggler Confesses". Интервью с Майклом Модлином в *Christianity Today*, December 11, 1995, p. 46.

ЭПИЛОГ

Почему я написал эту книгу?

155. Karl Barth, *Church Dogmatics*, III, 4 (Edinburgh: T. and T. Clark, 1961), pp. 379, 380.

156. C S. Lewis, *A Mind Awake: An Anthology of C S. Lewis*, ed. Clyde Kilby (New York: Harcourt Brace and World, 1968), p. 22.

157. Ibid., p. 25.

158. Ibid., p. 22, 23.

159. George Bush, *Notes on Exodus*, vol. 2 (Minneapolis: James and Klock, 1976, original 1852), p. 225.

160. Henry Alford, *The Greek New Testament*, vol. 2 (Chicago: Moody Press, 1958, orig. 1873), p. 403.

161. *The Treatise Concerning the Religious Affections*, in *The Works of Jonathan Edwards* (Edinburgh: Banner of Truth Trust, 1974), p. 236. См. дискуссию о значении слова «чувство» в гл. 3, примеч. 41.

162. John Murray, *Principles of Conduct* (Grand Rapids: Eerdmans, 1957), pp. 38, 39.

163. Howard and Geraldine Taylor, *Hudson Taylor's Spiritual Secret* (Chicago: Moody Press, n.d., original 1932), p. 30.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Божий замысел в истории искупления

164. Для лучшего понимания Божьей праведности см.: John Piper's *The Justification of God*, 2d ed. (Grand Rapids: Baker Book House, 1993).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Можно ли назвать Библию надежным проводником к вечной радости?

165. См., напр.: В. В. Warfield, *The Inspiration and Authority of the Bible* (London: Marshall Morgan and Scott, 1959); F. F. Bruce, *The New Testament Documents: Are They Reliable?* (Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1943); J. Norval Geldenhuys, *Supreme Authority* (Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1953); J. I. Packer, *Fundamentalism and the Word of God* (London: InterVarsity Press, 1958); Edward J. Young, *Thy Word Is Truth* (Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1957); J. B. Phillips, *The Ring of Truth* (New York: The Macmillan Co., 1967); John W. Wenham, *Christ and the Bible* (London: Tyndale Press, 1972); James Boice, ed., *The Foundation of Biblical Authority* (Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 1978); D. A. Carson and John D. Woodbridge, *Scripture and Truth* (Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 1983).

166. Апокрифы — это собрание древних книг, написанных в период между Ветхим и Новым Заветами. Они включены в католическое издание Ветхого Завета, однако протестанты в целом отрицают их авторитет и потому не включают в канон Писания. *The Oxford Annotated Apocrypha of the Old Testament*, ed. Bruce Metzger (New York: Oxford University Press, 1965).

167. Norman Anderson, *God's Word for God's World* (London: Hodder and Stoughton, 1981), p. 112. Еврейская Библия включает в себя все признаваемые протестантами книги Ветхого Завета. Однако расположены они иначе, чем в нашей Библии.

168. Для исследования этого вопроса я рекомендую книгу: Daniel Fuller, *Easter Faith and History* (Grand Rapids: Eerdmans, 1965) and John W. Wenham, *Christ and the Bible* (London: Tyndale, 1972).

169. Переведя Евангелия на «живой и современный английский язык», Дж. Филипс написал: «Вне всякого сомнения, близкий контакт с текстами Евангелий создает в сердце и разуме фигуру впечатляющего роста и качества. Я читал десятки латинских и греческих мифов, но в Евангелиях не обнаружил и тени мифа. В них нет ни истерии, ни искусственно созданного эффекта, ни попыток к сговору. Они лишены приукрашенных басен: количество материала сведено до минимума. Вновь и вновь возникает чувство, что привитая нам лаконичность в отношении Библии указывает скорее на ее „британское" происхождение, нежели на восточное. Ей характерна почти детская открытость и простота, а ее воздействие на умы людей превышает все мыслимые и немыслимые границы. Никто из людей не смог бы выдумать такую личность, как Иисус Христос. И никто не смог бы записать такие серые и уязвимые для критики события, если бы за ними не стояли реальные факты». J. B. Phillips, *The Ring of Truth* (London: Hodder and Stoughton, 1967), pp. 57, 58.

170. *The Baptist Catechism*, commonly called *Keach's Catechism*, revised and edited by Paul Jewett (Grand Rapids: Baker Book House, 1952), p. 16.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Что значит «возлюбить ближнего своего, как самого себя»?

171. Часть этого приложения взята в сокращенном виде из статьи, которая впервые появилась в *Christianity Today* (August 12, 1977), pp. 6-9.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Почему христианский гедонизм?

172. J. C. Ryle, *Holiness* (Grand Rapids: Baker Book House, 1979, original 1883), p. xxix.

173. *The Encyclopedia of Philosophy*, 1967 ed. s.v. "Hedonism", vol. 3, p. 433.

174. C. S. Lewis, *Letters to Malcolm: Chiefly on Prayer* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1963), p. 90.

175. V. Eller, *The Simple Life* (Grand Rapids: Eerdmans, 1973), p. 12.

176. Ibid, p. 12.

177. Ibid, p. 109.

178. Ibid, p. 121, 122.

179. C. H. Pinnock, *Reason Enough* (Downers Grove: InterVarsity Press, 1980), p. 54.

180. Quoted in C. S. Lewis, *George MacDonald: An Anthology* (London: Geoffrey Bles: The Centenary Press: 1946), p. 19.

Оглавление

Предисловие	3
Введение. Как я стал христианским гедонистом	11
Глава 1. Божье счастье.	25
Глава 2. Обращение.	51
Глава 3. Поклонение.	77
Глава 4. Любовь.	113
Глава 5. Писание.	151
Глава 6. Молитва	169
Глава 7. Деньги.	199
Глава 8. Брак	223
Глава 9. Миссии.	245
Глава 10. Страдание.	279
Эпилог. Почему я написал эту книгу?	319
Приложения.	339
Приложение 1. Божий замысел в истории искупления	341
Приложение 2. Можно ли назвать Библию надежным проводником к вечной радости?	355
Приложение 3. Что значит «возлюбить ближнего своего, как самого себя»?	370
Приложение 4. Почему христианский гедонизм?	385
Примечания.	390